

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

С. М. ХАЛИН

**ПОЗНАНИЕ И МЕТАПОЗНАНИЕ:
ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА**

Монография

Тюмень
Издательство
Тюменского государственного университета
2018

УДК 165
ББК 87.21
X172

Автор:

С. М. Халин — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Рецензенты:

М. Н. Щербинин — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета

Н. И. Губанов — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Тюменского государственного медицинского университета

Халин, С. М.

X172 Познание и метапознание: проблема типологического единства : монография / С. М. Халин ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-400-01511-3

В монографии анализируются важные для теории познания понятия — «тип познания», «способ познания», «предметный базис» и «метапознавательная надстройка», «познавательная культура», «познавательные ценности», «революции в познавательной культуре» и др. Автор высказывает мнение по ряду дискуссионных вопросов современной теории познания, логики и методологии науки.

Адресована преподавателям, научным работникам, студентам и всем, кто интересуется вопросами возникновения и развития познания.

УДК 165
ББК 87.21

ISBN 978-5-400-01511-3

© Тюменский государственный университет, 2018
© Халин С. М., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ: О СПЕЦИФИКЕ МЕТАПОЗНАНИЯ	5
1.1. Познание как объект изучения.....	6
1.2. Метапознание и эталон научности	15
1.3. Философские предпосылки метапознания (философская составляющая метапознания)	21
1.4. Познание и метапознание как процесс	38
2. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗНАНИЯ	45
2.1. Развитие познания как объективный процесс	47
2.1.1. Объективность объекта познания и объективность самого познания	47
2.1.2. Тип познания: генезис и трактовка	63
2.1.3. Тип познания: содержание и структура	74
2.1.4. Ведущая детерминанта развития познания	97
2.1.5. Логика познания и реальный процесс познания: соотношение исторического и логического в познании	104
2.2. Познание как результат деятельности	119
2.2.1. Постановка вопроса.....	119
2.2.2. Сведение индивидуального в познании к общему	123
2.2.3. Механизм действия законов познания. Объективная детерминация познавательной деятельности и роль субъекта в познании	131
2.2.4. Движущие силы процесса познания	146
2.2.5. Детерминизм и свобода в познании. Научная (познавательная) революция как изменение характера познавательной деятельности	161
2.3. Процесс познания как становление новых типов познавательной деятельности.....	174

2.3.1. Место проблемы в метапознании.....	174
2.3.2. Исторические типы познавательной деятельности и индивидуальность исследователя (ученого).....	176
2.3.3. Переход от общего к индивидуальному в познании. Деятельность исследователя и механизмы ее детерминации	183
2.3.4. Образ (научной) познавательной деятельности как проявление общего в познании в индивидуальной исследовательской деятельности.....	196
3. МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИИ ПОЗНАНИЯ: МЕТАПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	202
3.1. Познание и его всеобщий объект (действительность)	203
3.1.1. Этапы взаимодействия познания и его всеобщего объекта — объективной реальности	205
3.1.2. Объективные предпосылки многообразия познания	212
3.2. Познание и познавательная (научная) культура	217
3.2.1. Метапознавательное значение проблемы познавательной (научной) культуры	217
3.2.2. Познавательная (научная) культура как категория метапознания.....	218
3.2.3. Единство познания и многообразии познавательных культур.....	235
3.2.4. Революции в познавательной культуре	243
3.3. Единство и многообразие процесса познания.....	250
3.3.1. Единство процесса познания	252
3.3.2. Многообразие процесса познания.....	257
3.3.3. Значение диалектики единства и многообразия для развития метапознания	265
ПРИМЕРНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ПОДНЯТОМУ КРУГУ ВОПРОСОВ.....	268
ПРИЛОЖЕНИЯ	328
1. Обзор примерной библиографии по поднятому кругу вопросов	328
2. План-схема обзора примерной библиографии.....	346

1

ВВЕДЕНИЕ: О СПЕЦИФИКЕ МЕТАПОЗНАНИЯ

Попытки разобраться в сути и смысле познания, научного познания предпринимались часто, но до недавнего времени во многом безуспешно. Объясняется это не только неразвитостью познания в целом и многих его сторон, частей, элементов, а также ограниченностью субъектов самого познания познания (в дальнейшем будем именовать его **метапознанием**), но трудностями систематического и всестороннего исследования познания как специфического объекта. И хотя трудности познания познания (метапознания) не осознавались с самого начала и в полной мере исследователями, тем не менее они не могли не влиять на направленность метапознавательного поиска. Вряд ли можно осмыслить пути становления научного метапознания, метапознания как сферы научных исследований, особенно его теоретического уровня, не разобравшись в обусловленной этими трудностями метапознавательной проблемной ситуации.

Говорить сегодня можно только языком современной научной методологии познания, в которой закреплены результаты всего предшествующего изучения познания в рамках различных исторических подходов. Анатомия развитого метапознания должна дать ключ к его истории. В метапознании по-особому стоит проблема обоснования возможности научного подхода.

1.1. ПОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ

История познания — результат взаимодействия различных субъектов познавательной деятельности с действительностью, как основным, всеобщим объектом и предметом, и друг с другом. В познании, поскольку его развитие и функционирование есть результат деятельности познающих людей, в предмет необходимо включать их сознание, волю, познавательные и иные интересы и т. д., которыми побуждается познавательная активность.

В познании первостепенное значение имеет то, что многие его средства и результаты обладают идеальным существованием. Это обстоятельство для познания имеет решающее значение, в отличие от многих других социальных процессов, в которых ведущую роль играют материально-вещественные начала.

Особая трудность метапознания заключается в том, можно ли вообще применительно к нему говорить об объективных законах его становления, развития и функционирования.

Реальная история познания, включая его метапознавательную составляющую, — это история многочисленных конкретных областей, субъектов этих областей, средств и результатов познавательной активности человека: знаний, приемов, инструментария и т. д.

История познания многообразна¹. Внутреннего единства в этом многообразии познания можно и не наблюдать, если можно говорить о наблюдаемости применительно к познанию. Но без выявления такого единства не может быть научного подхода. Ибо такой подход с необходимостью опирается на познание объективных закономерностей объекта и самого познания.

Реальное, конкретное познание не только многообразно, но и индивидуализировано. История его отдельных компонентов уникальна.

---

¹ Некоторое представление о многообразии познания и структуре самого метапознания, как особого третьего, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, рода познания можно получить, обратившись к примерной библиографии по поднятому кругу вопросов, к обзору примерной библиографии (прил. 1), а также к плану-схеме обзора библиографии (прил. 2).

События, происходящие в любой сфере познания, нигде и никогда больше в точности не повторяются. Хотя бывает, что открытие одного и того же явления или закона происходит сразу несколькими исследователями и в разных местах. Это же можно сказать о случаях конгенитальности, когда имеет место переоткрытие чего-либо, создание того, что до этого уже создано, возможно, даже уже давно. Некие случаи «открытия велосипедов». Возможна ли в таком случае наука о познании (наука о науке) вообще?

Огромное множество познающих индивидов, а это касается каждого человека, осуществляют познавательную активность. Из их познавательных усилий и складывается единое познание. Состав субъектов познания в широком смысле, т. е. включая всех людей, постоянно изменяется. Изменяются и условия познания.

Постоянные изменения ставят перед метапознанием не только проблему выявления устойчивых состояний познания и выработки критериев их выделения, но и проблему выявления связей и преемственности состояний, периодов, этапов в эволюции познания. Непосредственно методологу, исследователю процесс познания предстает как хаос сменяющихся и на первый взгляд не связанных между собой областей и сфер, субъектов познания. Только с некоторых пор он предстает как локализованная история областей и сфер познания.

Метапознание встречается с такой трудностью, которая обусловлена особенностями отношения к познанию субъектов метапознания.

Изучение познания осуществляется заинтересованными субъектами. Оно связано как с исследованием познания вообще, так и с изучением той или иной области в частности. В пределе — познающий человек является одновременно и субъектом метапознания, поскольку с необходимостью на том или ином уровне осознанности должен принимать в расчет условия своей познавательной активности. Поэтому в ходе исследования познания нужно принимать в расчет положение субъекта познания в существующей системе познания, в том числе положение исследователей познания.

Познание осуществляется на основе и в рамках единого практически-деятельностного отношения человека к миру. В том числе в лице специально обученных, подготовленных людей, исследователей-экспериментаторов, исследователей-теоретиков, ученых.

Исследователь изучает мир, свой предмет в нем в рамках определенной системы познания, объединяемых с помощью наличных методологических форм, находясь в сложившихся познавательных отношениях. Эти формы и отношения нужно четко отличать от соответствующих содержательно-предметных форм и отношений. В том числе применительно к самому метапознанию. В последнем нужно выделять свой особый метауровень — мета-метапознавательный уровень. В реальном познании многое объясняется именно соотношением его предметного уровня и метауровней.

Возможно как совпадение результатов познания, метапознания и соответствующих метапознавательных форм и отношений, так и несовпадение, даже конфликт между ними. Точнее, между исследователями, носителями этих форм и отношений. Например, между представителями различных направлений, школ, сторонниками различных точек зрения.

Анализ противоречий, несовпадений результатов познания и господствующих в познании на данном этапе метапознавательных, методологических принципов, установок показывает, что в их основе лежит не непосредственное содержание результатов познания, а противоречия и несовпадения между вытекающими из них теоретическими выводами, методологическими, метапознавательными установками соответствующей исторически конкретной системы познания.

Содержание полученных знаний всегда объективно. Но оно не безразлично к метапознавательным интересам, познавательным ценностям и ценностям субъектов познания вообще. К их представлениям о познании, к их метапознавательным установкам.

В сфере гносеологических интересов, ценностей, установок субъектов познания следует различать две стороны:

1. Предметную сторону, направленную на то, чтобы получить знания непосредственно о предмете исследования. Естественно, включая его внутреннюю, сущностную сторону, скрытую от прямого усмотрения.
2. Метапредметную сторону, связанную с получением знаний о ходе самого исследования. Что, в свою очередь, может подтверждать

уже существующие на начало исследования метапознавательные формы, отношения, установки и т. п.

Исследователи, субъекты познания лучше осознают то, о чем речь идет в пункте 1, т. е. свой непосредственный предметный интерес, установку. Гораздо слабее они осознают метапознавательные, методологические, причем не менее объективные установки, познавательные интересы, ценности. Нередко эта сторона практически вообще не осознается.

Однако метапознавательные моменты, даже если они не осознаются, объективно присутствуют в деятельности исследователя, субъекта того или иного вида познавательной активности. Крупным, выдающимся ученым характерно развитое понимание как предметных, так метапредметных, метапознавательных установок, интересов, их направленности и взаимной дополнительности.

Такие представители, например, физического познания, как И. Ньютон, А. Эйнштейн, Н. Бор, немало внимания уделяли разработке своих методологических, метапознавательных подходов, вплотную поднимаясь до фундаментальных философских проблем бытия и познания¹.

Можно, однако, из сферы того же физического познания привести довольно показательные примеры, как приверженность к наличным метапознавательным формам, наоборот, мешает увидеть принципиально новое, даже вытекающее из их собственных результатов.

Известный ученый-физик Лоренц, который сформулировал знаменитые уравнения преобразования и который пытался интерпретировать их в понятиях классической ньютоновой физики, до конца жизни остался на своих позициях. Напротив, А. Эйнштейн, по-новому осознавший метапознавательные, логико-методологические признаки проблемы принципа относительности, дал этим уравнениям совершенно иную интерпретацию. Метапознавательные установки А. Эйнштейна были направлены

---

¹ См. источники из разделов 1.6 и 19.8 обзора примерной библиографии (прил. 1).

на изменение ставшего традиционным, устаревшего ньютоновского понимания физической реальности.

Но, как вскоре выяснилось из знаменитого спора А. Эйнштейна и Н. Бора, Эйнштейн все же предпочел сгладить противоречие им же предложенных метапознавательных положений, установок. Если угодно, метафизических — в смысле относящихся к метапознавательному уровню физики установок и установок старой физики. Бор пошел дальше.

Еще один пример сознательной установки на сохранение старых метапознавательных (метафизических) подходов в физике, относящийся примерно к тому же периоду ее развития, демонстрирует случай с известным ученым Дж. Томсоном, лордом Кельвином. Томсон заявил начинающему исследователю, что физика как теория практически завершена. Что на горизонте физики остались только два небольших облачка — некоторые неясности, связанные с явлением радиоактивности и результатами опыта Майкельсона-Морли по поводу скорости света.

Метапознавательные элементы имеют своеобразие по сравнению с предметными элементами. Это своеобразие ведет к тому, что результаты познания — знания, методы, приборы и т. д. — так или иначе тесно связываются с метапознавательными установками исследователей. Из этого вытекает необходимость развития метапознавательного аспекта познания как относительно автономного, самостоятельного, предполагающего такой же объективный подход, как и предметный уровень познания, связанный напрямую с основным объектом познания — природой и обществом, человеком как таковым.

Объективное, научное метапознание начинает систематически формироваться тогда, когда появляется соответствующая категория исследователей, заинтересованных в объективном изучении познания. Это профессиональные методологи из числа философов — профессиональные представители особой сферы познания, даже особого рода познания, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, — метапознания.

О метапознании до сих пор, к сожалению, не принято говорить, как о чем-то уже сформировавшемся, принявшем некий вид самостоя-

тельного, цельного, системного качества¹. Скорее наоборот, применительно к сфере исследований самого познания явно недостает установки на цельность ее понимания и освещения. На преодоление этого обстоятельства как раз и направлен основной пафос настоящей работы.

В монографии ставится задача дать всестороннюю характеристику сферы метапознавательных исследований, как особой автономной сферы, особого рода познания. Со своими эмпирическим, теоретическим, а также метатеоретическим уровнями². Особое внимание уделено рассмотрению наиболее общих признаков метапознания.

Наше исследование имеет мета-метапознавательный характер, что делает его исследованием, которое проводится в рамках философской, теоретико-познавательной проблематики. Свою концепцию метапознания мы рассматриваем как новое направление в рамках теории познания. А именно теории познания философии диалектического материализма.

Метапознавательная часть познания на каждом историческом этапе, в каждом историческом типе познания³ включает в себя различные направления. Метапознанию присущ плюрализм точек

---

¹ О степени низкой заинтересованности исследователей в разработке вопроса о метапознании как особом роде познания, сравнимом по статусу с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, можно судить по небольшому количеству источников, указанных в разделе 2.18 обзора примерной библиографии. За исключением авторских работ, обозначенных аббревиатурой САП, например, [САП-21], что указывает на то, что эта работа стоит на 21-м месте в списке авторских публикаций (сокращенно САП), помещенном после основного списка — примерной библиографии по поднятому кругу вопросов. Для источников из примерной библиографии используется традиционный цифровой шифр, например, [824], обозначающий нашу монографию о научном описании, как о двух обязательных этапах во всяком исследовании — элементарном, составном, составном сложном и т. д.

² См. Обзор примерной библиографии (прил. 1).

³ Более подробно о категории «тип познания» и исторических типах познания, так как они не были еще достаточно разработаны при написании 1-го издания данной монографии, см. работу [822, с. 23–72].

зрения на познание, как в целом, так и на его отдельные составляющие.

Важно подчеркнуть то обстоятельство, что, если предметную истину, т. е. истину, связанную с природой или реальным обществом, могут открыть (и открывают) исследователи, стоящие на различных, порой диаметрально противоположных метапознавательных позициях, то метапознавательную истину, связанную с природой самого познания, познать могут далеко не все исследователи. Это происходит в силу объективных противоречий между их метапознавательными подходами, трактовками природы познания, сознания и т. п., т. е. в силу действия объективных закономерностей.

Метапознавательная истина, как и предметная, безразлична к субъектам познания, их текущим интересам и целям. А вот субъекты познания и метапознания могут быть очень предвзятыми по отношению к метапознанию и знанию о познании — метазнанию.

Если обратиться к современному метапознанию, то оно, как все современное познание в целом, формируется в период становления познания, познавательных отношений, взаимодействий и связей, ориентированных на опытное, экспериментальное, фактологическое основание. Это связано с периодом эпохи Возрождения, Нового времени, Просвещения. В это время впервые за многие века, начиная с работ Аристотеля, происходит активный возврат к методологической, метапознавательной составляющей познания.

Возникает необходимость разработки методологических, метапознавательных основ науки, науки в собственном смысле слова. О чем будет сказано ниже.

С этого времени стали накапливаться и оформляться в самостоятельные области познания: 1) исследования средств познания; 2) исследования особенностей различных областей естествознания и естествознания в целом; 3) наконец, медленно, а затем все быстрее — исследования различных областей социального познания и социального познания в целом.

Поначалу такие исследования осуществлялись автономно, независимо друг от друга. Но постепенно они стали сближаться. Сначала исследования первого и второго типов, исследования второго и третьего типов, а затем первого и третьего типов.

Изучение средств познания проводится на материале как естественно-научного, так и социального познания. Исследования естествознания и социального познания во многом представляли изучение средств познания, специфических для данных видов (родов) познания. При этом в силу специфики каждой из этих сфер есть основание рассматривать их как базовые координаты для современного метапознания.

Вернемся к вопросу о соотношении общей логики развития познания и метапознания.

Познание, как естественный, естественно-исторический процесс, разворачивается в пространстве и во времени. Это может показаться упрощающим обстоятельством для решения задач метапознания. На самом деле это не так. Тем более, если учесть то, что метапознание должно не только изучать реальное познание, но и прогнозировать его будущее.

До тех пор, пока метапознание не накопит достаточное количество эмпирических данных для теоретического обобщения — метапознавательных фактов, оно, если не желает выродиться в нечто умозрительно произвольное, не может приступить к построению серьезных моделей будущих состояний познания.

Не означает ли последнее обстоятельство то, что теоретическое метапознание вынуждено постоянно отставать от накопления практического опыта исследователей, а деятельность исследователей не может стать объектом прогнозирования?

Анализируя познавательную реальность, открывая на основе эмпирического познавательного материала закономерности, метапознание способно предвидеть тенденции развития познания.

Можно и нужно говорить о таких уровнях метапознания, как эмпирический и теоретический. Подобно тому, как это имеет место в областях предметного познания — познания природы и общества.

Очень важно разобраться с тем, что представляет собой теоретический уровень метапознания. На этом уровне формируются предсказания относительно будущих состояний познания, различных его областей, включая само метапознание и составляющие его области.

В качестве теоретических метапознавательных разработок можно привести примеры обоснования того, почему на стадии первоначального развития опытного естествознания доминирует метафизическая,

механистическая методология, а не диалектическая, даже в стихийном варианте. На основе анализа современного познания можно предвидеть дальнейшее расширение применения системной методологии, превращающейся в последовательный диалектический подход¹.

Можно говорить о возрождении традиций гегелевской философии в ее истинном содержании. Наблюдается тенденция к ослаблению интереса к аналитической традиции, основывающейся на философии И. Канта.

Обобщая опыт деятельности исследователей в различных областях познания, включая эмпирическое метапознание, теоретическое метапознание делает общие выводы. Тем самым оно обеспечивает исследователей средствами сознательного и целенаправленного освоения опыта. Для этого метапознание должно обрести качество целостной системы, адекватной состоянию реального познания. Что станет общеметодологической предпосылкой дальнейшего развития познания в целом.

В настоящее время требуется ускоренное развитие всей совокупности эмпирических и теоретических исследований, которые должны консолидироваться в рамках трех выделенных выше основных подсистем метапознания. Эти исследования должны быть обращены к реальному прошлому, настоящему и возможному будущему познания. Они не будут абстрагироваться от деятельности реальных исторических и ныне действующих исследователей, субъектов всех видов познания. Причем делаться все должно с учетом особенностей этапов, стадий, типов познания.

Отличие метапознавательных исследований от разработок в рамках трех ранее выделенных областей состоит в том, что их эмпирической базой является непосредственное изучение процессов познавательной деятельности живых исследователей, актуально действующих субъектов познания.

Законы познания должны постоянно рассматриваться в неразрывной связи с формой их реализации, реальным действием законов в конкретной исследовательской деятельности.

---

¹ О системном подходе к познанию см. источники из разделов 3.1–3.5 обзора примерной библиографии (прил. 1).

1.2. МЕТАПОЗНАНИЕ И ЭТАЛОН НАУЧНОСТИ

В предмете метапознания — познании — даны субъекты всех видов познания, как научного, так и ненаучного. Это порождает ориентированную на субъекты тенденцию в объяснении познания, нередко проявлявшуюся в виде откровенно идеалистических и даже субъективно-идеалистических трактовках познания.

Объективный подход к познанию, как и ко всему, что связано с деятельностью человека, его активностью, его разумной природой, наличием сознания, пробивает себе дорогу очень медленно, но неуклонно. Это выражалось и выражается в поисках критериев действительного, или, как говорят, истинного познания. Это стало в итоге доминантой современных исследований, последовательно ориентированных на объективное изучение познания. Пусть даже поначалу в виде гегелевской абсолютной идеи, или так называемого «третьего мира» К. Поппера, в котором существуют — объективно — истины познания.

Что касается теории, логики и методологии познания философии диалектического материализма, то они с самого начала были ориентированы на объективно-материалистическое истолкование сознания и познания, с учетом всей значимости духовного, идеального, субъективного начала.

Вопрос об объективности, тем более о научной объективности познания, решался и решается по-разному на различных этапах развития познания. Для каждого этапа, а мы добавляем к ним еще и такие понятия, как «тип познания», «способ познания», «исторический тип познания», характерен свой идеал познания. С появлением науки — идеал научности познания. Характерен свой способ оправданности и оправдания познания, своего рода «теодицея познания». Начиная с разграничения таких вещей, как мнение и теория древних греков, и кончая современными развитыми теориями познания¹.

---

¹ Рассматривая исторические особенности развития познания вообще, научного, в частности, идеалы, ценности и нормы научного исследования, а также философии, можно ориентироваться на источники, указанные в разделах 1.1–1.8, 5.8, 17.3 обзора примерной библиографии (прил. 1).

В античности, в натурфилософском типе познания метапознание еще не сформировалось, не стало метапознавательной надстройкой данного типа. Не выделилось из единого комплекса античной науки, именуемой философией. Разве что в трудах Демокрита и Аристотеля, да отчасти у Платона.

Античная философия, будучи первым примером формирования специфической, уже рациональной сферы и соответствующих субъектов познания, во многом уже субъектов познавательной деятельности, начинает активно преодолевать мифологический антропоморфизм, религиозно-практический характер деятельности людей как единственной формы духовного и духовно-практического освоения мира.

Средние века характеризовались наглядно-образным сближением сферы рационально-философского и религиозно-практического способов освоения мира. Это происходило во многом в ущерб нормальному развитию рационального, в перспективе — научного познания.

Польза этого сближения способов освоения действительности заключалась в том, что в это время происходило видоизменение духовно-практических форм деятельности в рамках господства религиозной, т. е. мифологической в своей основе традиции. В этой единой сфере схоластически-философского и духовно-религиозного освоения мира господствовала идея разделения мира на земной и небесный. Именно к Богу, как высшему принципу и началу всего сущего, сводилось все в сфере познания. Идеалом «научности» считалась схоластическая ученость.

Следует отметить, что схоласты немало сделали в отношении формирования ряда принципов рациональной мыслительной деятельности. Высокой была, например, формально-логическая культура написания теологических трактатов и проведения теологических диспутов. Эта культура приносила в труды схоластов рациональное зерно. Труды Н. Кузанского говорят о том, что не чужда средневековым религиозным мыслителям была античная диалектическая традиция.

На примере канонических форм написания схоластических трактатов складывалась структура рациональной деятельности осново-

положников научного познания, естествознания Нового времени. Схоластические, формальные в своей основе принципы духовной деятельности послужили той формой, которая стала наполняться действительным предметным содержанием. Это оказалось прямым предшественником дальнейшего развития познавательной способности человека Западного мира.

Коренной содержательный переворот, революцию в сфере познания, как рационального освоения действительности, приведшую к формированию современного научного познания, современной науки, произошел благодаря работам Н. Коперника, Л. да Винчи, Г. Галилея и других их современников¹.

Эталон научности стал задаваться не столько теологизированной философией, сколько новой, секуляризированной философией в лице Ф. Бэкона и Р. Декарта, и математикой, вступившими в непосредственную связь с опытным подходом к действительности, т. е. зарождающимся систематическим естествознанием.

Метапознание, в лице Бэкона и Декарта, а также Спинозы, Гоббса, Локка, Лейбница, великого И. Ньютона и других, и здесь еще не выделяется из философии. Оно было подчинено идеалу ранней научности, задаваемому математикой, логикой, чуть позднее стандартам первой естественно-научной теории — механике Ньютона.

Метапознание этого периода носит, как и многие другие области будущих наук, откровенно натурфилософский характер. Но уже в ином, нежели применительно к первым античным мыслителям-философам, смысле слова. А именно, в смысле теоретического познания, в котором еще синкретично слиты конкретно-научные, философские, предельно обобщающие подходы и предметно-познавательные и метапознавательные аспекты познания.

Отмеченные обстоятельства характеризуют период становления научного познания, как очень сложный для метапознавательного изучения. Но этот период является принципиально важным объектом такого анализа.

---

¹ См. работы по истории античной и средневековой философии, а также философии Возрождения и Нового времени в разделе 1.5 обзора примерной литературы.

Новый толчок развитию философии и метапознанию в его теоретической части дала немецкая классическая философия в лице Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля. Именно заложенная Кантом традиция осмысления человеческого сознания, познания, науки определила метапознавательные подходы XIX и XX вв.

В отличие от Канта, гегелевский подход, если не считать философии диалектического материализма, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, не получил достойного развития. Тем более всеобщего признания, которого он вполне заслуживает. Ренессанс гегелевской диалектики, философии диалектического материализма, систематическое развитие основанного на них метапознания еще впереди.

Метапознавательная активность каждой эпохи принимает общие критерии познания, его научности, объективности, которые эта активность порождает. Развитое метапознание, как уже оформившаяся сфера, напрямую подходит к задаче осмысления различных сторон познания как объективного, детерминированного определенными причинами процесса.

Разъяснение того, как применяются к познанию подобные критерии, является актуальной задачей развитого метапознания. Только адекватно решив эту задачу, метапознание может претендовать на статус важнейшей подсистемы современного научного познания. А его категории, принципы, методы могут претендовать на статус особого научного знания — метапредметного, метапознавательного знания, т. е. статуса особого рода познания, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием. Знания о познании — знания о знании, а также знания о незнании, знания о закономерностях познавательной деятельности, знания о формах и методах познания. Знания и познания, которые, в отличие от всех иных видов научного познания и знания, можно с полным правом назвать метапознанием — знанием о знании и метапознанием — познанием закономерностей познания.

Методолог, представитель метапознания никогда не должен забывать о том, что в его предмете всегда присутствует субъект познания. Перед представителями метапознания стоит задача понять и объяснить, какую роль в познании играет идеальное начало, содержание живого сознания человека, исследователя, ученого.

Суждения о субъекте познания могут претендовать на истинность только тогда, когда они основываются на объективных проявлениях идеального — содержания сознания, особенно такого его вида, как знание. Ибо знание — это содержание сознания человека, которое соответствует отраженному, а также сконструированному им предмету¹.

Представители метапознания должны понять в первую очередь именно коллективное, совокупное сознание познающих индивидов, исследователей по тем данным, которые оно получает, изучая реализацию, объективирование этого сознания в знаниях, выраженных в знаках, текстах, языке². А также в познавательных учреждениях и институтах, в предметной материальной, т. е. экспериментальной деятельности.

Индивидуальные познавательные проявления сознания, даже выдающиеся, должны интересовать метапознание лишь в тех случаях, когда они такое значение приобретают. Реальная история познания есть результат деятельности большого числа исследователей, индивидуальных субъектов познания.

Отдельные субъекты познания, исследователи, как личности, индивидуальности, имеют особые, в том числе познавательные интересы, нередко противостоящие интересам других людей, других субъектов познания.

Включенность индивидуальных исследователей в систему познания со всеми ее противоречиями порождает различное отношение к познавательным процессам. Это сказывается на характере создаваемых ими познавательных результатов — новых знаний, новых методов, на характере метапознавательных результатов. Ведь что такое метод? Это некоторое знание о том, как имеющееся предметное знание применить для достижения познавательной или прикладной цели.

---

¹ Об идеальном, сознании, знании, истине и т. п. см. источники из разделов 1.2, 2.5, 2.12–2.14, 2.18, 5.7, 7.8, 13.2, 14.3, 15.2–15.10, 17.2, 19.8 обзора примерной библиографии (прил. 1).

² О языке, знаках, символах см. источники из разделов 2.7, 7.6, 19.4 обзора примерной библиографии (прил. 1).

Метод — это особое знание, вид метазнания. Метод — это знание о другом знании и о способах его применения для решения некоторой задачи.

Любой исследователь, тем более представитель метапознания, не может быть не включенным в познание. Не может быть вне борьбы различных школ, направлений, представителей различных точек зрения.

Познающий человек, представитель метапознания не может взглянуть на изучаемый им объект, находясь полностью вне объекта. Это обстоятельство является причиной многих недоразумений в истории философии вообще и в истории философии познания в частности. Вплоть до обвинения даже выдающихся философов в излишнем субъективизме и даже солипсизме. Так было с И. Кантом и Э. Махом. Еще раньше — с Дж. Беркли.

Итак, исследователь, ученый не может извне взглянуть на изучаемый им объект. Фактор включенности исследователя, субъекта познания или метапознания в исследование — неустраним из познания, в том числе из метапознания. Это обстоятельство всегда оценивали по-разному и делали при этом разные, нередко противоположные выводы.

Некоторые исходили из того, что если субъект познания или метапознания включен в процесс познания, то никакое объективное изучение познания невозможно. Они занимали позицию методологического релятивизма или даже откровенного агностицизма.

Другие настаивали на возможности преодолеть включенность субъекта в исследование. Они считали, что субъект познания или метапознания может подняться над проблемами той или иной области, например, стать выше непосредственного столкновения познавательных интересов и извне изучать их. Это позиция своего рода методологического объективизма.

Научное объективное метапознание должно исходить из включенности субъекта познания в изучаемый им предмет. Учитывать его включенность в познание в целом.

Проблема объективности познания и метапознания решается по-другому. При этом подходы, познавательные интересы представителей познания, в том числе представителей метапознания, могут как

совпадать, так и не совпадать с объективным ходом реального познания и метапознания.

В познании и метапознании полной раздельности объекта и субъекта не существовало никогда. Об этом говорит различие объекта и предмета познания как требования, предъявляемого при защите любой диссертаций. Если в качестве объекта познания, исследования берется некоторое образование во всем объеме его реального бытия, то в качестве предмета — часть, сторона, аспект объекта. Это напрямую зависит от установки субъекта, от его желания исследовать определенную часть, сторону, аспект объекта. Да еще применяя отобранные им средства.

В метапознавательном аспекте раздельности объекта, предмета и субъекта познания не существовало никогда. Соотносительность объекта, предмета и субъекта познания обнаружилась с самого начала развития человеческой познавательной активности. Этот компонент познания никогда не был неустраним. Нередко мешал ясности познавательных процедур, но всегда присутствовал.

Диалектическое единство субъекта и объекта, субъект-объектных отношений является базовым принципом научного метапознания.

В связи с бурным развитием системного подхода, системной методологии в настоящее время вопрос о взаимосвязи объекта и субъекта познания и метапознания получает новый импульс к развитию.

1.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ МЕТАПОЗНАНИЯ (философская составляющая метапознания)

Философским основанием научного метапознания, отметим еще раз, мы считаем объективный, материалистический подход. Этот подход на материалистической основе наиболее последовательно проводит философия диалектического материализма. Она всегда исходила из этого и пыталась осуществлять на всех этапах своего развития.

Диалектический материализм всегда подчеркивал свою связь с методологией научного познания, развивал ее, разрабатывал в духе

классической философии теорию познания, как необходимую часть философии. В отличие от неопозитивизма, который разрабатывал методологическую, метапознавательную теорию, отрицая ее связь с философией, объявил философию чем-то чуждым научному познанию. В то же время не следует упрощать связь философии и метапознания.

Соотношение метапознания и философии можно охарактеризовать как частичное совмещение, пересечение понятий. Многие исследования познавательной проблематики, особенно теоретического характера, обладают как философскими, так и некоторыми особыми признаками. Исследования в рамках философских теорий познания носят своеобразный характер, отличаясь от общефилософских (онтологических), социально-философских и ряда других областей исследований.

Обращает на себя внимание та часть исследований, которая присуща как философии, так и метапознанию. Хотя существование познания, прежде всего естествознания, немислимо вне природы, неотделимо от нее. Познающий субъект представляет собой биологическое существо. Ни законы биологии, ни законы физики, ни социальные законы, от действия которых субъект познания не может быть свободен, не выражают специфики познания во всем его объеме и не могут дать ту нить, которая ведет к их полному и подлинному пониманию. Для этого необходим философский подход, философский уровень в метапознании, опирающийся на принцип объективности и учитывающий специфику познания.

Данные задачи призвана решать та область метапознания, метаметапознания, которая входит в философию, философский уровень познания.

В метапознании нужно выделять целый ряд областей и уровней, которые носят еще более конкретный характер. Вплоть до особого эмпирического уровня метапознания в виде описательных исторических, семиотических, науковедческих и других исследований.

Специфика философско-метапознавательного уровня исследования выражается в наличии особой системы понятий, категорий, теории, специально вырабатываемых для изучения такого объекта, как познание.

Это категории — объект и субъект познания, истина и критерии истинности, факт, закон и многие другие.

Это многочисленные понятия, которые не носят философского качества — описание, объяснение, предсказание, гипотеза, модель, теория и другие.

Сюда же нужно отнести понятия, отражающие специфику различных форм и видов знаний, методов, структурных признаков познания.

В сферу философско-метапознавательных исследований входят исследования, имеющие философско-онтолого-метапознавательный, социально-философско-метапознавательный, а также и этико- и эстетико-метапознавательный характер.

Разработка категориального аппарата метапознания, как и всякого вида познания, происходит как на основе использования материала, накопленного в ходе исторического развития метапознания, так и в результате разработки новых категорий в процессе изучения современной стадии развития познания.

Без учета сложности познавательного процесса и фиксации его отдельных сторон, уровней, элементов и подсистем в особых метапознавательных категориях невозможно получить цельное, систематическое, конкретное представление о познании.

Развитие категориального аппарата метапознания неразрывно связано с выявлением закономерностей познания, необходимых устойчивых связей в познании, которые находят выражение через подобные понятия и категории.

Процесс выработки метапознавательных категорий выступает предпосылкой формулирования законов познания. Изучение данных законов ведет к обогащению категорий метапознания, а также категорий самой философии. Состав категорий определяется объектом исследования. Это же имеет место в отношении категорий, понятийного аппарата метапознания.

Важнейшими категориями метапознания оказываются те, которые фиксируют существенные стороны, элементы познания, общие всем этапам его развития. Это вышеназванные категории: объект и субъект познания, знание, методы познания и другие. С другой стороны, это категории, которые фиксируют внутреннее единство и целостность познания на каждом из его этапов, такие как категории

научности, стиль научного исследования и т. п. Хотя во втором случае можно констатировать отсутствие многих метапознавательных понятий и категорий. Что говорит о недостаточной развитости метапознания, включая его философскую составляющую.

В метапознавательной теории также должны присутствовать понятия, отражающие различные стороны познания, свойственные не всем, а лишь некоторым его частям, составляющим. Например, важно, чтобы присутствовали понятия, с помощью которых можно изучать не познание в целом, а лишь отдельные его стороны, области, отдельные науки. Наконец, отдельные исследования, их структуру.

Философско-метапознавательные категории с необходимостью призваны использоваться на всех нижележащих уровнях метапознавательных исследований. Но одни такие категории не могут служить достаточной основой более конкретных исследований познания, их логических обобщений и выводов.

Метапознавательные категории и выражаемые с их помощью законы и принципы задают общее направление изучения реального познания, взятого как в целом, так и в отношении его отдельных сторон. Детальное изучение познания, конкретных познавательных ситуаций позволяет делать выводы, способные выступать методологическим руководством в реальной практике научных исследований.

Принципиальная роль философско-метапознавательных исследований и их результатов заключается в том, что от них зависит выделение предмета метапознания. То, где и как следует искать направления изучения сущности познавательного процесса, сущности тех или иных его сторон, частей, подсистем, элементов.

Здесь важно подчеркнуть роль **принципа объективности**¹, поскольку именно он выступает необходимой предпосылкой научного познания как такового. Этот принцип ориентирует метапознание на поиск внутри самого познания начала, которое не зависит от субъекта познания, хотя существует только в деятельности субъектов познания, взаимодействуя с идеальными побудительными мотивами субъекта.

---

¹ О принципах и требованиях к познанию, научному познанию см. источники из разделов 2.6–2.8, 2.10–2.11, 3.1–3.3, 3.5, 5.3, 8.2, 8.6, 11.2, 13.3, 16, 17, 19.7 обзора примерной библиографии (прил. 1).

Только при опоре на принцип объективности возможно применение категорий научного мышления к процессу естественного исторического развития познания.

Принцип объективности ориентирует на выявление естественно-исторической закономерности в познания, действие которой возможно, если существует объективное, независимое от сознания и воли исследователей, субъектов познания начало, объективная основа их деятельности.

Через принцип объективности в метапознание входит **принцип причинности**.

Субъекты познания, в том числе, научного, всегда действуют в рамках определенного социального качества, социального контекста. Через осознание этого обстоятельства метапознание может прийти к верному анализу проблемы детерминации сознания субъектов познания, соотношения свободного поиска и необходимости в познании. В то же время, познавательная необходимость до сих пор оказывается камнем преткновения для многих современных подходов к познанию, включая широко распространенную позитивистскую традицию.

Многие подходы к познанию ограничивают себя анализом неизменного в познании, уже сложившегося, готового в том или ином отношении. Отсюда их затруднения в объяснении законов возникновения и развития компонентов познания, особенно — различных элементов знания.

Следует отметить, что в 60-е и 70-е гг. XX столетия в рамках еще сохраняющейся позитивистской традиции появились интересные концепции познания, в которых предпринимались попытки зафиксировать процессуальные, временные стадии процесса познания или отдельных исследований. Это подходы И. Лакатоса (Лакатоша) [384; 1010; 1011], С. Тулмина [1102; 1103] и Т. Куна [375; 1006]. Это были попытки выстроить в некоторую последовательность имевшие место исторические относительно устойчивые состояния готового, сложившегося знания.

Историческая реконструкция различных состояний познания, знания, имеет определенную ценность для метапознания. В том числе для философско-метапознавательных исследований, но лишь как частный ограниченный результат.

Отмеченные выше подходы говорят о том, что на более низких, чем философско-метапознавательный уровень, ступенях накапливается материал, достаточный для весьма плодотворных промежуточных обобщений. Подобное имело место в пору открытия Д. И. Менделеевым периодического закона и создания на его основе первого научного варианта таблицы химических элементов [824, с. 23–27; 314]. Выдающемуся достижению нашего соотечественника предшествовали многочисленные попытки перебора различных сведений об отдельных элементах и их соединениях. Были попытки выстраивания последовательностей элементов. Правда, чисто внешним образом, без учета особенностей химических элементов и их важнейших свойств.

Более важным, чем простая констатация событий в познании, является выяснение механизмов переходов от одних состояний к другим, от одних знаний к другим, учитывающее качественные изменения в познании. То есть учитывающее проявление диалектики познания, что недооценивается большинством сегодняшних методологов науки.

Важнейшим принципом метапознания является **принцип отражения** (не путать с так называемой зеркальностью, «зеркалом Декарта»), который в явном виде сформулирован в теории познания диалектического материализма¹.

Об отражательной природе сознания и познания немало говорилось и до появления философии диалектического материализма. Это можно обнаружить у античных мыслителей, у Аристотеля. Недвусмысленно данный признак сознания и познания присутствует в трудах Гегеля.

Данный принцип позволяет распространить на идеальные аспекты сознания и познания, составляющие их онтологическое ядро, принцип причинности (детерминизма). Что позволяет ввести их изучение в рамки настоящей науки.

---

¹ Об отражательном аспекте и отражательной природе познания см. источники из разделов 2.7, 5.7, 8.11, 8.15, 15.1–15.5, 17.1, 19.3 обзора примерной библиографии (прил. 1).

Отражение должно пониматься философско-метапознавательным образом, т. е. как всеобщее качественно многообразное проявление материальной субстанции.

Еще один **принцип** метапознания заключается в признании **объективного существования предметов исследования**. Это связано с такими формами и методами познания, как наблюдение, опыт, эксперимент. То есть через учет непосредственного взаимодействия субъектов познания с предметами исследований в качестве определяющей основы познания.

Традиционный основной вопрос философии о соотношении духовного и материального, объективного и субъективного в метапознании принимает вид вопроса о генетически определяющей роли материально-практического, материально-предметного взаимодействия объекта и субъекта познания по отношению к научному сознанию как его идеальной стороне.

Для развитого, научного, познания с четко дифференцированными уровнями теоретического анализа действительности, материально-предметный уровень далеко не всегда выступает в качестве непосредственного предмета отражения.

Характер отражения в познании, то, как предметы отражаются в сознании познающего субъекта, определяется именно этим уровнем познания. Это давно было уловлено методологическими подходами, ориентированными на установку эмпиризма, основную в англо-саксонской методологической традиции. Познающее сознание, познание всегда включают в себя отражение некоторого уровня непосредственно предметно-материального взаимодействия объекта и субъекта. А сам этот уровень представляет собой единственно определяющее начало развития познания.

Для метапознания, метапознавательной теории последнее обстоятельство означает, что зависимость познающего сознания, знания, т. е. идеального компонента познания, от некоторого базисного объективного положения дел на эмпирическом уровне выступает в качестве необходимого объяснительного принципа.

Выделив в сфере познания генетически определяющее и производное начала, метапознание должно рассмотреть все познавательные явления с этих позиций. Оно должно выявить зависимости всех

моментов познания от уровня непосредственных контактов с объектом, уровня непосредственного материального взаимодействия с ним. Оно должно раскрыть определяющую роль этого уровня сознания и познания по отношению ко всей сфере связей системы познания, в том числе с учетом специфики различных исторических стадий, фаз развития познания, которые оно, познание, объективно, эмпирически проходит.

Научное метапознание должно брать познание как реально существующее образование, как развивающуюся исторически конкретную целостную органическую систему, каждая подсистема, каждый элемент которой, прежде всего те, которые являются идеальными по своей сути образованиями, должны быть поняты, раскрыты, объяснены в их объективной обусловленности. Такой подход представляет собой попытку разрешения весьма трудной задачи. Особенно, если речь идет о таких сложных, неопределенных образованиях, как новые идеи, рождающиеся в головах познающих людей, ученых, исследователей. Эти идеи нужно понять в качестве необходимых продуктов и реальных участников в познавательном процессе. А это невозможно сделать, если не рассматривать все явления, все стороны познания в их связи и взаимной зависимости, как компоненты единой системы познания.

Последовательное проведение принципа объективности при анализе любого компонента познания предполагает, во-первых, выявление объективной обусловленности его возникновения и существования; во-вторых, выявление места этого компонента в системе исторически целостного познавательного качества. В-третьих, такой подход предполагает выявление присущих данному компоненту черт, особенностей, специфических закономерностей, его необходимых, устойчивых, повторяющихся связей. В-четвертых, выявление его роли, функций в рамках соответствующего познавательного качества.

На основе принципа объективности можно не только четко определить природу любого компонента познания, но и природу понятий, используемых при этом. В своей совокупности такие понятия должны составить специфическую метапознавательную концептуальную систему, или метапознавательную теорию, в рамках которой можно четко установить объективное содержание каждого метапознава-

тельного понятия, не допустить произвольного их употребления. Все это, в свою очередь, указывает на **принцип системности**.

Познание по своей природе есть сложное, даже сверхсложное образование. Человек, как познающий субъект, исследователь, становится таковым, приобретая соответствующие характеристики и качества, поскольку включается в систему соответствующих познавательных отношений. Но не только познающий человек, а всякое образование, вещь, явление получают познавательные характеристики, становятся субъектом, объектом или средством познания потому, что начинают функционировать в системе познавательных отношений. Сам человек, даже в качестве субъекта познания, может и должен при определенных условиях рассматриваться в качестве объекта некоторого вида, или рода познания, т. е. человек нередко выступает двояко — и как субъект, и как объект познания — метапознания.

Понять природу познания возможно, лишь рассматривая его как специфическую функциональную систему. И даже как функциональную суперсистему. Интегративные, системные качества познания проявляются, например, в виде совокупности категорий познания различного уровня. Вплоть до уровня философских категорий, в виде языка науки, или целого семейства таких языков. Особенно в современном научном познании. Метапознание в целом и любое отдельное метапознавательное исследование обречено быть или стать системным¹.

Говоря о системности, структуре познания, мы фиксируем момент устойчивости, определенности познания, различных его составляющих. Однако, ни познание в целом, ни тот или иной его компонент в отдельности не являются абсолютно устойчивыми и неизменными. Они находятся в постоянных изменениях, столкновениях, противоречиях, в том числе очевидно революционного характера.

Достаточно вспомнить о таком феномене, как научные революции, связанные с именами Коперника, Лавуазье, Эйнштейна, Бора².

---

¹ О системном характере и исследованиях познания на основе системного подхода см. источники из разделов 1.2, 3.1–3.5, 5.5, 18.4 обзора примерной библиографии (прил. 1).

² О научных революциях, революциях в познании см. источники из разделов 1.7, 2.15, 8.14 обзора примерной библиографии (прил. 1).

Всякая определенность и устойчивость в познавательных процессах, даже в завершенных фрагментах знания, весьма относительна. Что показала история такой «долговечной» теории, как эвклидова геометрия.

Философские метапознавательные исследования должны выработать общие принципы и средства анализа происходящих в познании изменений.

Понять познание в его движении, изучить его как закономерно изменяющееся целое, как динамическую систему, находящуюся в постоянном функционировании и развитии, — все это означает, что к познанию нужно подходить диалектически¹.

Без диалектики, диалектического принципа серьезное понимание познания так же немыслимо, как и без принципа объективности. Диалектика позволяет рассмотреть познание как поступательный процесс, идущий от низших форм к высшим.

Диалектический принцип позволяет рассматривать процесс познания как закономерный, а сами закономерности познания — как законы движения, перехода познания, любой его части из одного качественного состояния в другое.

Без диалектики, как это следует из многочисленных философско-методологических работ отечественных авторов, особенно, работ 60–80-х гг., было бы просто невозможно раскрыть многообразные внутренние противоречия в познании на рубеже XIX–XX вв., а также ранее и позднее.

Диалектика требует рассматривать все в познании в его собственных взаимосвязях, ориентирует на конкретный подход к познанию.

Диалектика обязывает исследователей-методологов выяснять, как то или иное познавательное явление возникает, какие этапы в своем развитии проходит, чем оно стало к данному моменту времени и какие возможности заключает в себе.

Диалектический подход требует, в качестве своего необходимого дополнения, осуществить **исторический подход (принцип)**. Истори-

---

¹ О диалектике познания и его диалектических особенностях, помимо указанных в предыдущей ссылке, см. источники из разделов 2.6, 7.1 обзора примерной библиографии (прил. 1).

ческий взгляд на познание позволяет обеспечить объективное воспроизведение познания во времени, что является необходимым для теоретического воспроизведения познания¹.

Принцип историзма в соединении с принципом объективности позволяет избежать упоминавшегося выше методологического релятивизма. Последнего не удалось избежать П. Фейерабенду в его концепции методологического анархизма [958; 959]. Не удалось это и Т. Куну, который чересчур жестко настаивает на присутствии некоей непроходимой грани между сменяющимися друг друга парадигмами [375].

Диалектический подход позволяет видеть в историческом материале не только закономерность смены состояний познания, но и их преемственность. Вплоть до констатации существенного сходства этих состояний. В противном случае было бы трудно объяснить такие явления, как, например, «забывание» почти на двести лет идеи волновой природы света, которая была высказана в то же время, что и ньютоновская идея корпускулярной природы света. То же можно сказать и о возвращении, уже в лице научного познания, к демокритовой идее атомного строения материи.

Диалектика метапознания включает в себя момент релятивизма, момент относительности. Но только в смысле признания относительности, изменчивости, гибкости понятий, категорий метапознания, используемых для воспроизведения реальных изменений в познании, вызываемых его внутренними закономерностями, а также внешними причинами.

Но диалектика познания не сводится только к релятивизму. Ибо абсолютизация относительности, присущей познанию, приводит, в конечном счете, к рецидивам субъективизма в метапознании. Этот субъективизм не следует смешивать с принципом субъективности, субъектно-центрическим подходом в метапознании. Подход со стороны субъекта, субъективного начала нередко бывает вполне допустимым и оправданным.

---

¹ Об историческом познании, историческом аспекте и историческом подходе к познанию см. источники из разделов 1.1.–1.8, 12.1–12.9, 17.2, 19.2 обзора примерной библиографии (прил. 1).

Абсолютный релятивизм в трактовке познания ведет к отрицанию возможности получения объективно верных знаний о познании.

Диалектический подход предполагает связь исторического принципа с принципом объективности изучения познания.

Принцип объективности, ориентирующий на монистический подход ко всем явлениям познания, непосредственно выходит на исторический подход к познанию. Он опирается на отражение закономерного развития познания, каждый этап которого исторически конкретен, своеобразен, неповторим и в то же время является необходимым звеном в единой цепи развития познания.

Следуя за Гегелем, который в своих работах по истории философии, философии права и т. д. [132; 133; 134; 135; 136] стремился обнаружить базовый принцип каждой исторической эпохи, можно сказать, что метапознание также стремится обнаружить базовый принцип, основное качество, присущие каждому значительному этапу в развитии познания.

Исторический подход, принципы диалектики и объективного рассмотрения познания предполагают использование понятий «движение познания» и «развитие познания».

Что касается понятия развития познания, то оно носит явно интегративный характер.

Движение познания можно рассматривать и как совокупное движение, и как движение, изменения, его отдельных частей, подсистем, элементов.

Всякое изменение отдельных компонентов познания связано с изменениями познания в целом. Но при этом можно, а нередко и просто необходимо, отвлечься от изменений целого. Нет смысла, например, проследивать связь со всей системой познания употребления того или иного отдельного слова, термина. Хотя иногда это бывает принципиально важным моментом. В то же время при анализе развития познания такое отвлечение практически невозможно. Если же подобное происходит, то это ведет к ошибочным выводам. На этом основании нередко делается вывод о сходной, близкой природе тех или иных компонентов познания. Например, физики Ньютона и физики Эйнштейна. И даже микрофизики. Делается это на том

основании, что многие термины используются в каждой из них. Изолированный компонент познания развиваться не может.

Невозможно и правильное понимание развития познания, если к нему подходить с точки зрения изолированности познавательных явлений. Развивается всегда некоторая познавательная система в целом. Так, на наш взгляд, явно неудовлетворительным является подход к изучению развития познания, при котором в качестве объекта исследования берется только знание, или только структурные аспекты тех или иных компонентов познания, или когда статика познания отрывается от динамики, а то и смешиваются между собой.

Более адекватным является такой подход, при котором все компоненты познания рассматриваются в их системном единстве. При этом, конечно же, должны учитываться многочисленные другие аспекты.

К числу важнейших принципов метапознания относится также упоминавшийся выше **принцип активности субъекта познания**¹. Этот принцип реализуется в рамках практики познающего человека. Познавательная практика вступает в качестве одной из разновидностей практической деятельности человека вообще.

Нет возражений против разграничения сфер так называемой практической и теоретической деятельности людей, если под теоретической деятельностью имеется в виду вся сфера познания. В то же время, на наш взгляд, правильнее говорить о познании как особом виде практической деятельности человека, существенным образом дополняющей все другие ее виды. И прежде всего, все виды материальной предметной деятельности.

Рассмотрение субъекта познания как активного начала и трактовка познавательной активности человека как особого вида практической деятельности позволяет избежать чрезмерной пассивности, созерцательности метапознания, с одной стороны, и противопоставления познания всем другим сферам деятельности человека — с другой. Нужно говорить не просто о принципе активности применительно к познанию, такое утверждение применимо вообще ко

---

¹ О субъекте (субъектах) познания, его активной процессуально-деятельностной природе см. источники из разделов 1.6, 2.5, 2.11, 5.3–5.4, 12.2, 14.4–14.5, 15.5, 18.1–18.2, 19.7 обзора примерной библиографии (прил. 1).

всем явлениям действительности. Следует говорить о **принципе активно-деятельностном**. Тем более что деятельностный аспект познания все больше и больше становится предметом изучения в современном метапознании.

Активно-деятельностный принцип позволяет более точно определить границы познания. Понять относительность противопоставления материального и идеального, объективного и субъективного в познании. Это связано, в частности, с тем, что в познании на каждом шагу одно субъективное, идеальное образование, например, знание того или иного вида, предшествует другому. При этом идеальные образования выстраиваются в очень протяженные и сложные цепи. Подобное происходит на каждом шагу и, как правило, задолго до того момента, когда дело доходит до их материального воплощения, до их объективации. Этим характеризуется любая теоретическая деятельность ученых, исследователей, субъектов познания.

Что касается идеального, субъективного в самом метапознании, то идеальное и субъективное здесь даже как бы удваиваются, возводятся в квадрат, куб и выше.

В метапознании, в сознании субъектов метапознания идеальное и субъективное, т. е. содержание сознания познающего человека, оказываются вдвойне идеальными и субъективно нагруженными. Это происходит потому, что в метапознании идеальный и субъективный аспекты познания сами оказываются предметом изучения.

Субъекту метапознания свойственно такое содержание его сознания, которое является отражением различных видов содержания сознания других людей, ученых, исследователей, познающих людей, а также своего собственного. Содержание сознания представителей метапознания можно охарактеризовать как идеальное, производное другого идеального.

Во всяком акте познания, в любом виде познавательной деятельности соединяются познавательные цели, стремления (мотивы), знания, с одной стороны, и объект и предмет познания — с другой, т. е. материальное и идеальное, объективное и субъективное. Познавательная практика представляет собой их единство. Объект познания субъективируется, идеализируется, преобразуясь в соответствии с познавательными целями.

В свою очередь, познавательные цели, идеальный результат познания — знания — объективируются, материализуются в предметных аспектах познания, предметных результатах познания в виде средств наблюдения, измерения, эксперимента, материального моделирования. А также в виде технологий, различных материальных средств, функционирующих в сфере производства и потребления.

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что во всех этих процессах особо дает знать о себе языковой аспект. Не случайно язык трактуется в целом ряде философских концепций вообще и философских концепций познания в частности в качестве основного, главного компонента познания.

Дело в том, что когда пытаются отстраниться, отвлечься, абстрагироваться от всех без исключения внешних материальных условий познания, то от языка, языковой деятельности отвлечься не получается. Даже тем, кто объявляет познание, а также сознание в целом, неким спонтанным, никакими материальными обстоятельствами не ограничиваемым процессом особой творческой эволюции. Приходится учитывать языковой момент, пусть даже в виде некоего «языка молчания» М. Хайдеггера.

Язык оказывается необходимым, чтобы сообщать другим о своем видении природы сознания и познания.

Об активно-деятельностном принципе метапознания следует сказать как можно больше уже во вводных разделах работы, посвященной метапознанию. В том числе по причине известной новизны этого принципа для методологии XX в. Хотя уже Гегель использовал деятельностный принцип самым широким образом. Именно этот принцип позволяет выделить ту познавательную реальность, которая подлежит изучению и объяснению в метапознании.

Без активно-деятельностного подхода к познанию, так же как и к любым общественным процессам, многие аспекты познания становятся просто какими-то сверхъестественными. Как это произошло, на наш взгляд, с трактовкой истинного знания у К. Поппера, придумавшего даже, как отмечалось выше, некий «третий мир», т. е. особую реальность, в которой бытуют идеальные компоненты познания [605; 1053; 1054; 1055]. Хотя эта идея заключает в себе тот положительный момент, который подчеркивает специфический, особенный характер

объективности идеальных компонентов познания. Поппер неоправданно отрывает свой «третий мир» от привычной повседневной практики познания.

Познавая объект, природу, действительность в целом, частью которой он сам является, человек, субъект познания изменяется сам. Что также находит объяснение через привлечение активно-деятельностного подхода. Необходимость выделения особой деятельности заложена в самой сущности познания. Ведь субъект познания не может развиваться, не производя в ходе своей познавательной деятельности особого результата, который затем изменяет его самого. А именно — новых знаний, в том числе новых знаний о самом себе. Что и происходит благодаря наличию метапознавательного компонента всякого познания.

Метапознание — это путь познания познающим человеком самого себя. Изучать познание, его законы — значит изучать познавательную деятельность человека, исследователей, ученых — субъектов познания. Изучать предпосылки, характер, средства и результаты этой деятельности, понять природу познания — значит объяснить, почему исследователи действуют так, а не иначе, почему используются одни знания, методы, средства, а не другие и т. д.

Деятельностная установка позволяет подойти к познанию с позиции активного взаимодействия, нередко открытой борьбы различных компонентов, субъектов познания. Борьбы различных направлений, школ, течений, точек зрения, гипотез, теорий и т. д. Позволяет не забывать о ведущей роли объекта, предмета познания.

В ходе такой борьбы часто применялись, да и сейчас иногда применяются средства, далеко выходящие за рамки собственно познания, даже враждебные, разрушительные в отношении познания. Например, когда в познание, даже научное, вмешиваются силы, совершенно не заинтересованные в достижении основной его цели — истины. Достаточно вспомнить наше советское прошлое, когда получила распространение лысенковщина, и не только в биологии. Происходили откровенные гонения на генетику, кибернетику, любые попытки внести что-то новое в политическую экономию, историю, языкознание и даже в саму диалектико-материалистическую философию, о постоян-

ном развитии которой неоднократно говорили, настаивали ее классики — К. Маркс, Ф. Энгельс и особенно В. И. Ленин.

Познавательная деятельность также должна быть исследована и объяснена на основе применения упоминавшегося выше принципа причинности. На основе признания общей зависимости субъектов познания от его объекта. На основе общей зависимости сознания познающего человека, научного сознания от их объективной основы.

Познавательная деятельность в своем предметном аспекте обладает способностью выявлять субъективный, идеальный аспект сознания в его объективном, предметном выражении. В том числе и прежде всего в языке, который Маркс называл материальной оболочкой мышления, а мы называем материальным телом сознания.

Познавательная деятельность, познание как деятельность позволяет исследователям субъективно подходить к своему объекту, а представителям метапознания — объективно подходить к субъекту познания. Метапознание вне деятельностного отношения субъекта к объекту не может правильно постичь природу познания.

Именно познавательная деятельность указывает путь проникновения в идеальный, субъективный аспект познания, о котором можно судить правильно только на основании учета опредмеченных, объективированных идеальных познавательных действий.

Познание как деятельность находит один из важнейших критериев истинности своих результатов в успешном или неуспешном применении своих результатов внутри самой познавательной деятельности. Причем, до того момента, когда эти результаты будут использованы в других — внешних познанию видах деятельности. Все это особенно характерно современному развитому научному познанию и обществу в целом. Конечно, с учетом того, что и современное общество, и современная наука находятся в некотором очередном переходном состоянии.

Наука XXI в. внесет существеннейшие изменения во все компоненты научного познания, изменит сам его характер, в базовые структуры современного общества и современной науки.

Проблема формирования правильного понимания природы познания, формирования развитой и целостной системы метапознавательного знания может быть решена только на основе выявления

специфики исторических субъектов познавательной деятельности. Начиная с древнейших времен, когда имело место формирование первых актов познания у наших далеких предков, как актов уже действительно человеческого познания, и кончая действиями современных ученых всех родов и видов научного познания.

1.4. ПОЗНАНИЕ И МЕТАПОЗНАНИЕ КАК ПРОЦЕСС

Сегодня можно утверждать, что основная масса метапознавательных исследований, в том числе опирающихся на теорию познания диалектического материализма, должны быть охарактеризованы как в значительной мере «метафизические», «механистические (механико-аналитические)» по своим объективным признакам.

Здесь имеются в виду не те ограниченные представления о предмете исследования, которые были характерны метафизической, механистической стадии развития естествознания и, соответственно, философии, включая теоретико-познавательный блок. Та ступень познания, философии, метапознания безвозвратно прошла и стала достоянием истории науки и истории философии.

В то же время и сегодня налицо характерные трудности, проблемы и задачи, с которыми столкнулось естествознание в Новое время, в пору своего становления как науки. Причем, это такие трудности, которые порождают и соответствующие рецидивы. Прежде всего, рецидивы метафизичности как противоположности диалектического подхода к познанию, науке.

Предмет современного, достаточно развитого метапознания можно охарактеризовать как закономерности познания вообще и научного познания в первую очередь. Чтобы выявить эти законы и сознательно использовать их в практике современных научных исследований во всем ее многообразии, необходимо всесторонне исследовать всю совокупность признаков современного научного познания, как в целом, так и во всех его основных компонентах.

Общие положения любых вариантов современных теорий познания явно претендуют, в силу своей универсальности, категориального

характера и статуса, также и на роль всеобщих принципов метапознания. С этим можно и нужно согласиться. Более того, это налагает на философию, философско-метапознавательные подходы обязанность предоставить развернутую и детализированную картину современного познания, современной науки. Однако действительная практика как отечественных, так и зарубежных метапознавательных исследований еще далека от совершенства. В ней очевидно преобладание исследований, направленных преимущественно на статику познания, на решение задач аналитического характера. Она направлена преимущественно на выявление особенностей того или иного отдельного компонента познания. Будь то отдельное понятие, категория, закон, принцип, гипотеза, теория. Отдельная форма познания — наблюдение, измерение, эксперимент, описание, объяснение, предсказание, моделирование.

При этом изучение того или иного отдельного компонента познания происходит при существенном отвлечении, абстрагировании, а то и в отрыве от всех других, даже ближайших компонентов познания. Конечно, без отвлечения, абстрагирования не может обойтись ни одно исследование. В том числе, метапознавательное. Тем более тогда, когда оно переживает, как нам думается, аналитическую стадию своего развития, т. е. в настоящее время.

Но метапознание тем и отличается от всех других сфер познания, от двух ведущих предметных родов познания — естествознания и социально-гуманитарного познания, что оно должно с самого начала отдавать себе отчет в таком своем положении. Будучи научно опытом предметного познания, естествознания, прежде всего, как своего особого объекта исследования.

По своей природе метапознание обязано идти впереди других видов познания, предметного познания, демонстрируя им своеобразный, если можно так выразиться, пример. Пример того, как нужно применять принципы философии вообще и принципы философско-метапознавательного подхода, в частности.

Да, метапознание в настоящее время все еще занято преимущественно аналитической разработкой проблематики познания, науки. В силу этого обстоятельства оно вынуждено вырывать отдельные

компоненты, элементы, формы, звенья познания из их единой цепи. Мысленно, конечно. И изучать их некоторое время в раздельности и обособленности.

Однако уже в настоящее время в метапознании все больше и больше набирает силу тенденция в направлении того, что основное решение проблемы объяснения природы познания, науки еще впереди. В направлении того, что метапознание, пройдя свою аналитическую фазу, сознательно накопив необходимое количество аналитического материала, непосредственно приступит к осуществлению программы синтеза этого материала.

Кстати, материала, который частично, блоками, фрагментами уже систематизирован. Эта фаза развития метапознания, судя по всему, уже явно приблизилась. Если уже не наступила. Сегодня налицо ускорение процессов развития всех областей познания, науки. Как предметных, так и метапознавательных. Поэтому уже современному поколению исследователей, представителей метапознания, нужно думать о предстоящей работе по обобщению накопленного аналитического материала. Думать о синтезе этого материала на основе новых концепций, теоретических систем, сознательно ориентированных на диалектико-материалистическое толкование природы познания, науки, прежде всего.

Синтетическая фаза развития метапознания фактически уже наступила. Да, поначалу лишь немногие исследователи-методологи начинали культивировать синтетический подход к познанию, науке, но затем их число возрастало, продолжая во многом ставшую традиционной аналитическую исследовательскую деятельность, широко знакомясь при этом с результатами. Эта тенденция постепенно должна превратиться в главный интерес исследователей в сфере метапознания. Это очень хорошо подметил в своей так быстро ставшей философским бестселлером работе «Структура научных революций» Т. Кун [375]. В работе, на наш взгляд, наиболее близкой по своему духу, по своим установкам к традиции диалектико-материалистической теории познания.

Впрочем, главным интересом тенденция к синтезу в метапознании становится далеко не для всех его представителей, а только и прежде всего для методологов-теоретиков.

Что касается огромного множества эмпирических метапознавательных исследований, а они сегодня как никогда широчайшим образом распространены, то они, конечно, никуда не исчезнут и будут продолжаться. При этом их субъекты, методологи-эмпирики, например, многочисленные историки науки, лишь постепенно будут усваивать постоянно появляющиеся новые результаты синтетической работы. И это неизбежно. Так как такие результаты открывают все новые и новые перспективы для конкретных метапознавательных исследований самых различных видов. От исторических — до социально-экономических. Не говоря уже об исследованиях логических, лингвистических, социологических, психологических, а также политических, правовых и т. д.

В новых условиях методологи-пионеры, как представляется, будут лихорадочно перескакивать с одного на другое, пытаясь охватить как можно больше материала, наработанного другими методологами. Это, конечно, не может продолжаться слишком долго.

Начнут появляться работы все более и более обобщающего характера, увязывающие так или иначе, воедино множество сначала очевидно близких аналитических и уже имеющихся синтетических, объединяющих, результатов исследования познания, науки. Эта тенденция обобщения, переходя с одного уровня на другой, из одной области активно формирующегося современного метапознания в другую, охватит в конце концов все основные области метапознания с достаточными накоплениями аналитического метапознавательного материала.

Исследователи-методологи, с разных сторон восходя к вершинам теоретического метапознания, будут «встречаться» друг с другом, обнаруживать свою близость друг к другу, вырабатывать общие или очень близкие позиции.

Результаты логического, психологического, науковедческого, лингвистического, кибернетического, исторического, системного и иных подходов к изучению познания должны будут с необходимостью, так или иначе, встраиваться в единое новое системное качество. И это качество, надо полагать, будет поначалу походить на неких «метапознавательных кентавров» или, в лучшем случае, на «метапознавательных динозавров», т. е. на существа уже не столько фантастические,

а на существа, которые реально существовали на определенной ступени развития живого. Постепенно будут появляться все более и более совершенные формы нормальных, жизнеспособных метапознавательных концепций.

И эти концепции будут прогрессивно изменять наши текущие представления о познании и, прежде всего, о науке.

Справедливости ради следует отметить, что процесс синтеза своеобразных аналитических результатов метапознавательного характера никогда, строго говоря, не отсутствовал полностью.

Так, уже много десятилетий проблемами обобщения аналитических метапознавательных результатов так или иначе занимаются представители системного подхода к познанию. Они при этом, правда, нередко несколько свысока смотрят на известную неразвитость, очевидную незавершенность, подростковую угловатость, порой явную ущербность частных аналитических результатов отдельных метапознавательных исследований.

Очевидно, в силу привычки витать в облаках своих идеально выверенных идеальных же высокоабстрактных построений. Но это постепенно проходит, как болезнь роста. Как прошло, кстати, на Западе почти поголовное и некритическое увлечение в академической среде неопозитивистскими подходами к науке и ее проблемам, явно превозносившими как единственно верные аналитические приемы.

В сфере современного метапознания очевидно присутствие аналитико-синтетической работы в лице изобретателей различных схем, моделей, всевозможных абстрактных структур, представляющих те или иные стороны познания, науки.

Немалое число представителей метапознания начинает говорить на языке аналогий. Например, проводя сравнение между различными моментами познания, науки, прежде всего, знанием, и живым организмом, различными органами живого организма, различными его частями. А также пытаюсь привлечь к изучению познания средства математики, логики, наконец, кибернетики.

Строятся различные обобщающие концептуальные схемы историко-метапознавательного характера.

Следует сказать, однако, что пока господствующей тенденцией в сфере метапознания остается тенденция аналитическая. Не видно

конца дифференциации предметов метапознавательных исследований на основе логических и психологических подходов.

В то же время, сторонники общесистемных, кибернетических и тому подобных подходов, исследователи познания наталкиваются на своеобразный «метапознавательный вакуум». Точнее, попросту на отсутствие необходимых знаний, приемов и методов анализа самого метапознания. Неясно, например, как интерпретировать те или иные структурные аспекты таких подходов. Потому что таковые пока еще зачастую просто отсутствуют, не выявлены.

Попытки интерпретировать их как те или иные формы языка провалились в лице неопозитивистов. Во всяком случае, они не дали ожидаемых результатов.

Такой же провал, на наш взгляд, ожидает и попытки интерпретировать различные структурные составляющие общих схем исключительно через различные формы знания, т. е. в отношении сведения всех сторон познания только к понятиям, теориям, данным наблюдения, измерения или эксперимента при игнорировании процессуально-деятельностных характеристик познания.

Мы всегда имеем исторически ограниченные по своему содержанию знания. Более того, имеет место историческая ограниченность самих форм знания.

Кто может даже сегодня утверждать, что основными компонентами науки являются понятия, гипотезы, теории в том виде, в каком они существуют сегодня. Кроме того, знания часто сводятся к совокупности наличного знания, как бы завершеного знания.

В стороне остается все многообразие процедурной, процессуальной, динамической, операциональной определенности реальных исследовательских процессов. В то время как именно в учете последнего обстоятельства — динамической составляющей познания — содержится возможность создания действительно правильных обобщений, представлений о познании как развивающемся целом.

Только при подходе к познанию со стороны динамической, процессуальной, при согласовании со статической стороной, с имеющимся наличным знанием и его структурой, возможно продвижение

вперед в синтетической работе над познанием. Но и здесь сегодня нужна все та же аналитическая работа.

Динамический аспект познания, в отличие от его статики, прежде всего в виде объективированного в языке знания, долгое время был и сегодня все еще остается на втором плане.

Взять, к примеру, науковедение. В нем до сих пор более всего, хотя и в целях утилитарных, обращалось внимание на динамическую сторону познания, науки. Но на науковедение все еще смотрят, как на дисциплину явно вспомогательную. Сами же представители науковедения на большее, похоже, и не претендуют. Многим из них, чтобы быть понятыми верно, приходится откровенно подстраиваться под традиции аналитического подхода. Хотя даже это можно использовать и в интересах последующего синтеза. Например, через тот же перенос аналитических процедур на область динамики познания с целью выявления основных динамических характеристик познания. Начиная с элементарных логических и предметных познавательных действий, и кончая большими этапами развития процессов познания в целом.

Во всяком случае, нужно отдавать себе отчет в том, что подобная работа все равно рано или поздно должна будет начаться.

2

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗНАНИЯ

Мы исходим из того, что традиционные, преимущественно аналитические исследования познания, науки, должны быть, по крайней мере, дополнены их деятельностью, процессуальной проблематикой.

Естественно, с учетом всего круга специфических задач, связанных с членением, дифференциацией познания не только по родам и видам знания, но и по таким параметрам, как, например, характер субъектов познания, структура исследований, динамика познания вообще. Это позволит более конкретно подойти к изучению познания как процесса, в котором в единстве функционируют все его компоненты. Здесь имеются в виду, прежде всего, знания и методы, которые изучались и ранее, но по отдельности. В лучшем случае — в аспекте их непрямо́й соотнесенности.

Речь идет о включении познавательной деятельности, деятельности субъектов познания в проблематику метапознания, что дополнило и объединило бы имеющиеся результаты аналитических метапознавательных исследований.

Мы ставим перед собой задачу изложить ряд принципов метапознания, в основе которых лежит идея о структуре метапознания, адекватная, на наш взгляд, содержанию познания. Эта идея предполагает характеристику структуры метапознания в такой форме, которая позволила бы более эффективно использовать его базовые положения в качестве принципов изучения познания на всех его уровнях. В частности, на уровне отдельных, специальных областей

метапознания. Причем с учетом всего многообразия и сложности познания, взятого в его единстве и целостности.

Решению поставленной задачи должно служить выделение, по крайней мере, трех основных аспектов исследования познания. Иначе — трех его измерений. Рассмотрение каждого из этих измерений предполагает изучение познания как единого целого, взятого в различных метапознавательных ракурсах:

1. Анализ познания как объективного процесса, развертывающегося во времени в рамках естественно-исторического процесса, истории в целом.

Когда познание исследуется в этом измерении, то при этом подразумевается то обстоятельство, что деятельность познающих людей, субъектов познания, исследователей включена в этот процесс. Поэтому метапознание должно выявить принципы перехода от деятельности отдельных исследователей к анализу познания как единого объективно существующего процесса. Оно должно обосновать необходимость такого рассмотрения познания, в результате которого предполагается применение категорий метапознавательного подхода к анализу реального процесса познания.

Метапознавательное изучение познания в аспекте статики, следует сказать, уже применялось, но и здесь лишь ограниченно, явно односторонне. Процессуальный подход к познанию еще только должен быть подготовлен и обоснован.

2. Анализ познавательного процесса как результата деятельности познающих индивидов (субъектов познания, исследователей). Здесь имеет место обращение к изучению и объяснению особенностей самих субъектов познания, их деятельности и ее результатов — знаний, методов и т. п. А также способов включения этих компонентов в общий ход развития познания.

Данный аспект познания интересует нас здесь не сам по себе, а в связи с предыдущим и на его основе. Этим открывается возможность объективного объяснения познавательной деятельности, с одной стороны, и такого же изучения процесса познания во всей его конкретности — с другой, т. е. с учетом активности субъектов познания, диалектики объективного и субъективного в познании. С учетом творческого характера познавательной деятельности, в том числе взятого в самых различных его специализированных видах.

3. Аспект, связанный с задачей охарактеризовать пути не только объективного изучения познания как результата деятельности исследователей, но и пути изучения самих исследователей, познающих индивидов, субъектов познания как продуктов процесса познания. Такой подход позволит выделить круг проблем, относящихся к изучению зависимости отдельных исследователей от познания в целом. Позволит рассмотреть познание с точки зрения познающего индивида, индивидуального исследователя как базового субъекта познания, науки.

Отношение «познание — исследователь», взятое в качестве третьего аспекта изучения познания, позволит глубже понять и охарактеризовать гуманистический смысл науки, познания, всякой познавательной деятельности.

Последнее обстоятельство приобретает особенно актуальное звучание в условиях современного научного познания.

Сегодня в сферу научной деятельности включается все большее и большее число людей. В то же время резко возрастает необходимость всесторонней интеграции современного научного познания.

2.1. РАЗВИТИЕ ПОЗНАНИЯ КАК ОБЪЕКТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

2.1.1. Объективность объекта познания и объективность самого познания

Широко распространенное объективистское понимание познания, трактующее его, как и общество в целом, действием только природных закономерностей, да и то чаще всего механистически, оказывается во многом несостоятельным.

Возникает дилемма — либо отказаться от признания закономерностей познания, либо, что несколько более оптимистично, искать специфические для самого познания объективные закономерности. Имеет место и то, и другое. Так, диалектико-материалистическая традиция в метапознании идет по второму пути. Сохраняются, однако, рецидивы натурализма в подходах к познанию. Например, в виде

перенесения на познание биологических или иных конкретно-научных представлений.

Подобные трактовки можно было бы и допустить, если бы речь шла об аналогии, о перенесении на познание, в сферу метапознания средств этих подходов на основе их своеобразной, например, системной интерпретации.

На наш взгляд, основной задачей метапознания в целом и отдельных его областей должно быть выявление, прежде всего собственных законов познания. Причем искать эти законы следует не в сознании познающих индивидов самом по себе, но и не исключительно в природных задатках познающих людей.

Думается, нужно исходить из того, что в познании присутствует особый уровень познавательных отношений, взаимодействий и связей, которые проявляются в деятельности субъектов познания, но при этом не зависят от их воли и сознания, от идеальной природы знаний. Это такие отношения, взаимодействия и связи, которые не только не зависят, не определяются непосредственно сознанием познающих людей, но, наоборот, сами определяют это сознание.

Что бы кто ни утверждал, но только на объективном основании, на объективной природе объекта познания возможно существование и функционирование объективных и в то же время специфических законов развития познания.

Выявление этой реальности есть философско-метапознавательная предпосылка изучения, как объективной природы познания, его законов, так и всех остальных аспектов познания, какими бы странными они на первый взгляд не казались. Трудности здесь заключаются в том, что объективная сторона познания проявляется в самом познании, в познавательной деятельности, в познании как особом виде практики, т. е. при принципиальной неустранимости субъективности, а значит идеального компонента, из объекта метапознания.

Налицо базовая для метапознания проблемная ситуация. В познании, где все происходит при участии сознания познающих индивидов, субъектов познания, руководствующихся своими сознательно поставленными познавательными целями, мотивами, нужно найти реальное основание для существования объективных законов познания, независимых от сознания познающих людей.

Проблема, а значит и соответствующая исходная задача для метапознания, для всего комплекса наук о человеке, обществе в целом, весьма противоречивая и, безусловно, сложная. Решение этой проблемы, этой задачи должно быть начато с выявления свойственных именно познанию его объективных отношений, а вслед за этим взаимодействий и связей. Это и должно привести к выявлению законов познания, которые, исходя из общего понимания того, что такое закон, представляют собой необходимые, устойчивые, повторяющиеся связи в сфере познания. Связями чего бы в познании они ни были.

Целостное же представление, образ, картина познания должна представлять собой некоторую общую, для сферы познания — всеобщую, связь познавательных явлений, всех компонентов познания.

Объективными являются, прежде всего, внешние связи субъектов и объектов познания. Об объектах и предметах познания в виде их идеализаций, идеальных моделей, знаний здесь речи нет. Об этом будет сказано ниже.

Вне отношения познания, познающего человека к внешнему, материальному объекту познания ни о какой их объективности, конечно, говорить не приходится. Особый случай составляют такие виды познания, в которых непосредственно исследуются особенности самих идеальных образований, тех же мифов или теорий, например. Но и здесь на помощь приходит принцип объективности. С помощью этого принципа путем последовательного его проведения можно обнаружить связь предметов таких исследований с породившей их объективной основой.

Можно говорить о трех видах отношений, взаимодействий и связей субъектов и объектов познания. **Во-первых**, о биологических по своей природе отношениях, связанных с познающими индивидами как природными существами, живыми организмами. **Во-вторых**, можно говорить о практически-познавательных отношениях, взаимодействиях и связях. Наконец, **в-третьих**, нужно выделять теоретически-познавательные отношения субъектов и объектов познания, которые, кстати, в свою очередь дифференцируются на несколько уровней.

Исходными, базовыми отношениями, взаимодействиями и связями субъектов и объектов познания являются биологические отношения.

Субъекты познания, реальные люди — живые организмы, и как таковые подчинены действию естественных законов природы — физическим, химическим, биологическим. Биологическим в первую очередь. Все эти аспекты пока еще явно во многих аспектах недостаточно изучены.

Субъекты познания физически, химически, наконец, биологически (в том числе генетически) приспособлены к природным условиям своего существования и функционирования.

Человек вообще должен характеризоваться не просто как биосоциальное существо, а как физико-химико-био-социо-идеально-предметное существо. Познающий человек должен непосредственно контактировать со своим объектом с помощью органов чувств, всей системы своей чувственности. Он должен получать чувственную информацию об объекте в виде разнообразных ощущений и восприятий. Этот простейший факт хотя и осознавался уже с давних пор, в то же время всегда явно недооценивался. Не рассматривался во всей его полноте. Зато он же нередко переоценивался, будучи взятым в некотором особом его соотношении с познающим человеком. Это, в частности, явно присутствует в случае сенсуалистических трактовок познания в Новое время. Но даже тогда этот факт служил предпосылкой рассмотрения познания, предполагающей необходимость постоянного материального взаимодействия субъектов и объектов познания. Шире, людей — как субъектов познания и преобразования действительности со своими объектами.

Это обстоятельство позволяет нам даже сегодня считать ограниченный сенсуалистический принцип Нового времени, как имеющий серьезный смысл, моментом теории современного развитого метапознания.

Чтобы удовлетворять потребность в чувственной информации, субъекты познания, познающие люди должны проявлять активность троякого рода. **Во-первых**, постоянно перемещаться, чтобы получать все новую и новую информацию в виде новых ощущений и восприятий на базе естественной способности органов чувств. Что было особенно характерно познанию на первых порах, а в настоящее время остается характерным для таких наук, прежде всего естественных, как биология, геология, география. Но и для таких наук, как социология,

психология, искусствоведение и т. п. Так, в социологии имеет место специфическое наблюдение в виде так называемого включенного наблюдения, которое нередко оказывается чуть ли не единственным способом изучения поведения людей в самых различных контекстах их жизни.

Во-вторых, человек, субъект познания и преобразования действительности, должен создавать особые материальные, вещественно-энергетические приспособления своей деятельности, особые орудия, которые бы усиливали различные параметры органов чувств. Например, увеличивали бы изображение, улавливали то, что непосредственно органам чувств, в силу их естественной размерности, природной разрешающей способности, недоступно. Это позволяет человеку получать дополнительную, а возможно даже и основную чувственную информацию, как это имеет место, например, в ситуациях применения микроскопов, телескопов, звукоулавливающей аппаратуры, регистраторов ультрафиолетового и инфракрасного спектров световых явлений и т. д.

Наконец, **в-третьих**, человек, субъект познания нередко может, а то и должен вмешиваться в то, что он исследует, в объект исследования. Именно этим характеризуется опытный, позднее — экспериментальный подход к объекту познания и преобразования. Тем более что в известном смысле человек по природе своей является своеобразным экспериментатором. Во всяком случае, человек всегда «обречен» на непосредственное активное взаимодействие с окружающей средой. Таким вообще является всякое органическое образование, начиная с одноклеточных организмов, например, с амебы.

Тезис об объективно-деятельностной природе субъектов познания фиксирует, по сути, элементарный и общеизвестный факт. Но в этом факте современное метапознание усматривает то, на что не обращали внимания целые поколения методологов науки.

Речь идет о том, что с началом создания материальных посредников получения информации об объектах познания резко повышается активность субъектов познания. Новое качество приобретает целенаправленность и результативность получения такой информации. Появляются возможности более строгого контроля над чувственной

информацией, большей ее упорядоченности. Это в итоге существенно ускоряет тенденцию формирования современного типа научного познания.

С появлением развитых, весьма тонких, рафинированных материальных средств наблюдения, опыта, а главное, эксперимента, познание становится в полной мере «в себе практическим».

Материальности, объективности объектов познания субъекты познания сами противостоят в качестве объективных, субстанциальных образований. Субъекты познания через свои объективные, материальные компоненты, используя свои материальные компоненты, материальные орудия, средства исследования, воздействуют на материальные, а также, кстати, не только материальные объекты познания, преобразуют объекты в соответствии со своими познавательными целями, т. е. между субъектами и объектами познания имеет место материальная, субстанциальная система взаимодействия. Эта система принципиально отлична от системы взаимодействия животных с окружающей средой.

Что касается возражений о том, что субъект познания не может быть материальным, поскольку материальное как объективное, противостоит субъективности субъекта, т. е. идеальному качеству, то здесь можно заметить следующее.

Да, в теории познания диалектического материализма субъект познания нередко противопоставляется объекту как нечто абсолютно ему противоположное. Но лишь в гносеологической трактовке основного вопроса философии. При этом человек, познающий субъект не лишается субстанциальной материальной связи с объектом. Разрыв этой связи был бы не менее идеалистичным, чем прямое отрицание первичности материального, объективного начала.

В сфере метапознания, которое с необходимостью простирается далеко за рамки философского исследования, в частности, философско-метапознавательного подхода, субстанциальная связь субъекта и объекта является важнейшим условием объективного изучения познания.

Субъект и объект познания должны взаимодействовать материально. Хотя в этом взаимодействии многие моменты по своему гене-

зису подчиняются уже не только законам самого объекта познания, но и законам субъекта познания. В частности, законам распределмечивания – опредмечивания нужной информации, заключенной непосредственно в объекте.

Отношение субъекта к объекту является активно-деятельностным. Оно является направленно преобразующим отношением. И оно опирается на применение материальных посредников взаимодействия с объектом.

Преобразование объекта в процессе его познания зачастую входит в само определение познания, понимаемого как деятельность. Как присущая субъекту форма его специфической активности.

Практически-познавательное отношение человека к миру включает в себя специфическую материальную сторону, от которой никак не отмахнуться. Это отношение привязано к системе природных зависимостей познания, субъектов познания от объекта. Причем, как своим происхождением из удовлетворения потребности в чувственной информации, так и применяемой при этом исследовательской техникой, инструментарием, действующим в соответствии с законами и свойствами объекта познания.

Но это практически-познавательное отношение уже резко качественно отличается, возвышается над просто природными зависимостями органов чувств субъектов познания. Здесь уже содержится необходимость перехода к решению другого вопроса — вопроса о специфике познавательной формы — объективно. О чем речь пойдет ниже.

Третий вид отношений субъектов и объектов познания, который мы выше назвали теоретически-познавательными (его можно также характеризовать как духовно-познавательные отношения, или идеально-познавательные отношения), представляет собой отношения между именно и только сознанием субъектов познания, тех же исследователей, ученых, т. е. сознанием познающего человека, и действительностью, реальным миром как таковым.

Теоретико-познавательные отношения с необходимостью должны опосредоваться первыми двумя условиями проявления активности субъектов познания. Впрочем, достигая высших форм своего развития, эти отношения могут долгое время ограничиваться действиями,

не выходящими за рамки сознания познающего субъекта, т. е. оставаться исключительно в сфере их сознания и, как говорится, в пределах бумажно-карандашных операций.

Специфические практически-познавательные отношения субъектов и объектов познания внутренне сопряжены с особенностями человеческого сознания, сознания субъектов познания, исследователей, ученых. Все это находит свое выражение в том, что практически-познавательная деятельность человека носит и специфически сознательный характер. А именно, характер не просто целесообразной, но целенаправленной предметной деятельности.

Перефразируя слова классика, можно сказать, что субъекты познания нередко не только изменяют форму объектов, т. е. некоторых фрагментов объективной реальности, но в объектах своего познания субъекты, познающие люди, осуществляют вместе с тем и свои познавательные цели. Цели, которые как своеобразный всеобщий закон познания определяют способы и характер познавательных действий субъектов познания. Более того, этим целям познающий человек вынужден, должен подчинить свою волю (по К. Марксу в «Капитале»).

Практически познавательная деятельность человека, субъектов познания образует не просто материально-субстанциональные зависимости субъектов от объектов познания, но и содержит в себе субъективно познавательное идеальное начало, т. е. момент познавательного целеполагания и познавательного целеосуществления.

Практически-познавательная деятельность есть сознательная, целенаправленная деятельность, хотя и не сводится целиком к этому. Она ориентирована на приспособление объектов познания к потребностям субъектов познания. А через это — и к потребностям человека как такового. Эта деятельность представляет собой единство объективного и субъективного; в том числе идеально-субъективного в познании, на что чаще всего и обращают внимание (см. К. Маркс «Тезисы о Фейербахе»).

В познании, как и в любой другой человеческой деятельности, всегда присутствует субъект. И от субъекта, от его идеальной целеполагающей активности, а не только от объективных обстоятельств,

зависят характер и результаты познавательной деятельности. Прежде всего — различные соответствующие формы знания.

Сказанное выше, однако, не позволяет считать познавательную деятельность, взятую целиком, исходным основанием объективного, прежде всего, научного метапознания. Таким основанием может быть только такое начало в познании, которое полностью не зависит от субъектов познания, сознания этих субъектов.

Но подобный подход был бы, в свою очередь, чрезмерной абсолютизацией самого процессуально-деятельностного подхода к познанию. Что только может повредить применению такого подхода в метапознании. Особенно, на его философско-метапознавательном уровне.

В то же время такое объективное начало нельзя искать вне самой познавательной деятельности. В объекте познания самом по себе. Вне всякой данности объекта субъекту. А также в некоем чисто идеальном аспекте познания.

Объективный подход к познанию должен опираться на тот факт, что, получая и используя чувственную информацию об объекте в ходе прямого материального контакта с ним, субъект, познающий человек с необходимостью воспроизводит свои специфические отношения — познавательные отношения — с другими субъектами познания. С объектом, предметом и знанием (распредмеченной информацией) о нем. Отношения между различными видами знания, т. е. внутри самого знания. Где, как нам думается, кроется разгадка той особенной объективной природы знания, его логики, которую К. Р. Поппер предлагает вынести вообще за пределы как объективного, так и субъективного аспекта познания. Вообще за пределы жизни людей.

Отношения внутри самих знаний, между знаниями с необходимостью естественным образом возникают в процессе познавательной деятельности любых видов. Исследователи всегда в достаточной степени сознательно получают и перерабатывают чувственную информацию, вырабатывая знания.

Но знания, их структура, структура познавательного процесса, который привел к этим знаниям, взятого во всех его аспектах, от субъектов

познания, исследователей, их сознания не зависят. А значит, носят известный принудительный характер.

Принцип объективности в метапознании, опирающийся на принцип активно-деятельностной его природы, позволяет найти вход в сферу объективности самого познания. Позволяет найти, если угодно, «материю» познания — систему познавательных объективных отношений, формирующихся при участии сознания, но при этом независимо от воли и сознания исследователей, субъектов познания в процессе производства все новых и новых знаний.

Эти познавательные отношения можно считать объективными, материальными, хотя ни грана вещества и даже энергии они в себе не содержат. Производя знания об объектах, исследователи, нередко не осознавая даже того, производят и воспроизводят познавательные отношения как особую объективную форму процесса познания. Процесса познавательной деятельности. Что и позволяет осуществлять переход, прямой или обратный, в метапознании от материальности, объективности объектов познания к объективности процесса познания, включая сами субъекты познания, а также включая идеальный план отражения объектов, в том числе идеальный план отражения объектов познания, т. е. позволяет осуществить переход от деятельности исследователей, субъектов познания к интерпретации процессов познания как объективных, закономерных процессов. Это, в свою очередь, можно считать объективной основой метапознания как такового. Основой, которая удовлетворяет всем необходимым критериям современной научности.

При таком подходе не субъект познания сам по себе, не его научно-познавательная деятельность, а именно система объективных познавательных отношений становится исходным пунктом построения философско-метапознавательной теории, а также теорий других, более конкретных уровней метапознания. Причем метапознания не только как логики, не только как науки об индивидуальном, отдельном в познании, а именно метапознания в широком смысле — как изучения познания во всем его многообразии.

Признаки объективности познавательных отношений проявляются в том, что хотя они связаны с идеальными компонентами (понятиями,

теориями, идеализациями), но сами эти отношения бессубъективны или объективно-субъективны. Эти познавательные отношения и суть основа существования и действия законов познания. Что и требовалось отыскать или указать в качестве основных предметов метапознания как такового.

Предметно-материальная практически-познавательная деятельность человека и вырастающая на этой основе и как ее продолжение собственно познавательная деятельность — это и есть то, что формирует познание как особую сферу деятельности людей. Познавательная деятельность осуществляется посредством, как только что было сказано выше, **специфических — познавательных — отношений**.

Сами эти отношения воплощают в себе специфически объективный, а потому и общезначимый характер познавательной деятельности. Но никак не наоборот, как думают некоторые сторонники принципа общезначимости в познании. Общезначимость в познании вытекает как следствие из необходимого, если угодно, принудительного характера познавательных отношений.

Различные субъекты — как отдельные индивиды, индивидуальные субъекты познания, так и целые группы людей, коллективные субъекты познания. Вплоть до человечества в целом, как единого субъекта всех видов деятельности, включая специализированные познавательные ее виды. Например, и в первую очередь, научно-познавательную деятельность.

Отношения отдельных субъектов познания к своим объектам существуют только «внутри» и посредством отношений, характерных для всего познающего сообщества.

Взаимосвязь практически-познавательных отношений субъектов к объектам познания и системы объективных познавательных связей, которые независимо от воли и сознания познающих людей, сознания исследователей ставят их и результаты их деятельности — знания — в объективные, необходимые отношения друг к другу. Это реальный процесс, который реализуется непрерывно, каждодневно и ежеминутно везде, где имеет место тот или иной вид познавательной деятельности.

Познавательные отношения могут и являются разными в зависимости от объективных условий. Но сама указанная связь есть общая закономерность познания, начиная с первых этапов его формирования и развития, и кончая стадией высокоразвитого, современного научного познания.

Сам это процесс в метапознании фиксируется как переход от стадии, когда еще не существовало познания как особой сферы человеческой деятельности, в отличие от других сфер деятельности, а познавательные действия, познавательные акты были неразрывно, синкретически слиты со всем иным содержанием деятельности людей, к стадии появления познания как особой сферы деятельности. То есть к стадии, на которой возникают определенные группы людей, которые начинают специализироваться на систематической фиксации сначала преимущественно чувственной информации, а затем и во все возрастающей мере — на фиксации разного рода рационально-оформленной информации об объектах познания и преобразования, а также информации о различных способах, средствах познания и преобразования объектов.

Происходит это при участии особых, уже познавательных целей, отделяющихся от многочисленных и многосложных, синкретических практических целей людей, т. е. от целей, которые были связаны непосредственно с получением результатов, удовлетворяющих те или иные текущие нужды, потребности людей.

Фиксация информации, в том числе с использованием различных знаковых средств (устной речи, языка), формирование различных видов знания представляют собой процесс познания, взятого в единстве с теми познавательными отношениями, которые при этом производятся и воспроизводятся.

При этом познавательная деятельность, опосредованная уже имеющимися идеальными и материальными средствами познания и взятая в системе соответствующих этим средствам конкретных познавательных отношений, может и должна рассматриваться как некий способ производства знаний, как способ познания.

Понятие (категория) **«способ познания»** мы рассматриваем в качестве первого собственно метапознавательного понятия, в качестве категории метапознания, элемента системы понятий, которая пред-

лагается в настоящей работе. В дальнейшем к нему присоединится понятие (категория) «тип познания»¹.

В объективном, практически-познавательном отношении объекта и субъекта познания можно выделить два аспекта. **Во-первых**, аспект, связанный с воспроизводством, возобновлением самих субъектов познания, познающих людей, исследователей. **Во-вторых** — аспект, связанный с собственно получением и переработкой субъектами познания чувственной информации.

Возможность постоянного получения все новой чувственной информации является первой, исходной предпосылкой познания как такового. Особую роль при этом играет постоянно растущая потребность субъектов познания в чувственной информации и переработке такой информации. Это требует от субъектов познания, познающих людей постоянных усилий, активности, в том числе их объединения этих усилий. Особенно на современном этапе развития научного познания. Дифференциация познавательной активности людей всегда давала себя знать, а в настоящее время достигла своих пиковых значений.

---

¹ Здесь хотелось бы вспомнить наш вступительный реферат в аспирантуру кафедры философии естественных факультетов МГУ им. М. В. Ломоносова в 1977 г. «Трансформационные модели познания и преобразования действительности». К сожалению, реферат был впоследствии утерян. В этом реферате уже присутствовала идея этапного развития познания, идея способов, а главное — исторических типов познания, которая лежит в основе данной монографии, как в ее первом (1998 г.), так и во втором, настоящем издании. Она же стала главной идеей нашей докторской диссертации, защищенной в декабре 1999 г. в Тюменском государственном университете — «Проблема типологического единства познания и метапознания: гносеологический аспект». Текст докторской диссертации, поскольку он существенно отличался от указанной монографии, был издан нами в 2005 г. в качестве самостоятельной монографии — «Метапознание: некоторые фундаментальные проблемы». Данная идея присутствует также в нашей кандидатской диссертации, защищенной в МГУ им. М. В. Ломоносова в мае 1981 г. — «Место и роль описания в научном познании». В частности в том пункте, где была высказана мысль о преобладающих на том или ином этапе научного познания видах научных исследований.

Сама потребность в новой чувственной информации стимулировалась появлением сначала немногочисленных, но затем все умножающихся в числе специальных орудий, средств получения, а затем и переработки чувственной информации. Это означало уже полное выделение познания в особую сферу деятельности, носителями которой становится особая группа (группы) людей — собственно субъектов познавательной деятельности. Или — субъектов преимущественно познавательной деятельности.

Предпосылкой существования и развития познания, особенно науки, является постоянное воспроизводство самих субъектов познания, ученых, исследователей. Необходимо постоянное привлечение и специальная подготовка новых индивидов, представителей новых поколений, к постоянно усложняющейся познавательной деятельности. При этом, специфические познавательные отношения, связанные с подготовкой новых субъектов познания, как и познавательные отношения других видов, характеризуются также объективным характером.

Отношения подготовки новых поколений субъектов познания во многом не зависят от участников процесса подготовки новых поколений исследователей: учителей, воспитателей, преподавателей, учеников, студентов и т. п. В своей основе эти отношения связаны с объективными познавательными отношениями, с объективными по своей природе средствами познания — знаниями, методами, материальными средствами познания.

Отношения подготовки новых поколений исследователей весьма устойчивы, нередко откровенно консервативны. Как всякий процесс обучения, особенно основанный на некоей традиции. Эти отношения зачастую даже более устойчивы, чем собственно познавательные отношения. Но именно эти отношения — связанные с обучением, образованием — задают те непосредственные рамки, в которых происходит становление человека как исследователя, ученого.

Данные отношения возникают и функционируют по тем же схемам, что и собственно познавательные отношения. В них реализуются особые познавательные потребности. Начиная с потребности в притоке новых поколений познающих индивидов, т. е. людей, способных осуществлять в будущем познавательную деятельность в тех

формах, которые сложились к определенному моменту. Причем эта деятельность, скажем так, воспроизводит особый тип повторно-познавательных отношений, независимых в своей основе от субъективных установок как учителей, так и учеников.

Дело в том, что характер этих отношений определяется уровнем развития **наличных знаний** и **наличных средств познания** вообще. Хотя при этом могут давать знать о себе особенности субъективного фактора в познании и в сфере подготовки новых поколений субъектов познания. Эти факторы нередко приводили и приводят к ситуации несоответствия между уровнем, достигнутым реальным познанием, в лице актуально действующих субъектов познания, например, научного — ученых, и способами подготовки новых поколений исследователей.

Выявив объективные детерминанты познания, науки, можно попытаться строить модели объективных структур в познании и науке в целом, а также относительно их частей, подсистем. Нет ничего удивительного в том, что в сознательной деятельности познающих людей, исследователей, в использовании ими идеальных образований присутствуют отношения, детерминирующие познавательную деятельность.

Например, это имеет место в случае применения законов формальной логики, т. е. законов, которые присущи мышлению человека и действуют при этом независимо от сознания и воли людей. То же самое можно констатировать относительно математического знания, вообще относительно любого знания. Так как это знание сформировано и введено в познавательный обиход.

Это касается даже так называемого скрытого, или интуитивного знания, которое, несмотря на всю свою специфичность, проявляется вполне реально, объективно в познании как фактор, который действует с необходимостью, даже принудительностью. То есть является чем-то вполне объективным.

Познавательная деятельность, порождая все новые и новые результаты, придает определенный смысл существованию связанных с ней отношений различных видов. Отношений, обеспечивающих и сохраняющих саму ее возможность, стимулирующих ее и т. д.

Так, формы организации и функционирования современной науки имеют смысл только тогда, когда осуществляется познавательная деятельность как таковая. Это научные школы, институты, лаборатории. Это различные центры, направления, подходы; различные формы коммуникаций: конференций, симпозиумов, конгрессов, периодических и непериодических научных изданий. Сама наука теряет смысл, если познавательная деятельность прекращается или вырождается в лженауку.

Именно об этом много раз говорил А. А. Зиновьев, характеризуя те же общественные науки советского периода, в условиях сталинского «социализма», т. е. в условиях, когда наука идеологизируется, теряя вместе с тем всякое творческое начало. Не говоря уже о своем революционном качестве.

Однако познавательные отношения ни в коей мере нельзя отрывать от познавательной деятельности человека. Нельзя эти отношения рассматривать, как нечто совершенно самостоятельное, как это делается подчас в отношении структуры знания, которая при этом выдается за структуру исследования, т. е. процесса. И даже за структуру процесса познания в целом. В подобных случаях познавательные отношения теряют почву, повисают в некоем особенном пространстве. Кстати, для фиксации которого, упомянем еще раз, К. Поппер даже особое пространство придумал — «третий мир».

Особая, непрямая связь познавательных отношений с познавательной деятельностью человека подчеркивается и тем фактом, что отстоящая от реального познания практика подготовки новых поколений субъектов познания, исследователей явно более консервативна, чем само реальное познание.

В реальном познании каждый раз имеет место ситуация, такая система отношений, которая вытекает из его реальных же условий. Познавательные отношения специфичны для каждого исторического этапа, стадии развития познания. Они не могут строиться искусственно, а складываются, выявляются помимо воли и сознания познающих людей, отражая степень развитости познания на данной ступени. Реальные, исторические субъекты познания могут осознавать лишь то, что так или иначе уже вошло, присутствует в наличных познавательных отношениях.

Объективный характер познавательных отношений во всех исторических типах и на всех уровнях познания, научного в том числе, превращает метапознание — как рефлексию на предметное познание — в научное метапознание. И дальнейшее развитие метапознания — научного метапознания — состоит в том, чтобы раскрыть, выявить роль и место каждого исторического типа познавательных отношений. А значит раскрыть и выявить роль и место соответствующих — любых — элементов, компонентов познания в единой системе познания, включая само метапознание.

Чтоб решить эти задачи, или хотя бы наметить пути их решения, необходимо обратиться к понятию (категории) «тип познания». А также к характеристике процессов познания, связанной со сменой типов познания.

2.1.2. Тип познания: генезис и трактовка

Проблема типов познания является ключевой для метапознания. Особенно для его философского уровня. Она предполагает специальное и развернутое обсуждение. Под типом познания мы понимаем исторически конкретный этап познания, характеризующийся единством во всех своих составляющих. Такое понимание исторических типов познания имеет значение для общего понимания природы познания, а также для понимания любых его составляющих.

Накопленные метапознавательные факты выдвигают задачу разработки понятия «тип познания». Как с точки зрения его философско-метапознавательного содержания, так и с точки зрения его конкретно-метапознавательного содержания. Разработка этого понятия, этой категории метапознания обуславливается также необходимостью проследить возникновение и развитие познания.

В частности, определено ответить на вопрос: возникает ли научное познание в Древней Греции, а возможно и еще раньше, в Древнем Египте, например, или же оно возникает только в Новое время? Каково значение достижений познания в Древнем Китае, Древней Индии, Древней Греции? А также на вопрос — чем характеризуется современный этап научного познания?

Эта проблема, в связи с необходимостью различения познавательных процессов, взятых как некая целостная, единая сфера, и процессов познания, протекающих в отдельных областях познания, отдельных науках, т. е. в связи с этапным развитием, сменой исторических типов познания в целом и в отдельных областях познания в частности.

До тех пор, пока подобное различие не будет проведено со всей определенностью, не смогут быть различены многие метапознавательные проблемы. Ибо даже в настоящее время нередко одни методологи, философы науки апеллируют к одним сторонам, аспектам познания, а другие — к другим, решая один и тот же вопрос. При этом как те, так и другие оказываются правыми и неправыми в одно и то же время, хотя и не в одном и том же отношении.

Нередко друг другу противопоставляются одни и те же метапознавательные факты. Причем и то, и другое имеет свое основание. Задача метапознания, философско-метапознавательных исследований состоит в том, чтобы, не отбрасывая ни эти факты, ни созданные для их объяснения метапознавательные теоретические конструкции, вскрыть те посредствующие звенья в самом познании, которые и придают метапознавательным положениям не совпадающий и даже противоречащий друг другу вид.

В нашей кандидатской диссертационной работе «Место и роль описания в научном познании», защищенной в 1981 г. в МГУ имени М. В. Ломоносова, и изданной на ее основе монографии [824] сформулировано положение о наличии двух этапов описания во всяком исследовании, как эмпирическом, так и теоретическом. Было сформулировано также положение о том, что описание предшествует объяснению, с одной стороны, и завершает его — с другой.

На первый взгляд, это не согласуется и даже противоречит многим достаточно распространенным метапознавательным подходам к формам и методам познания, в частности к описанию. Данное противоречие преодолевается тем, что мы за основу в той работе взяли понятия «научное исследование» и «этапная структура научного исследования». Затем мы различили динамические и статические формы познания, с одной стороны, и поисковые и описательные этапы исследования — с другой. Это послужило в качестве промежуточных звеньев, опосредующих полученные общие результаты

и метапознавательные положения и метапознавательные фактические данные.

Было введено различие предметного и методологического аспектов, как каждого отдельного исследования, так и познания в целом. Была высказана идея двух типов циклов познания: 1) как сменяющихся состояний наличного знания, наличных результатов познания, и 2) как сменяющихся друг друга этапов познания как процессов деятельности познающих индивидов, субъектов познания, т. е. как его циклического движения при динамическом подходе. И некоторые другие.

Реальное многообразие познания, его сложность, различные его отклонения не могут опровергнуть общей формы его развития. Или, как говорят, логику его развития. Вопрос об общих закономерностях познания, придающих ему единство и определенную последовательность, не тождественен вопросу о том, какие конкретные области познания существовали и существуют и какие этапы в своем развитии они проходили и проходят.

Теоретическое метапознание, прежде всего, его философский уровень, должны рассматриваться как основа, как общая установка, как общее руководство для специальных метапознавательных исследований, конкретных его областей. И это никаким эмпирическим метапознавательным фактам непосредственно противоречить не может.

Уместно привести в подтверждение обоснование подобного рода ситуаций в познании в концепции И. Лакатоша, связанной с так называемыми исследовательскими программами [384; 1009; 1010, 1011]. Хотя сам феномен подобных программ, в свою очередь, нуждается в развернутом метапознавательном обосновании, т. е. с учетом того, что такое обоснование выходит далеко за те рамки, которые автор методологии исследовательских программ намечал перед собой.

Да, возникающие на наших глазах новые области исследований зачастую сразу строятся, так сказать, и сверху, и снизу. Имеет место одновременное, параллельное становление эмпирического и теоретического уровней. Но отсюда нелепо делать вывод о том, что так, или почти так, было всегда. Что этим опровергается общее положение метапознания о том, что исторически развитие сферы опытного, эмпирического познания предшествует и потому приводит к становлению

собственно теоретических исследований, т. е. является для них естественной основой.

Впрочем, здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что в познании с самого начала его развития как особого аспекта человеческой деятельности имели место духовные компоненты, которые, однако, нельзя рассматривать в качестве теоретического уровня тогдашнего познания. Теоретического в современном смысле слова. Как невозможно рассматривать в качестве нормального теоретического уровня познания факт натурфилософского рассуждения о скрытых сущностях, как в старом, античном, так и в любом другом современном виде.

Что, кстати, имело место в начале становления уже рационального по своей природе познания. Но также и гораздо позднее, например, в познании Нового времени, а также и гораздо позднее — т. е. уже в настоящее время.

Становление теоретического уровня собственно уже научного познания происходит в борьбе тенденции обобщения, идущей от эмпирического уровня, от опыта, с одной стороны, и прототеоретическими, натурфилософскими умозрительными положениями — с другой.

В современном развитом научном познании одновременное, параллельное, иногда даже опережающее становление и развитие теоретического уровня по отношению к эмпирическому уровню той или иной отдельно взятой области научного познания возможно благодаря использованию уже сформировавшегося в других областях средств теоретического качества. В частности, благодаря использованию уже имеющихся средства математики, а также средств философии, включая средства метапознавательного уровня.

В то же время вопрос о соотношении общеметапознавательных, философско-метапознавательных и частнометапознавательных исследований, вопрос о соотношении общих законов познания и законов, присущих отдельным областям познания, порождает целый ряд особых и очень важных вопросов.

В частности, это следующие вопросы. 1. Каково содержание понятия «тип познания»? 2. Чем детерминируется ход познания и можно ли выделить основную детерминанту, общую для всех компонентов, аспектов познания? 3. Если подобный детерминант существует, то каковы механизмы его реализации, придающие развитию по-

знания характер естественного, закономерного процесса? А также как соотносится развитие познания, фиксируемое философско-метапознавательной теорией, и реальный, эмпирический ход познания, изучаемый различными конкретными метапознавательными дисциплинами, например, историей познания (науки), науковедением, социологией познания (науки) и др.?

Начнем с понятия (категории) **«тип познания»**. В отношении этого понятия (категории метапознания) возможны два противоположных подхода: 1) понимать под типом познания нечто эмпирически общее, образованное путем непосредственного обобщения результатов истории познания (науки); 2) понимать под типом познания некоторую мысленно образованную, умозрительную метапознавательную конструкцию. Иначе — как идеальную модель определенного этапа познания, построенную, однако, также путем выделения общих черт реально существующих областей познания, конкретных наук. Прежде всего — наиболее развитых областей, конкретных наук, как это было свойственно для метапознания Нового времени. Как, впрочем, и для метапознания Новейшего времени, особенно, применительно к физике.

Каждому из этих подходов свойственна типизация познания на уровне эмпирического метапознавательного исследования. Что до известной степени оказывается вполне оправданным, с целью избежать рецидивов натурфилософии, как материалистически, так и идеалистически ориентированных. О чем говорилось выше.

В то же время ввести категорию «тип познания» принципиально невозможно, если исходить исключительно из непосредственных обобщений эмпирических данных, прежде всего историко-познавательных, историко-научных. Оставаясь на уровне простого суммирования общих признаков ряда конкретных областей познания, конкретных наук, их истории, можно ожидать только довольно абстрактного определения познания, науки, хотя и связанного с большим массивом эмпирических метапознавательных данных.

Опираясь только на такое определение познания (науки), можно легко натолкнуться на отсутствие важных признаков того или иного типа познания у конкретных областей познания, конкретных наук. Отсюда недалеко и до вывода о непригодности понятия «тип познания» для метапознавательной теории.

Неизбежным следствием такого подхода к типологии познания является понимание типа познания как своеобразного шаблона, с которым должно соотноситься реальное познание. Та или иная его область. Причем, эта область нередко представляется своего рода «отклонением от правил», «исключением» и т. п.

По нашему мнению, именно это и происходит с таким понятием, как «парадигма», в его истолковании Т. Куном опять же в его работе «Структура научных революций» [375]. За что эта работа вполне правомерно критиковалась. Другое дело, что в этой работе представлены вполне существенные моменты познания. Но только вовсе не этапного, эпохального характера в отношении познания.

Куновские парадигмы, причем весьма непохожие друг на друга, вполне могут и реально имеют место в рамках одного и того же этапа, или, как мы утверждаем, исторического типа познания. Например, типа познания, присущего Древней Греции. Или познания Нового времени. Но особенно современного познания.

Конечно, переход от одного типа познания к другому ведет за собой большие перемены в парадигмальной структуре познания. Но это не значит, что все должно при этом сводиться исключительно к так называемым парадигмам, или перипетиям, связанным с их борьбой или даже сменой. Парадигмальный масштаб существенно мельче, чем тот масштаб познания, который характеризуется через исторические типы познания.

Понятие «тип познания», отметим, не является просто идеальной метапознавательной моделью, так же, как не является и простым обобщением эмпирического метапознавательного материала. Это понятие, базовая категория метапознания, вырабатывается не просто и не только на основе выделения общих черт реально существующих областей познания, науки. Оно формируется, как это и происходит во всех теоретических исследованиях любых наук, путем специфически теоретического проникновения в сущность соответствующего процесса — в сущность процесса познания и его законы.

Основой формирования добротного теоретического понятия «тип познания» может быть, как мы считаем, идея особого типа отношений, а значит взаимодействий и связей, которые складываются в процессе реальной познавательной, научно-познавательной деятельности, о чем шла уже речь выше. Набор таких объективных **познавательных**

отношений, взаимодействий и связей, взятых в их единстве, и характеризует сущность всякого типа познания. Что позволяет отбросить умозрительные разговоры о познании вообще и исследовать законы развития конкретных этапов, областей, сфер во всей их полноте. Аспектов познания, науки, в первую очередь.

Таким образом, как нам представляется, реальные, исторические, типы познания представляют собой системы — единства познавательных отношений, взаимодействий и связей, — сложившиеся в тот или иной период истории. Например, в Древней Греции, в Новое время, в XIX в., наконец — в настоящее время, на рубеже второго и третьего тысячелетий. Каждая из таких систем знаменует собой особую ступень в развитии познания, науки, как особого аспекта, особой сферы общества.

Анализ объективных познавательных отношений, взаимодействий и связей ведет к обнаружению в структуре различных областей познания, науки общего, существенного, закономерного. Тем самым это позволит внести в метапознание, современное научное метапознание, в первую очередь, критерий повторяемости, устойчивости, а главное — необходимости. Того, без чего никакой объект, в том числе познание, существовать не может.

Такой анализ позволит отличить существенное в познании от не существенного, второстепенного. Появляется реальная, конкретная возможность для объективного системного изучения познания, науки.

Познавательные отношения, взаимодействия и связи — это своего рода скелет реальных типов познания. В самом общем виде такие отношения, взаимодействия и связи представляют собой всеобщую структуру любого типа познания вообще — структуру типа познания, как она фиксируется категорией «тип познания». Все конкретные модификации типа познания, все реальные исторические типы познания, научного познания, в том числе, обладают подобным скелетом.

Познавательные отношения, взаимодействия и связи, связанные с соответствующими объектами познания, будучи объективными по своему существу, составляют то, что мы предлагаем называть **«предметным базисом»**¹ соответствующего типа познания.

---

¹ Более детально с этим можно ознакомиться в нашей монографии «Метапознание. Некоторые фундаментальные проблемы» [822, с. 16–23].

Категорию «тип познания» нельзя понимать только как мысленную конструкцию. Хотя она и вырабатывается теоретическим сознанием философов, методологов. Понимать лишь как средство, способ упорядочения метапознавательного материала. Тип познания, в нашем понимании, есть не только и не просто метапознавательная абстракция. Не представляет собой тип познания и только то, что в качестве общего присутствует в конкретном, особенном материале познания.

Тип познания, для нас, — это вполне определенная познавательная реальность. Объективный факт.

Чтобы категория «тип познания» не трактовалась лишь как идеальная модель, хотя момент идеализации здесь присутствует, она должна рассматриваться как важный результат и предпосылка развития метапознания как такового. Любой реальный тип познания выступает основанием, предпосылкой формирования такого реального следующего исторического типа познания.

Категория «тип познания» должно фиксировать то, что является существенно-общим в познании, науке. А также то, что в реальном познании, в реальной науке является наиболее развитым, наиболее отчетливо сформированным и проявленным как общее в отдельном.

Может создаться впечатление, что наличие в истории познания, науки как бы неких классических форм выражения определенного типа познания облегчает использование данной метапознавательной категории.

Данное обстоятельство может и осложнять применение категории «тип познания» в практике конкретных метапознавательных исследований. Взять тот же факт, что античная Греция дала своеобразный классический вариант первого этапа развития познания, как особой, относительно самостоятельной сферы человеческой деятельности. Деятельности, которая выделилась из сферы непосредственно практической, утилитарной деятельности. Чего еще не наблюдалось ни в так называемой «жреческой науке» Древнего Египта, ни в «науке» Древних Китая и Индии. Не говоря уже о Древнем Среднем и Ближнем Востоке.

На самом деле, как показывает углубленный анализ феномена древнегреческой «науки», здесь мы имеем дело с некоторой иллюзией.

Иллюзией, согласно которой будто бы можно в чистом виде изучать процессы возникновения научного познания как такового, а также переход от одного этапа, типа его развития к другому.

Многочисленные историко-научные исследования, насколько мы можем судить об этом, не подтверждают данного обстоятельства. Реально познание, которое мы знаем из истории, как особая надпрактическая сфера жизнедеятельности общества, как бы заново возникает в Новое время.

Правда, иногда торопливо формулируются выводы о том, что в Древней Греции вообще не было особой сферы собственно познания, науки. Утверждается, что наука Древней Греции — тупиковая ветвь развития познания, натурфилософская по своему существу. Что не совместимо с действительной наукой.

Мы объясняем это тем обстоятельством, что так называемые классические проявления того или иного исторического типа познания не отменяют факта, согласно которому они характеризуют не столько этапы развития познания, науки в каждом конкретном обществе, сколько этапы развития познания, науки как ступени единого общечеловеческого, общеисторического развития процесса познания.

Тип познания как базовая метапознавательная категория характеризует этапы развития единого познания. Он характеризует объективно необходимую связь многообразных познавательных процессов в качестве важнейшего условия движения единого познания, понимаемого как развитие и смену исторических типов познания.

Познание как таковое возникает из простого чувственного отношения к окружающему миру, из созерцания. Это чувственное отношение принимает вид сначала мифологического качества.

Затем появляется натурфилософский подход, заполняющий отсутствие теоретического уровня познания, путем простого соотнесения того, что очевидно не соответствует природе объекта с реальной действительностью.

Дальнейшее развитие познания, характерное западноевропейской традиции, начиная с рубежа позднего Средневековья — Нового времени, происходит на основе превращения прежнего эмпирического созерцания в собственно наблюдение и активный опытный подход к объекту.

Таким путем начинают формироваться нормальные компоненты уже собственно научного теоретического уровня познания, т. е. компоненты уже не натурфилософского, умозрительного качества. Хотя рецидивы натурфилософии в Новое время реально имели место, вплоть до середины XIX в.

Первые действительно научные теоретические элементы познания начинают активно противостоять и противодействовать натурфилософскому познавательному качеству. Они постепенно начинают вытеснять натурфилософию, будучи ориентированными на достаточно последовательные обобщения эмпирических данных, опыт, при ускоренном изменении качества эмпирического уровня познания. Начинает формироваться здоровый теоретический уровень уже, фактически, научного познания.

Но именно в Античной Греции появился первый, если быть справедливыми, отчетливый исторический тип познания, как особая сфера деятельности общества. Появляется сфера деятельности особой, правда, явно немногочисленной, группы людей — натурфилософов, а также пионеров некоторых конкретных областей познания: в математике, геометрии, истории и т. п.

Впрочем, в начале Нового времени с опытного, позднее — экспериментального, исследования начинают далеко не все даже естественные, т. е. ориентированные на изучение природы, области познания. Это характерно для тех областей, которые еще у древнегреческих и даже древнеегипетских ученых прошли своеобразную подготовку. Это касается, прежде всего, такой области физического познания, как механика.

Также получают дальнейшее развитие астрономия и математика. Что касается других областей, которые стали оформляться позднее, а их большинство, то они в это время переживали своеобразный подготовительный этап. И лишь позднее, под влиянием более продвинутых областей, прежде всего, ньютоновской механики, начинают переходить к систематическому опыту и эксперименту.

Важным для понимания содержания и значения категории «тип познания» является то обстоятельство, что эта категория разрабатывается вовсе не только как некая метапознавательная абстракция, идеализация, безотносительно к решению специальных метапознавательных задач. Поскольку данное понятие разрабатывается нами

в качестве метапознавательной категории, открывающей новые возможности в изучении сложной сети познавательных отношений, взаимодействий и связей, постольку пользоваться ею можно и нужно не абстрактно, а конкретно — теоретически конкретно, т. е. в рамках ее специфических метапознавательных возможностей.

Для сферы метапознания понятие «тип познания» имеет не меньшее значение, чем понятия «вид», «род», «класс», «тип» — для наук о живом. В то же время реальное развитие познания, сферы деятельности профессиональных исследователей складывается из многочисленных исследовательских процессов, исследований из различных областей. Что далеко не всегда совпадает с логикой основного пути развития познания, прослеживаемого от одного исторического типа к другому. Это особенно характерно для новейшей эпохи.

Реально познание предстает в виде огромного, все умножающегося многообразия конкретных «историй» составляющих познание, науку процессов. Совокупностей этих процессов, их результатов — знаний, так или иначе объективированных в знаковых или непосредственно материальных средствах. Причем собственная судьба этих средств заслуживает особого внимания. Эта судьба нередко своеобразна, неповторима. Достаточно вспомнить судьбы древних рукописей, древних «лабораторий» для астрономических наблюдений, как, например, Стоун Хэндж и т. п.

В общем, основные трудности метапознания тогда только и начинаются, когда опираясь на метапознавательные категории, в первую очередь, на категорию «тип познания», необходимо перейти к тому или иному конкретному метапознавательному исследованию. Этим трудностей можно, конечно, и «избежать», например, путем отбрасывания из реального познания всего, что не укладывается в ту или иную идеальную метапознавательную схему. Можно отказаться от общей метапознавательной теории вообще.

Чтобы, как говорят некоторые теоретики познания, сохранить чистоту и неприкосновенность некоей чистой эмпирической реальности познания, науки. Ни как будто забывают при этом о том, что каждый из них волей-неволей уже является носителем подобных, к тому же, как правило, почти никак не разработанных, ходульных схематических установок.

Итак, без категориальных, общетеоретических элементов современное познание и его теория — метапознание — обойтись не могут. Вопрос заключается в том, насколько полно, последовательно и оправданно эти общетеоретические, категориальные компоненты получены с точки зрения общепринятых критериев современной научности.

2.1.3. Тип познания: содержание и структура

Категория «тип познания» фиксирует важнейшие, существенные признаки познания, взятого в его системном единстве, т. е. только такие особенности познания, которые повторяются во всех областях, компонентах познания, науки, т. е. те, которые можно обобщить и выделить в некотором «чистом виде».

В структуре познания, науки с точки зрения их общей типологии, можно выделить три основных составляющих:

1. Средства познания, а именно уже имеющиеся знания, методы и методики, материальные приспособления, приборы и т. п. А также самих субъектов познания, исследователей, как носителей этих знаний, методов, навыков и умений использования приборов.
2. Познательные отношения, взаимодействия и связи, имеющие место между различными компонентами, сторонами, элементами познания, входящими в число средств познания. Причем как друг к другу, так и к исследуемому объекту.
3. Своеобразный предметный базис познания того или иного типа познания, в который можно включить все те средства и отношения (взаимодействия, связи), которые связаны непосредственно с объектом познания. А также метапознательную надстройку, в которую следует включить все те средства познания и познавательные отношения (взаимодействия и связи), которые ориентированы на осмысление, изучение самого познания и, прежде всего, на его предметный уровень.

В метапознании, которое является третьим основным родом познания наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, а также метапознательной надстройкой всякого типа познания, можно выделить особую часть — своеобразный квазипредметный аспект, свою собственную мета-метапознательную надстройку.

Квазипредметным уровнем метапознания выступает само предметное познание — естествознание и социально-гуманитарное познание как предметный базис всякого исторического типа познания и как своеобразный объект исследования в метапознании.

В то же время в предметном уровне типа познания — естествознании и социально-гуманитарном познании — можно отметить наличие метапознавательных по своей природе элементов — отношений, взаимодействий, связей. Иногда даже в весьма развитом виде. В математике, например, в виде метаматематических исследований. Эти метапознавательные компоненты образуют в каждом предметном исследовании его методологическое основание.

В отличие от известной однозначности общего содержания категории «тип познания», его применение к различным метапознавательным ситуациям может и, как правило, оказывается явно неоднозначным. Это может порождать даже представление о том, что существует не одно, а целое семейство близких, хотя и не тождественных, понятий, объединяемых термином «тип познания».

Представляется, что в рамках общей метапознавательной теории на философско-метапознавательном уровне можно выделить несколько основных аспектов применения категории «тип познания», а также категории **«способ познания»**.

Как категория, позволяющая выделить в континууме познавательного процесса качественно определенные, относительно устойчивые образования, данные категории имеют своим основным предметом, предметным содержанием, денотатом, исторические, то есть определенные во времени и пространстве познавательные отношения, взаимодействия и связи по поводу производства новых знаний, методов, исследовательской техники.

Вычленение среди этих отношений, взаимодействий и связей их основных видов позволяет достаточно строго определить и соотнести различные этапы познания. Например, познание Нового времени и современное познание.

Познание на заре становления человеческого общества и познание в условиях первых древних цивилизаций, например, познание Древнего Египта и познание Древней Греции. Все это, к тому же, позволяет вскрыть в уникальных, неповторимых явлениях познания существенно общее, необходимое, закономерное, сущностное.

Иное предметное содержание категория «тип познания» обретает в случае, когда на его основе предпринимается попытка выразить некий случай проявления определенных познавательных отношений, взаимодействий или связей в некоторой отдельно взятой области познания.

Так, особенности познания Нового времени, вплоть до середины XIX в., да даже применительно к современному познанию, исследуются преимущественно на примере физической науки. Притом зачастую лишь относительно некоторых ее частей — механики, оптики, позднее — теории электричества, еще позднее — в отношении теории относительности и квантовой механики. Что при этом дает себя знать?

В ходе подобных метапознавательных исследований, помимо вычленения скелета соответствующего этапа познания, т. е. основных познавательных отношений, взаимодействий, связей и соответствующих компонентов этих отношений и т. д., осуществляется анализ вполне конкретного проявления этих познавательных отношений, связей и т. п. При этом выделенные познавательные структуры окружаются огромной массой конкретного материала, относящегося только к названным отдельным областям физики. А также к некоторым другим областям, понимаемым по общей схеме. Что порождает картину якобы всего познания в целом на данном этапе.

В таких случаях содержание категории «тип познания» применительно к исторически определенному этапу познания, взятому в определенном же аспекте, вовсе не сводится к указанным выше трем структурным составляющим — структуре предметного базиса, средствам познания и познавательным отношениям (взаимодействиям и связям).

В категорию «тип познания», а также близкие ей понятия «этап познания», «степень познания» и т. п. часто включают многие частные, специфические компоненты, которые отсутствуют на уровне общего применения категории «тип познания». В этом случае, помимо общих характеристик трех компонентов всякого типа познания, приводятся также характеристики многочисленных типичных примеров средств познания, познавательных отношений, компонентов самого метапознания. Эти примеры берутся, как правило, из наиболее развитых областей познания, науки.

Речь идет о трех составляющих типов познания именно в том виде, в каком они выступают в данных областях на конкретных этапах их становления и развития, т. е., продолжая разрабатываться на общетеоретическом, философско-метапознавательном уровне, категория «тип познания» максимально приближается к специфической реальности соответствующего этапа познания как к своей разновидности. Нечто подобное вообще происходит со всякой категорией любого вида, типа или уровня познания.

Можно утверждать, что хотя в реальном познании не встречается индивидуальных явлений, абсолютно укладывающихся в соответствующую метапознавательную категорию, то отсюда еще не следует, что метапознавательные категории должны рассматриваться в качестве чистых абстракций, вычленяющих исключительно общее, не имеющее непосредственных аналогов в реальном познании.

Любое метапознавательное понятие, любая категория метапознания, в том числе категория «тип познания», должны рассматриваться и как теоретические метапознавательные абстракции, дающие некоторое частичное отображение чего-либо в познании, но также и как достаточно конкретное понятие. Это касается, прежде всего, тех случаев, когда речь идет о наиболее развитых, зрелых состояниях познавательного процесса; когда речь идет о так называемом классическом выражении того или иного познавательного явления, даже познания в целом.

Следует различать идею, на основе которой происходит разработка категории «тип познания», позволяющей отличить один этап познания от другого, и само содержание данной категории, характеризующее каждый этап познания как особое познавательное единство, своеобразный познавательный организм, систему, имеющую свои особенные законы возникновения, развития и функционирования.

Категория «тип познания» — это итог осмысления познания, науки, их истории. История познания представляет собой развернутый во времени и пространстве процесс восхождения от одной ступени развития познания к другой.

История познания есть процесс перехода от стадии, когда познание, как особая сфера, вообще еще отсутствовало; далее, через стадии возникновения особой сферы познавательной деятельности и ее

развития в условиях различной степени дифференциации, включая дифференциацию (специализацию) самих субъектов познания, к стадии интеграции познания, формирования, фактически, единого субъекта познания и проникновения науки во все без исключения сферы жизни общества и слияния с ними.

Познание представляет собой совокупность развернутых в пространстве и во времени процессов развития различных отдельных своих составляющих — отдельных областей сначала разрозненных исследований, затем областей так или иначе связанных исследований, тех или иных их объединений и т. д.

Рассматривая содержание категории «тип познания», следует также иметь в виду обе только что указанные ее характеристики. Как понятие, позволяющее мысленно расчленять познание на различные этапы, данная категория фиксирует то существенно общее, что отличает один этап познания от другого. С другой стороны, как понятие, характеризующее своеобразие каждого этапа познания, категория «тип познания» фиксирует каждый этап познания во всем объеме его бытия.

Сама по себе категория «тип познания» не дает конкретных метапознавательных знаний о какой-либо конкретной области познания в отдельности. Но она не дает также конкретных знаний и о познании в целом.

Значение категории «тип познания» состоит в том, что она позволяет наметить пути преодоления абстрактных рассуждений о познании, науке вообще и сосредоточиться на конкретном изучении различных компонентов познания, поскольку дает общие объективные критерии выделения этих компонентов, их разграничения и целостной характеристики в рамках той или иной исторически конкретной системы познания.

Категория «тип познания» может использоваться как для изучения единства познания, так и для изучения присущих ему различий. Вычленение объективных структур познания как того, что отличает один этап развития познания от другого, один тип познания от другого, выступает необходимой предпосылкой рассмотрения каждого компонента познания. Вот почему важно уделить внимание всесторонней разработке самой категории «тип познания», прежде всего в духе понимания познания как системы взаимосвязанных элементов различной природы.

Мы исходим из того, что возникновение, развитие и функционирование любого реального исторического типа познания определяется в первую очередь тем, каким образом происходит **формирование новых знаний**, потребность в которых возникает у человека, общества. В связи с этим возникает необходимость в четком разграничении таких категорий метапознания, как «тип познания» и «способ познания».

Первое понятие — «тип познания» — очевидно, представляется как более богатое по своему содержанию, чем второе — «способ познания». Поскольку оно включает в себя все три основных признака познания как целостного, системного образования: 1) наличие **средств познания**, включая самих субъектов познания, ученых, исследователей; 2) структуры познания, т. е. **познавательных отношений** самых различных видов и уровней; 3) наконец, различение так называемых **предметного базиса и метапознавательной надстройки** познания.

Второе понятие — категория «способ познания» — включает в себя только первые два компонента: 1) наличие средств познания и 2) наличие структуры познания, познавательных отношений. Способ познания есть единство средств познания, включая самих исследователей, субъектов познания, и познавательных отношений, в рамках которых действуют субъекты познания, приводя в движение все другие средства познания, прежде всего имеющиеся наличные знания. Таким образом, способ познания составляет важнейшую часть, базовую подсистему типа познания как системы.

Каждый тип познания характеризуется своим способом производства знаний. Различие предметного базиса и метапознавательной надстройки типа познания всегда соотносительно с определенным способом производства знаний. При этом важно видеть специфику метапознавательной надстройки. Она может быть присущей данному типу познания в более явной, более отчетливой или в более скрытой, неявной форме.

Но такая надстройка в каждом типе познания, даже малоразвитого, всегда присутствует. На современном этапе развития познания — научного по преимуществу, в современном типе научного познания метапознавательная надстройка к тому же приобретает особое значение для его дальнейшего развития.

Обнаружение специфических способов получения знания оказывается возможным лишь на определенном этапе развития познания. То есть не в любых, а именно в достаточно развитых типах познания.

Только начиная с середины XIX в., по нашему мнению, познание в лице классического научного типа познания на пике своего развития достигает такой степени оформленности, что его структура становится явной. Особенно это касается различия предметного основания и метапознавательной надстройки как основных подсистем всякой системы познания. Здесь развитие метапознания, метапознавательной надстройки достигает такой степени, что они начинают во многом определять сам ход познания.

Именно на этой ступени начинается и достаточно систематическое изучение прошлых этапов познания, переоценка основных методологических традиций, имевших место в истории познания и истории философии; а также их реальных достижений, прежде всего — знаний.

Подлинно теоретическая фиксация содержания того или иного конкретного способа познания, и тем более общего содержания способа познания как такового, возможна лишь на основе уже выработанных метапознавательных понятий (категорий).

Для этого недостаточно использовать, например, одни только понятия, вырабатываемые историей науки. К тому же история познания, науки сама еще требует своего существенного теоретического развития. История познания, науки сама должна уже пользоваться метапознавательными категориями. А также понятиями, выработанными методологией и логикой науки, науковедением. Хотя, казалось бы, все вышеназванные, а также любые другие конкретно-научные исследования познания связаны с теми же самыми во многом познавательными структурами, что и история познания, науки.

Когда теоретическое, тем более философское метапознавательное исследование изучает тот же объект, те же познавательные явления, что и конкретные метапознавательные исследования, оно берет его в совершенно особом аспекте. Поэтому невозможно механически переносить понятия с более низких, даже уже теоретически нагруженных уровней метапознания, на более высокие уровни. Как, впрочем, и наоборот — нельзя механически переносить понятия, категории более высоких теоретических уровней на более низкие, более конкретные уровни метапознавательных исследований.

Так, конкретные частные метапознавательные исследования фиксируют детально особенности различных средств познания во всем их многообразии с тем, чтобы получить подробную картину применения, функционирования этих средств познания в процессе получения знания. В отличие от конкретных исследований на уровне теоретического метапознания, в ходе теоретических метапознавательных исследований средства познания рассматриваются, прежде всего, с точки зрения их воздействия на состояние системы познания в целом. И они всегда берутся, при этом, в некотором обобщенном типологизированном виде.

Поэтому оправданно утверждать, что различные типы познания отличаются друг от друга не только и не столько тем, какое именно знание производится, а тем, как и с помощью каких познавательных средств получено то или иное новое знание. Та же чувственная информация, эмпирическое знание, например, присутствует, производится на всех этапах и во всех типах познания.

Вопрос в том, как используется чувственная информация или эмпирическое знание. Впрочем, вопрос не только о применении, но и о природе эмпирического знания не так однозначен, как может быть понято из только что приведенного контекста. Поэтому не случайно многие критики неопозитивистских и постпозитивистских концепций познания обратили внимание на теоретическую нагруженность фактов, фактического знания; и даже так называемых непосредственных эмпирически данных.

Характеризуя понятие «средства познания» в качестве метапознавательной категории, следует выделить в средствах познания три основных компонента:

1. **Предмет познания** в виде тех или иных своих сторон, подсистем, элементов, отношений, взаимодействий и связей (структуры) и т. п. объективной реальности. В качестве **всеобщего предмета познания** выступает объективная действительность в целом. Для метапознания, отметим еще раз, в качестве предмета выступает познание.
2. **Орудия познания** в виде уже имеющихся, наличных материальных и духовных приспособлений для дальнейшего познания. Это различные инструменты, приборы, аппаратура, установки и т. п.

Это также проверенные, обоснованные, доказанные наличные знания всех видов; т. е. все те компоненты содержания человеческого сознания, которые соответствуют своему предмету. Орудия познания несмотря даже на субъективную форму существования тех же знаний, выступают в качестве вполне объективного показателя, меры, степени развития познания.

3. **Субъекты познания** — это исследователи, ученые, мыслители, познающие люди как таковые, т. е. все те, кто владеет теми или иными **знаниями**, навыками и умениями, методами и методиками познавательной деятельности. В том числе специфическими научными знаниями, методами и т. п. — ученые, представители науки как таковые.

Субъекты познания — это, прежде всего, носители имеющегося наличного знания всех видов. В деятельности субъектов познания эти знания и все другие орудия познания приводятся в движение, взаимодействие с предметами познания различных видов с целью получения новых знаний. Это касается также любой теоретической деятельности, деятельности с так называемыми идеализированными предметами — предметами мыслительных экспериментов. Теоретическая деятельность характеризуется тем, что здесь объективная действительность представлена опосредованно, в идеальной или распредмеченной форме.

Говоря выше о трех основных компонентах средств познания, мы имели в виду только их всеобщие признаки, т. е. брали их в максимально абстрактной форме. Но если представители метапознания, разрабатывающие проблемы той или иной специальной области, например, физики, будут исходить только непосредственно из этих всеобщих представлений о познании, его средствах, орудиях, субъектах, и не учтут специфики конкретной области, той же физики, то тем самым они лишь проявят свое непонимание назначения, функций общих подходов в метапознании. В данном случае, проявят непонимание того, как использовать категорию «средства познания».

Это же касается такой категории метапознания, как «познавательные отношения».

В качестве формы развития познания, условия получения нового знания, познавательные отношения (а там, где отношения, там и по-

знавательные взаимодействия, связи, законы) могут осмысливаться и осмысливаются, изучаются, исследуются различными метапознавательными дисциплинами, многие из которых формируются буквально на наших глазах. При этом под познавательными отношениями мы имеем в виду самые разные их виды. Это и отношения между знаниями и объектом (предметом) исследования, к чему нередко сводится вся совокупность познавательных отношений. Но это также, что важно, отношения между уже имеющимися, наличными методами и предметами, инструментами и предметами. Это также многочисленные отношения (включая взаимодействия, связи, законы) внутри сферы самих наличных знаний.

Например, отношения между наличными эмпирическими знаниями (фактами) и теоретическими знаниями. Между знаниями различных теоретических уровней. Наконец, это отношения между положительными предметными знаниями и знаниями о незнании, о том, что еще не познано, но должно быть познано, — проблемным знанием. Это также отношения внутри сферы имеющих наличных способов, методов и инструментов познания и т. п.

Нельзя упустить при этом из виду и очень обширную сферу сложнейших отношений между различными субъектами познания. Это касается, прежде всего, современного научного познания, которое осуществляется, как правило, целыми совокупностями тесно связанных между собой отдельных индивидуальных исследователей, т. е. групповыми, или коллективными, субъектами познания.

Это отношения как между индивидуальными субъектами познания внутри групповых, коллективных субъектов, так и отношения между самими коллективными субъектами, между различными направлениями, школами, институтами, лабораториями и т. д.

Если частные метапознавательные подходы, метапознавательные дисциплины рассматривают познавательные отношения, а также средства познания вообще, во всем богатстве их конкретного содержания, то общий метапознавательный подход, тем более философско-метапознавательный подход, призваны осмысливать всю сферу познавательных отношений как единое целое. А каждое отдельное познавательное отношение или группу таких отношений — в качестве момента структуры познания, науки в целом.

На философско-метапознавательном уровне познавательные отношения рассматриваются в связи с наиболее общими признаками средств познания. Как то, что придает этим средствам познания системное качество.

Философско-метапознавательный уровень метапознания должен зафиксировать в самом общем виде диалектическое единство средств познания и познавательных отношений, и прежде всего диалектическое единство знаний и познавательных отношений. На этом уровне должны быть зафиксированы общие закономерности взаимодействия знания и познавательных отношений. Да еще при обязательном учете особенностей субъектов познания, носителей как знания, так и основных познавательных отношений.

Так, можно утверждать, что история науки, или логика науки, изучают те или иные виды познавательных структур шире, полнее, детальнее, чем теоретическое метапознание. Но последнее не ограничивается рассмотрением познавательных отношений только в качестве формы развития познания.

Теоретическое метапознание исходит из того, что познавательные отношения выступают основой самого метапознания в рамках того или иного конкретного исторического типа познания, будь то научного исторического типа познания — ранненаучного, классического научного, современного научного или донаучного — древнемагического, мифологического, натурфилософского, схоластического типа. Более подробно об этом сказано выше со ссылкой на работу [822, с. 36–72].

Теоретическое, философское метапознание принимает также познавательные отношения в их функции порождения и детерминации развития целостной системы самой метапознавательной надстройки всякого исторического типа познания. Не зависимо от степени и уровня развитости последнего.

Понятно, что ни один исторический тип познания, даже в своих наиболее развитых проявлениях, никогда не выступает в некоем чистом виде, т. е. как полностью соответствующий своему понятию. Только в абстракции, т. е. идеально, в идеализированном виде, в качестве идеализированного предмета метапознавательной рефлексии, тип познания существует как нечто завершенное, а потому статичное, отделенное строгими границами от последующего и предшествующего исторических типов познания.

Рассматриваемый в развитии, всякий исторический тип познания несет в себе, с одной стороны, остатки, следы, если угодно, «родимые пятна» прежних способов получения знания, предшествующих исторических типов познания.

Так, схоластический тип познания несет в себе очевидные следы и мифологии, и античной натурфилософии, и даже древней магии.

С другой стороны, всякий исторический тип познания включает в себе зародыши, зачатки новых исторических типов познания, ближайшего, по крайней мере. Зачатки новых способов получения знания. Типичный пример — соотношение схоластического типа, особенно в лице поздней схоластики, и последующих научных типов познания, прежде всего ранненаучного и классического научного типов познания.

Следы прошлого и зародыши нового во всяком историческом типе познания воздействуют на конкретный характер познавательных компонентов в тех пределах, в которых они с необходимостью должны приниматься во внимание.

При этом постоянно сужая или расширяя зону своего влияния. Затем, накопившись в достаточном количестве, или, наоборот, сократившись до известного минимума, согласно закону взаимных переходов количественных и качественных изменений, они — зародыши нового типа познания — дают начало коренным изменениям в существующем способе производства знаний. Либо, для сходящих с арены устаревших способов познания, окончательно теряют всякое свое влияние.

Формируя новое знание, субъекты познания, действующие в рамках соответствующих способов получения нового знания, в пределах существующего исторического типа познания, не только взаимодействуют со своим объектом, предметами познания, препарируя его материально или в варианте его распределенности. Субъекты познания при этом, подтверждая общеметодологическую установку диалектико-материалистического подхода, с необходимостью изменяют свою собственную природу, свое собственное качество.

Производя новое знание, субъекты познания, исследователи, познающий человек, формируют, производят и воспроизводят определенный познавательный уклад своей профессиональной деятельности. Строение каждого исторического типа познания во многом определяется присущими ему особенностями осуществления познавательной

деятельности, или особенностями познавательной активности в рамках некоторой единой деятельности, синкретической по своей природе. Например, познавательный компонент жизнедеятельности нашего далекого, почти животноподобного предка.

Следует различать познавательную деятельность, познавательную активность человека как уже самостоятельную, особую сферу, либо как проявления познавательной активности людей в виде отдельных моментов единой, синкретической, преимущественно предметной познавательной активности человека.

Метапознавательная надстройка всякого типа познания выражает и закрепляет те познавательные отношения, взаимодействия и связи, структуры, которые складываются в реальном познании, характеризует их специфику. В зависимости от того, какие области познания являются ведущими в том или ином способе, типе познания, в метапознавательной надстройке ведущую роль играют именно те компоненты, которые представляют, прежде всего, эти области. Таково основное направление детерминации самого метапознания.

Содержание и структура предметного базиса определяют основное содержание, а во многом и структуру метапознавательных подходов. Таким образом, складывается целостная структура всякого типа познания. Эта же зависимость создает также возможность объективного понимания познания. В том числе его высших уровней, включая философско-метапознавательный уровень, теоретико-познавательный блок философского познания.

Отношения предметного базиса познания и метапознавательной надстройки весьма сложны. Это происходит уже потому, что наличное предметное знание, так же как и метапознавательное знание (причем, последнее, можно сказать, даже «в квадрате») являются по способу своего существования онтологически субъективными идеальными образованиями.

Это касается, прежде всего, знания теоретического, так как оно нередко значительно отстоит от уровня непосредственного контактирования с объектами познания. Не случайно, кстати, поэтому имеют место утверждения о том, что теоретическое знание, явно предметное по своему основному содержанию, уже нагружено метапознавательными элементами. Поскольку в нем, так или иначе, учитыва-

ется специфика соответствующего эмпирического знания, обобщенно представленная в теоретическом знании.

Далее, если в базисных отношениях, взаимодействиях и связях познания их близость к объекту познания — действительности — очевидна, то метапознавательные исследования отстоят от объекта значительно дальше, точнее, стоят к нему вообще в совершенно ином положении. Если угодно — как бы «сбоку», т. е. даже не «над», поскольку «над» стоят теоретические предметные уровни познания.

Дело в том, что непосредственным объектом метапознания является не объективная действительность, противостоящая субъекту познания, а познание как таковое, человек как субъект познания во всей совокупности своих связанных с познанием признаков.

Вступая в сферу метапознания, обращаясь даже к отдельным метапознавательным элементам внутри предметных исследований, мы, зачастую не отдавая себе отчета, переходим границы той области, которая характеризуется иными, специфическими, непредметными познавательными отношениями. Это отношения, вполне объективное содержание которых — суть отношения между субъектом и объектом познания, а не содержание соответствующего объекта. Точнее, если можно так сказать, — содержание **предметного объекта познания**. Так как познание — это тоже особый объект познания, метапознания.

Последнее обстоятельство, кстати, вносило и продолжает вносить немалые сложности в метапознавательные подходы, исследования. Вносило нередко просто путаницу, смешение, подмену предметных и метапознавательных аспектов познания на всех его уровнях.

Это, правда, всегда чувствовалось, давало о себе знать, как со стороны представителей предметного познания, так и со стороны представителей собственно метапознания. Более того, как нам представляется, именно далеко зашедшее взаимонепонимание представителей этих двух родов предметного познания — естествознания и социально-гуманитарного познания, с одной стороны, и представителями третьего основного рода познания — метапознания, с другой, вылилось в известное время в прямое противостояние философии и конкретных наук, особенно естественных.

Дело дошло до того, что появилось особое течение в метапознании — позитивизм во всех его исторических и концептуальных разновидностях, которое стало прямо отрицать философию как вид

объективного, научного познания; выносить философию за рамки не только науки, но даже за рамки рационального, осмысленного подхода к реальности.

В настоящее время можно утверждать, что объективные основания различия, не говоря уже о противопоставлении философского познания, существенно нагруженного метапознавательной проблематикой, и конкретно-научного познания остаются не выясненными.

Ситуация осложняется еще и тем обстоятельством, что, будучи специфическим по своей природе, философское познание как результат категориального синтеза человеческого опыта, в котором участвуют и нравственный опыт, и эстетическое освоение действительности, и религиозный опыт, а также все виды повседневного опыта людей, истолковывается как ненаучная традиция.

Такое понимание природы философии не соответствует ее реальному положению в обществе вообще, и в современном обществе в особенности. В том числе, и не в последнюю очередь, по отношению к науке, научному подходу к действительности. Философия никогда не сводилась и тем более не может быть сведена в настоящее время только к обобщению вне научных источников человеческого опыта. Она лишь всегда включала и включает этот вненаучный опыт в предмет (!) своих обобщений, не более. И, конечно, не ограничиваясь только этим опытом.

Философия всегда шла рука об руку с конкретным познанием, конкретными науками, на ранних ступенях даже намного опережая их (Sic! «Философия — мать всех наук!»). Более того, именно философия, в лице, прежде всего, Ф. Бэкона, да и Р. Декарта заявила недвусмысленно о том, что только конкретный, систематически производимый опыт может считаться основой формирования всех конкретных наук, т. е. можно сказать, выдвинула еще один своеобразный лозунг — «Опыт — отец всех наук!». Иначе пришлось бы признать факт своеобразного «непорочного зачатия» конкретных наук.

Да, в философии, особенно на стадии, когда еще конкретных наук не существовало как таковых, разве что в виде отдельных точечных достижений (Фалес, Пифагор, Гиппократ, Архимед, Эвклид, др.), в ней присутствовали многочисленные элементы ненаучного, донаучного опыта и их умозрительные, натурфилософские обобщения.

Но это не значит, что философия опускалась до уровня подобного опыта. Пусть и через весьма уязвимые умозрительные, натурфилософские, стихийные обобщения подобного опыта (а другого тогда просто не было, и быть не могло!) философия всегда стремилась к иной, вполне здоровой, оправданной цели — формированию последовательно научного подхода к действительности.

При этом она нисколько не опасалась появления конкретных наук, тем более в качестве своеобразного могильщика. Как иногда трактуют слова одного из основоположников философии диалектического материализма Ф. Энгельса в «Диалектике природы» о том, что с появлением конкретных наук необходимость в философии отпадает. От нее остаются, разве что, только диалектика и формальная логика.

Но Ф. Энгельс говорил также и о том, что с каждым новым открытием в естествознании должна меняться форма философии, конечно же — диалектико-материалистической философии.

Философия, в лице древнегреческой натурфилософии, стала первой в истории человечества более-менее последовательно рациональной традицией развития сознания и познания. Познания в виде формирования именно понятий — этих обобщенных, абстрактных, опосредованных, идеальных образов, четко выраженных в языке.

Именно развитие этой рациональной традиции привело в итоге к становлению и нормальному развитию всех без исключения конкретных наук. Сама философия стала первым видом рационального познания, и в этом отношении ближайшей предтечей уже собственно конкретных наук. Хотя между античной философией и появлением новой, непрерывной традиции конкретно-научного познания образовался временной провал — христианское европейское средневековье — размером более полутора тысяч лет.

В настоящее время философия не только не может, не должна потерять связи с конкретными науками, но должна сама обрести современное научное качество, достойное своих «детей» — конкретных наук. Для этого, конечно, она должна существенно измениться. Прежде всего, обратиться к осмыслению достижений конкретных наук, к обобщению выработанных ими результатов. А также ко всему тому опыту современного общества, который появился у него под влиянием конкретных наук, т. е., как и утверждал еще в XIX в. Ф. Энгельс,

философия должна выработать свою новую форму, соответствующую достижениям современных конкретных наук.

Но, при этом, не забывая обо всем том историческом опыте человечества, который имел место в прошлом. Как мы считаем, ближе всего ко всем этим необходимым и неизбежным инновациям в современной философии находится философия диалектического материализма, включая такую его часть, как исторический материализм.

Особое место в метапознании принадлежит изучению проблемы влияния на познания сознания конкретных исследователей, индивидуальных субъектов познания.

Подобное влияние оказывается важнейшей составляющей предмета метапознания. Известно, что сознание человека оказывает активное воздействие на все стороны его деятельности, в данном случае, на познавательную деятельность. Подобное воздействие приводит к большой вариативности явлений познания, по сравнению с предметными аспектами познания.

Это касается даже применения материальных средств познания, тех же измерительных приборов. Это происходит потому, что одни и те же приборы могут быть по-разному использованы различными исследователями. Так нередко и происходило и происходит в реальном познании.

В определенных границах на основе одного и того же способа познания могут возникать различные варианты метапознавательных элементов. Ибо явления сознательного, или даже интуитивного выбора тех или иных средств познания, направлений исследования представляют собой не что иное, как явления метапознавательные по своей природе. Это уже сфера метапознания, пусть сначала и неосознаваемого, так сказать, «дикого».

Так это было с явлениями предметного познания на заре познания, на ранних его ступенях. В лице далекого нашего предка, первобытного человека, когда познавательные акты вплетались с необходимостью в синкретичное сознание первобытного человека. И еще долго вплеталось, вплоть до появления первых видов во многом чисто утилитарной, по своей направленности, но уже в значительной мере специфически духовной, идеальной деятельности. Например, в лице жрецов, представителей культов в той или иной степени уже развитых религий.

Даже сегодня очень часто можно встретить представителей конкретного познания, в том числе метапознания, которые фактически не отдают себе отчета в том, что они объективно используют два различных способа своего исследования — предметного и метапознавательного.

Возникает путаница, неприятие представителями этих двух подходов друг друга. В свою очередь, на философское, метапознавательное обоснование претендуют, и справедливо, иные, нежели современные науки, источники человеческого опыта. Источники, которые считают даже, что философия связана, прежде всего, с ними, поскольку она является духовной квинтэссенцией эпохи.

Не останавливаясь на этом подробно, хотелось бы отметить, что в данной работе мы придерживаемся позиции признания научности философии, но не всей и не всякой. Мы считаем, что научной философией можно считать только такую философию, которая ориентирована на современные критерии научности. Прежде всего, философию, ориентированную на объективный подход к своим предметам, проблемам, задачам. В противном случае, ни о каком научно-философском, научном метапознавательном подходе говорить не приходится.

Что касается самой философии, философского познания, то в нем в некотором синтетическом виде сходятся все тенденции, все ветви человеческого познания. Как ветви, относящиеся к науке как таковой, так и не относящиеся к науке.

В самом корпусе философии можно обнаружить немалые различия. Фактически различные сообщества философов, среди которых философы, причисляющие себя к сфере науки, образуют лишь одно из многих. Мы считаем, что последовательно метапознавательный, метафилософский анализ такого членения может привести к весьма интересным и важным результатам. Но это, опять же, не входит в задачи данной работы.

В сфере самого метапознания активность сознания, но уже не как предмет его интереса, а в качестве аспекта деятельности субъектов метапознания, выражается в формировании разнообразных метапознавательных отношений. Отношений, связанных с тем, какие стороны предметного познания отбираются для изучения, а также с тем, какие средства изучения самого познания при этом используются.

Метапознавательные отношения с необходимостью оказывают обратное воздействие на предметное познание, на все его составляющие. На породивший их способ познания. При этом метапознание предлагает различные варианты предметного исследования, основания для выбора предметов исследования и соответствующих им средств.

Метапознание, различные его компоненты выступают в отношении отдельных исследователей, познающих людей в качестве некоторой внешней, объективной силы, обладающей известной принудительностью. Поскольку в метапознании представлены закономерности развития и функционирования самого познания.

Метапознавательные элементы касаются всех без исключения исследователей любой области познания. При этом именно они, осознают это или не осознают сами представители познания, зачастую являются основой их объединения, консолидации в виде различных групповых (коллективных) субъектов познания, различных их объединений, сообществ. Именно этот момент подметил и использовал в неоднократно уже упоминавшейся нами работе «Структура научных революций» Т. Кун. И именно этот аспект проявления метапознавательных элементов стал для него важнейшим принципом формирования его парадигмальной концепции развития науки.

Фактически Т. Кун доказал на солидном историко-научном материале метапознавательную природу многих аспектов всякой исследовательской парадигмы как конституирующего элемента «нормальной науки». С другой стороны, именно преувеличение, абсолютизация некоторых моментов становления и развития самой парадигмы стало причиной целого ряда недоразумений, противоречий в его концепции. В частности, очевидного «прокола», связанного с выводом о полной несовместимости следующих друг за другом этапов развития науки, основывающихся на сменяющих друг друга парадигмах.

Т. Кун не провел необходимого качественного разграничения между предметными и метапознавательными аспектами, уровнями, частями всякого познания как целостного образования. Очевидно, например, что несовместимость этапов науки в плане предметного содержания, различного понимания природы предметов исследования вовсе не означает их несовместимость в аспекте метапознания, трактовки природы самого познания, его средств и т. п.

Подобную совместимость мы обнаруживаем даже между так называемой «схоластической наукой» и собственно наукой, которая, конечно же, была принципиальным противником схоластики. Мы имеем в виду ту самую модель **sic et non**, или **pro et contra**, согласно которой и до сих пор пишутся научные работы.

Нет ничего удивительного в том, что мы практически на каждом шагу обнаруживаем тот или иной момент несовместимости в реальном познании, в любом исследовании. Например, несовместимые гипотезы, выдвигаемые в рамках одного и того же исследования или исследовательской области, для объяснения тех или иных фактов. На самом деле можно говорить о несовместимости определенных элементов, моментов в рамках одного и того же типа познания, при совместимости многих других компонентов и т. д.

Что касается несовместимости самих различных исторических типов познания, то это иное качество несовместимости, или различий, причем, различий существенных, качественных. Здесь имеет место несовместимость между следующими друг за другом органическими образованиями, все элементы которых подчинены неким общим принципам организации каждого из них.

Но не следует забывать того факта, что каждый последующий исторический тип познания, в том числе научного познания, вырастает из некоторого предшествующего ему типа. Да, новый исторический тип познания во многом может и, как правило, оказывается очень непохожим на предшествующий тип. В новом типе познания имеют место такие компоненты, которых даже представить себе нельзя в рамках предшествующего.

Новый тип познания идет на смену предшествующему типу, устаревшему, или устаревающему (почувствуйте разницу!). Новый тип познания не просто сменяет предшественника, он преодолевает его **качественно**. И это новое познавательное качество может показаться очень непривычным на фоне старого.

Возьмите, к примеру, ситуацию, связанную с утверждением Н. Коперника о гелиоцентрическом строении вселенной в тогдашнем ее понимании. Радикальная перестройка сознания. Позднее И. Кант, чтобы подчеркнуть значимость своей трактовки метафизики, фактически, науки в целом, назвал свой подход «коперниканским переворотом» в философии.

Здесь так и напрашивается напоминание о том, что сами философы науки, представители метапознания вообще должны исходить из вполне определенных представлений о мире, о его развитии, о развитии науки и т. д.

В общем, считаю себя обязанным обратиться в очередной раз к такой философско-метапознавательной традиции, как теория познания диалектического материализма. Все, что отмечалось выше относительно смены этапов познания, науки, можно и нужно рассматривать как результат действия известных диалектических законов, законов развития, понимаемого как необратимые качественные изменения.

Диалектико-материалистическая трактовка познания не признает, что известно каждому человеку, который с ней знаком, никакой абсолютизации каких-либо моментов развития. В данном случае — абсолютизации роли такого важного компонента научного познания, как парадигма, понимаемая в качестве такого достижения науки, которое считается общеобязательным, стандартным средством дальнейшего хода познания.

Согласно диалектико-материалистической трактовке познания, качественно меняться могут и должны сами парадигмы. Но для более последовательного применения диалектико-материалистического подхода к познанию, по нашему глубокому убеждению, его теория познания должна быть дополнена таким разделом, как **диалектико-материалистическая теория метапознания**.

То обстоятельство, что метапознавательная надстройка в целом и через отдельные свои компоненты оказывают объективное воздействие на отдельных исследователей, субъектов познания, позволяет ей быть проводником определенных, уже укоренившихся метапознавательных подходов, принципов, идей на способ познания, на различные аспекты предметного познания, т. е. на базис того или иного исторического типа познания.

Метапознавательная надстройка, метапознание является объективным фактором познания в целом.

При этом метапознание, взятое в его реальном содержании, может как способствовать дальнейшему нормальному развитию предметного познания, так и мешать, тормозить предметное познание и познание в целом. Включая само себя. Те же кризисы в познании, научные революции всякий раз были тесно связаны с необходимостью

преодолевать сложившиеся к тому или иному времени, тем более канонизированные элементы познания. Речь идет о тех элементах познания, которые получили статус ведущих, основополагающих принципов познания. А попросту — статус догматов.

Так происходило долгое время с утверждениями Птолемея о положении Земли в центре мира. Так было с законами ньютоновской механики вплоть до последней трети XIX в. Так остается, кстати, и до сих пор с так называемым традиционным делением познания на гуманитарное и естественно-научное познание, где метапознанию, как особому, третьему основному роду познания, вообще пока не придан соответствующий статус.

Очень важный и глубокий метапознавательный интерес вызывает вопрос о связи познавательных отношений, включая метапознавательные, и профессионального общения, коммуникации исследователей, субъектов познания, познающих людей. Имеется в виду общение, коммуникация именно по поводу познания, тех или иных сторон, аспектов, уровней, средств познания и т. п. Сюда же следует отнести и вопросы об аутокоммуникации исследователей, в частности, вопрос о профессиональной исследовательской рефлексии.

Познавательное общение, познавательная коммуникация, с одной стороны, характеризуется зависимостью от познавательных отношений, от места, которое исследователь занимает в современном ему познании, в том или ином из реально существующих и действующих сообществ исследователей. С другой стороны — только через сами акты познавательного общения, познавательной коммуникации познавательные отношения и могут проявляться, реализоваться. Наконец, с третьей стороны, общение, коммуникация исследователей могут оказывать обратное воздействие на познавательные отношения. В том числе вступая в противоречие с ними.

Выяснение диалектики познавательных отношений и общения, коммуникации исследователей, субъектов создает реальную возможность перейти от рассмотрения глобальных структур познания и отражающих эти структуры категорий метапознания (таких как «способ познания», «тип познания», «предметный базис познания», «метапознавательная надстройка» и т. д.) к анализу конкретных, локальных познавательных процессов. Возможность обратиться непосредственно к изучению познавательных процессов, которые составляют

содержание реального познания, каждодневно и ежечасно осуществляемого конкретными исследователями, субъектами познания, познающими людьми. Перейти, прежде всего, к конкретному изучению закономерностей предметного познания.

Это позволяет также понять то, как может, должно осуществляться конкретное метапознавательное исследование, с одной стороны, а с другой — понять, как метапознавательные элементы оказывают влияние на предметное познание, на различные предметные элементы познания.

Согласно философско-метапознавательной теории, изучение структурных элементов познания любого уровня и любой природы, включая само метапознание, должно опираться на определенные общие метапознавательные принципы, среди которых можно назвать следующие:

1. Учет специфической природы данного явления познания в рамках данного способа познания и типа познания.
2. Определение специфической потребности данных способа и типа познания, вследствие которой с необходимостью появляется данное познавательное явление. Иначе говоря, выяснение функции, роли данного явления в системе соответствующего типа познания.
3. Определение места данного явления в целостной системе познания и определение характера его связей с другими элементами данного типа познания, т. е. установление природы данного явления познания как предметного или метапознавательного элемента; как элемента эмпирического или теоретического уровня предметного познания или метапознания; как средства, или отношения, или субъектной характеристики и т. д.
4. Определение тенденций развития данного познавательного элемента в рамках данного типа познания; выяснение того, насколько однороден, совместим данный элемент с данным типом познания, т. е. выяснение того, не ведет ли функционирование данного явления познания к необходимости качественных преобразований данного типа познания на том или ином его конкретном уровне или на уровне его целостности как таковой.

Именно всесторонность подхода к явлениям познания является важнейшим исходным принципом развитого метапознания, тем более метапознания как надстройки современного научного типа познания.

2.1.4. Ведущая детерминанта развития познания

Объективный подход к познанию предполагает то, что, в конечном счете, развитие познания определяется, хотя и при участии воли и сознания познающего человека, в первую очередь объективными условиями, объективными законами. Для этого следует выделить ведущую детерминанту познания.

Такое выделение, в свою очередь, требует конкретизации тезиса о значении средств познания. Прежде всего, необходимо учесть имеющиеся знания, взятые как в их знаковых формах, так и в различных не-знаковых материальных выражениях, т. е. объективированные знания. При этом нужно учесть место и роль знаний в реальных процессах познавательной деятельности, прежде всего, в структуре отдельных реальных исследований (более подробно см. нашу работу [824]).

Исследователи, познающие люди формируют и совершенствуют знания и их воплощения в материальных средствах познания, постоянно приводят их в движение. В то же время они вынуждены постоянно приспосабливаться к уже имеющимся, наличным знаниям и инструментарию, сохраняя необходимое единство «живой» и уже накопленной в различных результатах практики познания.

Так возникает зависимость текущего, актуального познания от прошлой деятельности субъектов познания. Эта деятельностная зависимость выступает как наиболее существенное выражение общей зависимости субъектов познания от его объектов.

Исследователь, субъект познания, как реальная ведущая сила познания, приводящая в движение уже накопленные знания и другие средства, зависит от того, какие имеющиеся знания и иные средства познания он использует. С изменением знаний, техники исследований с необходимостью происходят изменения опыта и навыков самих исследователей, меняются знания и средства познания в целом.

Так, например, исследователь, привыкший только созерцать, даже наблюдать, не может в одночасье превратиться в исследователя-экспериментатора. Хотя во многом обе эти формы познания призваны давать знания одного типа — эмпирические знания, знания на уровне явления, знание фактов. Для этого должны произойти некоторые весьма существенные изменения. Например, изменение отношения

познающего человека, исследователя к объекту познания. Должны быть выработаны новые средства познания. Что зачастую бывает очень даже непростым делом.

Средства познания определяют (детерминируют) не только способ возможного взаимодействия, контакта исследователя с объектом, но и тот запас знаний, опыта, которыми должен обладать исследователь как та сила, которая приводит в движение все наличные средства познания, доступные ему в тот или иной момент времени. Отсюда, собственно, и вытекает важное философско-метапознавательное положение о значении наличных средств познания как основного условия связи и преемственности в познании любых видов.

Средства познания, будучи воплощением предшествующей познавательной деятельности, а также будучи показателем степени овладением объектом познания со стороны субъекта, выполняют функцию накопления, хранения, изменения, использования и передачи значимой познавательной информации.

Каждое новое поколение познающих людей, исследователей в своей деятельности исходит из полученных в свое распоряжение средств познания в качестве продуктов, результатов познавательной деятельности своих предшественников. Оно превращает это познавательное наследие в основу собственной деятельности.

При этом происходит совершенствование, изменение, дополнение, а иногда и потеря чего-то из такого наследия. А дальше — передача того, что сохранилось, последующим поколениям. Так одни этапы познания объединяются с другими, предшествующими и последующими, объективной преемственной связью.

Можно утверждать, что имеет место своеобразная генетическая функция средств познания — знаний, закрепленных в научных и донаучных трактатах, текстах, а также в сохранившихся артефактах материальной исследовательской техники.

Все это можно рассматривать в качестве своеобразного «наследственного вещества» познания. Такое наследие, повторимся, и есть основа преемственности в познании любых видов и разновидностей. В противном случае, все нужно начинать с начала, нередко изобретая при этом своего рода «гносеологические велосипеды».

Познание иногда возвращается как бы назад там и тогда, где и когда сформированные кем-то ранее знания, созданные кем-то ранее

орудия познания, были, в силу тех или иных обстоятельств, утрачены, разрушены. Достаточно вспомнить, например, такой факт из истории отечественной науки, как уничтожение в известное время образцов и техники проведения генетических исследований, что привело позднее к отставанию отечественной генетики от передовых мировых генетических традиций на целую эпоху.

А ведь наша генетика первой трети XX в. была самой передовой в мире! Но особенно много подобных примеров мы встречаем на более ранних этапах истории.

Средства познания, их элементы выполняют в познании различные функции в процессе использования субъектами познания, исследователями. В этих процессах наличные знания и материальный инструментарий являются на каждом их этапе определяющими элементами. Субъекты же познания, исследователи, овладевая ими, приобретают способность их дальнейшего применения.

В то же время, роль субъектов познания незаменима и не сводится только к простому стандартному использованию уже имеющихся средств познания. Именно субъекты, исследователи являются главными агентами познания. Поэтому средства познания, те же знания, к изучению которых нередко сводится весь анализ познания, отделенные от субъектов познания, представляют собой действительные средства познания лишь в возможности. Подобно всему тому, что приобретает свои специфические познавательные признаки лишь благодаря их использованию познающими людьми.

Обо всем, что входит в сферу познания, можно говорить именно как о культурном качестве, познавательно-культурном. Иное дело, что нередко систематически, при этом не обращаясь к субъектам познания явно, их, субъектов познания, так или иначе, всегда подразумевают. Но очень часто на средства познания переносят признаки самих субъектов познания, прежде всего, динамические, процессуальные признаки. Так средства познания приобретают некую мистическую способность к самодвижению и саморазвитию.

Итак, всякому познанию присуща система объективных отношений, взаимодействий, связей, зависимостей, неподвластных воле, сознанию исследователей, познающих людей. Это отношения, зависимости и т. д., которые определяются природой, закономерностями

объектов познания, их проявлением в содержании уже имеющихся наличных знаний, методов, материальных средств познания, например, в ЭВМ и т. п.

К числу объективных отношений внутри познания следует также относить и те отношения, зависимости и т. д., которые определяются, как говорят, внутренней логикой развития самого знания, самих методов познания и т. д. В последнем случае имеется в виду та объективная информация, которая в том или ином виде присутствует в средствах познания.

Наличие системы объективных отношений, связей познания и т. д. выражается в том, что исследователи, познающие люди на любой стадии развития познания с необходимостью вступают в определенные отношения к объекту познания и перед ними всегда открываются лишь ограниченные определенными рамками возможности взаимодействия с объектами познания. Как непосредственного, так и опосредованного, как эмпирического, так и теоретического, идеального.

При этом нужно учитывать то обстоятельство, что сами средства познания неоднородны. Они связаны с разными познавательными функциями, имеют разный вес, значение для познания. Среди имеющихся средств познания всегда можно выделить, например, так называемую «пассивную», или вспомогательную часть и активное системообразующее ядро, которое составляют наличные функционирующие знания, методы, материальные средства.

В познании роль его средств выражается в том, что их состояние и функционирование всегда зависят от качественного и количественного параметров наличных **знаний**. В этой связи для метапознания особое значение приобретает различение таких признаков знания, которые можно назвать **«характер знаний»** и **«уровень развития знаний»**. Первое — характер знаний — связано преимущественно с качественным параметром знаний. Второе — уровень развития знаний — преимущественно с количественным параметром знаний, шире — со структурной определенностью знаний. Можно, думается, вполне определенно утверждать, что именно характер и уровень развития имеющихся наличных знаний детерминируют, соответственно, характер и уровень развития средств познания в целом.

Анализируя изменения качества знаний, следует отметить, что если с точки зрения, например, логики науки принципиальной раз-

ницы между отдельными законами и их системами нет, то с точки зрения метапознавательной теории дело обстоит иначе.

Это связано, с одной стороны, с тем, что отдельные законы можно рассматривать как некоторые элементарные номологические образования, а вторые — системы законов — можно трактовать как сложные законы. С другой стороны, любая система законов отличается от отдельных законов именно качественно.

Никакая система законов не может быть без остатка сведена к отдельным законам. Познание, исследования, в которых ведущую роль играют системы законов, т. е. не что иное, как теории, имеет иную, нежели прежняя, форму. Они начинают принимать в расчет всю совокупность имеющихся наличных на данный момент знаний. Причем взятых именно как некоторое целое, дальнейшее развитие которого, как правило, уже не под силу отдельным исследователям или даже прежним их случайным ситуативным объединениям.

Совокупность наличных знаний как некоторое качественное единство требует иного, более тесного согласования своих познавательных действий, некоторого сотрудничества. Требуется определенное распределение познавательных функций, познавательной специализации. Включая все углубляющуюся специализацию в рамках коллективных субъектов познания.

Характер самих знаний, т. е. совокупность их наиболее устойчивых признаков, детерминирована, в свою очередь, способом приведения этих знаний в движение, способом их применения субъектами познания.

Так, если знания приводятся в движение индивидуальными субъектами и обеспечивают некоторый результат — новое знание, то такие новые знания с неизбежностью оказываются как минимум неполными, как максимум — очевидно незавершенными, а потому крайне недостаточными. Когда же речь идет о знаниях, организованных в виде очень сложных систем, которые приводятся в движение через сложноорганизованную деятельность коллективных субъектов познания, то такие знания являются по своему характеру и более общими, и более полными, более всесторонними.

Причем как в интенсивном, объемном, аспекте, так и взятого в экстенсивном аспекте, с учетом глубины, многоуровневости, или иерархичности знаний. Последнее касается, прежде всего, развитого

теоретического знания, воспроизводящего многоуровневую сущность своих объектов.

Очевидно, что тенденция полноты и всеобщности, во всяком случае, тенденция некоторой целостности, всегда была присуща познанию. Особенно с момента вступления познания в стадию специализированного, и особенно научного познания.

Наконец, если знания достигают такой степени развитости, что они начинают требовать для своего эффективного применения организованной совместной деятельности многих не только единичных, но даже различных коллективных субъектов некоторой области познания, то такие знания приобретают характер универсальных для данной области познания.

Все индивидуальные и отдельные коллективные субъекты данной области познания, взятые в их совокупности, начинают приобретать качество некоего единого, совокупного субъекта данной области познания.

Подтверждением реальности последнего обстоятельства — тенденции формирования совокупных субъектов познания отдельных областей познания — можно считать уже очевидно многочисленные крупные исследовательские проекты XX в., особенно — его второй половины, а также начала уже XXI в. Классический пример здесь — освоение космоса с участием человека на борту космических кораблей и космических станций. Здесь еще присутствует и международный уровень.

В соответствии с определяющей ролью знаний, их характером, можно характеризовать и весь способ познания, и даже весь тип познания, как единство способа познания и его метапознавательной надстройки, либо как частный, индивидуальный, либо как относительно общий, коллективный, либо как универсальный. Последний представляет собой такой способ, такой тип познания, который вовлекает в единый познавательный процесс всех представителей данной области познания, а также связанных с нею специалистов-профессионалов практической сферы.

Все отмеченное выше связано с многочисленными диалектическими противоречиями в сфере познания. Так, если обратиться к современному научному способу, а также типу познания, можно отметить, что в них все отчетливее пробивает себе дорогу тенденция к универсализации, к формированию единого совокупного субъекта научного познания, хотя до завершения этого процесса еще далеко.

Но тенденция очевидна, особенно на фоне бурного развития современных информационных технологий, интернета. Конечно, при этом сохраняется все, что связано с индивидуальными и коллективными (групповыми) субъектами познания. В то же время современная наука, современное научное познание в условиях резко ускоряющегося научного, научно-технического и социального прогресса переходят на качественно новый уровень. Начинается этап развития научного познания и общества в целом, последствия которого для познания и всего общества грандиозны.

Качественные изменения в средствах познания, и прежде всего в сфере знания, ведут, в конечном счете, к качественному изменению состояния сферы познания, существующего современного научного типа познания в целом. Это касается, прежде всего, изменения структуры современного научного познания на всех его уровнях. Не в последнюю очередь это касается метапознавательной надстройки современного научного типа познания, современного метапознания, как такового.

Многочисленные метапознавательные факты говорят о том, что только в современном научном типе познания метапознание на наших глазах превращается в третий основной род познания, наряду с естественно-научным и социально-гуманитарным познанием, действительно приобретающий все функции особой надстройки — метапознавательной надстройки.

Да, именно имеющиеся на тот или иной момент времени наличные знания, прежде всего предметные — знания о природе и обществе, человеке, определяют особенности того или иного исторически конкретного этапа познания. При этом, эффективность функционирования наличных знаний обуславливает возможности, которыми располагают действующие субъекты познания для дальнейшего развития познания и общества в целом.

Конечно, познание не сводится только к знаниям. Не только знания детерминируют познание. Необходимо учитывать и все иные его аспекты. Так, если знание, его состояние, качество мы рассматриваем в качестве основной причины дальнейшего развития познания, науки, то многочисленные другие компоненты познания, вплоть до состояния общества в целом, можно и нужно учитывать в качестве

необходимых, а в определенном объеме в качестве достаточных условий. Только при наличии подобных условий существующее наличное знание может исполнить свою функцию основной детерминанты развития познания, науки.

Так, рассматривая детерминацию познания со стороны знания, мы отвлекаемся от форм реализации этой необходимости в деятельности конкретных познающих людей, индивидуальных и коллективных субъектов познания. Но когда мы обращаемся к анализу этой деятельности, то обнаруживаем: понять природу познавательной деятельности удовлетворительно невозможно, если рассматривать ее только в рамках жесткой детерминации со стороны имеющихся наличных знаний, как предметных, так и методологических — метапознавательных (=знаний о самом познании).

Законы деятельности отдельных исследователей, а также их групп (коллективных субъектов), носят принципиально вероятностный, многофакторный характер. И это последнее обстоятельство также должно быть учтено всеми видами метапознавательных исследований.

2.1.5. Логика познания и реальный процесс познания: соотношение исторического и логического в познании

Рассмотрение основных принципов изучения познания можно подытожить положением о том, что трактовка познания как естественно-исторического процесса возможна только при условии, что будет учтена вся иерархия системы познавательных отношений, познавательных зависимостей. И прежде всего с учетом зависимостей одних уровней познавательных отношений от других. А всех вместе взятых познавательных отношений в зависимости от уровня развития знаний, как основного компонента средств познания.

Сама последовательность развития и смены исторических типов познания обобщенно может выглядеть, на наш взгляд, примерно следующим образом.

Положение о том, что знание, в различных его выражениях, и изменение количественной и качественной определенности знания

является базовой детерминантой развития познания, определяющей, прежде всего, изменение соответствующих познавательных отношений, т. е. структурной основы всякого исторического типа познания, позволяет вскрыть логику познания. А также обнаружить в нем определенные этапы, стадии, которые вполне оправданно можно будет трактовать в качестве основных этапов развития познания.

Первый из этих этапов, или исторических типов познания, в отличие от последующих этапов, мы можем характеризовать во многом лишь условно, чисто гипотетически. Это происходит потому, что познания как особой сферы деятельности людей в то время еще не существовало.

В то же время многочисленные акты познания, получения специфического знания тогдашним нашим предком были тесно переплетены с реальными процессами жизнедеятельности людей. Примитивной производственной, трудовой деятельностью, прежде всего, т. е. выделить эти акты познавательной активности человека того времени зачастую просто невозможно.

В то же время можно считать, что такое знание становилось сразу достоянием, если не всех, то достаточно значительной части некоего первобытного коллектива. В этом смысле можно говорить о том, что данной, начальной стадии сознания и познания наших далеких предков были присущи известные черты своеобразной универсальности. Именно эта первичная универсальность познавательной способности нашего далекого предка в будущем разовьется в принципиально новое качественное состояние сознания и познания на протяжении многих этапов различных характерных устойчивых признаков познавательной способности человека.

Второй, или, лучше сказать, следующий этап (тип) познания — это уже собственно познания, начиная со стадии формирования познания, как особой сферы деятельности людей, преследующих особые цели — формирование знаний как таковых, т. е. как особого результата вполне осознанной особого рода деятельности — познавательной деятельности. Поначалу эти познавательные цели носили, очевидно, частный, рутинный, повседневный характер. Эти познавательные цели формировались преимущественно на основе простого созерцания.

Точнее, на основе чувственной способности осваивать окружающую действительность. Эти цели были эмпирическими, как мы сказали бы сегодня, в самом простом, обыденном смысле слова.

На этой стадии отсутствовали познавательные элементы, которые мы могли бы охарактеризовать как теоретические. Более того, человеку того времени еще была не присуща сама способность (=мышление) формирования таких знаний.

Это отсутствие теоретического мышления, да и мышления как такового, даже в его повседневном смысле, компенсировалась способностью формировать мифы. Формировать некие фантастические, наглядные по форме элементы сознания, которые, кстати, некоторые современные методологи, философы науки, как, например, П. Фейерабенд, считают чуть ли не прообразами или даже своеобразными теоретическими конструктами своего времени. Эти мифологемы затем сменились натурфилософским познавательным качеством.

Что касается уже натурфилософии, как особого качества познавательной способности человека, то они носили уже вполне определенный характер мыслительных, теоретических в этом смысле конструкций. Это вполне оправданно утверждать, например, о диалектических положениях Гераклита. Тем более, это можно утверждать об атомистических идеях Левкиппа и Демокрита, о представлениях о природе Аристотеля и многих других.

То же общее содержание, которое вкладывали Эвклид, его предшественники и последователи в аксиомы геометрии, также носило натурфилософский характер. Эта ограниченность эвклидовой геометрии, правда, выяснилась окончательно только спустя более двух тысяч лет, лишь в середине XIX в. Причем споры об этом в математике продолжаются и до сих пор.

Третий этап (тип) познания. Этот этап в силу различных социально-исторических причин следует не сразу за вторым, а отделен от него значительным историческим промежутком времени, в течение которого то, что было достигнуто на втором этапе, в лучшем случае сохранялось, знаменует собой переход к формированию знания эмпирического, но полученного на основе опыта и все усложняющегося эксперимента. Данный этап начинается примерно с конца эпохи Возрождения – начала Нового времени.

Этому этапу также, особенно в его ранний период, свойственны отсутствие развитого теоретического знания, многочисленные натурфилософские, умозрительные элементы. Но постепенно начинает складываться теоретическое знание в его современном понимании. В виде обобщенных, абстрактных, идеальных моделей действительности, составляющих основу всякой развитой теории. При этом происходит окончательное вытеснение натурфилософии все дальше и дальше на периферию систематического познания, т. е. собственно науки.

Конечно, не обошлось, да и до сих пор не обходится без рецидивов натурфилософии, попыток вернуться к стандартам старой философии, точнее, натурфилософии, умозрительному, не основывающемуся на систематическом опыте и эксперименте подходу к действительности.

На данном этапе практически сразу господствующей становится установка на формирование знания действительно теоретического, т. е. основывающегося на все расширяющейся и укрепляющейся традиции обобщения данных опыта и эксперимента, и дальнейшем развитии этих обобщений средствами самого теоретического познания, мышления как такового. При этом, конечно, применялись средства традиционной формальной логики, а также очищенных от натурфилософии таких форм познания, как гипотеза и мыслительный (или мысленный) эксперимент.

Натурфилософские подходы, сыграв свою историческую роль посредника между мифологией и наукой, роль своеобразных первичных, или протопарадигм (говоря словами Т. Куна) становящегося научного познания уже в современном смысле, постепенно, а нередко и радикально, вытесняются. Натурфилософия заменяется действительно научными теориями, хотя иногда не полностью.

Известная непоследовательность становления научных форм познания во многом объясняется тем, что недостаточно развитой является метапознавательная надстройка данного, т. е. уже научного, познания.

Недостаточно развитой оказывается рефлексия уже укрепившейся науки. Более того, подобное качество нередко можно встретить и сегодня. Этому периоду познания, который сам разбивается на несколько типов уже научного познания — ранненаучный, классический

научный и современный научный, — еще свойственно слабое развитие метапознавательной надстройки¹.

Еще не получил развития третий основной род познания — познание закономерностей самого познания, науки о науке, то, что мы и называем «метапознанием».

На стадиях ранней и даже классической науки — XVI — середина XIX в. — имела место слабая, хотя постепенно все укрепляющаяся связь с производственной сферой, другими практическими сферами общества. Среди знаний в этот период преобладают знания частные, лишь постепенно обнаруживающие тенденцию к интегрированию, системообразованию, но явно еще в недостаточной степени. Основным видом субъектов познания, исследователей остаются индивидуальные субъекты. Правда, между ними постепенно начинают складываться определенные отношения, хотя и недостаточно устойчивые. К тому же самих исследователей было еще очень мало.

Судьба науки в это время во многом продолжала оставаться зависимой от индивидуальной активности довольно незначительной части общества.

Но начинают возникать научные учреждения нового типа. Начинают формироваться научные сообщества как таковые, издаваться труды, содержащие результаты, полученные, как правило, выдающимися исследователями.

В сферу познания в качестве предметов исследования включаются все новые и новые стороны действительности, поначалу преимущественно макрофизической природы. Создается постепенно довольно сложный материальный, вещественный инструментарий уже собственно научных исследований.

В метапознавательной надстройке, в сфере рефлексии молодой науки внутри себя, начинающей активно формироваться, господствует все еще метафизированный подход. Но он начинает формироваться уже под влиянием новых молодых, но уже научных традиций, прежде всего, традиций механистического естествознания. При общем преобладании установки на эмпирический, опытный уровень познания. Зачинателем последнего выступил Ф. Бэкон.

---

¹ Более подробно см. [822, с. 56-72].

Однако постепенно в системе данного типа научного познания — классического — зарождаются и развиваются многочисленные познавательные противоречия. Это противоречия между собственно уже теоретическим знанием и пока еще сохраняющимися натурфилософскими положениями. Между тем же формирующимся теоретическим знанием, в его, конечно же, ограниченных конкретно-исторических формах, и быстро накапливающимся эмпирическим знанием. Наконец, это противоречия между преобладанием индивидуальных субъектов познания и необходимостью коллективного исследования, основанного на существенной специализации.

Это также противоречия между новым эмпирическим и теоретическим знанием, с одной стороны, и механистически ориентированной метапознавательной надстройкой — с другой. Внутри самой метапознавательной надстройки этого, классического, исторического типа познания все больше и больше начинают давать о себе знать возрождающиеся элементы диалектического подхода.

Все это потребовало дальнейших изменений и весьма существенных преобразований в конкретных науках. Впрочем, и в философии, философии науки также.

Зарождается и постепенно начинает давать о себе знать новый тип познания. Кстати, начало этому во многом дает, на наш взгляд, новый подход именно в метапознании, в метапознавательной надстройке, в новой философии науки. А именно, философия диалектического материализма и подобные ей, возможно, не так последовательные новые методологические традиции. Именно работы К. Маркса и особенно Ф. Энгельса, параллельно с развитием основ ряда наук об обществе, заложили основы новой, во многом обогнавшей свое время, даже еще сегодняшнее, метапознавательной надстройки всего современного научного познания. Современного научного типа познания, а отчасти даже некоего гипотетического будущего синтетического научного типа познания.

Становление современного научного типа познания, как указывают многочисленные метапознавательные факты, прежде всего факты истории современной науки, происходит на рубеже XIX–XX вв. А своего наиболее развитого состояния этот тип познания достигает, как мы считаем, только сегодня, точнее — на рубеже XX–XXI вв.

Многое, если не самое грандиозное, в становлении современного научного типа познания еще впереди, в будущем. Но, мы уверены, в очень даже недалеком будущем. В пределах двух-трех ближайших десятилетий.

Современный научный тип познания характеризуется формированием развитого теоретического уровня науки уже практически. Без всяких оговорок. Отдельные теории при этом сменяются системами теорий или теоретическими суперсистемами. Но это теоретическое качество совершенно иное, по сравнению с теоретическими конструкциями, так называемыми учениями, например, Аристотеля, или неоплатоников, или схоластов.

Кроме того, эти системы теорий, сначала в рамках традиционных, так называемых естественных и социально-гуманитарных наук, а затем и с все возрастающей исторической скоростью продолжают движение навстречу друг другу. Это похоже на сближение галактик, нашего Млечного Пути, в частности, и их столкновение, которое, правда, произойдет только через несколько миллиардов земных лет. С наукой это будет происходить на глазах ближайших двух-трех поколений.

Это сближение современных наук со всей очевидностью указывает на то, что рано или поздно, скорее рано, они сблизятся настолько, что мы сможем, наконец, начать с полным правом говорить о едином научном познании.

Уже сегодня стало очевидным, что эмпирический уровень науки находится в полном подчинении у теоретического уровня. Именно теория, современное теоретическое знание становится основным фактором, формирующим практически любые новые направления исследований.

Дело за активностью самих носителей современного теоретического научного знания, их смелостью, оригинальностью, но и приверженностью традиционным общечеловеческим ценностям. Прежде всего — ценности человеческой жизни, и жизни на планете Земля вообще.

Здесь, в этом современном научном типе познания только и оформляются в относительно законченном виде теоретический и эмпирический уровни познания. Теперь становится просто немыслимым представлять себе эти уровни научного познания друг без друга. Даже теоретически.

Более того, теперь становится немислимым состояние, при котором не учитывается, причем самым серьезным образом, метапознавательный, метанаучный блок современного научного познания. Настало время полного признания в качестве третьего основного рода научного познания, и познания вообще, его особой надстройки — метапознания, т. е. системы наук о самом познании, научном познании в первую очередь. Если угодно, метапознание — это своего рода психоанализ современной науки, современного предметного научного сознания.

Само предметное научное познание представляет собой во многом своеобразное научное методологически-бессознательное, или научное философски-бессознательное, требующее помощи соответствующих специалистов: специалистов в области метапознания, которые, кстати, в необходимом качестве и количестве должны будут появиться в будущем; в лице историков науки, психологов науки, социологов науки и т. д.

Отдельные индивидуальные субъекты познания окончательно, и теперь, нужно думать, уже навсегда объединяются в групповые, коллективные субъекты практически во всех областях научного познания. При этом продолжается углубление специализации внутри каждой из этих областей. На этом этапе в процессе развития познавательных противоречий знания приобретают такой характер и достигают такого уровня, что создаются предпосылки для объединения отдельных индивидуальных субъектов и даже уже имеющих групповых, коллективных субъектов в некоторый единый субъект научного познания в целом — суперсубъект, или, иначе, универсальный субъект научного познания.

В метапознавательной надстройке все больше пробивают себе дорогу диалектические представления, подходы. Формируется целостная сфера метапознания как такового.

Последнее обстоятельство позволяет высказать мысль о начале формирования следующего, пятого, а исходя из более поздних разработок автора, восьмого этапа (типа) познания, так называемого **будущего синтетического научного типа познания**, который представляется как гармонически развитая сфера всего научного познания.

Включая все возможные средства познания, все виды познавательных отношений, а также развитую метапознавательную надстройку [см. 824, с. 72 и др.].

Естественно, что научное познание при этом отнюдь не будет избавлено от новых противоречий, принципиальных качественных изменений в познании, различных его фрагментах, появления новых, в том числе принципиально новых областей. Но происходить это будет иначе, возможно даже неким прогнозируемым и планируемым образом. Уже в настоящее время элементы ожидания, предвосхищения принципиально нового в научном познании заложены в любое значительное исследование, которое проводится в развитых областях науки.

Сказанное, кстати, отчетливо демонстрирует существенную ограниченность широко распространенного понимания развития научного познания в рамках так называемого парадигмального подхода, предложенного в свое время Т. Куном [375].

Подход Т. Куна хотя и учитывает в известной степени наличие так называемых методологических, а точнее метапознавательных по своей природе элементов, вовсе не выделяет их существенным образом в качестве элементов отличного от предметного познания.

Кроме того, здесь нередко метапознавательные элементы познания сводятся только к знаниям. Знания же, хотя и выступают во многом доминантой познания, сами по себе, не приняв форму соответствующих познавательных компонентов, взятые как бы вне субъектов познания, не могут считаться единственными и даже преобладающими источниками изменений познания, его развития.

Здесь на первое место выходит не столько содержание, или иначе информационный аспект знаний, сколько их инструментальный, технологический аспект; методологическая функция знаний, тех же теорий, как принято было говорить еще сравнительно недавно. Речь идет о различных формах реализации знаний, их приложений, можно сказать — своеобразных объективаций, вне которых знания просто напросто не могут реализовать свою функцию основной детерминанты развития познания, функцию базовой, если угодно, производительной силы познания как сферы производства нового знания.

Следует оговорить то обстоятельство, что активно формирующийся теоретический уровень метапознания, фиксируя основную логическую линию движения и развития познания вообще и научного познания в частности, нередко вынужден отвлекаться от особенностей многочисленных составляющих реального процесса познания.

Многое предстоит доисследовать, если можно так выразиться, в дальнейшем. Но только продвигаясь по этому пути, теоретическое метапознание может проникнуть в сущность познания вообще, научного познания в частности. Например, понять, почему исследователи поступают так, а не иначе, выбирают эти, а не иные проблемы для исследования, используют при этом эти, а не иные средства и методы.

Опережающее развитие метапознавательной теории, пусть и преимущественно на основе гипотетических построений, должно, например, высветить обстоятельства пропуска тех или иных открытий теми или иными субъектами познания, крупными учеными. Это касается, в частности, такого известного историко-метапознавательного факта, как несостоявшееся открытие релятивистской природы физической реальности Лоренцем. Хотя он в своих работах создал многие важнейшие блоки будущей теории относительности Эйнштейна. По крайней мере, ее специального варианта.

Далее. Как только сформулированы принципы общеметапознавательной теории, отражающей базовую сущность познавательных процессов (например, в виде теоретико-познавательных принципов диалектического материализма), возникают две следующие, тесно связанные друг с другом, задачи:

1. Продемонстрировать, как проявляется базовая, или фундаментальная сущность познания в реальных процессах познания.
2. Выявить возможности применения принципов общеметапознавательной теории к изучению реального познания, взятого в любых масштабах.

Формулирование приведенных задач вполне естественно, ибо уровни сущности и явления в познании, научном познании, как и в любых других случаях, не совпадают друг с другом. В то же время реальное познание, любое отдельное научное исследование включают

в себя и то, и другое. Как следствие, наличие общеметапознавательной теории, к тому же в ее современном, явно далеко не законченном виде, еще не дает гарантии правильного понимания реального познания, взятого во всем его многообразии, т. е. нужно научиться эту теорию применять. Применение же данной теории, как и всякого инновационного средства, включает в себе опасность пойти по ошибочному пути.

Во-первых, вполне возможна позиция, согласно которой общеметапознавательная теория представляется как некая схема, которая практически отождествляется с самими реальными процессами реального же познания. Во-вторых, существует реальная опасность внесения некоторой предопределенности, своеобразного провиденциализма в понимание процессов познания, развития науки. Например, в виде истолкования познания как определенного некоторой целью, с самого начала заложенного в познании. В таком случае закономерные результаты познания реальных научных исследований могут трактоваться в качестве их целей, в качестве того, что предполагалось с самого начала. И не просто предполагалось, но так или иначе уже присутствовало в познании, в реальных исследованиях.

Нужно избежать некоей абстрактной формулы прогресса познания, науки. Решать проблемы познания в соответствии с их уровнем общности и на основе анализа, всестороннего изучения развития исторических типов познания во всем их разнообразии, многообразии и сложности. Такой подход позволит преодолеть трудности, связанные с необоснованным абстрагированием тех или иных компонентов познания, различных сторон, аспектов познания в ходе попыток выявления их общих закономерностей.

Закономерности познания, многочисленные необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи компонентов познания всех видов нужно исследовать во всем их объеме, согласно всем требованиям диалектического подхода. Это позволит правильно оценить прошлые этапы эволюции познания, с одной стороны: с другой — правильно предвидеть направленность действительного познания, его будущее состояние.

Очень важно учитывать такой, в общем-то, элементарный метапознавательный факт, что в познании отсутствует однолинейная причинно-следственная зависимость. В познании, как и всяком социальном процессе, всегда имеет место взаимодействие. Детерминация, причинно-следственные связи в познании всегда обладают конкретным характером. Закономерная зависимость различных познавательных компонентов никогда не реализуется автоматически, тем более без участия субъективного — идеально-предметного — начала.

Упрощенное понимание характера детерминации в обществе, в частности в познании, что было характерно предшествующим эпохам, как правило, может, и ведет к различным явлениям неоправданных упрощений, нередко — откровенной вульгаризации.

Например, в виде различных формалистских, логицистских концепций познания, хотя в них за основу берутся такие важные компоненты познания, как логика, язык науки. При этом те рациональные результаты, которые получены в этих подходах, должны быть, безусловно, сохранены, учтены в дальнейших метапознавательных исследованиях. Но сами такие и им подобные предприятия должны быть оценены по достоинству, т. е. как недостаточно обоснованные, просто ошибочные.

Другой пример подобных упрощений, даже вульгаризации, хотя, быть может, и менее заметной, — это когда к познанию подходят без учета его процессуальности, развития. Без учета этапов, закономерной смены исторических типов познания. Что объясняется тем, что познание, наука берутся исключительно в их современном наличном виде. А что, как, почему имеет место именно такое качество современной науки, все эти вопросы просто не поднимаются.

Принципиально важно учитывать то, что могут дать, с одной стороны, те или иные виды конкретных, пусть даже теоретических метапознавательных исследований; с другой — общетеоретические метапознавательные исследования.

Речь идет не о том, чтобы противопоставить непосредственное, конкретное изучение познания и общетеоретические реконструкции познания. Речь не идет также и о том, что конкретные, частные метапознавательные дисциплины отличаются от общетеоретического

подхода степенью общности, фундаментальности тех законов, которые они изучают.

Дело в том, что сам подход к познанию как к объекту исследования, его видение в частных метапознавательных дисциплинах принципиально отличается от подхода с позиций общеметапознавательной теории. Что обнаруживается, например, при изучении общих закономерностей познания, научного познания в том числе.

Представители истории науки, науковедения, объективно, интересуются, прежде всего, спецификой проявления общих закономерностей познания в различных конкретных явлениях познания, конкретных областях познания. Их интересуют конкретные причины в сфере познания, конкретные причины различных новообразований в познании, нередко, по видимости, даже противоречащие общим закономерностям познания.

Представителей общеметапознавательного подхода эти же общие законы познания интересуют именно как таковые. Как общие законы познания, обеспечивающие его единство. Их интересуют вопросы разработки способов выявления и применения всеобщих законов познания. С учетом, конечно же, их проявления, действия в конкретных метапознавательных ситуациях.

Общеметапознавательный уровень, философско-метапознавательный подход — это тот уровень, тот подход, который предполагает достижение понимания, видения единства и целостности познания, взятого в его историческом развитии и единстве его логической формы. Здесь должна быть достигнута оценка любого специфического, частного познавательного качества, любого компонента познания с точки зрения функционирования и развития познания как целостного системного качества.

Вопрос: как может быть реализован данный уровень метапознания? — Ответ: как практика постоянного применения к познанию в целом и любому его компоненту в частности общефилософской теории, системы философских категорий, принципов и законов. Например, тех же основных законов диалектики.

На познание следует смотреть как на сложнейшее образование, характеризующееся многочисленными специфическими познавательными отношениями, взаимодействиями, связями. Более того, как

на некую единую, универсальную связь всех познавательных компонентов. На познание следует смотреть через такие категории, как причина и следствие, сущность и явление, необходимость и случайность, возможность и действительность. Наконец, видение познания предполагает постоянное использование категории закон. А также категорий содержание и форма, часть и целое. Наконец, категорий система, структура и элемент. Без такого подхода к познанию, науке они не будут осознаны нами в своем истинном качестве.

Удобно считать, что логика развития познания, науки как целостного качества проявляется, прежде всего, в масштабах всего познания; реализуется лишь во всем многообразии взаимодействующих, всегда конкретных сторон, компонентов познания; конкретных областей познания, т. е. она не может полностью проявить себя в каком-либо одном компоненте познания.

Например, только в знаниях, хотя они и являются квинтэссенцией всякого познания. Или в одной только области познания. Даже такой объемной, как естествознание, познание природы. Если познание берется без гуманитарной, общественной составляющей; без общественных наук.

Познание — единый процесс, но не в смысле, что познание в целом, или в любой его части, области совершает движение к более сложным и взаимопроникающим формам, реализуя свои внутренние потенции в той мере, в какой они объективно присущи этим компонентам. Переход от одного качественного состояния познания, от одного типа познания к другому предполагает взаимодействие и взаимопроникновение, борьбу между ними.

Можно, конечно, ограничиться (что любое отдельное метапознавательное исследование, как правило, и реализует) только изучением внутренних факторов развития компонентов познания либо типов познания в целом. Однако такой подход не будет полным и, следовательно, правильным и верным (истинным).

Своеобразная логика познания реализуется как результат взаимодействия всех своих компонентов. Причем компонентов, стоящих и достигших, как правило, различных уровней, ступеней развитости относительно друг друга. Тем более что одни из компонентов познания

могут развиваться за счет других, выступающих их предпосылками. Нередко сопротивляясь этому.

Уяснение вопроса о характере реализации логики познания в целом имеет большое значение при изучении конкретных познавательных явлений. В той мере, в какой основная линия развития познания задается развитием средств познания, прежде всего, знаний, создается возможность соотносить и сравнивать различные конкретные стадии познания, отдельных его областей и даже отдельных состояний этих областей.

При этом важно не только зафиксировать, какие компоненты познания существуют или существовали, но и определить то, какие именно из этих компонентов обеспечили возможность дальнейшего восходящего развития знания и других составляющих познания, науки.

Последнее обстоятельство представляется нам в качестве критерия для сравнения различных компонентов познания, различных его этапов и выявления именно тех из них, которые воплощают соответствующую данному этапу, типу познания ступень развития.

Существует, между тем, опасность не заметить односторонности утверждения, что для развития познания важны только те его компоненты, которые достаточно однозначно линейно располагаются на временной оси познания, его процессуальности, его прогресса. Мы исходим из того, что познанию не могут навязываться никакие семы. Хотя, впрочем. Без них тоже не обойтись.

В реальном познании наряду с объективной логикой перехода от одних стадий к другим, от одних типов к другим, как правило, более развитым, по крайней мере, в некоторых отношениях, имеет место реальное многообразие его компонентов. В этих компонентах подобный прогресс познания реализуется, не всегда однозначно укладываясь в общую линию прогресса. Особенно в каждой отдельной точке, каждом моменте процесса, как порой это почти очевидно представляется. Важнейшей задачей современного метапознания как раз и является учет обоих данных аспектов движения познания.

Имея в виду общую детерминанту познания, необходимо учитывать роль конкретных внутренних и внешних условий исследований, в рамках которых эта детерминанта только и может себя проявить. Если не оставаться на позиции благих пожеланий методологов-теоретиков.

С другой стороны, только отвлекаясь, абстрагируясь, но не забывая, от эмпирического многообразия познания, стремясь к выявлению сущности познания, станет возможным выявление основного направления развития познания в целом или его отдельных направлений. И то, и другое, особенно познание в целом, движутся, развиваются сразу в нескольких измерениях.

Мы убеждены, что категория «тип познания» позволяет судить о такой направленности процессов познания, а также о его обобщенном характере, о закономерных, обязательных этапах его развития как целостной системы. Судить о проникновении в сущность познания, науки.

Само по себе понятие «тип познания», правда, не содержит в себе ответов на вопрос о том, чем и как объяснить конкретное многообразие компонентов познания. Многообразие познания должно быть зафиксировано как эмпирико-метапознавательный факт. Как та объективная необходимость, без которой, вне которой логика познания не только не может реализоваться, но не может гарантировать сохранения познания как такового.

Как уже отмечалось выше, все виды необходимостей в познании реализуются только в рамках деятельности познающих людей, субъектов познания. К рассмотрению этого аспекта познания мы сейчас и переходим.

2.2. ПОЗНАНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.2.1. Постановка вопроса

Анализ познания как процесса деятельности познающих людей, субъектов познания представляет собой второй из указанных выше аспектов осмысления познания на общеметапознавательном уровне.

Задача такого рассмотрения состоит в объяснении механизмов деятельности субъектов познания. Чтобы не отклоняться от объективного подхода, не достаточно просто исходить из деятельности познающих людей, исследователей. Дело в том, что признание познавательной деятельности в качестве предмета метапознания вполне

может уживаться и с противоположными, несовместимыми с объективным подходом, позициями. Достаточно вспомнить диалектику Я и не-Я в субъективном подходе к познанию Фихте.

Чтобы этого не происходило, познавательная деятельность должна быть с самого начала приведена в связь с объективными, вещественно-материальными условиями познания, не в последнюю очередь. Необходимо проследить зависимость познавательной деятельности от вещественно-материальных условий и тем самым рассмотреть познавательную деятельность в прямой зависимости от детерминистского подхода. А это значит, что на познавательную деятельность должны быть распространены объективные методы изучения. Какие бы специфические моменты духовного (идеального) порядка ее не характеризовали. Данное обстоятельство носит принципиальный характер, так как невозможно объяснить природу познавательной деятельности, исходя только из идеальных факторов. Хотя по своей субстанции всякая познавательная деятельность представляет собой идеальный процесс. Процесс движения содержания сознания познающих людей. Или, как мы говорим, процессы, совершающиеся в сфере идеальной предметности, т. е. того же содержания сознания познающего человека.

Перефразируя известное положение, можно утверждать, что, например, об эпохах коренных революционных изменений в познании невозможно судить только по тому, как они осознаются самими познающими людьми, даже современными учеными. Это может и нередко приводит к блокированию верного понимания объективного содержания подобных эпох.

Развитое, ориентированное на объективность метапознание не может не учитывать идеальную сторону познания: цели и мотивы исследователей, субъектов познания. В противном случае исчезает сам субъект познания как таковой, а вместо объяснения познавательно-деятельностный аспект познания исчезает. История познания при этом сводится к движению некоего «чистого» знания или к неким абстрактным связям между элементами «чистого» знания.

Попытка объяснения «идеальных побудительных сил» в познании очень важна. Однако невозможно объяснить познавательную деятельность, исходя из одних лишь идеальных факторов. Объясне-

ние «идеальных побудительных сил» в познании из объективных причин, а также указание на обратное влияние представлений исследователей, субъектов познания на ход познания, однако, еще не означает обнаружение нового аспекта анализа познания. Это лишь открывает возможность перехода к нему на основе включения деятельности субъектов познания в систему объективной детерминации познания.

Указанный новый аспект изучения познания продолжает и дополняет предыдущий. Особенно, если ставятся вопросы о том, как подобная детерминация реально происходит. А также о том, каков реальный механизм проявления законов познания в деятельности его субъектов. Именно на этом этапе предметом анализа и становится сам субъект познания, пути и способы его специфического детерминирующего влияния на процесс познания. При этом анализ познания с подобных позиций обнаруживает совокупность новых метапознавательных проблем, связанных с природой субъектов познания, которая чрезвычайно многообразна. Одно различие субъектов естествознания и социально-гуманитарного познания о многом говорит. Встает проблема соотношения объективных закономерностей познания и содержания сознания субъектов познавательной деятельности.

Если обратиться к познавательной деятельности людей, субъектов познания, то она может браться двояко: 1) в качестве предмета, подлежащего объяснению, и 2) в качестве одного из общеметапознавательных принципов объяснения познания. Налицо очень даже неординарная ситуация с почти взаимоисключающими позициями.

Разработку проблем познания, связанных с его деятельностным аспектом, можно, в свою очередь, подразделить: 1) на конкретно-метапознавательную и 2) общеметапознавательную. При этом в первом случае роль субъектов познавательной деятельности учитывается при изучении конкретных, специальных, узких метапознавательных проблем и ситуаций в познании. Во втором случае сами метапознавательные проблемы становятся предметом изучения — предметом метатеоретического анализа.

Когда мы приступаем к изучению познания, возникает задача уже не только, а нередко и не столько, анализа общих объективных условий познания, познавательной деятельности, сколько реальных

ситуаций в познании, т. е. встает задача конкретного анализа конкретных ситуаций в познании. Без этого своеобразного посредствующего звена невозможны ни переход от общих законов познания и общих объективных предпосылок к конкретным ситуациям в познании, ни, наоборот, обобщение результатов исследования конкретных ситуаций в познании в виде каких-либо общих законов.

До сих пор, на наш взгляд, при анализе познания как важной составляющей части объективного естественно-исторического процесса хотя и упоминается, но, как правило, остается в тени такой метапознавательный факт, как наличие многих проявлений случайного фактора в познании. Подобное обстоятельство при рассмотрении познания не в «чистом» виде, не абстрактно, а в форме его реального исторического осуществления, в противоборстве различных конкретных познавательных тенденций, в столкновении различных точек зрения, различных школ, направлений может приводить и нередко действительно приводит к серьезным, принципиальным ошибкам.

Мы считаем, что именно деятельностный подход к познанию позволяет учесть специфику указанного аспекта познания наиболее систематическим образом.

Выделение деятельностного аспекта анализа познания ведет к разработке проблем соотношения объективного и субъективного в познании. Включая проблематику активности субъекта познания, а также проблему определения конкретных условий познавательной деятельности и роли случайного в познании. Это позволяет говорить о законах развития познания не только в «чистом» (читай «абстрактном») виде, но и в формах их проявления в конкретной познавательной деятельности конкретных исследователей, субъектов познания. Причем с учетом конкретных познавательных, в том числе социально-познавательных и иных условий.

Подчеркивая важность и необходимость конкретно-метапознавательного уровня изучения познания, следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что одного понятия (категории) «тип познания» будет явно недостаточно. Понятие «тип познания» должно быть конкретизировано другими понятиями, такими, например, как научная школа, научное направление, научное познавательное сообщество, научная познавательная традиция и ряд других.

Именно анализ реальных (научных) познавательных направлений, школ, традиций, их взаимодействия, борьбы дает ключ к изучению противоречивых стремлений и интересов различных исследователей, субъектов познания.

Деятельностный аспект метапознания выступает в качестве связующего звена между абстрактным, теоретическим уровнем метапознания, уровнем общих законов, типов познания, и конкретным изучением процессов познания в более частных метапознавательных областях.

В то же время следует обратить особое внимание на то, что в частных областях метапознания имеет место собственное расслоение знаний о познании по степени общности, конкретности и абстрактности и т. д.

Чтобы успешно изучать познание, науку, нужно подойти к ним как к сложным, многомерным и многоуровневым образованиям. Для этого следует применить также сложный, многомерный и, возможно, многоуровневый инструментарий. Без подобного подхода, без такого инструментария изучение познания может свестись лишь к поверхностной фиксации многообразия познания, к натурфилософско-метапознавательным умозрительным упражнениям. То есть к подходу, который в серьезной науке уже давно преодолен, устранен с предметного уровня. К подходу, который возможен сегодня, разве что только в рамках плохой философской традиции, далеко отстоящей от реальных проблем реального познания.

2.2.2. Сведение индивидуального в познании к общему

Когда теоретически анализируется отношение законов познания и деятельности исследователей, субъектов познания, а в более широком смысле — объективная детерминация познавательной деятельности, сразу же возникает вопрос о том, о какой деятельности идет речь. О деятельности отдельного индивидуального исследователя, познающего индивида, или о деятельности всей совокупности исследователей, субъектов познания, познающих людей в целом?

Всякий закон, как известно, и не только в познании, всегда проявляется в отдельном и через отдельное, но проявляется при этом по-разному. Например, статистические законы действуют только в массовых процессах, в познании они проявляются в деятельности всей совокупности исследователей. Правда, квантовая механика высказывается в пользу «статистического» поведения даже отдельно взятых частиц, что можно интерпретировать также и на отдельно взятого исследователя.

По отношению к отдельному исследователю тоже можно говорить, даже еще более обоснованно, что его поведение может быть предсказано (если может быть предсказано вообще) только как возможность, как тенденция, т. е. с некоторой вероятностью. Если же признать, что действия познающего индивидуального субъекта, исследователя абсолютно, целиком однозначно детерминированы внешними обстоятельствами или каким-либо ограниченным набором внутренних, если признать, что его деятельность лишь выполняет требования подобных законов познания, то и здесь нельзя будет уйти от следствия в виде предопределенности в познании и его объяснении.

Кстати, именно на подмене понятий в сторону признания исключительно однозначной детерминированности исследователя внешними обстоятельствами нередко строилась критика в адрес теории познания диалектического материализма его противниками, которые утверждали, что эта метапознавательная традиция превращает познающего субъекта в простую марионетку некоей необходимости, даже неизбежности в познавательном процессе. Что было и остается весьма далеко от реальной практики метапознания, ориентированной на диалектический материализм. При этом под шумок в качестве альтернативы нередко выдвигались положения, отрицающие вообще всякую объективную обусловленность познания.

Подобные подходы и сегодня зачастую увязывают творческую роль субъектов познания с отрицанием объективных законов познания, законов познавательной деятельности. Для них признание объективной детерминированности действий познающих субъектов означает лишение их всякой самостоятельности, а следовательно, и так называемой свободы выбора в своей познавательной практике.

На самом деле противопоставление: либо признание объективных законов познания и жесткой детерминированности действий познающих субъектов, либо признание творческой роли субъектов познания — просто ложно, иллюзорно, ибо оно обусловлено односторонней трактовкой законов познания, детерминизма и свободы в познавательной деятельности. Для ученого, исследователя, субъекта познания имеет силу то же положение, что и в отношении других сфер деятельности людей: исследователь всегда свободен настолько, насколько он усвоил и сознательно применяет объективные законы своей деятельности, включая свои личные особенности.

На самом деле метапознание здесь имеет дело одновременно как с действием объективных законов познания, с одной стороны, так и с реальной творческой ролью субъективного начала в познании — с другой.

Но каким образом можно сочетать указанные противоположности познания? Проблема эта непростая, многоплановая, многоуровневая, но можно утверждать, что одним из основных аспектов ее решения является выявление форм, способов, механизмов проявления объективных законов в процессах научной деятельности.

Кстати, по нашему мнению, из названных трех терминов наиболее подходящим является термин «механизм», так как он указывает на выявление самой структуры научной деятельности, обуславливающей соответствующую форму проявления объективного закона познания. При этом, конечно, следует четко различать деятельность отдельного ученого, исследователя, с одной стороны, и деятельность всей совокупности исследователей, а также деятельность различных объединений исследователей в составе некоего группового, коллективного субъекта познания — с другой.

Что касается статистических законов познания, то они не могут не только целиком детерминировать деятельность отдельного исследователя, но даже проявляться отчетливо в индивидуальной научной деятельности. В познании присутствует множество законов, которые можно выразить только качественно. Взять, например, своеобразный закон соответствия познавательных отношений характеру и уровню развития знаний, методов, технической оснащенности исследований, т. е. средств познания. Способен ли отдельный ученый в принципе

быть носителем подобного требования? Да, способен, но весьма и весьма ограниченно, частично. В целом же он не может реализовать требования данного и подобных законов во всей их полноте. Отдельный индивидуальный субъект познания участвует в реализации объективной познавательной закономерности, прежде всего, как член некоторой школы, направления, а не сам по себе. Поэтому когда мы говорим о том, что законы познания реализуются в деятельности исследователей, то при этом имеется в виду совокупная деятельность многих или даже всех индивидуальных исследователей, так или иначе связанных друг с другом.

Принципиально важно найти пути, способы перехода от действий отдельных субъектов познания к деятельности совокупностей индивидуальных исследователей, выработать методы сведения индивидуального в познании к групповому, общему, подведения индивидуального под действие познавательного закона. И наоборот — выявить пути обратного влияния индивидуального, особенного в познании на общее, коллективное.

Нельзя, неверно утверждать, что деятельность отдельного ученого не есть проявление общенаучных закономерностей. Например, психологические познавательные закономерности имеют индивидуальный уровень в качестве основного. Деятельность любого исследователя всегда подчинена общим закономерностям познания, поскольку любой исследователь существует не изолированно и действует всегда в системе некоторых объективных внешних и внутренних познавательных отношений. Вопрос в том, чтобы, исходя из анализа индивидуальной познавательной деятельности, выработать необходимые метапознавательные категории, в которых можно было бы выразить значимые для познания в целом действия совокупностей исследователей той или иной области познания, познания в целом, да еще с учетом неизбежной смены поколений исследователей.

На поверхности познания мы наблюдаем массу индивидуальных познавательных действий, событий, процессов самых разных видов и разновидностей. Зафиксировать все это многообразие метапознание не в состоянии, даже если учесть все его области и уровни. В то же время мы не имеем права игнорировать это многообразие. Метапознание так или иначе должно уметь в нем разбираться, классици-

цировать, выделить существенное. То есть проводить необходимые для всякого серьезного анализа процедуры, позволяющие все это многообразие познавательных эмпирических данных, точнее эмпирических данных о самом познании (=метаэмпирических), превращать в эмпирическую базу метапознания.

Кстати, вопрос о своеобразном эмпирическом базисе метапознания, методологических и иных исследований вообще оставался в стороне, почти никогда не анализировался, хотя все методологические подходы так или иначе, в том числе общеполитические, его всегда предполагали. Какая-то непонятная скромность или стыдливость проявляется у методологов, представителей метапознания, скорее всего, от недостаточной продуманности, осмысленности природы своих исследований. У метапознания, как и у предметно ориентированного познания, есть своя эмпирия, свой уровень непосредственных данных о познании, свой уровень их обработки и фиксации фактов познания. А следовательно, и свои уровни моделирования, выдвигания объяснительных теорий, свой теоретический уровень, свой уровень общепознательных проблем, иначе — философско-метапознательный уровень.

Последовательно осмысливая действия познающих людей, можно заметить, что, с одной стороны, они не так уж и бесконечно многообразны, что в их действиях есть множество общих моментов. А с другой — можно прийти к выводу о том, что смысл многих индивидуальных познавательных актов должен быть понят, если их рассматривать не сами по себе, а в очевидной связи с другими познавательными актами, как части, элементы совокупной познавательной деятельности. Но это как раз и означает, что в самом действительном познании имеются механизмы, объединяющие действия исследователей и при этом дифференцирующиеся на отдельные познавательные сферы на основе определенных вполне объективных причин. А отсюда, в свою очередь, вытекает возможность сведения отдельного, индивидуального, даже уникального в познании, научном, прежде всего, к общепознательным моментам. Появляется возможность выделения в познании групп ученых, исследователей, объединяемых общими познавательными установками и оказывающих значительное влияние на ход познания в данный момент, на данной ступени.

Известно, что основная деятельность в сфере познания, науки направлена на формирование (=производство) того или иного вида нового знания. Деятельность эта должна рассматриваться в качестве постоянно прогрессирующей специализации познания. Если же двигаться обратно, то по мере удаления от современного этапа познания в прошлое обнаруживается все менее заметная специализация в познании, вплоть до ее исчезновения, как отмечалось выше. То есть до состояния отсутствия специализации как таковой на самых ранних этапах, а именно на стадии магического и мифологического исторических типов сознания и познания. В этих ранних донаучных исторических типах сознания и познания знания были настолько неразвиты, что это выражалось в их практически полной слитности, полной неразличимости, своеобразного начального гносеологического синкретизма. Данное обстоятельство, кстати, говорит о том, что для этих периодов вопроса о сведении индивидуального в познании к общему практически не существовало. Стихийно складывавшиеся первичные формы познавательной деятельности, глубоко интегрированные в простую практическую жизнедеятельность человека, полностью задавали образ деятельности субъекту познания той поры, нашим далеким предкам.

Дальнейшая специализация в сфере познания, сначала очень и очень медленно, постепенно приводит к образованию различных сфер, а позднее и отдельных областей познания; к закреплению их некоторых, всегда не абсолютных, границ. Формируется деление всей сферы познания, по мере ее выделения из практической сферы, на отдельные направления, отрасли, науки. Последние, в свою очередь, дифференцировались на подотрасли, подобласти, школы и т. д. Такое деление на протяжении длительного времени, включая настоящее, остается весьма характерным, существенным. Оно затрагивает все отрасли познания — от эмпирических областей предметного познания до философских исследований в рамках метапознания.

Основой деления, специализации в познании выступали и выступают те же причины, которые определяют структуру того или иного этапа познания. А именно: направленность на различные стороны, уровни, моменты всеобщего объекта познания — объектив-

ной реальности, включая само познание, а также формирование в ходе различных видов познавательной деятельности всевозможных видов и разновидностей средств познания — знаний, методов, инструментария. При этом каждый этап познания в целом и той или иной сферы, области познания в частности имеет собственное деление на направления, школы и обусловленную этим делением структуру исследований.

Более четкое ветвление познания, его стадийность мы можем констатировать начиная с эпохи Возрождения, хотя отдельные примеры подобных различий можно обнаружить уже в древности, у античных греков, прежде всего. Но даже в эпоху Возрождения зачастую объективная сущность членения познания на сферы скрыта, завуалирована, неясна. В результате на поверхности истории познания выступают не школы и направления в современном их понимании, а какие-то специфические образования. Только несколько позднее начинает определяться более четкая структура областей и сфер исследований, приобретающих уже научное качество.

Современный тип познания — современная наука, опирающаяся на продвинутое знание и методы, характеризуется коренным переворотом по отношению к предыдущим стадиям, специфическим в двух отношениях. Во-первых, деление познания на сферы исследований выступает здесь уже в некотором «чистом» виде. Специализация происходит практически везде и во всем. Во-вторых, формирование связей отдельных сфер исследований друг с другом указывает на наличие тенденции к формированию единого стиля познавательного (научного) мышления, консолидирующего все познание. А в тенденции современный тип познания стремится перерасти в еще более развитую форму, в которой будут преодолены, станут как бы прозрачными стенки жесткой специализации.

С развитием познания, науки и особенно с переходом на современный этап происходит включение все большего и большего числа людей в сферу специализированного познания, возрастает роль специализированной познавательной, научно-познавательной деятельности. Данное положение также можно рассматривать как одну из закономерностей познания вообще и современного его этапа в частности. Кроме того, происходит резкое усиление значения и роли

методологического познания, метапознания, всей метапознавательной надстройки. Выработка единых метапознавательных основ становится необходимым условием перехода от индивидуальной познавательной деятельности к коллективным ее формам.

Научная школа, научное направление не могут, подобно индивидуальному исследователю, руководствоваться в своем разворачивании индивидуально-психологическими мотивами. У них имеются свои объективные по своему статусу побудительные мотивы, выражающие и обеспечивающие субъективные стремления индивидуальных исследователей. Эти общие мотивы оформляются в соответствующих общепринятых методологических, метапознавательных установках.

В сфере метапознания сведение индивидуального к коллективному, общезначимому закрепляется на основе специфического выражения общезначимого тем или иным конкретным представителем группового, коллективного субъекта познания. В качестве такого представителя группового субъекта познания, как правило, выступает видный представитель данной области, наиболее четко и последовательно выражающий особенности этой области. Здесь этот исследователь выступает не просто как индивидуальный рядовой исследователь, а как представитель познавательных интересов всего сообщества исследователей данной или даже более широкой области познания. А именно, как индивидуальный носитель общезначимых познавательных интересов.

Важно подчеркнуть, что результаты индивидуальной познавательной деятельности тогда приобретают общезначимость, когда за ними обнаруживается своеобразная сила некоторого научного сообщества в целом, принимающего эти индивидуальные познавательные достижения в качестве руководства в своей познавательной деятельности.

Данные соображения о носителях общих метапознавательных установок исследователей, представителей некоторого сообщества, относятся, в том числе, и даже в первую очередь, к руководителям различных коллективов исследователей. Это и понятно, так как их действия, многократно усиленные поддержкой исследовательских коллективов, становятся в том, или ином виде общезначимыми

для всех. Поступки этих руководителей уже не так склонны не замечаться в общей массе познавательных действий, как это нередко имеет место в деятельности отдельных частных, индивидуальных исследователей.

Понятно, что крупный ученый, руководитель школы, исследовательского коллектива тоже может ошибаться, как следствие, — и значение, масштаб его ошибок может быть многократно увеличен. Достаточно вспомнить, как ни странно, очевидно отрицательное влияние авторитета Ньютона в виде приостановки ряда исследований, не укладывавшихся в созданную им традицию в рамках классического научного типа познания.

Следует отметить, что по своему метапознавательному значению сами категории — «познавательная школа», «познавательное направление», «познавательная традиция» — позволяют, отвлекаясь от несущественного, случайного, второстепенного в действиях отдельных членов соответствующих школ и т. д., вскрывать общие тенденции, закономерности деятельности многих и многих исследователей, различных их объединений.

2.2.3. Механизм действия законов познания. Объективная детерминация познавательной деятельности и роль субъекта в познании

Взаимоотношения законов познания и деятельности исследователей, субъектов познания нельзя понимать как существующие отдельно, как лишь вступающие во взаимодействие составляющие познания. В некоем, так сказать, «чистом» виде, как особое знание об объективных закономерностях познания, законы познания, науки, как и любое другое знание о законах чего-либо, существуют лишь в абстракции, в нашем сознании, да и то лишь с момента их открытия. Реальные же законы, закономерности познания существуют только в конкретных процессах, в реальной познавательной деятельности. Поэтому для их реализации, т. е. для использования законов познания, нужна активная сознательная творческая деятельность познающих людей, исследователей.

Вне такой деятельности, вне реальных научных исследований, проведение которых является повседневным занятием исследователей, ни о каких законах познания, научного познания в частности, как отражении реальных законов, законов реальной познавательной деятельности во всей их онтологической специфике, не может быть и речи. При этом обращают на себя внимание следующие два момента:

1. Диалектика развития познания такова, что исследователи вынуждены постоянно что-то менять в своих подходах к объекту познания под влиянием самого же объекта познания. Хотя и не обязательно только в том виде, как объект познания дан им изначально. Это, кстати, есть проявление одного из важнейших законов всякого познания. Именно этим определяется содержание и направленность познавательной деятельности.
2. Закономерности объекта познания и формирующиеся при их влиянии закономерности самого познания определяют лишь общее направление процессов познания. Конкретный же ход познания, детали процессов познания, а также конкретные формы и темпы развития познания, обуславливаются не только, а нередко и не столько этими закономерностями, по крайней мере, непосредственно, но и многочисленными более конкретными причинами. Включая с необходимостью и даже неизбежностью субъективные моменты. Такие, как, например, заблуждение или творческую инициативу, если угодно, талант отдельных исследователей и т. п. Без анализа подобных конкретных причин невозможно объяснить многие факты, взятые из истории познания. Например, такие явления, как ускорение исследований в одних областях познания и их замедление других. Поэтому так трудно, если вообще возможно, прогнозировать открытие, особенно когда оно носит нетривиальный, выходящий за рамки сложившейся познавательной традиции характер.

Познание развивается по объективным законам. Исследователи в своих действиях всегда ограничены определенными объективными условиями, в том числе условиями, характеризующими степень развитости их сознания, их мышления, как на эмпирическом, так и на теоре-

тическом уровне. Однако в рамках такой объективной необходимости в познании могут происходить различные отклонения, реализоваться различные варианты действий исследователей. Тем более, что рамки необходимости в сфере познания не носят жестко детерминированного, однозначно детерминированного характера. Более того, гибкость исследовательских подходов, их своеобразная лабильность усиливаются с переходом на более высокие ступени познания, от одного исторического типа познания к другому, более развитому.

К тому же немаловажно учитывать то обстоятельство, что каждая область познания имеет свою собственную историю. Хотя в областях, находящихся на примерно одинаковом уровне развития, действие одних и тех же закономерностей заметнее, чем это имеет место для областей, существенно различающихся по степени их развитости.

При этом неправильно было бы противопоставлять объективные стороны познания, его законы самой деятельности исследователей. Даже такому ее признаку, как наличие в ней элементов творчества. Последние входят в процесс познания, как и сами законы, реализуясь во всем многообразии познания и его результатов.

История познания — есть история деятельности исследователей, познающих людей. Она полна самых разных противоположностей, противоречий и путей их разрешения. Сложность понимания познания в том и заключается, что эти противоположности нужно вскрыть и соотнести согласно их природе. Это касается соотношения субъективного и объективного в познании, необходимого и случайного, независимого от сознания исследователей. Например, объективного содержания знаний и такого содержания, которое зависит от сознания и воли исследователей. Это, например, сама форма знаний, применяемые в исследовании методы и т. п.

Познавательные противоположности не просто противостоят друг другу, они с необходимостью взаимодействуют, порой переходят друг в друга, случайное становится необходимым. Примеры последнего показал Т. Кун в своей упоминавшейся ранее книге. Необходимое может оказаться случайным, общее — отдельным. Отдельное может превратиться в общее и даже во всеобщее.

Конкретизация механизмов действия законов познания, механизмов его развития связана с анализом связей этих механизмов

с различными структурными составляющими познания, познавательной деятельности. Тем более что многие законы познания действуют только в отношении не всех, а лишь определенных сторон, компонентов познания и не распространяются на другие. Здесь просматривается явная специфика, например, познавательных потребностей в сравнении со стимулами в отношении познания или знаний о предмете исследования, с одной стороны, и методологических знаний, знаний о самом познании — с другой. Хотя они и близки друг другу, тесно связаны друг с другом, дополняют друг друга. Именно эта их дополняющая природа и говорит о наличии существенных различий, регулирующихся различными законами.

Так, гносеологические потребности и интересы, а они с необходимостью формируются у людей, особенно специально посвящающих себя познанию, служат средством перевода объективного, т. е. содержания объектов познания, в субъективное, т. е. в содержание сознания исследователей, в знание как таковое.

Вне специфических познавательных потребностей и интересов ничто вообще не может стать предметом познания. Именно благодаря познавательным потребностям и интересам образуются специфические субъекты познавательной деятельности. Это относится как к отдельным исследователям, и тогда можно говорить об индивидуальных познавательных интересах и потребностях, так и к целым их группам, сообществам и т. д. В последнем случае можно говорить о групповых, коллективных и прочих познавательных потребностях и интересах.

Индивидуальные исследователи выступают как бы частицами, «атомами» групповых, коллективных субъектов познания через общезначимые потребности и интересы, подключающиеся к решению общезначимых проблем.

Гносеологическая потребность принадлежит непосредственно субъекту познания и осознается им как необходимое требование, без удовлетворения которого невозможно существование субъекта именно как субъекта познания. Прогресс, развитие познания сопровождаются появлением все новых и новых по своему содержанию и направленности познавательных потребностей. В осознании этих потребностей, естественно, все более и более важную, решающую роль начинает играть теоретическое качество, развитое рационально-

познавательное начало. Можно с полным основанием утверждать, что прогресс познания, подобно прогрессу общества в целом, подчиняется своеобразному закону возвышения теперь уже познавательных потребностей.

К понятию познавательной потребности близко понятие познавательного интереса, представляющее собой отражение момента осознания соответствующих познавательных потребностей субъектами познания.

В трактовке познавательного интереса можно выделить две стороны: объективную и субъективную. Хотя в целом интерес должен рассматриваться как единство субъективного и объективного.

Познавательный интерес представляет собой осознание соответствующей познавательной потребности и представляет собой форму объективации последней. Чем более развит, чем полнее проявил себя познавательный интерес, тем о большей степени объективации соответствующей познавательной потребности мы можем говорить. В целом же познавательный интерес в сфере метапознания должен использоваться, на наш взгляд, как категория объективная, отражающая, прежде всего, объективную сторону соответствующей познавательной потребности. Это находит свое основание и подтверждение в том, что познавательные интересы исследователей выступают формой проявления соответствующих познавательных отношений, а значит и формой проявления соответствующих познавательных взаимодействий и связей. А если особо отметить наличие необходимых, устойчивых и повторяющихся связей, т. е. собственно законов познания, то становится очевидным, что познавательные интересы являются формой осуществления законов познания.

Таким образом, наличие познавательных интересов можно считать основным принципом функционирования познания. Речь, конечно, идет о познавательных интересах, взятых именно в своем объективном аспекте, а не в той или иной субъективной форме их существования. Как следствие приведенных рассуждений, можно утверждать, что положение конкретного субъекта познания определяется прежде всего его доминирующим познавательным интересом. Будь это индивидуальный или групповой субъект, или сообщество

исследователей некоторой области в целом, или даже совокупность всех исследователей, живущих на Земле в определенное время.

Сложность же здесь заключается в том, что, будучи объективным по своей сущности образованием, познавательный интерес, как и познавательная потребность, всегда есть интерес какого-то определенного субъекта познания. Более того, в свою очередь наличные познавательные интересы и потребности влияют на дальнейшее формирование самого субъекта познания в качестве чего-то особенного, отличного как от объекта познания, так и от других субъектов познания, обладающих иными познавательными потребностями и интересами.

Невозможно представить себе субъект познания без каких-либо познавательных интересов и потребностей. Без них субъект познания превращается в своеобразное гносеологическое ничто. Так как тогда исчезают все соответствующие противоречия между объективным и субъективным как таковыми в познании. Исчезает то, что только и делает человека субъектом познания.

Гносеологический интерес является определенным сущностным элементом в структуре познавательной деятельности, назначение которого заключается в том, чтобы быть источником познавательной активности человека. Этот интерес призван побуждать к познавательным действиям в случае обнаружения тех или иных противоречий в объекте познания, в связи с объектом познания и т. п. Поэтому недостаточно утверждать, что гносеологические интересы объективны по своей сути. Они переводят, переносят, транслируют содержание объекта в содержание сознания, в знание.

Проблема познавательных интересов многообразна. Она предполагает рассмотрение целой иерархии познавательных интересов. Требуется учета различных сочетаний, согласований познавательных интересов отдельных исследователей с соответствующими познавательными интересами школ, направлений, групп, с одной стороны, и учета адекватности/неадекватности осознания субъектом своих гносеологических интересов — с другой.

Важно также выяснить, каким образом благодаря познавательным интересам реализуются объективные законы развития познания. Очевидно, что решающую роль в проявлении объективных законов играет преобладающий интерес того или иного индивиду-

ального исследователя, той или иной школы, направления, области и т. д. При этом именно групповые, коллективные субъекты — направления, школы, сообщества исследователей — реализуют требования объективных законов познания в полной мере, в полном объеме, достижимом в наличных условиях. Роль тех или иных индивидуальных исследователей, даже таких выдающихся, как, например, Аристотель, Ньютон, Эйнштейн, может проявиться только в рамках некоторого исследовательского сообщества, сообщества единомышленников в отношении их занятий исследованиями.

Изучение объективного в своей основе характера познавательных интересов позволяет осуществить объективный анализ структуры познания на том или ином этапе, в определенных частях, их динамике. А также определить линию поведения той или иной школы, сообщества по отношению и в сравнении с другими близкими школами и сообществами. Реальное развитие познания, средств познания, формирование нового знания происходит только в виде деятельности реальных же исследователей, субъектов познания. Невозможно понять источник этого развития без учета познавательных интересов исследователей. Пытаясь выявить специфику деятельности школы, сообщества как субъектов познания, нужно исходить из того, что именно соответствующий гносеологический интерес выступает источником активности, обуславливающим характер создаваемых субъектом средств познания и получаемых с их помощью знаний.

Категория гносеологического интереса служит основой объективного анализа познания. Конкретная история познания, различных его этапов не сводится, однако, только к интересам. Важное место здесь должно быть уделено специализации, различным видам и способам дифференциации в познании, тесно связанной с познавательными интересами, характером их функционирования.

Можно утверждать, что в структуре познания, особенно начиная с Нового времени, т. е. с ранненаучного исторического типа познания, доминирует специализация, носившая до этого скрытый характер, нередко плохо осознававшийся исследователями. Соответственно, с развитием познания по пути специализации происходило и формирование специализированных средств познания, необходимых для доступных в то время видов научной деятельности. Эти средства

познания концентрировали в себе обобщенный познавательный опыт применявших их субъектов. Они, кстати, некоторое время сохраняли свою специфику и после того, как границы специализации изменялись в ту или иную сторону или вообще стирались, просто исчезали.

Специализация в познании выступает в качестве некоторой внутренней, а именно метапознавательной формы развития познания. В то время как сами средства познания могут оставаться практически одними и теми же у различных субъектов познания. То есть следует всегда избегать отождествления средств познания, используемых субъектом познания, с методологической, метапознавательной основой, на которой эти средства применяются.

Анализ познания на базе положений о специализации, дифференциации в познании предполагает и дифференцированный подход к различным явлениям в сфере познания с учетом их специфики и взаимоотношений с другими явлениями познания. С учетом специфики конкретных условий и задач, решаемых субъектом (субъектами) познания. Так, например, специализация заметно сказывается на формировании гносеологических интересов исследователей. Эти интересы, как правило, выражаются в стремлении к определенным познавательным целям, в стремлении использовать определенные познавательные приемы, направленные на достижение этих целей.

В то же время познавательные интересы могут выступать для исследователей в иллюзорной, искаженной форме и даже забываться. Так, объективный интерес средневековых алхимиков состоял в том, чтобы овладеть различными способами превращения веществ, в то время как непосредственным мотивом был поиск некоего «философского камня». Более того, алхимики воспринимали этот «камень» как свой непосредственный познавательный интерес, что было уже очевидно неверным подходом к исследованиям. Кстати, даже и сегодня исследователи нередко не в состоянии объяснить, что именно подтолкнуло их к тем или иным действиям.

При рассмотрении метапознавательной роли мотивации познавательной деятельности мы отвлекаемся от ее психологической природы. Но мы учитываем это обстоятельство, так как психология познания также является метапознавательной дисциплиной.

Важно видеть то, что в своей непосредственной форме познавательные интересы осознаются лишь в сфере конкретной познавательной деятельности, т. е. там, где реализация этих интересов состоит в достижении познавательных целей познавательными же средствами, на предметном уровне исследования. Существенно иное дело, когда объективные познавательные интересы осознаются на метапознавательном, методологическом уровне, как бы отделяясь от непосредственной предметной познавательной деятельности. По своей природе познавательный интерес в развитом виде и должен реализоваться только будучи опосредованным действиями на метапредметном, методологическом уровне. Но в этом случае может оказаться, что один и тот же интерес представляться по-разному на метапредметном, методологическом уровне, в рамках принципиально разных метапознавательных традиций.

Способ осознания познавательного интереса зависит от структуры познания, или отдельного исследования. Это приводит к тому, что возникает возможность различных метапознавательных трактовок этого интереса, если в этом есть необходимость. Кроме того, в познании действуют закономерности, согласно которым метапознавательный аспект каждой сферы, каждой области познания имеет свои собственные внутренние гносеологические потребности, должен быть также внутренне упорядочен, сформирован как автономная целостная концептуальная система. Поэтому внутренние потребности метапознавательного уровня областей познания, познания в целом добавляют свои особенности в реализацию того или иного способа, типа познания, придавая дополнительное разнообразие процессу познания, отражения в метапознавательной надстройке предметных познавательных отношений и интересов.

В метапознании, на метапознавательном уровне речь идет не просто об осознании предметных познавательных интересов, но об их оправдании, систематическом обосновании. И все это отражается на мотивационной сфере специализированного познания.

Отмеченный выше способ представления познавательных интересов открывает еще одну сторону познания, усложняющую метапознавательные исследования, а именно возможность как для отдельных ученых, так и целых их групп, коллективов действовать,

казалось бы, вопреки их объективным гносеологическим интересам. При этом на эти интересы накладывается неадекватная метапознавательная концептуальная схема, занимающая ведущее место в метапознавательной надстройке данного вида познания и даже данного типа познания в целом, как это было, например, во времена господства в методологии механистических подходов, выросших из ньютоновой механики как физической теории.

Очевидно, что познанию, его коренным интересам не отвечает метафизическая механистическая методология, однако долгое время познание как природы, так и общества и даже сферы сознания и познания осуществлялось на базе вольно или невольно принимаемых механистических установок в качестве коренных познавательных интересов. И только дальнейший ход развития познания, в том числе самой физической науки, с необходимостью приводит к восстановлению, точнее, установлению соответствия реальной исследовательской практики познания, его предметного уровня с понятиями по-новому коренными познавательными интересами. А именно — на основе диалектического подхода. Хотя и это происходит, даже сегодня, еще очень и очень непоследовательно.

Между объективными познавательными интересами, связанными с реальным положением различных субъектов в структуре познания и так или иначе стимулирующими способ действий этих субъектов, и идеальными побудительными мотивами познавательной деятельности не существует однозначного соответствия. Сфера объективных гносеологических интересов, конечно, определяет действия исследователей. Но так как она оказывает свое влияние не только, а нередко и не столько непосредственно (в развитом познании всегда через метапознавательный уровень, где и оформляются идеальные побудительные силы познавательной деятельности), то эффективность этих интересов становится в зависимость от характера и степени развитости метапознавательной надстройки.

В реальном познании всегда имеют место две тенденции в процессе воздействия метапознавательной надстройки, методологических элементов на предметный уровень познания: 1) либо тормозить по тем или иным причинам ход познания, исследования через навязывание ему неадекватных схем, способов действия; 2) либо способ-

ствовать предметному познанию через верные метапознавательные средства.

Зачастую в реальном познании взаимодействие происходит не столько на уровне предметных элементов, сколько на уровне их метапознавательного представления. А смена одних форм предметного познания другими, и даже переход от одного способа познания к другому, связана с заменой одних методологических, метапознавательных схем другими. Вплоть до перестройки на принципиально иных основах всей метапознавательной надстройки. То есть путем перехода к новому типу познания в целом.

Из признания определяющей роли объективных гносеологических интересов, вытекающих из объективной составляющей имеющих наличных знаний как побудительных причин познавательной деятельности, с необходимостью следует то, что объективные законы познания действуют через взаимодействие, борьбу различных сторон, участников, субъектов познания, нередко придерживающихся противоречивых позиций, прежде всего, методологических.

Важными компонентами структуры познавательной деятельности являются познавательные цели и средства. В ходе исследования всегда осуществляется формирование, формулировка познавательных целей, с одной стороны, и отбор соответствующих познавательных средств — с другой.

Казалось бы, что в постановке познавательных целей исследователь менее всего зависим от внешних обстоятельств, в наибольшей степени свободен. Здесь, кстати, кроются причины широкой распространенности различных субъективистских трактовок познания, объясняющейся некритическим использованием факта явно целесообразного характера деятельности ученых (а какой же она может быть еще!). Причины отрицания того, что результат этой деятельности, реальное познание, подчинены действию каких-либо законов. Логика при этом достаточно примитивна: если познавательная деятельность направляется свободно выбранными гносеологическими целями, то и сам ход познания в его содержательной части определяется волей ученых, а не какими-то объективными причинами, законами познания.

В свою очередь, недостаточно последовательные сторонники объективного подхода к познанию на этом же основании отказываются

рассматривать познавательную деятельность как таковую вообще. Все сводится к простому анализу отдельных статических элементов: понятий, теорий, моделей, гипотез, методов, фактов и т. п.

Чтобы в этом вопросе последовательно провести объективный принцип, нужно разобраться с действительной природой познавательного целеполагания.

История науки свидетельствует о том, что субъект познания, исследователь, будь то древнеегипетский астроном или древнегреческий математик, или естествоиспытатель Нового времени, или физик конца XIX в. и т. п., не так уж и свободен в выборе своих познавательных целей. Эти цели не в последнюю очередь зависят от соответствующих объективных познавательных интересов.

Именно познавательные интересы определяют, а то и предопределяют, характер соответствующих познавательных целей. Во всяком случае, они резко сужают сферу выбора познавательных целей. Так, очевидно, что познавательные намерения средневековых алхимиков напрямую детерминировались ложно понятым интересом к возможностям превращения веществ, их горячим, в прямом и переносном смысле, желанием найти «философский камень». Что, однако, не помешало, хотя и не облегчило им путь к открытию немалого числа интересных веществ и реакций.

Выбор цели всякого исследования обуславливается наличием или отсутствием познавательных средств. При отсутствии необходимых средств и, прежде всего, соответствующих знаний, цели не могут быть поставлены в принципе. Если мы ничего не знаем о наличии целого уровня действительности, например, микромира, мы не в состоянии поставить перед собой даже элементарных целей по исследованию этого предмета. Хотя идея атомов Демокрита, как можно сейчас видеть, заключала в себе эту идею. Тем же алхимикам так и не удалось найти способа преобразования интересовавших их веществ, например, ртути в золото. И не потому, что это невозможно. Все дело в отсутствии соответствующих средств. Сегодня речь может идти, скорее, о бессмысленности затрат на подобное предприятие, чем об отсутствии необходимых теоретических и экспериментальных средств.

Кстати, именно на примере прикладных и технических, т. е., так сказать, прикладных «в квадрате», наук особенно четко просматрива-

ется зависимость выбора познавательных целей от наличия соответствующих познавательных средств.

Объективные условия познания, объективное содержание гносеологических интересов и познавательных средств детерминируют, а значит и ограничивают поле выбора гносеологических целей. Поэтому последние, можно утверждать, связаны через определенные посредствующие звенья законами познания, его развития. Исследователи приходят, в конце концов, к целям, которые выдвигаются на передний край самим ходом познания.

Расширяющаяся свобода выбора гносеологических целей, как и всякая свобода, есть продукт более позднего этапа становления и развития познания. Чем примитивней уровень развития познания, тем объективно менее свободен познающий человек.

Для древнегреческого натурфилософа, при всем нашем уважении к нему, свобода выбора реальных познавательных целей, направленных на природу вещей, отсутствует практически полностью. Понадобились века накопления конкретного предметного и методологического знания, чтобы иметь возможность правильно постигать сущность даже простейших вещей. Цели, которые все-таки ставит перед собой натурфилософ, являются весьма специфическими, они задаются ему всей тотальной, еще практически неопознанной в деталях действительностью, и потому ему остается только размышлять о ней. Он может только пытаться как-то примирить свой интеллект, свое сознание с этой громадой путем выработки некоего общего представления о действительности. Это и становится его единственной и непосредственной целью и идеалом.

Медленно, постепенно возможности выбора субъекта расширяются. Но на каждом следующем этапе познания они существенно ограничиваются уровнем развития и осознания объективных гносеологических интересов, а главное, уровнем развития связанных с ними средств познания, доступных в тот или иной период. Поэтому долгое время в познании наблюдалось, да и сегодня это еще имеет место, соседство действительных, реальных целей в познании и целей недействительных, нереальных, иллюзорных, попросту ложных.

Так, в науке Нового времени реальными были те цели, которые связывались с опытным, эмпирическим, в современном понимании,

уровнем познания, на базе возникающего экспериментального подхода. Поставленная же еще в XVIII в. Лейбницем цель — создание логических исчислений — не могла быть долгое время реализована, прежде всего, в силу отсутствия объективного гносеологического интереса к таким исчислениям у кого бы то ни было из субъектов познания. А также в силу неразвитости средств познания, нужных для этого. Тех же символических языков и кибернетических устройств. Но мысль ученого, почувствовав даже минимальную опору в современном ему познании, может взлетать к очень большим высотам, покоряя потомков своей смелостью.

С каждым новым продвижением познания вперед возможности выбора реальных, достижимых гносеологических целей расширяются, но при этом все так же достаточно жестко ограничиваются метатеоретическими, метапознавательными критериями. Да и всей спецификой наличных познавательных средств вообще.

Современный этап познания, современная наука связаны с высокой степенью расширения выбора исследовательских целей, соседствующего с детальной, глубокой специализацией познания, закрепленной всей системой отдельных наук, областей, школ, институтов, лабораторий и т. д. Однако намного более широкая свобода выбора целей для познания будет характеризовать грядущие этапы познания. Тот же, как мы говорим, будущий синтетический научный тип познания [822, с. 72].

Новое качество свободы выбора исследовательских целей станет возможным лишь в силу того, что будет создана адекватная высокому уровню развития предметного познания методологическая база, или, как принято в настоящей работе, — развитая метапознавательная надстройка, функционирование которой позволит практически любому индивидуальному исследователю принять участие в решении любой более-менее крупной проблемы.

Уже сегодня мы можем наблюдать ускоренный рост доли метапознавательных дисциплин, начиная с истории познания, отдельных наук и кончая исследованиями ценностных аспектов научного познания, во все более интегрирующемся процессе образования, подготовки новых исследователей. Нет сомнений, что тенденция будет только усиливаться.

Методологическая основа познания, вырабатываемая стихийно всеми исследователями на метапредметных уровнях их исследований, а систематически специально — в сфере метапознания как такового, представляет единую систему знаний о познании, в которой находят отражение все формы, виды, типы средств познания, согласно их природе и связям друг с другом. Эта система метапознавательных знаний является в известной степени формальной, абстрактной, отвлеченной от ситуативно-конкретного материала, но, надо полагать, в не столь отдаленном будущем станет достаточно развитой, стройной и четкой, что сможет быть без особых усилий интерпретирована на любую частную область познания. Тем более что она будет содержать в себе механизмы такой интерпретации как свою важнейшую часть. Впрочем, все это пока не более чем просто попытки как-то экстраполировать, вообразить, представить будущее познания.

Ход познания до сегодняшнего дня, научного, прежде всего, дает основания для выявления закона, согласно которому степень свободы выбора познавательных целей постоянно расширяется в ходе познания. Это вполне согласуется, как это станет понятнее дальше, с изменением формы проявления объективных законов познания, благодаря их систематическому изучению в сфере метапознания.

Целеполагание — лишь одна сторона познания, науки. Другая — это целеосуществление, реализация познавательных целей, достижение определенных результатов. А это зависит, прежде всего, от выбора познавательных средств, а также от их применения.

При выборе познавательных средств исследователи зависят от уровня развития того типа познания, той его области, в которых они реально, конкретно-исторически оказались. При этом если рассматривать одновременно все функционирующие области познания, можно констатировать факт, что таких средств имеется всегда некоторое, пусть и значительное, особенно для современной науки, но все-таки конечное число. Именно набор наличных средств познания всегда ограничивает любые познавательные цели, а также мечты, фантазии, утопии в познании. В реальном познании имеют смысл, прежде всего, те цели, познавательные средства для достижения которых, как правило, уже налично или близки к формированию. Диалектика возможного и действительного, так сказать.

Проблема соотношения целей и средств познания, как и целей и средств вообще, весьма многоплановая. Отметим, что когда познавательная деятельность рассматривается с точки зрения реализации законов развития познания, то внимание должно быть акцентировано именно на «вооруженности» этой деятельности, зависящей как от объективных, так и от субъективных условий.

Между целями и средствами познания всегда должно быть некоторое соответствие, нарушение которого либо вовсе исключает достижение данной познавательной цели, либо вынуждает ее измениться так, что она будет в состоянии реализоваться, даже если при этом получает вид некоей противоположности своей исходной формулировке. Так, например, хорошо известно, что долгие, но безуспешные попытки доказательства выводимости пятого постулата о параллельности прямых в геометрии Эвклида из других постулатов привели к формулировке цели в виде противоположного тезиса, а именно: доказать независимость этого постулата от других, и значит, попытаться построить геометрическую теорию, противоположную в ряде базовых отношений эвклидовой. Как известно, именно это и было реализовано впоследствии. Начиная с авангардных работ в этой области нашего знаменитого соотечественника — Н. В. Лобачевского.

2.2.4. Движущие силы процесса познания

Всякий процесс развития, в том числе развитие познания, науки, имеет своим источником внутренние противоречия. В познании внутренние противоречия возникают, зреют и разрешаются в ходе непосредственной деятельности исследователей, ученых, совокупным результатом которой и является процесс познания, накопленное знание.

В ходе анализа процессов познания возникает метапознавательная проблема — проблема не только источника, но и своеобразных движущих сил развития познания. В самом общем виде можно сказать, что такими силами являются сами исследователи, их активная деятельность в отношении объекта. Но, конечно же, такой ответ очень и очень абстрактен и потому малоинформативен. В нем еще не обнаруживается ни характер познавательной деятельности, ни ее побуди-

тельные причины. Более конкретный подход к вопросу о движущих силах познания должен выразиться в трактовке этих сил как сил, заложенных в деятельности исследователей в определенной исторически конкретной системе отношений, составляющих структуру познания, взятой в единстве с ее объективными и субъективными, идеальными побудительными основаниями.

Для того, чтобы понятие «движущие силы познания» приобрело статус категории метапознания, важно определить ту структурную специфику познания, в которой и благодаря которой эти силы действуют.

Движущие силы познания — это энергия, активность, заключенные во всей совокупности исследователей, организованных в различные субъекты познания, в деятельности которых разрешаются встающие перед познанием проблемы. Прежде всего, собственно познавательные, поскольку могут быть еще и проблемы познания, связанные, например, с размежеванием познания и религии, познания и искусства. Что отнимало много сил и в Средние века, и в Новое время, да и сегодня тоже.

В условиях высокоспециализированного познания движущей силой его развития является деятельность исследователей, организованных в школы, направления, в рамках отдельных наук, областей, при постоянном их взаимодействии в тех или иных формах. Исследовать познание как результат деятельности субъектов познания — значит изучать его как дифференцированное целое, причем, не только и не столько на уровне его основного результата — знаний, но прежде всего как процесс формирования и применения этих знаний в ходе реальной познавательной деятельности и последующего реального их использования для получения новых результатов, и, конечно, в различных видах практической сферы.

В ходе прогрессирующей специализации познания возникает как особая сфера исследования и метапознание — совокупность дисциплин, образующих род познания, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, в рамках которого исследуется познание, наука. Хотя по мере своего развития метапознание начинает играть роль отнюдь не совпадающую с функциями любой другой области познания, вследствие чего и можно говорить о нем как об особой сфере, особом роде познания, наряду с двумя другими.

На ранних этапах развития общества, когда познание еще не выделилось из единой, синкретической практической деятельности, так, что применительно к нему нельзя говорить о проблеме его преобразования, движущие силы познания совпадали со всеми другими видами деятельности, и прежде всего трудовой и бытовой. В дальнейшем, в ходе становления специализированного процесса познания, различные способы дифференциации, специализации познания стали обязательными для него, вплоть до сегодняшнего дня.

Различные школы в философии Древней Греции, центры философской и научной активности в эллинистическую эпоху, средневековые университеты, деятельность крупных ученых в Новое время, в XIX в., наконец, современные формы коллективной, но продолжающей оставаться специализированной научной деятельности — все это прямо подтверждает сказанное выше.

Формы коллективной специализации современного научного познания стали складываться уже в последней трети XIX в. Типичными основными субъектами познания для современного этапа науки являются групповые, коллективные субъекты, для которых характерна еще и внутренняя специализация. При этом сами коллективные субъекты познания занимают определенное место в специализированной системе познания в целом.

Совокупная познавательная, научно-познавательная деятельность таких субъектов представляет собой известное суммирование деятельности индивидуальных исследователей, механизмы которого заложены в структуре коллективных субъектов. В отличие от подобных механизмов на стадиях, когда основными субъектами были индивидуальные исследователи. В то время лишь намечались пути будущей «коллективизации» науки, хотя имелись определенные формы обмена результатами исследований по определенным направлениям — встречи, эпистолярный обмен, позднее — книги, журналы.

В коллективном субъекте, при его ведущей роли в познании, суммирование, интегрирование массы познавательных действий индивидуальных исследователей в некое целое происходит как стихийно, неконтролируемым образом, так и сознательно, рационально, в силу распространения общих правил функционирования таких субъектов. В основе подобной интеграции лежат общие гносеологические по-

требности и интересы, общность положения исследователей в структуре познания, общность стиля мышления, общность средств познания, познавательных ценностей. Хотя и здесь возможны существенные расхождения. Как и всегда, когда речь заходит о ценностях, в частности познавательных ценностях, речь идет, прежде всего, об общности таких ценностей, как метапознавательные, метатеоретические установки; различия во взглядах на свою деятельность, науку, познание в целом.

Следует оговорить тот момент, что представления о коллективном субъекте познания есть некая метапознавательная идеализация, теоретический конструкт. В действительности, и даже зачастую, коллективный субъект познания внешне не действует как некое реальное целое. Это может быть просто совокупность исследователей одной и той же проблемы, собранная, как говорится, под одной крышей, своего рода «познавательная мануфактура». Они могут жить даже и не в одном месте, мало контактировать между собой, особенно непосредственно. Но это уже, мы настаиваем на этом, некий единый субъект.

Так, в Древней Греции различные философы часто встречались друг с другом, но считать их на этом основании членами единого коллективного субъекта философского познания нельзя. Очень часто они стояли на принципиально несовместимых позициях по отношению к одному и тому же предмету, даже к самой проблеме познания, его природы. В то же время сегодня два исследователя могут годами работать рядом друг с другом, например, на различных этажах одного и того же здания исследовательского центра, и лично не встречаться, даже не знать друг друга. Если их непосредственные исследовательские задачи достаточно далеки. Но они — представители единого, коллективного субъекта познания, так как их деятельность координирована в рамках целого, на основе единого плана исследований.

В любом совокупном, коллективном субъекте познания можно обнаружить индивидуальных исследователей со своеобразными гносеологическими интересами и, особенно, ценностями. Но это не отменяет факта их участия в совместной деятельности. Различия эти, как верно

подметил Т. Кун [374], резко увеличиваются в периоды принятия совокупными, коллективными субъектами принципиальных решений, которые могут существенно изменить их будущую деятельность.

В действительности, даже в таком аморфном образовании, как сообщество физиков начала XX в., в период создания и распространения влияния частной и общей теории относительности, релятивистских представлений нового типа в целом, имела место значительная поляризация физиков. И почти всех естествоиспытателей, включая тех, кто работал в одних и тех же лабораториях, в зависимости от того, признавали ли они новые релятивистские подходы или нет.

Часть физиков, прежде всего тех, кто формировался как исследователь в эпоху практически безоговорочного господства классической физики XIX в., еще довольно значительное время не признавали новых подходов. Данный период характеризовался повышенной активностью физиков по привлечению на свою сторону тех, кто прежде был недостаточно активен, и тех, кто только начинал заниматься физикой, но на кого будет возложен основной груз ее последующего развития.

То же самое, причем гораздо отчетливее и скоротечнее, происходит в каждом отдельном коллективном субъекте познания. И завершается такой процесс принятием новых подходов всем совокупным субъектом в целом. Вплоть до того, что несогласные с этим индивидуальные исследователи вынуждены уйти в другие области.

Наша и все другие идеализированные схемы субъектов познания, в том числе коллективных, выражают некоторую предельную ситуацию, которая имеет теоретико-метапознавательное значение для выяснения общих законов познавательной деятельности в некотором «чистом» виде.

Как и индивидуальный исследователь, коллективный субъект познания не появляется сразу в готовом виде, а формируется постепенно, трудно и долго, что можно охарактеризовать как превращение коллективного субъекта из состояния «в себе» в состояние «для себя». Такое превращение происходит в процессе участия в решении познавательных проблем своего времени, где один групповой субъект, точнее поначалу некое групповое образование, может выступать как целое в отношениях с другими подобными субъектами познания. При

этом оставаясь на неких отличных, свойственных только ему позициях в решении тех или иных проблем.

В процессе подобного функционирования групповых субъектных образований формируются различные межиндивидуальные и прочие познавательные отношения и связи, особенность которых состоит в том, что они устанавливаются под влиянием и даже своеобразным контролем метапознавательных установок, познавательных целей, интересов, осознаваемых средств исследования. Наличие таких отношений и связей предполагает наличие определенной внутренней организации у соответствующих групповых образований. В свою очередь, знание этой организации позволяет индивидуальному исследователю осуществлять свою линию познавательного поведения, как в рамках данной группы, так и во взаимодействиях с представителями других групповых образований или «независимыми» индивидуальными субъектами познания.

Выше отмечалось, что с выделением метапознания в особую сферу, которое еще, кстати, продолжается, метапознавательные элементы сохраняются в каждой области познания, в каждом отдельном исследовании и, возможно, даже в каждом познавательном действии. Это связано, по-видимому, с единственной универсальной базовой специализацией в познании, подобно правому и левому положениям в пространстве, подобно наличию двух полов у всего живого, подобно двойной спирали механизмов генетического наследования и т. п. Это связано со специализацией, различиями между предметной и метапредметной (метапознавательной) составляющей познания.

Говоря о метапознании, нужно различать, с одной стороны, особую его сферу, отличную от других областей познания, и с другой — особые компоненты всех специальных областей познания.

Кстати, в метапознании, как особой сфере исследований, формируется свой собственный метапредметный уровень, а также мета-метапредметный. Развитие метапознавательных исследований сегодня лишь подтверждает это обстоятельство¹.

---

¹ См. раздел о метафилософии в книге: Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М., 1996.

Метапознавательный уровень любой познавательной активности, в любых исторических типах познания всегда нацелен на взаимодействие с другими компонентами познания. И прежде всего, с их собственными, внутренними метапредметными элементами. Он стремится развивать, усиливать последние, причем вовсе не для того, чтобы осуществить некую гносеологическую, методологическую, тем более специфически философскую экспансию в эти исследования, а, скорее, для того, чтобы помочь любым видам познавательной активности субъектов познания осмыслить себя, научить исследователей постоянно учитывать метапредметные связи в интересах именно предметного уровня познания (не смешивать с эмпирическим уровнем).

Общая установка метапознания, в первую очередь, определяется тем, познавательные интересы каких субъектов познания оно выражает. Какие субъекты предметного и методологического познания играют ведущую роль в организации познания, науки, «законодательствуют» в познании на том или ином его этапе. Что же касается формального аспекта метапознания, и как особой области, и как элементов в составе всякой области исследования, то он зависит от конкретных познавательных условий, от господствующих в познании традиций, от характера отношений внутри существующих групповых субъектов познания и между ними, от положения ведущих субъектов познания; от того, как эти последние — субъекты познания, особенно в лице наиболее выдающихся ученых, понимают свои познавательные интересы.

Ведущие субъекты познания, связанные, как правило, с наиболее бурно развивающимися предметными и методологическими областями познания, не изолированы от других субъектов познания и вынуждены считаться с объективными условиями познания, с реальной специализацией познания. Они вынуждены затрачивать немалые усилия на дополнительное метапознавательное обоснование своей ведущей роли. Тем более, если возникают ситуации переоценки их положения как ведущих, как ими самими, так и со стороны других субъектов познания. Как это было в свое время с математикой, затем физикой, позже биологией, а сегодня кибернетикой.

Возможности всех субъектов познания постепенно расширяются, укрепляются по мере приобретения их областями зрелости, по мере

накопления ими своих собственных предметных и методологических средств, теорий и принципов, создания своей, скажем так, «инфраструктуры» дальнейших исследований. Рано или поздно наступает момент, когда метапознавательная активность вынуждена уделить таким областям гораздо больше внимания, чем прежде, даже переключиться на их анализ в первую очередь.

Изменение соотношения, веса, влияния реально существующих субъектов познания, связанных с различными его областями, отражается в изменении форм господствующей методологии в познании, в изменении принципов развития метапознания, в появлении в сфере метапознания конкурирующих направлений, или парадигм, как сказал бы Т. Кун. Только та методология, та традиция метапознания, которая ориентируется на учет всех известных условий познания, в том числе метапознавательных, окажется в итоге в авангарде познания.

В процессе развития объективных предпосылок познания и перехода к новому этапу специализации и интеграции субъектов познания, согласно их роли в развитии познания, меняется роль традиционных субъектов познания, меняются роли метапознавательных установок, на которые они ориентировались, преодолеваются выявленные недостатки этих установок, формируются новые.

Есть основания утверждать, что всякие серьезные изменения в познании возникают, прежде всего, именно в сфере метапознания или в метапознавательных элементах внутри предметно ориентированных областей. Так, известный принцип сомнения, сформулированный Декартом, который был всегда популярен начиная с Древней Греции, не говоря уже о Новом времени или о критицизме Канта и всей научной традиции XX в., носит откровенно метапознавательный характер. Этот принцип не мог возникнуть непосредственно из предметных элементов познания, но только из рефлексии познания на самого себя. А это и есть суть метапознания как такового.

В некотором смысле, в отличие от предметно ориентированного познания, исследования, субъектами метапознания являются все без исключения субъекты, чем бы они на том или ином этапе познания не занимались. Метааспект познания — это и есть тот аспект, который нередко называли логикой познания, или методологией познания, или

аспектом самосознания познания. Но, опять же, это не ведет к приумножению значимости субъективного начала в познании, как это кажется некоторым методологам. Скорее ведет к усилению объективного начала, поскольку метапознание есть не что иное, как способ объективирования познанием самого себя, своих скрытых сторон, связанных именно с субъективным началом в познании.

Процесс смены прежней структуры субъектов познания и соответствующей ей методологии протекает, как правило, бурно, как процесс революционный, как радикальная качественная ломка прежних познавательных отношений и замена их новыми отношениями. Причем, повторимся, задача познавательной революции — замена старых познавательных отношений новыми — решается посредством качественных изменений прежде всего в метапознавательной части, а также в непосредственно соприкасающихся с ними предметных элементах познания.

Это происходит в заметной зависимости от того, какая часть общей сферы познания охватывается данными изменениями познавательных отношений. Это, кстати, может быть и внутриметапознавательная революция, например, подобная той, которую фактически совершил Кант, предложив свой критический метод анализа познания. Но вообще мы считаем, что действительными революциями в познании являются те, которые знаменуют собой смену самого основного типа познания, включая изменения в метапознавательной надстройке как свою часть. Все другие изменения в познании, даже очень принципиальные, мы все-таки предпочитаем называть просто качественными изменениями.

Думается, научные революции, согласно Т. Куну, оказываются незаметными еще и потому [375], что они воспринимаются как привычные, постоянные качественные изменения. Нельзя же каждое качественное превращение любой вещи называть революционным для всего познания. А познавательные революции, научные революции — это все-таки изменения, затрагивающие познание в целом. Можно, конечно, называть революционными качественные преобразования на уровне целых областей познания, но прежде всего в том смысле, какое значение это имеет для единой системы познания.

Что касается так называемых революционных открытий, типа системы Коперника, механики Ньютона, теории относительности Эйнштейна, то и они революционны лишь в той мере, в какой оказали влияние на общую качественную перестройку познания в целом.

Кстати, еще нужно проанализировать более глубоко, кто оказал более революционизирующее воздействие на познание в целом — А. Эйнштейн с его двумя вариантами теории относительности или Н. Бор с его идеями фундаментального переосмысления всего познания. К чему он пришел на основе анализа зарождающейся принципиально новой во многих отношениях области познания — квантовой физики, или микрофизики. Причем он отдавал себе гораздо более полный отчет в причастности к этим изменениям как собственно предметного, так и метапредметного уровней познания. Думается, что большая значимость в знаменитом споре с Эйнштейном в отношении судеб познания XX в. за ним, хотя именно Эйнштейн начал это движение.

Коренные изменения в сфере методологии, метапознания, метапознавательных элементов предметных исследований являются кульминационными пунктами в процессах изменения познания в целом, замене старого типа познания новым, а также в процессах укрепления нового типа познания. Лишь отказываясь от старых метапознавательных подходов, от старой метапознавательной надстройки и усваивая новые, субъекты познания получают возможность довести эти качественные, тем более революционные, изменения до конца, до полного вытеснения старых познавательных элементов и отношений новыми отношениями. В противном случае происходит приостановка этого движения, как правило, на некоторое время, но, порой, очень досадная остановка. И это должна быть действительно коренная ломка прежних методологических подходов, а не игра в нее, не полумеры.

Характеризуя научные революции [375], Т. Кун настаивает на несоизмеримости парадигм. Он постулирует некую принципиальную прерывность познания, такую, что, как он утверждает, после кризисов, со сменой парадигмы, ученые начинают жить в «ином мире». Сам же при этом уточняет, что речь идет о новом видении объекта. Реальный мир, природа остаются прежними, теми же самыми. Этот момент его концепции многие критиковали, и, в общем-то, правильно.

Полного разрыва в познании никогда не происходит. Более того, в некоторых элементах существующих познавательных отношений имеется принципиальная непрерывность познавательной деятельности. Например, на уровне непосредственно чувственного опыта, хотя он всегда и дополняется существующими ненаглядными элементами, в чем берет свое начало современная западная методология познания, или, что нам ближе, в ряде метапознавательных элементов, таких, как различие объекта и субъекта познания, которое из него никакими средствами, сколько ни пытались, нельзя устранить, и методологическая рефлексия исследователей во все времена так или иначе из этого исходила и исходит.

Что бы кто ни утверждал, это различие есть всегда, хотя и по-разному осмысливается. Кроме того, полного разрыва и по предметному, и по метапредметному аспекту познания никогда не происходит одновременно, даже просто качественных изменений. Простой исторический анализ познания, но с более широких, прежде всего, диалектических, позиций показывает неодновременность смены предметных и метапознавательных элементов.

Мы считаем, что познавательные революции совершаются тогда, когда сменилось и то и другое, сменилось качество всех основных компонентов познания. Но это происходит лишь в конечном итоге.

Сначала имеют место какие-то изменения на предметном уровне познания. Многие из них даже не осознаются при этом, что и приводит к аномалиям в познании, о которых так много говорит Т. Кун. Затем, и с этого момента процесс идет все более и более осознанно, происходят изменения на уровне метапознавательных элементов. Для познания в целом — на уровне всей метапознавательной надстройки, прежде всего в ее ядре — на филолософско-метапознавательном уровне. И только затем снова изменения происходят на предметном, но на этот раз преимущественно на предметно-теоретическом уровне.

Только по завершении всех этих трех стадий заканчивается этап коренных изменений в познании.

Т. Кун, как объективный исследователь, все это хорошо чувствует, но его приверженность к парадигме парадигмального развития познания, науки, его же и ограничивает. Он сам старается втиснуть

познание в схему исключительно парадигмального развития, непомерно ее расширяя, в силу необходимости учета все новых и новых обстоятельств, которые не учитывались при первоначальном выдвигании парадигмы парадигмальности познания.

Более совершенная методология должна заранее (!) сохранять, резервировать возможность таких изменений. То, что Т. Кун характеризует как парадигмы, парадигмальный аспект познания, составляет только часть целостного процесса развития познания. Но нужно отдать ему должное. Он ухватил практически все основные моменты, по крайней мере, на эмпирическом метапознавательном уровне диалектической трактовки познания, объективно-диалектической. А в анализе конкретного материала он даже превзошел лучшие образцы исторического анализа познания, осуществлявшиеся на основе диалектической методологии, например, предпринятый Б. М. Кедровым анализ открытия Д. И. Менделеевым периодического закона химических элементов [314].

Но это-то последнее и симптоматично, и с позитивом именно для диалектико-материалистической традиции в анализе проблем познания.

Вернемся, однако, в русло нашего основного изложения. В настоящий период мы переживаем новый этап революционных изменений в научном познании, связанный с ускорением, прежде всего, научно-технического прогресса, который буквально последнее десятилетие стал сопровождаться возрождением, а точнее, действительным расцветом ценностного подхода как в анализе общества в целом, так и познания, научного познания в частности.

Этот этап связан с очевидным прогрессом многих отдельных областей познания. Как традиционных областей, например, физики, так и новых, например, информатики. Причем как в их теоретических, фундаментальных, так и прикладных аспектах.

Появляются многочисленные пограничные, стыковые области исследований, проявляя фундаментальность интеграционного плана познания, его связности и целостности.

С нашей точки зрения, современный этап есть продолжение того революционного процесса в научном познании, который начали физика и математика, математическая логика на рубеже XIX-XX вв.

И дробить его нет оснований. Ибо последние изменения, при всем их масштабе, нельзя считать познавательной революцией, сменой типов познания, в полном смысле слова, так как, например, этот процесс так и не привел еще к окончательной замене прежней метапознавательной надстройки, хотя многое здесь и было подвергнуто основательной встряске.

Пока нет преобразования метапознания на последовательно объективно-диалектической основе. Мы не можем утверждать, что все области познания даже просто вполне осознанно осваивают методологический уровень своих исследований, хотя интерес к нему явно возрос. Поэтому, говоря о современной фазе революционных преобразований в познании, мы считаем, что она должна быть продолжена в развернутом дополнении современного предметного уровня познания последовательной разработкой метапознавательного уровня, но на диалектической основе.

Мы считаем, что основным недостатком, стоившим фактически отказа от первоначальной цели неопозитивистской программы перестройки метапознавательной надстройки, было отсутствие диалектического подхода. Даже Кант, при всей его приверженности эмпиризму, феноменологическому подходу в теории познания, стоял значительно выше этой программы, с учетом контекста своего времени, конечно же.

Так как нет радикальных изменений в метапознавательной надстройке, нельзя говорить и о завершении данного революционного процесса в познании, тем более о новых революциях в познании. Впрочем, мы несколько не отрицаем революционного характера изменений, происходящих в отдельных областях познания, особенно тех, которые очевидно отстали в своем развитии от наиболее значимых наук. Мы даже согласны с тем, что революция в познании как целом совершается во многом как результат революционных преобразований в отдельных областях, однако не является простой их суммой. То дополнительное, что здесь обязательно присутствует, и есть революционное преобразование во всей метапознавательной надстройке. И такое преобразование мы связываем с всеобщим органическим, не навязанным формально, распространением диалектико-материалистической методологии повсеместно.

Следует также отметить, что даже занятие методологией ключевых позиций в познании еще не означает завершения революционных изменений в современном познании. Распространение позитивистской методологии в западной науке XX в. только подтверждает это. С достижением такого состояния методология начинает качественно по-новому стимулировать деятельность различных субъектов познания, консолидировать их. Но с этого времени начинается эволюция познания как действительно единой сферы, единого образования. Сама же такая роль метапознавательной надстройки для современного типа познания, даже для познания, взятого во всей своей исторической целостности, является своеобразным законом.

Господство последовательно объективной и диалектической методологии, метапознания такого типа, знаменует собой начало перехода к действительно новому типу познания. Такая метапознавательная надстройка будет способствовать сближению различных субъектов познания, как в рамках отдельных областей, так и на уровне областей как целого. Что содействует формированию единого субъекта познания, охватывающего всех индивидуальных и групповых, коллективных субъектов, и раскрывает вполне оптимистические перспективы для широкой реализации практически любых реальных познавательных целей и проектов при учете индивидуальных и частных интересов этих субъектов, а также интересов практиков.

Фактически речь идет о восстановлении единства познания и практической сферы, которая в примитивном виде была на заре человечества, но, конечно же, на совершенно ином качественном уровне.

С переходом к такому этапу познания и практики можно будет говорить о единой системе познания и преобразования природы и общества, что вполне гармонирует, например, с такими идеями, как идея ноосферы, развивавшаяся В. И. Вернадским и Т. де Шарденом в начале XX в.

В познании должны произойти революционные преобразования во всех видах познавательных средств, и познавательных отношений, чтобы можно было говорить о научной революции.

Целостная система познания есть единство всех типов средств познания и познавательных структур. Но как эти средства, эти типы познавательных структур соотносятся друг с другом? Насколько они

совпадают, дополняют друг друга? Если да, то, как и в чем? Если нет, то опять же, как и в чем?

Современный революционный процесс в познании представляет собой именно всеобъемлющий процесс, требующий качественных преобразований всех видов средств и познавательных структур. Эти преобразования ведут к новой познавательной практике, в которой, например, такие средства, как теории, составляющие основной вид знания современного познания, будут, очевидно, строиться по неким единым принципам (не путать с шаблоном, к чему во многом свелась традиция позитивизма в анализе научных знаний).

Система знаний в целом будет представлять систему унифицированных теорий, но вовсе не обязательно построенных только по примеру физических теорий. Типы теорий, удовлетворяющих такому системному требованию, еще только должны быть выявлены, в том числе, и не в последнюю очередь, с учетом специфики теоретического знания об обществе, о человеке, личности, а также о живой природе.

Здесь нужен не редукционизм, а основанный на диалектике органический принцип эволюции и дополнительности теоретических форм, как это и имеет место в самом объекте, в природе, взятой в широком смысле.

Здесь тоже возникают сложнейшие проблемы, но они уже носят принципиально иной характер по сравнению с проблемами познания на предыдущих этапах, поскольку на первое место выдвигается принцип гармонии объекта и субъекта, предметного и методологического уровней познания, наконец, познания и практики человека.

Очевидно, что всегда будут содержательные различия познавательных проблем и задач, но для их реализации в единой системе целостного познания с единым субъектом познания вполне можно допустить механизмы гибкой специализации, с учетом временного параметра и по мере разрешения познавательных и практических проблем. Что-то здесь уже просматривается на примере временных исследовательских коллективов.

Чтобы полностью прийти к такому качеству, познанию предстоит еще долгий путь, в том числе, преодоление остатков прежних традиций, еще сохраняющихся многочисленных ограничений в современ-

ном познании, как на уровне средств, структур, так и специализированных субъектов познания.

Начало этому пути кладет именно перестройка метапознавательной надстройки, ее все усиливающееся взаимодействие с метапознавательными элементами во всех видах исследований. Это должно с необходимостью отразиться на всей системе подготовки новых поколений исследователей, где предстоит преодолеть еще много ограничений исторического характера, очень верно подмеченных тем же Т. Куном [375] при характеристике профессиональной подготовки новых кадров исследователей в отдельных отраслях познания.

И на этом новом этапе познания источником его развития станут новые познавательные противоречия. Но эти противоречия во многом примут иной характер. Они уже не будут так напрямую связаны с жесткой специализацией в познании, неразвитостью метапознавательных элементов различных областей познания, как это сегодня имеет место на каждом шагу, не говоря уже о прежних этапах познания.

В будущем типе познания все его проблемы будут разрешаться так или иначе, но при участии и усилиями всех субъектов познания в рамках единого субъекта. Основными источниками прогресса познания станут те факторы, которые будут сочетать в себе признаки многих или даже всех реально существующих типов познавательных средств и структур.

2.2.5. Детерминизм и свобода в познании. Научная (познавательная) революция как изменение характера познавательной деятельности

Известно, что всякая познавательная деятельность своеобразно как бы «угасает» в своем результате — новых знаниях.

Новое знание завершает всякий процесс познавательной, научной деятельности. Точнее, завершает определенный цикл ее осуществления.

Новое знание, предметное или методологическое, служит, в то же время, основой и началом новых циклов исследовательской деятельности. Поскольку познавательная деятельность не просто

целесообразна, но и целенаправленна во многих своих моментах, то ее результат, новое знание, означает осуществление некоторой специфической познавательной цели. И так как в ней проявляются законы познания, новое знание выступает как момент осуществления этих законов. Таким образом, в результате познавательной деятельности ее цели и законы вступают в особые отношения, отношения осуществления познания, познавательных потенциалов человека.

Для метапознания эти отношения служат объективным (!) показателем того, носит ли этот процесс все еще хаотический, стихийный или же управляемый, сознательный характер.

Несмотря на то, что знания, познавательные цели являются субъективными, идеальными по своей субстанции образованиями, они, по своей информационной природе, — суть объективные образования. Особенно когда выражены в языке, знаках того или иного вида. Не случайно многие представители субъективного принципа в объяснении познания, сознания вообще, обвиняют науку в некоем ее объективизме, хотя прекрасно отдают себе отчет в духовности и субъективности познания. Они не соглашались с объективной природой этого духовного, идеального, зачастую постулируя его мистическую природу.

Говоря о сознаваемых и несознаваемых элементах познания, мы имеем в виду то, что они, как правило, являются результатом деятельности многих исследователей. Это как раз и стремился показать в своей работе «Структура научных революций» Т. Кун [375]. Особенно при анализе проблемы приоритета в открытии того или иного явления, закона.

Совокупно полученные результаты познания, хотя в них участвовало множество индивидуальных исследователей, не зависят от воли и сознания ни отдельных исследователей, ни даже от всех их вместе взятых. Именно поэтому так сложно новому в познании пробить себе дорогу.

Деятельность отдельного исследователя, поскольку она осуществляется под влиянием некоторой познавательной цели, носит непосредственно сознательный характер. Хотя некоторые действия исследователя могут быть импульсивными. Как это было, к примеру, в ряде моментов, особенно поначалу, в исследовании Крика и Уотсона, свя-

занном с решением задачи расшифровки структуры ДНК [761]. Это происходило под влиянием чисто субъективных причин или в силу привычки — делать что-то не задумываясь, механически. Но все же на индивидуальном уровне деятельность в целом осознанна, хотя бы методологически, через метапознавательные элементы, и всегда направлена на достижение определенных познавательных целей.

Тот факт, как об этом говорит, например, А. Эйнштейн, что бывают периоды работы, когда ученый как бы вынашивает что-то в себе, ждет прояснения своеобразного познавательного тумана, т. е. наличие так называемого инкубационного периода идеи, гипотезы, не опровергает данного обстоятельства. Это, скорее, даже подтверждает его. Сам Эйнштейн, конечно же, вполне отдавал себе отчет в наличии подобных состояний и прямо формулировал перед собой рациональную установку: ждать, пока это нечто туманное не рассеется и не примет некий структурированный вид. После чего можно сесть за стол и написать соответствующий отчет, текст, например, очередную статью.

Подобной эйнштейновской осознанности, однако, трудно, если вообще возможно, ожидать от совокупной познавательной деятельности, имеющей сложность, на порядки превосходящую сложность индивидуальной исследовательской деятельности. Здесь можно и нужно говорить о различных вариантах связи индивидуальной и совокупной познавательной деятельности.

Первый вариант представляет собой преимущественно стихийный, мало осознаваемый процесс взаимодействия индивидуальной и совокупной исследовательской деятельности. Модель такого процесса может быть построена на простом различении непосредственно индивидуального и общезначимого в данной области познания. В том числе с учетом результатов индивидуальной познавательной деятельности, распространившихся среди коллег, т. е. ставших общезначимыми для данного исследовательского сообщества.

Отдельные исследователи, как правило, сознательно добиваются осуществления своих конкретных гносеологических целей. Из непосредственных результатов их деятельности складывается совокупный результат как некая равнодействующая большого множества отдельных познавательных практик, нередко несовпадающий в своем итоге

с ожиданиями отдельных исследователей. Этот совокупный результат на первый взгляд не содержится явно в гносеологических целях отдельных исследователей, ими осознаваемых. Во всяком случае, история познания, науки полна примерами, когда полученный индивидуально и оцениваемый автором результат одним образом затем обретает для других исследователей совсем иной характер, вплоть до противоположного. Это указывает на то, что сам процесс познания как деятельность многих индивидуальных исследователей и его более или менее окончательный результат — некое общепринятое новое знание — не зависят непосредственно от воли и сознания отдельных исследователей, в том числе внесших прямой и существенный вклад в общепринятое новое знание.

Чем же определяются, как оказываются возможными такие результаты познания? А определяются они законами познания, законами сложного процесса, скажем так, отражения-трансформации с элементами реконструкции объективно существующего предмета познания в сознании исследователей, включенных в сложную систему познавательных отношений, взаимодействий друг с другом. Именно в процессе их индивидуальной деятельности реализуется нечто, не входящее непосредственно в намерения каждого из них по отдельности. Это и есть проявление законов познания, законов его развития и функционирования, т. е. имеет место особого рода необходимость, определяющая конечный результат совокупной познавательной деятельности исследователей.

К сожалению, очень многие исследователи до сих пор остаются настолько методологически, метапознавательно безграмотными, что нередко даже не предполагают каких-то законов познания. Разве что делая исключение только для законов формальной логики, составляющих весьма раннее общеметодологическое приобретение человека, благодаря Аристотелю и его последователям. В том числе благодаря средневековым схоластам, которые фактически разработали общие требования, предъявляемые ко всякой работе, претендующей на признание другими субъектами познания. Впрочем, даже эти логические законы трактуются скорее не как законы познания, а лишь в качестве законов участвующего в познании мышления.

Профессиональная подготовка абсолютного большинства специалистов в различных областях современного познания, к сожалению, очень далека от совершенства. Поэтому они, порой, так беспечно относятся к формулируемым ими же самими познавательным целям, нередко не отдавая себе отчета в природе этих целей. Следует, однако, сказать, что подобная практика не столько вина, сколько беда для современной науки, да и всей предшествующей истории познания в целом.

Современная наука, несмотря на все ее достижения, все еще далека от того, какой наука должна и уже могла бы быть. К тому же мы видим, что ученые все же каким-то образом осуществляют свои исследования. Мы видим, что в их действиях реализуется некая объективная необходимость.

Другой вариант соотношения индивидуального и общезначимого в познании, который, правда, пока больше желателен, чем реально присущ познанию, это вариант сознательного, причем массового сознательного отношения индивидуальных исследователей к результатам познания, включая общезначимые. Это вариант сознательного отношения ученых ко всем сторонам своей деятельности вообще.

Данный вариант основывается на том, что отдельные индивидуальные исследователи действуют не «вразброд», а некоторым согласованным образом. Причем согласованным не только с ближайшими коллегами, но и со всеми исследователями во всех областях познания. Ученые как бы настраиваются на учет действия некоторых общих идей, установок, познавательных и социальных ценностей вообще.

Попадая на подготовленную таким образом почву индивидуальной познавательной деятельности, общие моменты познания, идеи, методы, ценности, установки стимулируют эту деятельность в некотором единообразном, близком направлении. При этом данные общезначимые познавательные элементы становятся осознаваемым объективным фактором, организующим индивидуальное исследование.

Понятно, что такие общезначимые элементы должны определенным образом соответствовать индивидуальным познавательным интересам исследователей. Но это уже проблема их профессиональной

подготовки, в ходе которой познавательные интересы исследователей формируются непосредственно. Для этого подготовка исследователей должна быть построена с учетом соответствующих элементов познания.

Достижение указанного соответствия предполагает наличие целой системы подготовки исследователей. Именно такие общезначимые познавательные элементы, включенные в профессиональную подготовку, должны стать осознаваемой предпосылкой возможных будущих масштабных качественных преобразований, как в каждой области познания, так и в познании в целом.

В настоящее время деятельность многих исследователей на основе ясно сознаваемых общезначимых познавательных элементов уже дает себя знать. Это вообще свойственно крупным ученым. Деятельность таких ученых, как правило, включает в себя сознательную установку на осуществление не только и не столько индивидуальных, сколько общезначимых познавательных целей, приобретающих у них индивидуально-личностную окраску. Такие общезначимые элементы познания выполняют функции познавательных идеалов, которые могут вдохновлять исследователей на приложение их индивидуальных усилий.

В то же время познание, наука остаются сферой реализации индивидуальных амбиций. Достаточно вспомнить многочисленные примеры выбора науки именно из этих соображений, примеры разочарований и даже личных драм от несбывшихся надежд на успех своих исследований. Как во всяком серьезном деле, в познании амбиции могут быть реализованы только тогда, когда они согласуются с объективными условиями избранной деятельности, ее законами.

Общепознавательная цель, познавательный идеал не выполняют своих функций, если они представлены только в некоем нейтральном абстрактно-содержательном виде. Рано или поздно они с необходимостью должны облечься в методологические формы, дополниться метапознавательной составляющей, или мета-метапознавательной составляющей, если речь идет о сфере самого метапознания.

Но даже оцениваемая всеми как общезначимая, цель может оказаться в итоге реализованной не так или не в том виде, как это ожидалось поначалу.

Общая познавательная, общезначимая цель тоже, как правило, реализуется неожиданным во многом результатом. По-видимому, так было и будет всегда, поскольку это своего рода закон познания — закон объективной неполноты сознания и познания. Данное обстоятельство постоянно обнаруживается не только в так называемых экспериментальных науках, но даже в таких высокоабстрактных, т. е. значительно удаленных от конкретного опыта науках, как математика и логика. Эти науки, на рубеже XIX–XX вв., предприняли просто невероятные усилия, чтобы реализовать поначалу казавшуюся такой возможной и близкой цель их всеобщей формализации.

Доказанная К. Гёделем теорема о принципиальной неполноте арифметики подорвала надежду на всеобщую формализацию. Это стало демонстрацией и, пожалуй, одним из ярчайших для науки XX в. примеров принципиальной неограниченности познания. Как со стороны его синтетической эмпирии, так и со стороны аналитической теории, если пользоваться языком Канта.

Подобные цели, идеалы консолидируют познание, вызывают у исследователей прилив необходимой для ускоренного развития науки энергии. Так было и будет всегда. Идеи Коперника, Галилея, Ньютона, ставшие общепризнанными, и не только в физике и астрономии, но практически во всех сферах познания своего времени, в том числе в метапознании. Эти идеи сплавляли и воодушевляли ученых на этапе становления развитого научного познания, современной науки. Каков был итог, сегодня известно в значительной, хотя и далеко не в окончательной мере.

Осуществились ли названные идеалы, цели установки? И да, и нет. По Т. Куну, только «нет», ибо с тех пор основные парадигмы даже в физическом познании принципиально изменились. Точнее — заменились. «Нет» — в том смысле, что не реализовались конкретно-предметные стороны установки. Но «да», и очень твердое «да», в отношении становления традиции современной науки, в отношении развития метапознавательной составляющей познания. Хотя и здесь не все происходило и продолжает происходить гладко.

Без наличных общезначимых познавательных идеалов, установок дальнейшее познание просто невозможно, так как они играют всегда огромную положительную роль в развитии познания. Хотя их

и приходится изменять время от времени. Причем подобные перемены, как правило, весьма болезненны, ибо затрагивают самые глубокие, самые, можно сказать, интимные стороны профессиональной, а также не только профессиональной, жизни исследователей.

Нейтральных субъектов познания нет, не было и не будет. Но сам субъект познания может оказаться более или менее подготовленным к подобным переменам.

Полученный на рубеже XIX–XX вв. интегральный результат развития физики, естествознания и даже всего познания в целом оказался во многом принципиально иным, чем это ожидалось во времена Ньютона.

Царство механической, однозначно детерминированной природы, да и общества и самого познания, не состоялось. Соответственные идеалы были подвергнуты жесточайшей критике, одним из зачинателей которой был, кстати, небезызвестный Э. Мах, придерживавшийся, кстати, своеобразного субъективного принципа в метапознании.

Сформировалась уже в полном смысле современная наука. Кардинально стало меняться положение философии, которой теперь, чтобы остаться в согласии с научным познанием, нужно окончательно расстаться с натурфилософствованием всех разновидностей. В том числе в сфере метапознания. Только теснейшая и органическая связь со всеми науками гарантирует философии устойчивое развитие, а не просто присутствие в повседневном, обыденном сознании.

Ресурсы традиционной философии как прародительницы конкретных областей познания окончательно исчерпаны. По крайней мере, в отношении естественных, а во многом и социальных наук, сохраняясь разве что только в отношении гуманитарной сферы познания. Но никуда не исчезла, по-прежнему сохраняется главная функция философии, философского уровня сознания и познания — функция метапознавательной интеграции всех видов познания и практики, всех видов опыта человека. Сохраняется функция выработки специфически философского результата — средств создания единой картины мира и самой этой единой картины мира, опирающейся в первую очередь на все достижения современного научного познания.

Таким образом, даже второй вариант взаимодействия индивидуального и общезначимого в познании не дает полной гарантии ре-

зультата, который ожидается сообществом ученых на начальной стадии формирования некоторого очередного этапа познания. Общий познавательный результат определяется, в конечном счете, всей совокупностью реализованных объективных и субъективных условий познания, с одной стороны, и всей совокупностью действующих в познании законов — с другой.

На всех этапах развития познания, и прежде всего познания как обособившейся сферы общества, т. е. на стадии становления и развития уже собственно научных типов познания, субъекты познания действовали не только, а в итоге и не столько, во имя достижения своих индивидуальных познавательных целей, сколько во имя общепознавательных интересов. Эти интересы, так или иначе, всегда осознаются в метапознавательной надстройке каждого исторического типа познания, например, мифологического и тем более натурфилософского.

В данной работе мы исходим из того, что последовательное развитие метапознавательной надстройки каждого исторического типа познания всегда усиливает второй вариант взаимодействия индивидуального и общезначимого начал в познании. Именно так формируется механизм более или менее систематического и прогнозируемого использования законов развития познания. И происходит это всегда с учетом постоянно изменяющихся требований практики, для чего в метапознании, как особой надстройке современной науки, должны сформироваться механизмы систематического отслеживания требований современной же практики.

Академия наук, академии по различным отраслям познания занимались нередко не столько непосредственной организацией новых исследований, сколько именно отслеживанием потребностей практики и ориентированием познания на эти потребности.

Действительно, чтобы познание, метапознание могли эффективно служить практике, необходим ряд посредствующих звеньев. Внутри самого познания это, прежде всего, развитие различных областей метапознавательного направления. И не стихийно, как это, например, происходит с историческим блоком внутри отдельных областей познания.

Каждая область познания своими собственными усилиями пытается проследить связь этапов своего развития, но зачастую это делается

настолько непрофессионально, что позволило даже Т. Куну отметить антиисторичность подобной истории. История познания должна развиваться как метапознавательная дисциплина по всем канонам, вырабатываемым профессиональными историками, историографами, специалистами по источниковедению.

То же самое касается логических особенностей конкретных областей познания — лингвистических, психологических, социологических. Нередко, правда, за это чаще всего берутся представители соответствующих областей метапознания. Наук, тяготеющих к человеку, в том числе познающему человеку. Поэтому под большим вопросом оказывается учет специфики соответствующей области познания, логическими и подобными проблемами которой желает заняться тот или иной представитель метапознания.

Положение об активности самих исследователей в отношении познания — необходимый компонент подходов к познанию, развиваемых на основе объективного подхода, так как в метапознании и сегодня существует множество иных точек зрения, например, тяготеющих к субъективному принципу.

Кстати, объективный подход вполне совместим с так называемым субъектоцентризмом, но не субъективным принципом, постулирующим принципиальную генетическую первичность субъектов познания. Вполне возможна картина познаний именно как объективная, разворачивающаяся вокруг субъекта как центральной категории. Когда субъект трактуется как результат развития предшествующей его появлению объективной основы. Субъективный принцип имеет вековые традиции, впрочем, как и материалистический. Он обладает большим историческим опытом, не учитывать который было бы просто непростительно сторонникам объективного подхода. Необходимо внимательно относиться и к современному состоянию субъективно ориентированных подходов к познанию. Это важно, поскольку изменения в условиях познания происходят под влиянием гносеологических факторов, до поры до времени еще не осознаваемых как следует метапознанием или, например, развивающихся в некотором неожиданном направлении.

Метапознание, в том числе и прежде всего ориентированное на объективный принцип, должно оперативно реагировать на новые явления в познании. Давать им по возможности адекватное толко-

вание, хотя бы исходя из общих своих положений и с учетом внешних и внутренних условий проявления этих факторов. Подобное толкование необходимо потому, что любые цели познания, научно-познавательной деятельности всегда включали, включают и будут включать в себя метапознавательный компонент. В свою очередь, этот компонент познания становится все более и более адекватным предметному аспекту познавательных целей, предметному содержанию, на которое ориентированы данные цели.

Механизм учета и использования законов познания, его развития и функционирования в условиях преимущественно стихийно складывающейся дифференциации субъектов познания может создаваться последовательно только на основе адекватной методологии, метапознавательной теории. Такой теорией, по нашему глубокому убеждению, может быть только диалектико-материалистически ориентированная традиция.

Разумеется, возможности использования объективных законов познания и на современном его этапе остаются ограниченными. Хотя и далеко не так, как в прежние периоды, на предыдущих его ступенях.

Новый, или, точнее, новейший тип организации научного познания только зарождается и не может захватывать все познание сразу в одинаковой мере. Существует немало причин, тормозящих действие законов познания. Эти законы проявляют себя нередко все так же стихийно, как и на предыдущих, особенно ранних этапах. На этапах магического, мифологического, натурфилософского, схоластического, ранненаучного и даже классического исторического типа познания. В познании в целом и отдельных его областях постоянно возникают всевозможные трудные, и даже кризисные ситуации.

Существуют точки зрения, согласно которым современное научное познание вообще находится в состоянии перманентного кризиса, и даже вообще перестало понимать само себя. Это, конечно, крайность, но весьма показательная. Она, думается, связана именно с тем, что современное познание вступило в стадию формирования, становления, перехода к следующему типу познания — объединенной науке. Или, как мы это называем — начинает складываться некий будущий синтетический научный тип познания [822].

Метапознавательные подходы, развивающиеся на базе традиционного метафизического или откровенно идеалистического принципов, склонны сглаживать противоречия познания. Или же, наоборот, чрезмерно трагизировать их, абсолютизируя односторонние и к тому же нередко ошибочные пути выхода из затруднений.

Поскольку противоречия и кризисы в познании суть порождения законов его развития и функционирования, они требуют своего действительного, а не мнимого разрешения и преодоления. Это, повторимся, может дать объективно-диалектическая методология, ориентирующая на всесторонний подход к познанию, адекватный его объективным законам. И прежде всего на понимание познания, науки как специфической деятельности людей.

Преимущество объективно-диалектического подхода в метапознании состоит в частности в том, что он активно содействует переходу современного познания на новый, более высокий этап развития. Он последовательно ставит и решает важнейшую метапознавательную задачу. Задачу создания методологических условий для ускорения прогресса современного научного познания. Нужно, однако, иметь в виду, что поскольку переход к новому типу познания еще только начинается, то и возможности его метапознавательной надстройки ограничены. Очень многие виды метапознавательных исследований, ориентированных на новый синтетический научный тип познания, еще только должны быть осуществлены.

Становление нового типа познания связано с достигнутым состоянием и дальнейшим совершенствованием, развитием всех видов познавательных структур, доставшихся современному познанию от прежних этапов. В том числе совершенствованием структуры субъектов познания, структуры знаний и методов и т. д.

Очевидно, что все механизмы нового типа познания не могут возникнуть сразу. Тем более их невозможно ввести неким единым актом. В сфере познания вообще не бывает никогда беспрекословного исполнения чьих бы то ни было рекомендаций, даже если они принадлежат, например, Аристотелю или Гегелю, или даже К. Марксу. Над тем же Гегелем представители естествознания своего времени даже потешались за ряд откровенных ляпсусов в отношении естественно-научных фактов.

Появление новых механизмов познания происходит постепенно, хотя и не свободно от быстрых, скачкообразных моментов. Они требуют «отладки» по мере своего возникновения.

Налаживание новых подходов в познании представляет собой очень трудный и сложный процесс, все особенности которого невозможно предусмотреть. Тем более что новый тип познания всегда имеет качественно иной и на порядки более сложный характер.

Практически невозможно учесть взаимное влияние различных типов познавательных структур, да даже одних областей познания на другие. Сложно также предусмотреть все будущие потребности общества в научно-познавательных разработках. Невозможно также предусмотреть и все направления, по которым будут развиваться внеученные сферы познания. Например, такие сферы, как обыденное познание, эстетическое, моральное.

Чтобы разобраться во всей этой сверхсложной системе познания, обеспечить ее бесперебойную работу в оптимальном режиме, необходимо осуществлять постоянные систематические метапознавательные разработки всех видов и уровней. При этом следует различать механизмы действия законов познания и механизмы их использования, т. е. механизмы опосредованного метапознавательными элементами действия законов познания, позволяющие сглаживать те или иные отрицательные последствия стихийного действия законов познания.

Сфера научного познания сегодня как никогда дорого обходится обществу. Как, впрочем, и состояние других сфер познания и сознания тоже. Состояние нравственного познания современного общества тому пример.

Кстати, действию объективных законов познания подчиняются также попытки сознательного использования этих законов. Здесь также не должно быть перекосов, например, в виде чрезмерно раздутого аппарата методологического анализа конкретных проблем, за которым эти проблемы просто могут исчезнуть. Подобное происходит всегда, когда реальное обсуждение конкретных проблем подменяется многословными рассуждениями, да еще с применением аппарата, якобы материалистической диалектики.

Сам метапознавательный подход, его попытки повысить эффективность предметного познания могут также оказаться во власти стихии.

Притом нередко самой примитивной, разрушительной стихии. Особенно если он сознательно или вследствие недопонимания превращается в некий придаток информационно-идеологической машины, которая направлена на обслуживание того или иного политического режима в обществе. И не только, как мы сегодня наблюдаем, тоталитарного режима.

2.3. ПРОЦЕСС ПОЗНАНИЯ КАК СТАНОВЛЕНИЕ НОВЫХ ТИПОВ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

2.3.1. Место проблемы в метапознании

Выше были рассмотрены принципы анализа познания как объективного закономерного процесса и как результата деятельности субъектов познания. Но на этом общий, философско-метапознавательный анализ процесса познания не исчерпывается.

В обоих указанных срезах познания индивидуальный исследователь присутствует лишь как компонент обширной системы, на фоне которой его достаточно легко и потерять. Последнее нередко и происходит, когда начинают говорить о методах, законах, моделях, экспериментах, забывая о том, что все это движется потому, что является орудием действий конкретных индивидуальных исследователей. Между тем одной из важнейших задач метапознания является изучение не только необходимых связей и отношений между различными несубъектными элементами познания, но и особенностей деятельности индивидуальных исследователей.

Изучение познания со стороны деятельности исследователей, ученых, просто познающих людей важно потому, что познающие люди, кто бы они ни были, накладывают на ход познания особенности своей индивидуальности, порой очень яркой и впечатляющей. Более того, как говорится, не только люди делают познание, но и познание накладывает на них свой отпечаток. Участие в процессах познания на определенных этапах и превращает познающих

людей в исследователей, ученых, субъектов познания того или иного вида.

Кроме того, познание приобретает особый смысл тогда, когда оно раскрывается как процесс собственного развития исследователя. А этой стороне дела, к сожалению, еще и сегодня уделяется, на наш взгляд, крайне мало внимания. Вообще, к этому аспект познания и до сих пор многие относятся как к чему-то внешнему, постороннему, даже как к чему-то затемняющему картину познания. Хотя в некоторых отношениях, конечно же, отвлекаться от субъектной составляющей бывает вполне оправданно, но не забывать вовсе. Даже такое обстоятельство, как гениальность в познании, до сих пор не оценено в полной мере, по достоинству. И не только применительно к фигурам в познании, науке известным, но и безызвестным. Каменный топор, колесо, огонь, железо и т. д. — все это были акты величайшего гения, о чем нам сегодня не стоит забывать.

С одной стороны, история познания есть всегда история индивидуальной деятельности людей, исследователей. Этот факт говорит о том, что в метапознании необходимо выделять особый срез исследования целостного процесса познания. А именно — рассмотрение познания как процесса индивидуального становления, развития и деятельности исследователей, ученых. Такой подход к познанию дает возможность уловить те проблемы, которые ранее либо вовсе оставались в тени, либо, как уже отмечалось, вводились механически, иллюстративно, не концептуально.

Подход к познанию с точки зрения индивидуального исследователя и его деятельности позволяет многое:

1. Вводить в практику изучения познания, в метапознание проблему человека, индивида, личности не просто механически, от случая к случаю, а как один из важнейших аспектов целостного исследования познания.
2. Формулировать и развить метапознавательные принципы перехода от общепознавательного в познании к индивидуальному в различных гносеологических условиях. Тем самым органически ввести в метапознание, в частности, категорию «образ научной деятельности» (наподобие понятия «образ жизни» из социальной теории).

3. Категория «образ научной (или познавательной) деятельности» представлена в рамках того или иного типа познания через проявление общего в индивидуальном исследователе, как специфическом познавательном единичном.
4. Подвергать систематическому метапознавательному исследованию исторические типы познания. В частности, всесторонне изучать исторические типы научности, формирующие исследователей и определяющие характер взаимодействия различных индивидуальных и групповых субъектов познания.
5. Понять сущность нового, будущего синтетического научного типа познания и тенденции его становления.

Введение в изучение познания деятельностного среза имеет не только общеметапознавательное значение. В настоящее время в процессы научной познавательной деятельности включаются многие и многие тысячи, десятки, сотни тысяч и миллионы людей. Они в значительной мере формируются под влиянием стихийной традиции. Это, как нам думается, и послужило основой для куновской парадигмальной концепции развития науки, постулирующей наличие в развитии познания, включая его научную ступень, принципиальных непреодолимых разрывов.

Разработка деятельностного, или, точнее, процессуально-деятельностного аспекта познания позволяет сформулировать и немалое число чисто практических рекомендаций для системы подготовки новых поколений специалистов в самых различных областях познания.

2.3.2. Исторические типы познавательной деятельности и индивидуальность исследователя (ученого)

Исходя из известного положения, можно утверждать, что сущность исследователя как исследователя есть совокупность всех его познавательных отношений, взаимодействий и связей.

Данное принципиальное положение, раскрывает индивидуальную природу исследователя, характеризует так называемую

«родовую» сущность субъекта познания не просто как человека, но именно как исследователя. В то же время в рамках этой единой сущности познающего человека представлено огромное многообразие индивидуальностей исследователей.

Для понимания процессов становления и развития исследователей и самого познания необходимо определить соответствующие принципы, разработать вопросы перехода от общего к индивидуальному в познании. В систему категорий метапознания необходимо ввести дополнительные понятия. К числу таких понятий можно отнести понятия: тип познавательной деятельности, познавательное направление, познавательная школа, познавательное сообщество, индивидуальный субъект, групповой (коллективный) субъект. А также понятия качество познавательной (научной) деятельности, стиль научной (познавательной) деятельности и ряд других.

Ранее речь шла о том, что без учета переходов в познании от индивидуального к общему ни познание предмета, ни само метапознание были бы невозможны. Невозможно зафиксировать все многообразие индивидуальных особенностей, как в предмете, так и в самом познании. Совершить обратный переход — от общего к индивидуальному — это не значит возвратиться к эмпирическому многообразию индивидуальных исследователей. Это значит, что нужно подняться в своем анализе познания на некоторую новую качественную ступень. На уровень понимания индивидуального в познании как конкретного выражения общего.

Нужно также рассмотреть причины появления конкретного разнообразия типов индивидуальных исследователей, разнообразия индивидуальной исследовательской деятельности. В этих пунктах метапознание сближается, порой даже сливается с историей и психологией познания. Или включить данные науки в состав метапознания, как особого, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, рода познания. Это оправдано хотя бы тем, что данные науки непосредственно ориентированы на фиксирование индивидуального проявления некоего общего и типичного в познании, хотя и со своих позиций и понимания познания как предмета изучения.

Приведенные рассуждения с необходимостью подводят нас к категории метапознания — «тип познавательной (научно-познавательной) деятельности».

Категория «тип познавательной деятельности» (не смешивать с категорией «тип познания») еще не получила, на наш взгляд, достаточно четкого определения в методологической, метапознавательной литературе. Поэтому необходимо хотя бы вкратце остановиться на его характеристике.

Тип познавательной деятельности, в том числе научной, задается общими условиями и отношениями соответствующего типа познания.

Если сказать иначе, то этапное, по типам познания, разделение или различие служит основой для выделения конкретных типов познавательной деятельности. При этом, конечно, могут и должны иметь место многочисленные оговорки. Нужно, например, выделить многочисленные переходные формы познавательной деятельности, возникающие как ориентированные на одни типы познания, а реально осуществляющиеся в рамках господства других типов познания.

Более того, в своих элементарных формах познавательной деятельности новый тип познания всегда и начинается формироваться в недрах предшествующего или даже нескольких предшествующих типов познания.

Специфика категории «тип познавательной (научной) деятельности» состоит в том, что в ней синтезируются характеристики целой совокупности условий, формирующих индивидуальных исследователей и определяющих типы их взаимоотношений, взаимодействий и взаимосвязей в рамках того или иного типа познания в целом.

Развитие индивидуальности исследователей, становление новых типов исследователей можно проследить, насколько это возможно, анализируя существование соответствующих типов познавательной деятельности, имеющих место на той или иной ступени развития познания. Для этого нужно выделить соответствующие элементы познавательной деятельности, многие из которых — просто реконструировать, или построить соответствующие гносеологические модели.

Ориентируясь на охарактеризованные выше типы познания, донаучные и научные, учитывая последовательность их смены, можно сказать, что первоначально акты познания человека осуществлялись

хотя и индивидуально, но в условиях полной зависимости от первобытных коллективов и их специфической жизнедеятельности.

Первоначально акты познания совершались только в группах в процессе совместного участия в еще неразвитых формах деятельности, прежде всего трудовой. По мере разделения труда, разделения сфер жизнедеятельности возникает и развивается на основе прогрессирующей специализации сфера собственно познавательной, или преимущественно познавательной, деятельности. То же сословие священнослужителей, жрецов возникает как двойственное по своей природе: с одной стороны, как группа людей, занимающихся управлением определенных духовно-практических, а с другой — как фактически первый субъект уже собственно познавательной деятельности.

Далее, правда, гораздо позднее, учитывая тенденцию интеграции познания, это привело к формированию единого коллективного субъекта познания и преобразования действительности, в рамках которого каждый человек, каждый индивидуальный субъект познания получает известную свободу избирать свой участок деятельности в любой сфере жизни общества.

Мы считаем, что можно выделять три стадии развития познания с точки зрения преобладавших в них типов познавательной деятельности.

На первой из них научное познание как особая сфера разделения труда в сколько-нибудь отчетливом виде еще отсутствовало.

Зачатки науки, или так называемая протонаука, возникает лишь на второй стадии, на которой происходит более-менее отчетливое выделение и развитие различных видов субъектов специализированной познавательной, в том числе начальной формы уже собственно научной деятельности. Эта стадия, вплоть до настоящего времени, в силу объективных законов развития уже преимущественно научного познания, разбивается на ряд своих этапов.

Появляется потребность говорить не просто о типах познавательной деятельности, а именно о типах научной познавательной деятельности, т. е. в рамках этой стадии оформляются различные типы научного познания: ранняя наука, классическая наука, современная наука. С тенденцией перехода к некоторому будущему синтетическому типу научного познания.

На первой стадии познания индивиды включались в узкие системы общественных связей, которые выступали в качестве формирующих индивидов ячеек, в том числе формирующих их познавательные навыки и умения.

На первой стадии индивид «слит» с определенной ограниченной (в том числе в отношении познания) общностью и иначе не может себя воспроизводить как познающего индивида.

Эта слитность с общностью сыграла большую роль в становлении и развитии человеческой индивидуальности на ранних ступенях истории, в том числе с точки зрения познавательного качества.

Строго говоря, на этом этапе нельзя, даже просто не имеет смысла говорить о каком-то особом определенном типе познавательной деятельности. В отличие от других аспектов этой деятельности. Но уже здесь определенные признаки познавательных действий перволлюдей могут быть отмечены.

Это, прежде всего, зависимость индивидуальных познавательных действий от совместных коллективных действий. В сознании первобытного человека, надо полагать, жестко фиксировалось то, что обеспечивало успех коллективного действия. Какое-либо отклонение индивидов в этом плане исключалось.

Индивиды, их познавательное качество, способности на этой стадии слиты, «сращены», находятся в единстве с естественно сложившимися условиями их жизнедеятельности. При этом сами эти общности и были первичными, причем очевидно групповыми, субъектами единой, еще не расчлененной, несколько социально не специализированной деятельности. Одним из аспектов этой деятельности был аспект познавательный. Этот этап постепенно уступает место другому этапу.

На втором этапе, в силу общественного разделения труда, жизнедеятельности вообще, происходит выделение сначала особой сферы, преимущественно духовной, точнее, духовно-практической деятельности, из которой уже в свою очередь постепенно выделяется в некотором простейшем виде еще более специализированная область деятельности. А именно, область собственно специально-познавательной деятельности, которая в дальнейшем развивается в современную науку.

Выделение духовно-практической сферы происходит в связи с условиями общественной жизни и в связи с необходимостью образования группы особого рода индивидов, осуществляющих функцию регулирования все усложнявшихся общественных связей.

Так или иначе, на этих индивидов перешел основной груз познавательных действий, и особенно метапознавательных. Чтобы регулировать общественные связи, приходилось фиксировать субъекты и объекты регулирования.

Позднее, уже в рамках субъектов данной деятельности, происходит новое разделение. Выделяется группа индивидов, делающая основной упор преимущественно на непрактическую духовную деятельность. Деятельность ради духовной деятельности самой по себе.

Впервые отчетливо мы наблюдаем разделение в субъекте духовно-практической деятельности. Это произошло в условиях древнегреческого общества, хотя зачатки этого можно обнаружить и ранее.

В то же время для субъектов традиционной духовно-практической деятельности в условиях Древнего Египта мы констатируем отсутствие подобной дифференциации. Об этом говорят, например, дошедшие до нас сведения о развитии математических знаний в Египте.

Вопрос о причинах происходящей дифференциации в рамках субъекта духовно-практической деятельности является самостоятельной проблемой, которая детально анализироваться здесь не будет.

Формирование субъектов познавательной деятельности в Древней Греции, с учетом различных обстоятельств, можно считать либо предтечей собственно науки, либо первичной ее формой, протонаукой или преднаукой. Учитывая, например, связь этой познавательной деятельности с религиозной традицией, которая в Средние века вновь стала преобладающей.

После достижений своеобразного уже специализирующегося познания Древней Греции наступает эпоха господства абстрактной религиозности в духовно-практической сфере. Эта абстрактная религиозность почти полностью вытесняет более-менее развитые элементы научности, которые обнаруживаются в их более позднем, развитом смысле слова.

Думается, можно все же считать древнегреческую «науку» уже наукой, началом науки именно в современном смысле.

Эпоха Средневековья может рассматриваться в целом как временный регресс познания, поскольку в общностях, странах, сыгравших решающую роль в эту эпоху, не было отчетливо выделившихся субъектов познавательной деятельности, даже на уровне, достигнутом древними греками. Более того, подобные субъекты были фактически уничтожены. В лучшем случае вновь низведены до состояния неразличимости в рамках субъектов духовно-практической сферы той поры.

Но постепенно, в процессе ассимиляции познавательной культуры древних греков в социуме Западной Европы вновь появляется субъект специализированной специфически познавательной деятельности. Причиной чего во многом оказались, как мы считаем, чисто внешние для самого познания обстоятельства. Прежде всего, социально-экономические обстоятельства.

Изменялось само качество общества, потребовавшее развития особой подсистемы уже специализированного познания на принципиально иной основе, чем это было у древних греков и у средневековых схоластов.

Можно говорить об особых, неповторимых условиях появления научного познания как такового. Ничего подобного, например, не происходило на восточных рубежах тогдашнего разрозненного человечества. Наука — феномен западноевропейской истории. Этого и ныне никто не оспаривает.

То, что у греков было на вторых и даже третьих ролях, — опыт, измерение, узкоспециализированное знание — теперь становится ведущей стороной, способствующей качественным преобразованиям всех сторон познавательной способности человека, например, на основе способности образовывать абстракции и особенно идеализации опытных свидетельств.

Если раньше основой абстрактных, умозрительных построений был сам разум, некое внутреннее усмотрение сути вещей — натурфилософский принцип, то теперь эта способность резко ограничивалась требованием выражать суть того, что обнаруживалось, через опыт, через данные эмпирического подхода к миру и человеку.

Рецидивы натурфилософии, конечно, происходили и позднее, но здесь они достаточно быстро выявлялись и преодолевались в пользу

собственно теоретического подхода, основывающегося на обобщении эмпирических данных.

При этом нередко происходит чуть ли не обожествление самого эмпирического аспекта. Но современная метапознавательная тенденция все больше и больше преодолевает эту слабость.

Собственная история современной науки начинается с Нового времени.

2.3.3. Переход от общего к индивидуальному в познании. Деятельность исследователя и механизмы ее детерминации

Процесс формирования познания есть одновременно и становление и развитие субъектов познания, различных типов познавательных индивидуальностей исследователей. Как бы ни был индивидуальный субъект слит с конкретной познавательной общностью, всегда имеет место некоторое различие индивидуальной и групповой составляющей в субъекте познания.

В метапознании, в процессе изучения особенностей познания важное место занимает проблема осмысления взаимоотношений индивидуального и общего, группового качества в субъектах познания в рамках каждого отдельного типа научной деятельности и познавательной деятельности вообще.

Это особенно рельефно проступает в историко-научных исследованиях, где изучаются законы познания в их непосредственных связях с деятельностью исследователей, где ставится задача реконструкции конкретно-исторического хода познания. Подобные разработки важны и для понимания процессов регулирования отношений в современной науке.

Объективно-диалектический подход к познанию придает большое значение индивидуальной познавательной деятельности, индивидуальным особенностям деятельности исследователей.

Как совмещается зависимость индивидуального исследователя от познания, от формирующего его типа познавательной деятельности и его влияние на познание? Каким образом в рамках одной и той же познавательной среды может складываться многообразие

индивидуальной познавательной деятельности? Какое значение это многообразие имеет для познания на различных этапах его развития? Все эти вопросы важны как для анализа истории познания, так и для понимания перспектив его дальнейшего развития.

Постановка таких вопросов и поиск ответов на них показывает, что последовательное объективно-диалектическое метапознание не может отвергать различия двух взаимосвязанных, но в то же время различных аспектов проблемы, а именно: 1) выявление типов исследовательской деятельности на различных этапах познания и 2) характеристика индивидуальных различий в рамках этих типов исследовательской деятельности.

Индивидуальные различия исследователей, как и людей вообще, имеют, несомненно, и биологические предпосылки. Но это не дает права искать основные причины различий между исследователями только и даже в первую очередь в этой области. Исследователь в своем качестве есть, прежде всего, существо социальное. Хотя способность видеть, слышать, обонять, осязать, как источник внешней чувственной информации, в известной степени переходит к нему по наследству от животных предков.

Исследователь всегда включен в специфическую общественную среду и функционирует в ней. Человек как исследователь образуется, прежде всего, в силу действия последнего фактора. При этом он формируется познавательными отношениями и связями, как особого рода социальными отношениями и связями. И такое его формирование можно интерпретировать как ассимиляцию, присвоение условий, в которых протекает его познавательная деятельность.

Специфически познавательное качество при этом как бы накладывается на биологическое и социальное качество исследователя. Биологическое и социальное — суть предпосылки, создающие лишь возможность формирования человека как исследователя. Особенно в появляющейся профессиональной сфере познания. Но реализуются эти возможности посредством определенных уже собственно познавательных условий. В том числе при наличии условий профессиональной познавательной деятельности, которые вытекают из соответствующей познавательной среды.

Если говорить о научном познании, то можно выделить три уровня специфически познавательных условий. Первое — об уровне, связанном с условиями познания, задаваемыми самим типом познания, в рамках которого имеет место формирование исследователя. Второе — об уровне особенного, который связан с условиями ближайшей познавательной области, которой посвящает себя индивидуальный исследователь. Третье — об уровне единичного, связанном с условиями познавательной микросреды, ближайшими коллегами, учителями. Как в процессе подготовки, так и в процессе последующей собственной исследовательской практики.

Общие условия познания характеризуют тип познавательной, в том числе научно-познавательной деятельности, который определяет общую направленность формирования индивидуальных исследователей на данном этапе познания при господствующем положении типичных предметных и метанадстроечных составляющих познания данного типа. Они задают рамки для воздействия, для проявления особенных и единичных условий на развитие индивидуальности исследователя.

Особенные условия познания характеризуют дифференциацию познания на соответствующие области и создают типы индивидуальных субъектов познания, свойственных данным областям познания. Тем самым внося существенные различия в существующее множество исследователей и формируя основные сообщества исследователей на данном этапе познания.

На наш взгляд, именно принадлежность исследователя к определенной области познания является решающей для характеристики его индивидуальных особенностей. Специализированное по областям познание порождает специализацию исследователей, т. е. оно развивает исследователей как определенные индивидуальности, ограничивая их рамками знаний, методов, средств познавательной деятельности, метапознавательных элементов данной области познания.

Индивидуальный исследователь соотносится с познанием в целом не непосредственно, а через свою принадлежность к определенной области познания. Даже если это такая специфическая область, как философия, или сразу несколько областей, если речь идет об ученом, совмещающем исследования в различных областях, близких, как правило, но иногда и достаточно удаленных.

При этом на первый план соответственно выступают и приобретают метапознавательное значение не индивидуальные особенности исследователей сами по себе, а именно признаки, связанные с их принадлежностью к определенной области познания, т. е. общие признаки индивидуальных исследователей. Но именно признаки, связанные с данной областью познания.

Не следует забывать, однако, что различные индивидуальные исследователи могут по-разному осознавать свою принадлежность даже к общей области познания. Поэтому для процесса своеобразной индивидуализации исследователя, а значит и для метапознания, большое значение имеет специфика единичных микроусловий его формирования. Специфика условий, которые содержат в себе моменты общего и особенного. Но при этом к ним не сводятся, а обладают своей собственной значимостью.

Сегодня еще очень мало внимания уделяется анализу микросреды формирования и функционирования индивидуальных исследователей. Но именно под непосредственным влиянием условий этой среды происходит становление исследователя.

Важнейшими компонентами формирования индивидуального исследователя являются такие моменты, как учебное заведение, где он получил образование; высшее учебное заведение, где он начал профессиональную подготовку; лаборатория, отдел, институт, в котором исследователь начал свою самостоятельную исследовательскую работу. Включая различные формальные и неформальные группировки исследователей, в которые он попадает в соответствии со своими познавательными интересами и целями.

Думается, что популярность среди всех интересующихся природой познания, и в частности природой научного познания, многократно упоминавшейся выше книги Т. Куна «Структура научных революций» [375] связана именно с ее направленностью на анализ макро- и микросубъектной структуры познания. На возможность предложить каждому исследователю поискать свое уникальное место в структуре познания.

Микросреда исследователя — это непосредственное специализированное профессиональное окружение, в которое исследователь попадает еще достаточно молодым, еще продолжающим приобрете-

ние важнейших своих характеристик. Это окружение, в котором он формируется до своей зрелости как исследователя и через которое он соотносится объективно с познанием в целом, со всей системой познавательной культуры данного периода.

Исследовательская микросреда как бы навязывает каждому исследователю свои нормы и ценности, свои познавательные традиции. В том числе метапознавательные ценности.

Микросреда также контролирует профессиональное поведение исследователя, следя за тем, чтобы он не отклонялся слишком далеко от господствующих в ней норм. При этом возможность своеобразного подчинения исследователя познавательной микросреде определяется непосредственным характером профессионального общения и взаимодействия отдельных исследователей друг с другом в ее рамках.

Кстати, далеко не каждый индивидуальный исследователь может решиться на противостояние своей познавательной микросреде. Даже если он убежден в том, что среда не во всем его устраивает, например, когда он сталкивается с ограниченностью тех или иных элементов своей микросреды в отношении предмета исследования, тех или иных средств исследования. Факт своеобразного засекречивания великим Гауссом своих исследований по неэвклидовой геометрии тому пример.

Для каждого типа научной познавательной деятельности характерны не только определенные условия формирования исследователей как некоей своеобразной индивидуальности, в большей или меньшей степени идентифицирующей себя с некоторой областью познания, сообществом исследователей, но и механизмы зависимости индивидуального от общепознавательного, особенного познавательного и даже механизмы «лишения» исследователя его индивидуального.

Причем диалектика здесь такова, что одни и те же познавательные элементы и формируют исследователей, и ведут к их унификации, своеобразной нивелировке, без которой познание, как массовое предприятие, невозможно. Достаточно вспомнить о генезисе человеческого языка вообще и языков науки в частности.

В современном познании огромное влияние на стандартизацию и стереотипизацию индивидуальной исследовательской деятельности оказывает широко разветвленная и одновременно специализированная по многим направлениям сеть коммуникаций исследователей. Действие механизмов познавательной коммуникации приводит, как к своему необходимому результату, к своеобразной деперсонализации результатов деятельности даже очень необычных индивидуальностей исследователей. В этом познание, наука, быть может, мало уступает даже сфере искусства. Вообще-то научное познание всегда стремится исключить из своей сферы момент проявления субъективного. Это, однако, не дает нам права отрицать роль субъективного (как индивидуального, так и коллективного) в познании. Скорее наоборот, ставит перед метапознанием задачу понять, почему и как это происходит. В отличие от других сфер жизнедеятельности человека, где именно индивидуальное, неповторимое имеет высшее значение.

Процесс индивидуализации исследователей под влиянием внутренней дифференцированных познавательных условий был и останется всегда противоречивым. В ходе индивидуализации сталкиваются противоположные и порой даже исключающие друг друга тенденции. При этом общий результат определяется в конечном итоге господствующим типом познавательной деятельности, в том числе научной.

Однако если внутренне дифференцированные познавательные условия являются одним из источников как раз многообразия индивидуальностей исследователей, то возникает вопрос: не будет ли происходить обеднение этого процесса по мере дальнейшей унификации в сфере научного познания? Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, что дает для развития индивидуальности исследователей переход от одного этапа познания к другому, от одного типа познания к другому. И в частности, к чему ведет переход к будущему синтетическому научному познанию, идущему на смену современной науке, с его уже сейчас явно просматривающейся универсализацией.

Преодоление существующего деления познания на области и соответственно субъекты познания не будет означать ликвидацию всякой вообще внутренней дифференциации познания, как это не происходило и ранее. Скорее наоборот, наличие сети специализи-

рованных знаний, проблем, методов познания и тому подобного будет просматриваться еще более очевидным образом. В то время как сами исследователи будут все более и более освобождаться от жесткой специализации на уровне индивидуальной исследовательской деятельности.

Наличие специализированных познавательных структур, не связанных непосредственно с субъектами познания, в будущей синтетической науке будет регулировать создание, как это уже и сегодня нередко бывает, различных гибких субъектов познания. Будущая наука будет формировать так называемых оперативных субъектов познания, в рамках и усилиями которых будут развиваться индивидуальности исследователей нового типа.

Но подобная практика предполагает развитую метапознавательную надстройку, на долю которой в значительной мере и выпадает функция организационного регулирования образования подобных субъектов познания.

Тенденция развития современного научного познания, думается, связана с необходимостью его всесторонней гуманизации, тем более что оно само внутренне к этому уже готово.

С ликвидацией жесткого членения субъектов познания, узкой специализации исследователей будут постепенно меняться и те механизмы, которые сдерживают развитие индивидуальности исследователя, свободное проявление его познавательных потенций. Отдельный исследователь, включаясь в систему гибких универсальных познавательных связей, получит возможность развиваться именно как целостный индивидуальный субъект познания, отголоски чего мы находим, например, в высказываниях такого ученого, как А. А. Любищев, и в самой его судьбе как ученого.

Современное познание объективно настраивается на всестороннее развитие индивидуальности каждого исследователя, становится все более и более человеческим предприятием. Чего не происходило на ранних этапах развития научного познания и особенно в первой половине XX в., но что всегда лежало в основе познания как такового. Чем богаче, многообразнее исследовательские индивидуальности, тем успешнее и всесторонне функционирует и развивается как система познания в целом, так и каждый ее элемент в отдельности.

Но ни биологические, ни общесоциальные, ни даже специфически познавательные условия сами по себе и даже в сочетании только друг с другом не могут формировать индивидуальность исследователя. Для этого они должны соединиться с еще одним важнейшим компонентом — собственной познавательной активностью, с исследовательской деятельностью самого человека, будущего исследователя.

Исследователь — человек и личность — не пассивный продукт социальной и познавательной среды, а активно действующее начало. Познавательную деятельность как фактор, формирующий индивидуальность исследователя, нельзя, однако, брать абстрактно, вне познавательных и иных условий. Как познавательные условия воздействуют на формирование и функционирование индивидуального исследователя, лишь проходя через его собственную познавательную активность, так и познавательная деятельность исследователя становится фактором его исследовательской индивидуальности лишь в системе познавательных и иных отношений.

Сказанное выше не означает, что познавательная деятельность должна всегда рассматриваться только в каких-либо конкретных познавательных условиях. Для ряда общеметапознавательных целей можно и нужно отвлекаться от них, например, когда необходимо выявить общую структуру познавательной деятельности, ее элементарные составляющие. Теоретический метапознавательный анализ служит предпосылкой более конкретного изучения познания, познавательной деятельности, где и появляется необходимость учета конкретных условий познания, системы конкретных познавательных отношений.

Одни и те же условия своей познавательной деятельности разные исследователи усваивают по-разному и по-разному к ним относятся, что и определяется их индивидуальными особенностями.

Одни и те же условия познания содержат в себе целый спектр различных возможностей для познающего человека, его деятельности, которые реализуются в зависимости от их познавательной активности, от их отношения к ним. Такие условия могут вызывать различные ответные реакции исследователей, вести к различным последствиям для познания.

В свою очередь существенные характеристики личности исследователя как субъекта познания выступают как определенное следствие взаимодействия объективных и субъективных познавательных факторов. К этому можно добавить то, что соотношение типов исследователей, например, рост числа активных сторонников неких новых подходов в познании, также имеет основание как в самом познании, его объективных параметрах, так и в требованиях к познанию со стороны исследователей.

Присвоение отдельным исследователем условий познания, выработка им способности действовать в этих условиях есть одновременно и становление его профессиональной индивидуальности.

Различные типы познавательной деятельности, прежде всего, в науке, опираются на различные условия и возможности для формирования индивидуальности исследователя.

Профессиональная индивидуальность исследователя, ученого не есть нечто изначально данное, присущее человеку от рождения. Только само приобщение к познанию порождает эту индивидуальность.

Профессиональная индивидуальность исследователя предполагает функционирование на каждом этапе познания тех или иных механизмов целенаправленного воздействия на формирующегося исследователя. А именно — механизмов его профессиональной подготовки.

Каждый этап познания характеризуется потребностью в том, чтобы формировались индивидуальности исследователей, соответствующие его природе, его особенностям, объективно положительным, прогрессивным, и регрессивным, застойным, отрицательным.

Можно и нужно проследить от этапа к этапу, от типа познания к типу изменения в механизмах такой подготовки исследователей. Так, познание на уровне древнегреческой науки характеризовалось воспроизводством представителей этой науки, ориентированных на абстрактно-общий, созерцательный подход к предмету познания и в то же время, особенно поначалу, преимущественно натурфилософского плана. Отсутствовала более или менее отчетливая специализация: все занимались всем.

С развитием познания, начиная с эпохи Возрождения и особенно с началом эпохи Нового времени, производство и воспроизводство

индивидуальностей исследователей протекает в условиях ориентации на решение эмпирических познавательных задач. Хотя общая цель — познание законов природы — остается той же, при условии все возрастающей познавательной специализации.

Позднее, в том числе в настоящее время, основной упор при воспроизводстве исследовательского корпуса, на первый взгляд, делается на усвоение навыков глубоко специализированной познавательной деятельности в рамках групповых, коллективных субъектов познания. На усвоение общего стиля науки, ее методологической культуры и при возрастающем распространении средств структурного анализа своих предметов: математики, логики, в том числе на базе современной компьютерной техники.

В новых структурных средствах таится реальная возможность резкого усиления уже в недалеком будущем тенденции универсализации познания, а значит, и самой подготовки новых поколений исследователей.

Наступающий этап познания, формирующийся новый тип познания предполагают существенные перемены в подготовке исследователей, связанные с тем, что параллельно с ориентацией на довольно специализированную деятельность будут расширяться механизмы универсальной подготовки исследователей. Последнее непосредственно связано с метапознавательным подходом, метапознавательной подготовкой исследователей.

Сегодня вопрос о соответствии специальной и метапознавательной подготовки становится одним из условий дальнейшего прогресса познания, науки.

Хотя отдельный исследователь является продуктом всей системы познания, познание в целом нельзя представлять в виде некоего особого универсального субъекта, некоего витающего над познанием разума, использующего отдельных исследователей в качестве средств реализации своих целей.

Познание, наука — продукт взаимодействия индивидуальных исследователей, и иного субъекта познания, кроме действующих в нем индивидуальных исследователей, в нем нет. Вопрос, следовательно, заключается в том, чем и как детерминируется деятельность отдельных исследователей.

Каждый исследователь непосредственно руководствуется в своей профессиональной деятельности личными гносеологическими интересами, которые, кстати, могут преобладать над любыми другими интересами, включая интересы в собственном благополучии. Достаточно вспомнить множество исторических примеров, когда исследователи рисковали своей жизнью при проведении своих исследований. Но поскольку условия и возможности познавательной деятельности, ценности, связанные с ней, задаются общим качеством познания на данном этапе его развития, постольку в деятельности отдельного исследователя, ученого, в конечном счете реализуется и некий же общепознавательный интерес.

Иначе говоря, несмотря на всю сложность структуры познания и огромное разнообразие видов конкретной научной деятельности, эта деятельность, в конечном счете, определяется тем же, что и все познание в целом. А именно степенью развитости средств познания — наличных знаний, методов, экспериментальной и иной техники исследований. А также изменением гносеологических структур, связанных с этими средствами.

Выяснение того, как осуществляется в познании переход от общих моментов к индивидуальным особенностям, сводится к тому, чтобы понять, какими способами реализуются общие гносеологические потребности и интересы в рамках того или иного типа познания. И как на это влияют соответствующие интересы и действия отдельных исследователей.

Действия отдельных исследователей непосредственно побуждаются двумя видами мотивов: 1) мотивами, идущими от самих исследователей, ученых и/или 2) мотивами, идущими от познавательной среды, например, в виде плана работы лаборатории, отдела, института, совета и т. п.

Одно гносеологическое побуждение исходит изнутри, из индивидуальных намерений исследователей, другое идет извне. Одно есть индивидуально-субъективное, другое — коллективно-субъективное. Что фактически для отдельного исследователя является неким специфическим видом объективного, не зависящего от его желания.

На первый взгляд это похоже на то, что индивидуально-субъективное характеризует свободу исследовательского творчества, а

коллективно-субъектное — внешнюю необходимость. Но такое противопоставление не соответствует требованиям диалектического подхода.

Если проанализировать индивидуальный гносеологический мотив как детерминанту деятельности исследователя, то обнаружится его связь с целым рядом других познавательных факторов, в которых также отражаются личные гносеологические побуждения к деятельности.

Гносеологический мотив определяется стремлением получить определенный познавательный результат. Он, следовательно, связан с гносеологическими целями. Необходимость достижения этих целей диктует образец соответствующих осознаваемых познавательных действий, успех которых зависит от наличия методологического, метапознавательного инструментария. Например, знаний об условиях познавательной деятельности, соответствующих оценок путей и средств достижения намеченного познавательного результата и т. д.

Следует отметить и то, что для достижения как индивидуальным исследователем, так и коллективным субъектом познания некоторой цели эта цель, как правило, должна быть разбита на множество более конкретных целей. Она должна быть представлена в виде некоторого «дерева целей», которые связаны с решением отдельных задач, конкретизирующих исходную проблему. Уже это говорит о том, что между отдельным исследователем и коллективом исследователей нет непроходимой грани.

Кстати, достижения отдельных исследователей потому и ценятся так высоко, что они оказываются необходимым с точки зрения существующего в данной области познания неявного «дерева познавательных целей», ориентирующих как отдельных исследователей, так и целые их коллективы или даже все сообщество исследователей данной области.

Подобные гносеологические элементы выступают для отдельного исследователя в качестве собственных гносеологических стимулов, как его собственные гносеологические установки. Их общая познавательная природа как бы скрыта в отдельном исследователе и его деятельности. Именно эта особенность гносеологических це-

лей, да и всех других видов познавательных элементов, всего того, что стало внутренней основой профессиональной деятельности исследователя, преобразованной в соответствии с его особенностями, и выступает непосредственной причиной его индивидуальной профессиональной деятельности, связывающей его со всей системой познания, ее настоящим, прошлым и будущим.

Мы не случайно обращаем внимание на личностные характеристики исследователей, в частности волевые, ибо именно последние соединяют его сознание и деятельность, объективируют профессиональное сознание исследователя, ученого, придают ему предметное осуществление, регулируют и контролируют процесс познавательной деятельности.

Формы приобщения отдельных исследователей к функционированию и развитию конкретной области познания носят изменчивый характер. Долгое время, точнее на протяжении практически всего времени, вплоть до современного этапа познания, в нем преобладали непосредственно частные, индивидуальные гносеологические, интересы, интересы отдельных ученых, и лишь сравнительно недавно им на смену стали приходить интересы, связанные с целыми коллективами исследователей.

Обособленный индивидуальный интерес на прежних стадиях познания, не считая периода первобытного магического периода, когда самостоятельного познания вообще не существовало, был неизбежным и единственно возможным тогда, в период становления познания как такового.

В этом отношении особенно интересна и поучительна роль, которую сыграли в последующем развитии познания, уже научного, исследователи-одиночки, столь характерные науке Нового времени и даже науке XIX в. Несомненно, они сыграли выдающуюся роль в становлении современного научного типа познания. Но, к сожалению, их время также прошло, что, конечно же, не отменяет факта наличия выдающихся исследователей и сегодня и, можно быть уверенными, в сколь угодно отдаленном будущем.

Для современного научного познания характерны именно коллективные, групповые субъекты, в которых выдающиеся исследователи вынуждены работать, нередко при этом их возглавляя.

Прежним стадиям познания, историческим типам познания, предшествующим современной науке, было характерно стремление к удовлетворению весьма ограниченных потребностей общества в исследованиях, и потому индивидуальные, личностные познавательные потребности были на первом месте.

Это не значит, конечно же, что ученые прежних эпох не могли или не должны были общаться друг с другом, использовать результаты друг друга. Нет, в противном случае познания, с его преемственностью, не могло быть вообще.

Это был, так сказать, романтический этап в развитии познания, в том числе научного познания на его начальной фазе. В дальнейшем такая практика исследователей с необходимостью должна была смениться преимущественно групповой, коллективной формой проведения исследований. Даже если это касалось такой традиционно специфической области познания, как философия, где стремление к индивидуальной независимости суждений было и остается особенно заметным.

2.3.4. Образ (научной) познавательной деятельности как проявление общего в познании в индивидуальной исследовательской деятельности

Понятие «образ (научной) познавательной деятельности» еще мало разработано. Хотя многие признаки познания, которые отражены в нем, так или иначе привлекали представителей метапознания. Даже о самом статусе этого понятия в метапознании еще не было развернутого разговора, если не считать обсуждения понятия «критерии научности» и близких ему понятий.

Между тем практика современного метапознания очевидно нуждается в таком понятии.

Но прежде, чем давать развернутое обсуждение этого понятия, стоит обратить внимание на то, почему метапознание до сих пор обходилось без него. Дело, скорее всего, в тех метапознавательных задачах, которые определяли до сих пор разработку метапознавательных проблем.

Это, прежде всего, была задача выработки общих принципов изучения познания как закономерно функционирующей и развивающейся

системы знаний и методов, поскольку только выявление объективных законов познания может обеспечить понимание природы знания.

Задача выработки принципов анализа познания как результата деятельности различных его субъектов находилась как бы в тени предыдущей и потому получала гораздо меньше внимания.

Задача понимания познания как системы знания предполагает выделение в познании в качестве элементов того (понятия, теории, гипотезы, методы и т. д.), что не является самим по себе элементом познания как процесса деятельности исследователей. Вот почему последняя оставалась ранее на втором плане.

Элементы познания как деятельности исследователей — это различные операции, действия, этапы процесса познания на уровне отдельных исследований и их совокупностей и т. д. Они носят существенно иную природу, связанную не столько с природой объекта познания, что главное для содержания знания, сколько с природой самого субъекта познания. Что является особым качеством, весьма непохожим на качество самого предмета исследования.

Понятие «образ (научной) познавательной деятельности» отражает признаки, прежде всего, этой деятельностной, процессуальной стороны познания. Конечно, в реальном познании обе эти стороны функционируют одновременно. Но при этом, чтобы отчетливо фиксировать одну, нужно отвлечься от второй. Что и происходило до сих пор преимущественно в пользу знаний. Да и то, как правило, в пользу знаний о предмете познания, а не о самом познании. Не в пользу знаний о самом познании — метапознавательных знаний. Здесь имеет место гносеологическая дополнительность, в чем-то подобная дополнительности в современной квантовой механике. Хоть принципы гносеологической дополнительности, а заодно и гносеологической неопределенности формулируй!

Отношение к деятельностной стороне познания начинает существенно изменяться лишь во второй половине прошлого столетия.

Единство современного познания представляет собой именно единство, прежде всего его, деятельностного аспекта при дальнейшем росте разнообразия предметного знания.

Понятие «образ (научной) познавательной деятельности» (в дальнейшем просто ОНД) является очень важным для характеристики

познания как процесса, в котором имеет место постоянный переход от общего к индивидуальному в познании.

Можно предположить, что теоретическая метапознавательная разработка проблемы ОНД пойдет по двум направлениям: 1) по пути сближения познавательной деятельности, ОНД с теми или иными условиями познания; или 2) по пути сближения познавательной деятельности и, соответственно, ОНД с различными формами и видами познавательной деятельности.

Первое может привести к «растворению» проблематики ОНД в характеристиках системы познания. Конечно, каждому этапу, типу познания присущ свой ОНД или набор ОНД. Возникает задача научиться отделять их друг от друга. Но если содержание понятия ОНД и понятия, например, «тип познания» совпадают, то теряет смысл введение дополнительного понятия — ОНД.

Определение ОНД через формы и виды познавательной деятельности раскрывает главное, что характеризует ОНД. А именно то, что ОНД появляется и проявляется непосредственно в деятельности исследователей.

Но деятельностное определение ОНД чревато «кругом». Нам же важно подчеркнуть отличие ОНД от самой познавательной деятельности. ОНД не сводится к исследовательской деятельности.

Специфика того, что мы называем «образ (научной) познавательной деятельности», состоит, скорее всего, в том, что это понятие должно отражать и выражать форму, или способ активного присвоения отдельными исследователями общих условий познания.

Каждый ученый, каждый исследователь — это целый неповторимый мир неповторимой индивидуальной духовной активности. Исследователь в ходе своей профессиональной деятельности формулирует свой специфический идеальный мир, преобразует его, но и подчиняется ему.

ОНД как раз и характеризует уникальный аспект познания, аспект присвоения общих условий познания миром познания отдельного исследователя. ОНД фиксирует способ реализации познавательных возможностей, предоставляемых этим индивидуальным миром познания. Форму проявления общего в познании на уровне и в сфере индивидуального мира исследователя.

Можно сказать, что понятие ОНД характеризует способ проявления общего в познании на индивидуальном уровне. И, следовательно, при анализе переходов от общего к индивидуальному и обратно в познании это понятие приобретает значение для всего познания, т. е. приобретает статус категории метапознания как особого рода познания, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием.

ОНД исследователей на том или ином этапе развития познания зависит, прежде всего, от общих условий познания, познавательной деятельности. Эти условия задают определенные возможности для формирования ОНД. Они также предъявляют к исследователю, ученому вполне реальные требования, даже навязывают какие-либо познавательные функции. Это и приводит к формированию ОНД исследователей на конкретных стадиях познания.

Однако определяющее значение общих условий познания как доминанты формирования ОНД здесь задано еще слишком абстрактно. Конкретизация процессов формирования ОНД требует выделить в познавательных условиях признаки общего, особенного и единичного, о чем говорилось уже выше, но в ином отношении.

Глубинной основой ОНД являются общие условия познания. Например, отсутствие полноценных эмпирических и теоретических знаний как таковых вплоть до XVIII–XIX вв. Или полное господство лишь одной теории в той или иной области познания и даже сразу в нескольких областях и т. д.

Общие условия познания на разных стадиях детерминируют ОНД, трансформируясь, в первую очередь, в его наиболее существенные компоненты как предметного, так и метапознавательного плана. Наличие подобного общего в деятельности ученых на различных стадиях познания как раз и позволяет, с одной стороны, сопоставлять, а с другой — противопоставить различные этапы, типы познания, в том числе научного познания. Этапы ранней, классической и современной науки. А также говорить о следующем этапе — этапе будущего синтетического научного типа познания.

В ОНД, однако, проявляются не только общие для данной стадии познания черты, условия, но и особенные. Например, условия, идущие от отдельной области познания, получившие по каким-либо причинам особый статус в рамках данного этапа познания.

Так, на протяжении XVII–XVIII вв. познание характеризовалось не просто наличием единственных теорий в ряде областей естествознания, но наличием вообще единственной теории — механики Ньютона, которая распространялась на все или большинство областей естествознания того времени, а позднее и не только естествознания. Достаточно вспомнить идею О. Конта о новой науке — социологии, которая должна быть построена по типу ньютоновской механики.

Образ познавательной (научной) деятельности отдельного исследователя опирается в известной мере на специфические только для него условия внутреннего познавательного мира и ближайшего окружения — познавательной микросреды. Причем влияние последней на него тем значительнее, чем микросреда больше разнообразится в тех рамках, которые задаются общими и особенными условиями познания на той или иной его стадии.

Однако и общие, и особенные, и даже единичные условия познания являются лишь предпосылкой формирования ОНД отдельных исследователей. Они, конечно, проявляются в ОНД, но не составляют его. Здесь еще отсутствует решающий компонент — сам исследователь как единичный, элементарный активный субъект познания, который присваивает все типы и виды познавательных условий и формирует на их основе свой конкретный неповторимый образ исследовательской деятельности.

Здесь многое зависит от свободного выбора самого исследователя. Вплоть до решения об уходе из сферы познания или переходе из одной области в другую. Так пытался сделать, например, Оппенгеймер. И вовсе не по внутренним познавательным мотивам, как, например, это было сделано рядом других физиков-ядерщиков на рубеже 50–60-х гг. XX в. Эти физики оставили свою научную область, и перешли в другие области познания, в частности в биологию, по чисто мировоззренческим, гуманистическим соображениям.

От исследователя формирование его ОНД зависит в двух отношениях:

1. От уровня развития индивидуальности исследователя, его профессиональной исследовательской подготовки, общей и познавательной культуры, понимаемой как мера овладения наличными

условиями познания и познавательной деятельности, его познавательных интересов, потребностей, целей.

2. От его нравственно-волевых качеств, способности противостоять давлению социальной и познавательной среды в тех случаях, когда они навязывают исследователю известные, принятые стандарты познавательной и иной социальной деятельности, стиля мышления и т. п.

Вспомним еще раз, как Гаусс задолго до Лобачевского и отца и сына Больяи рассматривал некоторые особенности того, что затем было названо неевклидовыми геометриями. Он так и не решился при жизни выступить перед тогдашним сообществом математиков с этими результатами. А самому Лобачевскому пришлось поначалу охарактеризовать свои работы в этом направлении как некую «воображаемую геометрию», реально не претендующую ни на что. Разве что на роль забавного феномена математической фантазии. Как будто вся геометрия, даже вся математика, не есть игра своеобразного «чистого» воображения (!), при опоре, впрочем, на весьма приличный объективный, структурно-объективный фундамент.

Образ познавательной (научной) деятельности является общей метапознавательной категорией, которая характеризует способ профессионального существования отдельных исследователей в познании.

В ОНД проявляются не только общие и особенные, а также индивидуальные условия познания, но и сама определенная сущность исследователя как исследователя.

Эта категория вполне достойна дальнейшей разработки. Хотя бы потому, что от того, какие модели ОНД разрабатываются и запускаются в практику подготовки новых поколений исследователей, будет во многом зависеть успех их научной деятельности в ближайшем будущем.

3

МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИИ ПОЗНАНИЯ: МЕТАПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Выше рассмотрены различные аспекты познания с акцентом на его единстве и целостности. Теперь мы переходим к обратной задаче.

Единство познания есть общее, которое не существует без особенных и индивидуальных признаков.

Реальное познание многообразно во всех своих измерениях.

Объективно-диалектический подход в метапознании не может ограничиться лишь анализом некоторых общих моментов, выявляющих его внутреннюю логику. Чтобы успешно развиваться дальше, метапознание должно 1) объяснить разнообразие и многообразие познания и 2) вскрыть диалектику единства и многообразия процесса познания. Однако это не значит, что общетеоретический подход к познанию предполагает непосредственную фиксацию конкретной истории познания, науки, как бы интересно это ни было. Это задача истории познания.

Общетеоретический уровень — это разработка самой стратегии изучения познания во всем его конкретном многообразии.

Факторов, определяющих и характеризующих многообразие познания, бесконечное множество. Но можно выделить наиболее важные среди них, это:

- 1) разнообразие предметов познания, т. е. различных аспектов внешней и внутренней действительности, как всеобщего объекта познания;

- 2) разнообразие самой сферы познания, ее конкретных условий, ее проявлений в развитии конкретных областей познания;
- 3) разнообразие субъектов познания: от отдельных исследователей до различных вариантов групповых, коллективных субъектов познания.

В свою очередь, разнообразие субъектов познания связано с разнообразием их познавательно-культурных элементов.

Все эти стороны, факторы познания нельзя брать изолированно, вне их взаимодействия, вне их конкретно-исторической и ситуативной связи. Учетом подобных обстоятельств и объясняется порядок изложения материала в данном разделе. Здесь внимание сосредоточивается на взаимоотношениях познания и объекта познания. Действительности, с одной стороны, познания и познавательной культуры — с другой.

Завершается раздел анализом диалектики единства и многообразия познания.

3.1. Познание и его всеобщий объект (действительность)

Взаимоотношение познания и реальности всегда было одной из главных проблем объективно-диалектической традиции в метапознании. В этой традиции разрабатывались общие принципы исследования указанного взаимоотношения — в позитивном плане, принципы анализа различных концепций, игравших прогрессивную или, наоборот, консервативную роль в подходе к этой проблематике, — в критическом плане.

Разработка вопроса и всей проблематики взаимоотношения познания и объективной реальности как всеобщего объекта познания на теоретическом уровне метапознания, включая философско-метапознавательный уровень, осуществлялась по четырем основным направлениям:

1. С точки зрения все расширяющейся сферы объективной действительности, в качестве всеобщего предмета познания, что является необходимым условием успешного развития познания.

2. В отношении связи с тем, что эта расширяющаяся предметная сфера реальности оказывала и оказывает особое влияние на ход познания, на темпы его развития, на специализацию, дифференциацию познания, на формирование новых субъектов познания, на развитие все новых и новых средств познания. С учетом того, что характер этого влияния сам зависит от уровня развития познания и его прежних достижений.

Так, открытие микромира и превращение его в предмет особого рода познания вызвало к жизни целый ряд новых областей в физике. И не только в физике, но и в математике, логике и т. д. Побудило к построению принципиально новых теорий, к поиску новых средств экспериментального исследования. Наконец, поставило целый ряд принципиально новых проблем перед метапознанием, его философским уровнем.

3. Направление, связанное с тем, что познание в свою очередь создает предпосылки обратного воздействия на свой изменяющийся предмет, включая возможности его практического использования. Здесь можно отметить факт, что практическая сфера деятельности человека представляют собой некоторую единую систему, которую мы когда-то в аспирантском реферате назвали «системой познания и преобразования действительности».

Наконец, направление, связанное с тем, что этот все расширяющийся всеобщий предмет познания сам по себе все же не определяет процесс развития познания. Познание развивается, прежде всего, под влиянием своих внутренних потребностей и закономерностей, не сводимых ни к какому предмету, даже всеобщему.

Современная научно-техническая революция, информационная революция поставили перед познанием, научным познанием, новые проблемы. Это привело к новым проблемам метапознавательного характера, с которыми ранее практически не приходилось встречаться метапознанию. А это, в свою очередь, требует новых решений, новых метапознавательных подходов на всех уровнях, начиная от философско-метапознавательного и кончая науковедческими, лингвистическими и подобными метапознавательными исследованиями, т. е. требует развития специальных метапознавательных подходов всех видов.

Так, совершенно новый характер приобретает взаимоотношение объекта и субъекта познания в экспериментальном микрофизическом исследовании. Оно требует глубокого осмысления, вплоть до внесения принципиальных изменений в традиционное понимание объекта и субъекта познания как ни в чем не зависящих друг от друга. В сфере естествознания, по крайней мере.

3.1.1. Этапы взаимодействия познания и его всеобщего объекта — объективной реальности

В анализе взаимоотношения познания и его объекта необходимо последовательно и всесторонне проводить принцип историзма, как, впрочем, и все иные принципы, названные выше.

Характер взаимодействия познания, субъектов познания, используемых ими средств и объективной реальности зависит от уровня развития самого познания. И прежде всего от уровня развития средств познания, технологий познания, носителем которых выступают субъекты познания. А также от познавательных отношений, сложившихся в познании, различных типов познавательных структур, связанных как со знанием самим по себе, деятельностью исследователей, взятой в ее специфике, так и со знаниями и деятельностью исследователей, взятых в их единстве и взаимодействии.

Кстати, вполне оправданно ввести уже упоминавшийся выше своего рода специальный принцип дополнительности применительно к познанию, согласно которому в реальном познании имеет место дополнительность, с одной стороны, между знаниями и деятельностью исследователей, а с другой — между предметным и метапредметным уровнями познания как не сводимыми друг к другу сторонами, моментами познания.

Более того, можно утверждать, что чем больше внимания исследователь сосредоточивает, например, на деятельностном или метапознавательном аспекте познания, тем менее отчетливым становится для него аспект знаний, аспект предметности исследований. И наоборот, что косвенно подтверждается, например, своего рода неприятием, антипатией между представителями предметного и

метапредметного уровней, аспектов познания. Да даже тем фактом, что представители конкретных областей предметного познания гораздо охотнее занимаются именно предметными элементами своего собственного исследования, чем метапредметными элементами. Или фактом некоторого, скажем так, недолюбливания представителями предметного познания своих коллег, которые начинают уделять слишком много внимания метапредметным вопросам своего исследования. Порой их подозревают даже в некоторой профессиональной некомпетентности. И только получение заметных предметных результатов может смыть с так называемых метапредметников пятно некоей «неблагонадежности».

Можно было бы подобрать многочисленные факты, подтверждающие вышесказанное.

Кстати, ни один из подобных фактов не был отражен в книге Т. Куна «Структура научных революций». Это означает наличие факта недоучета им подобных явлений в сфере познания. Имеется в виду, что Т. Кун не трактовал положение «не нашел рассмотрения» именно как метапознавательный факт. Поскольку те факты, которые он рассматривает, практически все включают момент соотношения предметного и метапредметного, присущего самому объекту и номологического, предметного содержания сознания.

Отношение познания, исследователей к своему объекту на ранних стадиях познания, когда использовались весьма неразвитые средства познания, и в современном познании, когда познание имеет в своем распоряжении солидную теоретическую базу и экспериментальную технику, а также современную методологию, весьма и весьма различно.

Окидывая весьма обобщенным взглядом историю познания, можно выделить несколько своеобразных этапов взаимодействия познания и его объекта, которые в основном совпадают с теми этапами, типами познания, о которых речь шла при обсуждении типов познавательной деятельности, типов познания и т. п.

Каждый из этапов познания имеет свою качественную специфику как особый тип такого взаимодействия, опосредованный всеми условиями познания на соответствующей ступени его развития.

Но поскольку отношения познания и объекта познания строятся, прежде всего, на основе наличных средств познания, знаний, методов, инструментов и т. п., то переход от одного этапа познания к другому вызывается теми изменениями, которые происходят в этих средствах познания. Либо с точки зрения количественного роста последних, либо с точки зрения их качественных преобразований, т. е. с точки зрения появления новых элементов знаний и методов, ранее не применявшихся и вносящих качественные изменения в саму исследовательскую деятельность. Либо, наконец, с точки зрения изменения самих субъектов познания.

На наш взгляд, говоря об изменениях в познании, можно выделить три основных качественных, и даже революционных, периода подобных изменений:

1. Первый период связан с тем, что происходит переход от этапа познания, слитого со всеми другими аспектами жизнедеятельности первобытного человека, когда познания как особой сферы деятельности человека не было, к этапу познания как специфической сфере деятельности в обществе.

Не считая многотысячелетнего периода господства магических и мифологических представлений о душе, начало такому переходу положили традиции древнегреческой и отчасти традиции древнеегипетской науки.

До этого времени познание выступало в лучшем случае лишь аспектом синкретической жизнедеятельности людей, с некоторой спецификой в лице первых представителей культов, знахарей, шаманов, вождей и т. п.

Очевидно, что подобный переход является именно качественным, революционным изменением познания, поскольку знаменует собой новый этап — этап самостоятельного развития главного средства познания. А именно — специализированных субъектов познания.

В других отношениях, например в плане знаний, средств познания, особых изменений поначалу не происходит. Не случайно первые философы в Древней Греции нередко воспринимались как мудрецы. Некоторые даже включались в число так называемых великих семи мудрецов. Хотя сама традиция мудрецов — это еще элемент первого, синкретического, этапа познания. Ни один из традиционных

мудрецов не занимался познанием как своей основной деятельностью, в то время как тот же Фалес является уже исследователем в собственном смысле слова.

Развиваясь, однако, уже как специализированная сфера деятельности, познание в Древней Греции, в лице первых философов, еще пользуется старыми средствами. Например, мифами, вплоть до Платона. Лишь постепенно вырабатывая свои собственные знания, еще весьма примитивные, носившие, как правило, крайне абстрактный характер, но уже отличные от знания традиционного.

Это первичное специализированное знание древних греков, как известно, особенно поначалу, носило к тому же натуралистический, натурфилософский характер, эмпирический по сути, квазитеоретический по внешнему виду.

Думается, что именно разрыв между тенденцией этого знания к еще большей абстрактности и эмпирическими основаниями познания древних греков и был основным недостатком этого познания.

Ученые, философы Древней Греции, верно ухватив основную цель познания — проникновение в глубинную сущность объекта, тем не менее, не могли ее реализовать, так как для этого необходимо развитие многих и многих промежуточных уровней познания. Прежде всего эмпирического, наблюдательно-экспериментального, которые в античном мире так и не получили своего развития, не считая отдельных достижений Архимеда, Птолемея и некоторых других.

Все в основном ограничилось догадками и высоко абстрактными рассуждениями.

Накопление знания происходило в сфере ремесленничества, мореплавания, строительства и т. д. Хотя некоторые элементы, именно в силу своей абстрактности, что соответствовало общему духу древнегреческой науки, получили-таки развитие. Например, формальная логика в лице Аристотеля, математика, точнее геометрия, в лице Эвклида, некоторые элементы теории чисел в лице еще пифагорейцев и т. п.

2. Второй переворот в познании совершается уже в эпоху Возрождения и в Новое время.

Усилия ученых Древней Греции не пропали даром, хотя и имел место длительный перерыв в последовательном развитии познания как особой сферы деятельности людей в эпоху Средневековья, да и то

не полностью. Многие элементы древнегреческой науки были сохранены и получили развитие у средневековых арабов, когда Европа еще и не помышляла о подобном.

В Новое время одновременно с возрождением познания как такового на основе знакомства с достижениями мыслителей Древней Греции и на основе пробуждающейся потребности общества в познании происходит резкая переоценка непосредственных целей познания.

Обратив внимание на противоречивый характер древнегреческой науки, ученые Возрождения и Нового времени, Д. Бруно, Ф. Бэкон, Г. Галилей, а далее И. Ньютон и его последователи, стали видеть цель познания в эмпирической разработке объекта с помощью опытных и основанных на их результатах теоретических обобщений. Вспомним его: «Гипотез не измышляю».

Тенденция к непосредственным глобальным обобщениям сменилась обобщением опытных данных, что было, безусловно, прогрессивным и революционным.

В этом же, однако, проявилось и главное ограничение познания на этой стадии, осуществлявшегося, кстати, преимущественно разрозненными исследователями, индивидуальными субъектами познания.

Уровень первичных, порой таких же, как и у греков, абстрактных обобщений, но уже обобщений опытных данных, получаемых систематически опытным путем, стал восприниматься как единственно верный и окончательный. А эмпирические по своему характеру законы стали восприниматься как окончательные законы науки вообще.

Слабость здесь заключалась в том, что в тени оставались все многочисленные уровни обобщения результатов обобщений первого уровня. Хотя Ф. Бэкон и выделял особо аксиомы так называемого среднего уровня.

Именно такова природа законов ньютоновой механики. Они суть обобщения непосредственно опытных данных, и ньютоново яблоко яркое метафорическое тому подтверждение.

Главной формой предметного знания в это время становится то, что сегодня мы назвали бы, в лучшем случае, эмпирической теорией первого, т. е. низшего уровня.

3. Следующий, третий, переворот в познании, теперь уже можно с полным правом сказать — в научном познании, происходит только в настоящее время. Хотя начало ему было положено, если судить по некоторым метапознавательным фактам, еще в середине-конце XIX в. Основу этого этапа составляет осознание многоуровневого характера сущности объекта. В этом прав был, кстати, В. И. Ленин [403, с. 227], как бы это кому-то не нравилось, когда характеризовал вслед за Гегелем познание как движение от явления к сущности, от сущности первого уровня к сущности второго уровня и т. д. Он же высказал идею о том, что на более глубоких уровнях сущность может менять свой качественный характер. Быть совершенно не похожей на ту, которая ей предшествует и т. п.

Осознание многоуровневого характера сущности объекта как следствие ведет к установке на создание принципиально новых теорий, отражающих эту многоуровневость объекта.

Теория подобного рода принимает многоуровневое, иерархическое строение. Позднее это положение получит некоторое отражение в концепции развития познания как развития «исследовательских программ» И. Лакатоша. Включая идею об их недоступном и трудно опровержимом «ядре», отражающем глубинную сущность объекта.

Вслед за теориями, иерархической становится и структура методов. Точнее, быть может, методологических систем, применяемых в рамках данной теории.

Иерархизируется и субъектная структура познания. В ней, с одной стороны, происходит специализация на исследователей-эмпириков (экспериментаторов, наблюдателей) и исследователей-теоретиков, а с другой — основным видом субъекта познания теперь окончательно становится групповой, коллективный субъект.

Если после первого переворота познание лишь частично было противопоставлено объекту в абстрактном, далеком от реального соотношения виде, то после второго переворота происходит последовательное наполнение познания эмпирической предметной информацией. Об этом, можно сказать, и мечтал Ф. Бэкон.

С началом же третьего переворота начинается последовательное всестороннее усвоение эмпирического материала, эмпирически данного объекта путем создания, конструирования, если угодно, его теоретических аналогов. При параллельном дальнейшем развитии эмпирического уровня познания, учитывающего то, что дают теории среднего уровня. Например, при постановке экспериментов, которые в рамках эмпирических теорий первого уровня были просто невысказаны.

Познание теперь начинает внутренне взаимодействовать не только непосредственно, но и глубоко опосредованно.

В некотором неразвитом виде членение на теоретиков и эмпириков, например, представителей эмпирических дисциплин и математиков, было и раньше. Но это было, с одной стороны, смешение обоих типов субъектов, а с другой — резкое противопоставление математики опытным подходам.

Только возникновение теоретической, абстрактно-структурной сферы в самих опытных, экспериментальных науках окончательно преодолевает это противостояние. Здесь возникает вся система недостающих посредствующих звеньев, т. е. уровней исследования объекта. Начиная с первого — эмпирического, через все промежуточные, к высшим абстрактным уровням.

Если быть последовательными и далее, то есть все основания предполагать, что на третьем перевороте в познании дело не должно закончиться. Рано или поздно, скорее даже рано, должны начаться, если уже не начались, новые качественные сдвиги в познании.

Эти сдвиги будут связаны, как нам думается, с тем, что резко ускорится интеграция всех основных областей познания и соответственно произойдет существенная унификация их познавательных структур. Приблизится эпоха высочайшей мобильности и гибкости субъектных структур познания, а также, что важно в первую очередь, систем знаний.

Взаимодействие познания и его объекта носит комплексный характер. В этом взаимодействии участвуют все области познания всеми своими уровнями. Особенно в условиях современного развитого общества, где проявляются все закономерности познания, начинает формироваться новый тип взаимодействия познания и его объекта.

Противопоставление познания и объекта, различных элементов того и другого начинает активно преодолеваться. Складывается единство познания и объекта.

С метапознавательной точки зрения, речь идет, по существу, о новой системе регуляции процессов взаимодействия познания и его объекта.

3.1.2. Объективные предпосылки многообразия познания

Прослеживая этапы взаимодействия познания и его объекта, мы брали познание по преимуществу в целом на том или ином его этапе развития. Но познание разворачивается, прежде всего, внутренне. В нем выделяются многочисленные отдельные области, науки, каждая из которых имеет свои особенности, свою собственную, как говорят, внутреннюю логику, свою судьбу.

Возникает вопрос: какова роль объекта познания, т. е. самой познаваемой действительности, в становлении этого внутреннего многообразия познания? На это следует ответить, что дифференцированность самого объекта познания, действительности находит свое специфическое выражение в дифференциации познания, не всегда, правда, совпадая с ней в точности. Объект всегда выступает одним из ведущих источников внутреннего многообразия познания.

Дифференциация познания начинается еще до того, как возникает сфера специализированного познания, отличного от практических видов деятельности, т. е. еще на первых этапах познания, в рамках первых шагов разделения деятельности, например, на скотоводство и земледелие, земледелие и ремесленничество и т. д.

Однако познание, как только оно выделилось в значительной своей части в особую сферу деятельности, никогда не было пассивным восприимчиком воздействия объекта в плане своей дифференциации. Характер влияния объекта, последствия его воздействия на познание всегда зависели и будут зависеть от уровня развитости самого познания. И прежде всего от уровня развития средств познания, различных познавательных отношений, взаимодействий и связей, вклю-

чая те «живые» познавательные структуры, которые реализуются в мозгу действующего исследователя, ученого.

Кстати, именно в силу конечности жизни людей познание каждый раз теряет нечто невозполнимое со смертью каждого исследователя.

Внешние, идущие от объекта условия познания отражаются на процессах познания. Причем в значительной мере, особенно поначалу, как непосредственно, так и опосредованно. Но опосредованный путь воздействия на специализацию познания со стороны объекта оказывается, в конце концов, все-таки основным.

Познание в лице исследователей, ученых, взаимодействуя со своим объектом, в зависимости от того, на какие стороны объекта оно направляет свое внимание, и в зависимости от уровня своего предшествующего внутреннего развития, дифференцируется на различные области, подобласти, имеющие различные темпы развития при прочих равных условиях познавательной деятельности.

На ранних стадиях познания связь дифференцированности объекта и первых разновидностей дифференциации самого познания обнаруживается, так сказать, в чистом виде. Отдельные области познания, если можно так говорить о познании, слитом с первыми шагами разделения труда и деятельности в обществе, формируются на основе того, что внимание людей сосредоточивается на определенных тождественных, подобных, эквивалентных классах явлений, доступных чувственному отражению.

Так формировались первые разновидности знаний о физических явлениях, слитых с деятельностью по обработке материалов, химических, связанных с использованием различных веществ. То же происходило с биологическими, а также социальными, социально-духовными знаниями и т. д.

Дальнейшее знакомство с классами однородных явлений, особенно когда это начинает происходить в виде специализированного познания, ведет к выяснению различных типов связей этих явлений друг с другом. К выявлению внутренней неоднородности этих классов явлений, к выявлению подклассов более близких из них. А это, в свою очередь, ведет к дальнейшей дифференциации знаний, а также к дифференциации приемов анализа явлений.

На еще более продвинутой стадии начинает возникать абстрактно-общее знание о различных классах явлений, оформляемое в своеобразные начальные формы теоретических построений.

Прототеоретические конструкции, в свою очередь, ведут к использованию все новых и новых приемов, методов исследования явлений действительности, природной, социальной и идеальной, субъективной. Многие элементы дифференциации познания, соответствующих его областей возникают уже не на базе специфики тех или иных явлений действительности непосредственно, а уже на основе применения соответствующих методов изучения этих явлений и т. д.

Возникают такие области познания, как протологика и протоматематика. Особенно зачатки математики, которые обнаруживают практически неограниченные возможности своей дальнейшей внутренней дифференциации. Обнаруживая при этом поразительную тенденцию к внутренней интеграции. Не говоря уже о тенденции взаимодействия математики с все новыми и новыми областями конкретно-предметного познания.

Обнаружение явлений действительности, имеющих некую смешанную природу (смешанную с точки зрения познания, в действительности они всегда и были рядом), ведет к становлению в рамках соответствующих областей познания новых образований, новых разновидностей исследований, выходящих за рамки этих областей и не относящихся непосредственно ни к той, ни к другой. Происходит как бы «вспучивание» познания на границах, так называемых классических областей, наук, от которых отпочковываются новые области. Последнее обстоятельство особенно характерно для современного познания.

Немаловажным фактором развития познания в плане его взаимодействия с объектом является рост числа исследователей. Этот рост ведет к ускорению развития познания и экстенсивно, и интенсивно. Он ведет также к ускорению процессов дифференциации познания.

В настоящее время происходит, как можно видеть, небывалый рост числа исследователей в самых различных областях научного познания.

На каждой стадии познания, особенно начиная со второго этапа и с Нового времени в рамках второго этапа развития познания, уже собственно научного познания, существуют и взаимодействуют различные элементы познания как внутри отдельных областей, так и между областями, между различными науками.

В познании имеет место неравномерность развития областей, поэтому можно утверждать также, что многообразие познания определяется еще и этим обстоятельством.

Неравномерность развития в познании порождает дополнительные сложности как в самих познавательных структурах, так и для их изучения. Так, механистический подход в познании, в том числе в метапознании, развившийся на базе опережающего развития ньютоновой физики, не только способствовал становлению других областей науки, но нередко сдерживал их развитие.

Механистический подход порождал предметные и метапредметные познавательные структуры, как позднее выяснилось, явно не соответствующие природе других областей познания и даже предмету самого физического познания. Так, открытие микромира резко расширило предметную область физического познания, что потребовало пересмотра практически всех элементов физического познания и построения физики на существенно иных основах, чем это было при Ньюtone и его последователях.

Из сказанного можно сделать вывод о том, что с развитием познания вплоть до XX в. неравномерность не только не ослабевала, но даже усиливалась. При этом влияние объекта познания как источника этой неравномерности то усиливалось, то ослабевало. В то же время влияние внутренних познавательных факторов, метапознавательных прежде всего, постоянно возрастало.

Следует отметить, что каждая стадия, каждый этап, каждый тип познания имеют свои темпы развития. С общей тенденцией возрастающего ускорения этих темпов по мере приближения к стадии современной науки.

В современном научном познании факты неравномерности развития его областей, наук, их групп также имеют место. Как итог различные области современной науки находятся на не одинаковых уровнях развитости, хотя многие исследователи и оспаривают саму

возможность некоего сопоставления различных областей и тем самым возможность определения степени развитости одних из них по сравнению с другими.

В памяти современных философов, методологов еще свежо представление о жестком разграничении, например, естественных и гуманитарных наук неокантианцами на основе номологического и идеографического метода, которые делают эти науки несравнимыми по самой своей сути.

По нашему убеждению, дальнейший ход развития познания, в том числе таких его сфер, как естественные науки, с одной стороны, и гуманитарные, общественные — с другой, указывает на то, что при всех их различиях есть немало общего, что объединяет и эти области, и вообще все области современного научного познания.

С неким внутренним единством всех без исключения наук согласен даже Т. Кун. Хотя он и отмечает факт специфичности парадигм в науках о человеке, по сравнению с парадигмами наук о природе. Он же отмечает тот факт, что в социальных науках только начинается период создания парадигм как таковых. А также тот факт, что современные социальные науки переживают этап своего развития, подобный тому, который основные науки о природе пережили несколько столетий тому назад, два как минимум.

Современное научное познание более приспособлено к преодолению неравномерностей развития своих областей. Более того, само преодоление такой неравномерности оказывается фактором ускорения развития современной науки.

Можно говорить о том, что в современном научном познании имеются средства более или менее планомерного, контролируемого развития отстающих областей и связанной с этим дифференциации познания.

Последнее утверждение, однако, не распространяется на возможное обнаружение принципиально новых предметных областей, новых еще неизвестных качественных структурных уровней действительности как всеобщего объекта познания. Это, скорее всего, потребует и качественных изменений в структуре отдельных областей современного познания, а также в структуре современной науки в целом. Включая, конечно же, их метапознавательный блок.

3.2. ПОЗНАНИЕ И ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ (НАУЧНАЯ) КУЛЬТУРА

3.2.1. Метапознавательное значение проблемы познавательной (научной) культуры

Проблема познавательной (научной) культуры имеет для метапознания большое значение¹. Она представляет собой важнейший аспект познания как специфически социального процесса.

Приступая к краткому рассмотрению вопросов познавательной культуры, прежде всего обратим внимание на исключительное многообразие подходов к культуре сегодня, наличие многочисленных определений понятия культуры как философской категории.

Такое многообразие имеет основания, подобные которым обнаруживаются и в сфере познания в связи с определением метапознавательной категории «познавательная (научная) культура». Так, можно говорить о «познавательной культуре», «научной культуре», «культуре исследования», «методологической культуре» и целом ряде других подобных понятий.

Необходимость разработки вопросов познавательной культуры диктуется потребностями современного метапознания, его внутренней логикой, устремленной на целостное, всестороннее воспроизведение закономерностей познания. Тем более, когда речь идет об объективно-диалектической традиции в метапознании.

Познающий человек, исследователи, ученые, действующие в конкретных внутренних и внешних познавательных условиях, подчинены, должны учитывать влияние этих условий.

В метапознавательной теории познание рассматривается не только как специфическая сфера деятельности человека, но и как специфическое культурное, культурно-познавательное, образование. Метапознание не выполнило бы своих функций, если бы не разрабатывало этой стороны проблематики познания. К тому же ряд его

---

¹ О культуре, познавательной культуре, культуре и цивилизации см. источники из раздела 19.5 примерной библиографии.

областей, в первую очередь история познания, науки, фактически исследуют познание именно как культурный феномен.

То же можно сказать и о целых направлениях изучения познания, науки в рамках социологических исследований, лингвистических, психологических, экономических, политико-правовых и многих других.

В данной работе мы исходим из следующего авторского определения культуры вообще, конкретизируя его в отношении познания и различных его составляющих. Культура — это «специфически человеческий способ освоения действительности, основу которого составляет развившаяся в определенных объективных (материальных) условиях разумная способность человека; в свою очередь, в структуре которых следует выделять три основных компонента: 1) знания (номологический компонент), 2) технологии (собственно технологии, а также все виды навыков и умений) и 3) ценности (аксиологический компонент, включающий в себя всю совокупность значимостей для человека, чего бы то ни было). При этом ценности мы понимаем как базис любого типа культуры. А знания и технологии мы трактуем как цивилизационный компонент всякой культуры — цивилизацию. Не бывает культуры без цивилизационного компонента — своеобразной надстройки культуры. Не бывает культуры без ценностного блока, играющего, фактически, роль базиса всякого типа культуры» [САП-31, с. 81].

3.2.2. Познательная (научная) культура как категория метапознания

Из приведенного определения культуры вытекает, прежде всего, связь познавательной культуры, как специфически человеческого способа постижения действительности, с познавательной деятельностью. Здесь следует выделить несколько аспектов:

1. Аспект связи понятия «познавательная культура» с результатами познавательной деятельности, знаниями, в том числе методологическими. Некоторые подходы к познанию этим аспектом и могли бы ограничить проблематику познавательной культуры.
2. Аспект связи понятия «познавательная культура» со способами, механизмами мотивации познавательной деятельности.

3. Наконец, аспект связи этого понятия с тем, что познание есть творческая во многих отношениях и по существу деятельность. Последнее обстоятельство нередко при анализе культуры вообще объявляется главным в ее понимании. А значит, и в понимании познавательной культуры, о которой здесь идет речь.

Определение понятия «познавательная (научная) культура» состоит не только в том, чтобы вычленил некий особый познавательный объект, назвать его научной, познавательной культурой и затем использовать такое определение как универсальное в сфере метапознания, как абсолютно верное во всех случаях. Задача такого определения формулируется иначе. Нужна ли в системе категорий метапознания особая категория «познавательная (научная) культура»? И если такая категория нужна, то какова специфика ее содержания, и каков статус этой категории в метапознании?

Думается, к этой задаче можно подойти следующим образом. Категории метапознания являются результатом рассмотрения познания в различных срезам, с учетом как временного, так и «пространственного» параметров познания. При этом фиксируются те стороны единого в своем сущностном качестве познания, которые должны позволить правильно объяснить функционирование и развитие познания как целостного образования.

В соответствии с двумя основными планами изучения познания:

- 1) как специфического исторического процесса развития знания и
- 2) как результата деятельности познающих людей, субъектов познания, исследователей — в метапознании формируется два ряда его категорий:

1. Категории, в которых фиксируются отдельные элементы, подсистемы познания, отдельные явления познания, их отношения, взаимодействия, связи. Это касается, прежде всего, таких элементов познания, как знания, методы, инструментарий и т. п.
2. Категории, в которых отражается сама познавательная деятельность исследователей, механизмы приобщения человека к познанию, соотношение объективного и субъективного, идеального и материального в деятельности исследователей и т. д.

Первый вопрос, который возникает в отношении категории «познавательная культура» связан с тем, к какой группе категорий

метапознания, из названных двух, принадлежит данная категория? Думается, что эта категория относится, скорее, ко второму ряду, чем к первому.

Более того, до тех пор, пока в метапознании основную долю составляли исследования, направленные на выявление элементарной структуры познания, категория «познавательная культура» могла вообще не использоваться как таковая в своем основном содержании. А поскольку именно так, на наш взгляд, обстояли дела в изучении познания до недавнего времени, да и сегодня еще во многом эта традиция преобладает, то вопрос о познавательной, научной культуре практически не поднимался. В отличие от общесоциологического понятия «культура».

Подход к познанию преимущественно как к деятельности познающих людей, исследователей высвечивает проблему с иной стороны. Поскольку познание есть продукт деятельности человека, понятие «познавательная (научная) культура» становится просто необходимым. Ибо только в деятельности исследователей соединяются вместе такие элементы всякой культуры, как знания, выработанные на их основе технологии, и, наконец, познавательные ценности.

О знаниях, методах (технологиях) и даже познавательных ценностях до сих пор говорилось немало. Но рассматривались они при этом, как правило, по отдельности. В лучшем случае, в плане их соотношения как неких статических образований. Или, чаще всего, как об отношении трех видов знания же: собственно знания о предмете, знания о методах, способах действий, и знания о ценностном аспекте познания.

Все подобные соображения имеют свое оправдание, так как эти виды знания действительно существуют. Но дело еще и в том, что если предметное знание функционирует в познании в своем собственном качестве, то методологическое и ценностное знание представлено в познании в ином качестве. А именно как моменты исследовательской деятельности. Только в деятельности технологии и ценности познания реализуются как таковые. Вне этого они суть элементы знания о познании, но не сами элементы познания как такового.

Исследователи, как известно, действуют по-разному даже в одних и тех же гносеологических ситуациях, в условиях одной и той же познавательной среды.

В своей деятельности исследователи, в том числе выдающиеся, проявляют общий, присущий всему данному этапу, типу познания уровень, а также индивидуальный уровень своего профессионального развития. Какую бы сферу, область, исследование мы ни взяли, везде обнаруживается вариативность исследовательских действий, зависящая, прежде всего, от уровня развития познания в целом. А также от уровня развития сообщества, к которому принадлежит исследователь. Наконец, от его соответственного уровня развития как исследователя.

Исследовательская вариативность связана с наличными знаниями, технологиями (методами), познавательными ценностями и т. д. Каждый тип познания характеризуется определенным способом производства знаний, формирующим вполне определенный же тип исследователя как основного производителя этих знаний.

При этом речь идет не просто о профессиональных навыках исследователей, их знаниях, опыте, а о некоторой целостной характеристике исследователя, осуществляющего познавательную деятельность и обнаруживающего при этом все свои качества как субъекта познания. Да еще с учетом не в последнюю очередь уровня методологической подготовки.

Синтетическим понятием, характеризующим меру овладения исследователем всеми наличными условиями познавательной деятельности и меру сознательного отношения к ним, т. е. как раз меру овладения метапознавательной стороной своей деятельности, и выступает категория «познавательная (научная) культура», «культура исследовательской деятельности». Судить о ней можно, конечно, только по результатам.

Историки науки, познания вообще судят о них по определенным достижениям познания прежних времен. Они стремятся понять, воспроизвести, реконструировать этапы познания, уровни профессионального развития исследователей, принадлежащих этим этапам, по тем или иным понятиям, теориям, методам, познавательным ценностям, т. е. по тому, чему исследователями придавалось значение в определенное время.

Иными словами, по дошедшим до нас свидетельствам о познавательной деятельности исследователей прошлого можно попытаться

реконструировать познавательную культуру прошлого, характеризовавшую прошлые этапы и стадии познания.

В свою очередь совокупность частей, сторон, моментов, элементов познавательной культуры, присущих определенной стадии познания, образует некую целостность — систему. Различные элементы этой системы связаны общностью функциональных задач. А также тем, что находят свое проявление в том или ином исследователе, их сообществе.

Основу, цементирующую ту или иную культурно-познавательную систему, составляют требования, явно или неявно выраженные, предъявляемые к исследователям, субъектам познания всем достигнутым уровнем развития средств познания. Эти требования предполагают не только наличие определенной культуры познавательной деятельности, но также наличие определенной степени их общепознавательно-культурного развития. В последней — общей культуре познания, безусловно, одно из ведущих мест, если не первое, занимает уровень методологического, метапознавательного развития субъектов познания.

Познавательная культура, однако, бывает неодинаковой не только на различных стадиях познания, в рамках различных типов познания. Она может существенно отличаться у различных исследователей в рамках одной и той же ступени развития познания, в условиях одной и той же познавательной среды.

Вариативность индивидуальных действий исследователей кроме всего зависит и от уровня развития отдельных исследователей, от их индивидуальной познавательной культуры. Немаловажное значение при этом имеет уровень индивидуальной методологической, метапознавательной культуры.

Высокий уровень метапознавательной культуры проявляется, в конечном счете, в результатах познавательной деятельности исследователей, в ее главном продукте — знании.

Сегодня налицо, например, отставание от уровня развитых стран в некоторых областях отечественной биологии или информатики. Такое отставание объясняется, с одной стороны, общими социальными условиями развития данных отраслей в условиях СССР в известные годы. С другой — как следствие первой — отставанием уровня пред-

метной и методологической культуры и даже снижением уровня познавательной культуры. Даже в генетике, по сравнению с тридцатыми годами, когда отечественная генетика была на самых передовых позициях в мире.

Поэтому уровень эффективности и качества познавательной деятельности, ее результатов — новых знаний — напрямую зависит от степени развитости познавательной культуры. А эта степень, как мы убеждены, теснейшим образом связана с уровнем развития ее метапознавательного блока.

Познание, как уже отмечалось выше, не только создается исследователями, субъектами познания, но, в свою очередь, формирует их. Вступая в сферу познания, науки, человек, посвятивший себя им, должен овладеть теми наличными условиями, которые сложились в познании. Мера овладения этими условиями и определяет их познавательную (научную) культуру. Речь идет, прежде всего, об овладении уже имеющимися накопленными знаниями. Как предметными, так и методологическими, т. е. уже сложившимися методами, средствами познания. И, естественно, распространенными среди исследователей и в обществе познавательными ценностями.

Многообразные отношения, взаимодействия и связи в сфере познания ставят каждого отдельного, как только еще формирующегося, так и уже сформировавшегося, исследователя перед необходимостью соотносить линию своего профессионального поведения, познавательной деятельности с теми требованиями, которые предъявляются этими отношениями.

На основе принятых требований, гласных и негласных, в ходе познания создаются механизмы, регулирующие познавательные отношения, взаимодействия и связи. В том числе, и не в последнюю очередь, в виде метапознавательных механизмов.

Познавательная культура характеризуется, в первую очередь, именно степенью овладения подобными механизмами.

Особое значение понятие «познавательная (научная) культура» имеет в сфере теоретической деятельности. Эта деятельность в развитом виде встречается только в научном познании, определяя не только характер получения новых теоретических результатов, но и их восприятие и в самой науке, и за ее пределами.

Очевидно, что недостаток метапознавательной подготовки, методологической, и в частности философской, культуры накладывает отпечаток на получаемый исследователем результат.

Так, как отмечалось выше, еще до работ А. Эйнштейна новый теоретический результат, так называемые преобразования Лоренца, был получен сразу двумя другими исследователями. Эти исследователи, в том числе и Лоренц, не «увидели» в них то, что затем «увидел» Эйнштейн. Они предлагали рассматривать данные результаты на основе методологических принципов классической ньютоновской физики, совершенно не помышляя об ином их истолковании, хотя «кризис» физики был тогда уже налицо. На наш взгляд, это было прямым следствием отсутствия соответствующих компонентов научной, именно методологической, метапознавательной культуры.

Культура восприятия нового теоретического результата в науке характеризуется тем, в какой мере это восприятие проявляет активность, влияет на создание результата, на включение субъекта восприятия в процесс получения и оформления нового познавательного результата.

Указанное обстоятельство, кстати, объясняет то, почему теоретические достижения, знаменующие собой новый крупный шаг в развитии познания, выступают также своего рода памятниками тогдашнему уровню развития познавательной (научной) культуры, с одной стороны, а с другой — элементами новой познавательной культуры, которая будет формировать будущие поколения исследователей.

Итак, речь идет об исследователях, субъектах познания, об уровне их развития, который в каждое определенное время задается во многом объективным состоянием познания.

Говоря о познавательной (научной) культуре, нужно иметь в виду не сами по себе результаты познавательной деятельности, новые предметные и методологические знания, инструментарий. И не сами по себе нормы, механизмы, регулирующие познавательные процессы.

Любое средство, любой элемент познания, со всеми возможностями, которые оно (он) в себе заключает, существует в своей специфически познавательной функции лишь в руках (в голове) живого исследователя. Только через посредничество исследователя их можно рассматривать как элементы познавательной (научной) культуры.

Сами же по себе они представляют некую опредмеченную, статизированную культуру.

Непосредственно познавательная культура выступает как характеристика исследователей, субъектов познания. Как синтетическая характеристика их специального, метапознавательного развития, подготовки. Этим, собственно, и определяется возможность и необходимость введения метапознавательной категории «познавательная (научная) культура».

Там, где исследователь, субъект познания учитывается как живой действующий субъект, эта категория нужна. Там же, где не учитывается, категория познавательной культуры, вроде бы, и требуется.

В самом общем виде, в том числе учитывая данное выше определение, содержание понятия «познавательная культура» можно определить как развитие исследователя, субъекта познания.

Воздействуя на объект познания, преобразуя его, исследователь меняет и свою собственную профессиональную натуру, т. е., становление и развитие исследователя, вместе с тем, есть его саморазвитие. Познавательная культура — это развитие субъекта познания как родового для познания существа, как познающего человека вообще.

Здесь нужно привести одно уточнение. А именно, уточнение, связанное с тем, в каком отношении находится характеристика познавательной культуры как меры развития субъекта познания к развитию познания и характеристике его культуры в целом. Нет ли здесь чрезмерной субъективизации познавательной проблематики? Тем более, что последовательное метапознание, как уже отмечалось, стремится к объективности.

Дело в том, что, когда речь идет о познавательной культуре, имеется в виду не какой-то изолированный исследователь, ученый-робинзон, а реальный, действующий и формирующийся в сфере познания. Познавательная культура — это не что иное, как специфический общий для всех видов познания способ деятельности и саморазвития субъекта познания, исследователя.

Познающие люди, исследователи всегда объединены определенной познавательной культурой — знаниями, инструментами исследования, познавательными ценностями, т. е. есть существуют в рамках своеобразной культурно-познавательной среды.

Нельзя разобраться в конкретных ситуациях в той или иной области познания, анализируя только внешние отношения, только те воздействия, которые идут со стороны объекта познания, только внешние условия исследовательской деятельности.

Необходимо всегда учитывать своеобразие, особенности самих исследователей, уровень их подготовленности, их познавательную культуру. Этим также определяется и предопределяется категориальный статус понятия «познавательная культура», как для метапознания, так и для всего познания, для всех наук в целом.

Каждый шаг в развитии исследовательской деятельности, ее стандартов статизируется, опредмечивается в новых знаниях, познавательных структурах, метапознавательных в том числе, пусть нередко и неосознаваемых. Это образует основу для деятельности исследователей, сменяющих друг друга из поколения в поколение.

Каждое новое поколение исследователей, распредмечивая, динамизируя накопленные результаты познания, превращает их в средство формирования своей познавательной культуры, своего собственного развития как субъектов познания.

Познавательная культура — явление объективного порядка. Но объективное прежде всего для новых поколений исследователей. Тех, кто способен ее распредметить, динамизировать, усвоить и освоить.

При этом сами понятия «опредмечивание», «распредмечивание», «статизация», «динамизация» также приобретают категориальное значение в метапознании. С их помощью раскрывается связь исследователей с познавательными условиями, улавливается сам смысл понятия «познавательная культура». Эти понятия позволяют приложить к познанию все средства анализа специфически человеческой, социальной трансляции, передачи познавательной культуры, приобщения к ней каждого нового поколения людей вообще, и каждого нового поколения собственно исследователей.

Способность статизированного, взятого в диахронии, как бы остановленного мира познания нести в себе определенный познавательный смысл некоторые представители метапознания, и даже целые направления в метапознании, и не только в метапознании, связывают с символическим характером культуры. Они нередко даже отождествляют целые блоки, фрагменты этой особой, статизированной позна-

вательной реальности с языком (языками) познания. Или, что последнее два-три десятилетия происходит гораздо чаще, — с его величием текстом всемогущим.

Согласно этой текстологической, или знаковой, точке зрения, все явления познавательной культуры суть символические носители определенного гносеологического значения. Поэтому, чтобы овладеть познавательной культурой, необходимо овладеть языком познания, науки.

Исследователи в своей деятельности действительно руководствуются символами познавательной культуры, и поэтому их действия могут рассматриваться как символические, языковые. Такой подход к познанию, как и вообще к культуре, оправдан в известной мере. Но лишь в той, в какой этот символический аспект познания, познавательной культуры не абсолютизируется и тем более не противопоставляется другим. В частности объектному субстанциалистскому подходу в метапознании.

Вместе с тем понятие «познавательная культура», конечно же, нуждается в конкретизации, ибо реально существует, как познавательная культура вполне конкретных исследователей, живущих и действующих в конкретных условиях.

Если рассматривать познавательную культуру исторически, в ее диахронии, то можно, в соответствии с типами познания, говорить на самом общем уровне о трех ее разновидностях:

1. Первая разновидность познавательной культуры соответствует первому типу познания, когда не было специфической сферы не только научного, но и познания вообще. Не было специфических субъектов познания. С оговорками, можно считать, что такое положение дел имело место вплоть до появления познавательных практик с элементами современной науки в Древней Греции.
2. Вторая историческая разновидность познавательной культуры соответствует этапу появления и развития познания уже в виде особой сферы специфически познавательной деятельности. Наряду с продолжающейся практикой познания как аспекта любого вида деятельности (здоровый смысл, житейский опыт и т. п.). Здесь появляются специфические субъекты познавательной деятельности как носители этой культуры. Но происходит это в усло-

виях, когда имеет место стихийная дифференциация сферы познания на отдельные области, с преобладанием индивидуальных субъектов познания и постепенным нарастанием тенденции к коллективному специальному познанию.

3. Третья разновидность, в значительной мере прогнозируемая, соответствует современному научному познанию с его тенденцией перехода на новый уровень, к новому типу, где господствующим станет коллективный субъект познания с тенденцией резкого усиления метапознавательной составляющей научной культуры.

В каждой из трех вышеназванных разновидностей познавательного культурного качества можно и нужно различать существенные внутренние составляющие познавательной культуры, связанные с внутритиповыми, внутриэтапными ступенями развития познания.

Так, например, очевидно, что познавательная культура Древнего Египта существенно выше познавательной культуры первобытных общностей человека. Хотя сама она не носила еще вполне самостоятельного характера.

Нельзя смешивать и такие этапы в развитии познавательной, уже собственно научно-познавательной культуры, как познание XVIII в., с одной стороны, и XX в. — с другой и т. д.

На первом этапе познания, в условиях первых исторических типов познания, таких как магический и мифологический, имела место его очевидная неразвитость. Это было следствием низкого уровня развития социального качества в целом.

Трудно говорить об особенностях познавательной культуры на этом этапе в силу ее тесной связи с тогдашней синкретической культурой человека в целом.

В то же время, участвуя во всех видах жизнедеятельности первобытных общностей, каждый их член по необходимости оказывался втянутым в целостный процесс. В силу чего, кстати, он представлял собой более цельный субъект познания, чем это было на последующих стадиях познания.

Нужно отметить также и тот метапознавательный факт, что на втором этапе познания, в рамках следующих исторических типов познания, таких как натурфилософский и схоластический, специализация появляется тоже не сразу.

Долгое время, поскольку объем познания был достаточно невелик, один и тот же познающий индивид мог заниматься сразу во многих и даже во всех основных областях познания своего времени.

Таковыми были Пифагор, Аристотель, Ньютон и наш М. В. Ломоносов. Примеры подобного рода можно приводить вплоть до XIX, а отчасти и XX в.

Но постепенно, под давлением все расширяющегося познания, отдельные исследователи, даже выдающиеся, все более и более сужали круг своих непосредственных профессиональных интересов. Исследователи типа А. А. Любищева стали единицами.

Все это отражалось на познавательной культуре, ее этапной специфике.

Однако поскольку в развитии родовой познавательной сущности человека фиксируются не только наличные условия познания, но и ряд общих черт для всех этапов познания, близких, во всяком случае, постольку познавательная (научная) культура не меняется автоматически со сменой исторических типов познания, а также со сменой стадий внутри этих типов. Связь и преемственность познавательной культуры, отражая связь и преемственность условий познания, не сводится к этому.

При переходах от этапа к этапу, от типа к типу, от стадии к стадии сохраняются многие механизмы познавательной деятельности, ее формы, приемы. Сохраняются также, и прежде всего, объективные результаты предшествующего развития познания, в которых зафиксированы, объективированы общие познавательные условия, которые способны служить формированию новых поколений исследователей.

Те же древнегреческие философы еще долго мыслят в образах мифологии. Ученые Нового времени почти полностью сохранили внешние формы теоретической аргументации, выработанные схоластами. Да и современное теоретическое рассуждение строится во многом по тем же канонам.

Познавательная культура зависит, прежде всего, от регулятивных механизмов, присущих конкретному этапу, стадии, типу познания. В связи с этим возникают подходы, отождествляющие познавательную культуру с совокупностью познавательных норм, ценностей, правил, методов, методик, образцов научно-познавательной и просто

познавательной деятельности, выполняющих функцию интеграции исторически определенного этапа познания.

Думается, правильно будет еще раз подчеркнуть то, что познавательные нормы, образцы и подобное существуют лишь в связи с активно действующими исследователями и только в их деятельности они приобретают свои культурно-познавательные признаки. Имеет место коренная зависимость познавательной культуры от структуры познания, что прослеживается в ходе развития познания.

Так, характерным признаком познавательной культуры древних греков было, в общем-то, негативное отношение к опыту, тем более эксперименту. В то же время в других отношениях, в отношении той же теории, правда, весьма специфической, познавательная культура древних греков получила довольно высокое развитие.

Но общее понятие познавательной культуры конкретизируется не только по временной вертикали, в аспекте диахронии, в соответствии с этапами и стадиями познания. То же можно сказать и в отношении синхронии познания. Особенно при рассмотрении различий, присущих второй и третьей стадиям, включая современное познание.

Познание, особенно развитое, т. е. научное, испытывает влияние не только общих закономерностей, но и конкретных локальных условий, в которых эти общие закономерности реализуются.

Например, чем больше относительная обособленность субъектов познания, связанная со все ускоряющейся дифференциацией познания, тем сильнее сказываются различия одновременно существующих культурно-познавательных характеристик отдельных наук, областей, направлений познания. И даже отдельных школ, отдельных исследователей внутри одной и той же области познания.

Правда, в настоящее время в науке отмечается все усиливающееся сближение различных областей и как следствие — ускоряется процесс стирания, если не различий, то жестких границ между их культурно-познавательной спецификой.

Ускоряется процесс взаимного обогащения различных наук, и тем более близких областей познания. Усиливается само стремление исследователей к поиску инвариантов познавательной деятельности, в том числе, и не в последнюю очередь, при посредничестве метапознавательных подходов различного уровня, начиная с философско-метапознавательного и кончая историко-научным подходом.

Каждая область познания имеет свою культурную традицию. Иного способа приобщения к познанию, кроме как через такое культурно-познавательное качество, сегодня просто нет. Что касается метапознавательных каналов, например, посредством теоретико-познавательных исследований, то они сегодня действуют значительно слабее, чем внутренние научные. Это касается, прежде всего, философского уровня познания, науки, ценность которого для подавляющего большинства представителей конкретных наук, особенно естественных, практически равна нулю [САП-43, с. 208].

В то же время можно констатировать метапознавательный факт, что полная изоляция какой-либо специфической познавательной культуры сегодня просто невозможна. А при чрезмерных попытках искусственного сохранения таковой ведет к значительным отрицательным последствиям для данных областей или регионов. Что нередко и происходило с отечественной наукой в условиях СССР.

Возвращаясь к данному выше общему определению понятия культуры, можно, ограничив его, ввести понятие «познавательная культура», а также понятие «научная культура».

Такие определения будут выглядеть примерно следующим образом.

Познавательная культура — это важнейшая часть культуры, как способа активно-деятельностного освоения действительности человеком, в основе которого лежит разумная способность, и в котором можно выделить следующие три компонента: 1) знание о самом познании (номологический компонент), 2) навыки и умения оперировать различными моментами познания на основе имеющихся знаний о нем (технологический компонент), и 3) познавательные ценности, как то, что имеет какое-либо познавательное значение (аксиологический компонент).

Что касается определения понятия «научная культура», то оно, если продолжить использовать логическую операцию ограничения понятия, будет выглядеть у нас примерно следующим образом.

Научная культура — это важнейшая часть культуры вообще и познавательной культуры в частности. При этом нужно выделять следующее:

1. Полученные средствами самой науки знания о науке (номологический компонент).

2. Сформированные на основе научных знаний о науке способы оперирования с научным познанием (технологический компонент).
3. Опирающиеся на научные знания и технологии ценности, связанные с наукой (аксиологический компонент).

Эти достаточно общие понятия о культуре, познавательной и научной, далее могут и должны конкретизироваться по сферам, областям, уровням, аспектам познания.

Так, можно говорить о культуре эмпирических исследований, культуре теоретических, метатеоретических и метапознавательных исследований и т. д.

Понятие научной культуры должно конкретизироваться применительно к отдельным исследователям, применительно к особенностям их формирования и развития.

Соответственно, можно выделить такие компоненты познавательной культуры отдельных исследователей, как общая культура, общепознавательная культура, специально-познавательная, математическая, логическая, методологическая и метапознавательная культура в целом и т. д.

Познавательная культура отдельного исследователя при этом выступает как синтетическая характеристика его индивидуального развития, проявляющаяся на его образе мышления, его образе познавательной деятельности, его индивидуальных схемах профессионального поведения, реагирования на различные познавательные ситуации.

Говоря о познавательной культуре отдельного исследователя, необходимо особо уточнить вопрос о ее соотношении с научной культурой вообще.

Научная культура, как нам представляется, не может рассматриваться как простая сумма индивидуальных познавательных культур исследователей. Реально об уровне развития, об уровне индивидуальной познавательной культуры и культуры познания в целом можно судить только по объективным результатам исследователей на данной стадии познания.

Индивидуальная познавательная деятельность приобретает общепознавательный смысл, если ее результаты значимы для познания, для других исследователей. Например, они способствуют осуществлению

деятельности других исследователей и через это развитию познания в целом.

Познавательная культура существует в двух планах одновременно:

- 1) субъективно — в виде характеристики самого исследователя, субъекта познания, и
- 2) объективно — в виде общезначимых, наполненных объективным содержанием результатов познавательной деятельности — знаний.

Наполненные объективным содержанием и объективированные в том или ином виде, прежде всего, в языке, результаты познания образуют то, что можно назвать культурно-познавательным наследием. Приобщение к этому познавательному наследию служит для каждого нового исследователя началом дальнейшей деятельности, в том числе собственного творчества в сфере познания, создания новых познавательно-культурных ценностей.

Исследователь, ученый существует в познавательной культуре, опредмечивая, статизируя в новом, закреплённом знании результаты своего собственного развития как субъекта познания. При этом он усваивает элементы познавательного наследия, созданные до него другими, распредмечивая, динамизируя, выявляя и делая доступным для себя их содержание.

Познавательная культура существует в каждое время и для каждого этапа познания, с одной стороны, синхронно, как нечто статическое, уже сложившее, получившее внешнее выражение, объективацию. Она существует как познавательная культурная среда, формирующая новых исследователей, создающая. Но она также и задает определенные возможности познавательной активности, творчества, предъявляя к ним вполне определенные требования.

С другой стороны, познавательная культура выступает в своей диахронии, как нечто динамическое, постоянно изменяющееся, развивающееся, совершенствующееся в ходе творческой деятельности исследователей.

Реально познавательная культура, как и всякий другой ее вид, существует и проявляется одновременно и как познавательно-культурное наследие, и как познавательно-культурное творчество.

Введение понятий «познавательная культура» и «научная культура» в систему категорий метапознания необходимо в той мере, в какой познание рассматривается как продукт и результат деятельности исследователей, ученых и как способ их собственного профессионального развития.

Познание всегда следует рассматривать как единство двух уровней, в развитом познании превращающихся в теоретический и эмпирический уровни познавательной деятельности. Только в таком единстве эмпирического и теоретического, а на ранних стадиях в единстве квазиэмпирического и квазитеоретического, уровней познание выступает основой собственного развития.

Познавательную культуру, тем более научную культуру, нельзя сводить только к одному из названных уровней. Нельзя также считать, что только один уровень порождает действительную культуру познания, науки.

Различать эмпирическую познавательную деятельность и теоретическую и, соответственно, эмпирическую и теоретическую познавательную культуру, направленную в одном случае на формирование знаний на уровне явлений, а в другом — на уровне знаний о сущности, и оценивать только последнюю, теоретическую, как подлинную познавательную культуру — значит абсолютизировать исторически конкретный способ разделения, дифференциации познания, познавательной деятельности.

Познание нельзя рассматривать как некий процесс чисто эмпирических исследований, на основе которых затем уже как нечто самостоятельное осуществляется собственно теоретическое исследование со своими познавательно-культурными особенностями.

Первоначально все теоретические или квазитеоретические компоненты познания непосредственно вплетались в эмпирическую, чувственную по своей основе, познавательную деятельность со всеми вытекающими последствиями для познавательно-культурного аспекта этой деятельности.

Позднее отделение теоретического от эмпирического создало своего рода иллюзию, будто это различные, далекие друг от друга элементы познания и, следовательно, разные элементы познавательной культуры.

Различие культурных признаков эмпирического и теоретического уровней познания, или квазиэмпирического и квазитеоретического, когда их не было в явном виде, есть результат применения метаабстракций. Это связано с тем, что исследование познания, как и любое другое исследование, невозможно без разделения в понятиях, в виде ряда абстракций того, что в действительности неразделимо, хотя и, пусть не очень отчетливо, все же дифференцировано.

Объяснение противопоставления эмпирического и теоретического в познании, и в самом метапознании тоже, связано в большей степени с природой субъектов познания, их деятельности, чем с самой действительностью, в которой все находится во внутренне опосредованном единстве.

3.2.3. Единство познания и многообразие познавательных культур

Формы существования познавательной культуры, например, наличное знание, наличные инструменты познания, овладение которыми приобщает к познанию новые поколения исследователей, имеют в рамках метапознания определенную понятийную характеристику.

Эти формы выступают объективным показателем уровня развития исследователей, субъектов познания, создавших их. Они несут в себе познавательно-культурное содержание, существующее, конечно, только для человека, способного распределмечивать, динамизировать их.

Каждый отдельный индивидуальный исследователь выступает одновременно и как элементарный субъект познания, носитель познавательной культуры, творец своего собственного профессионального качества, и как своеобразный объект воздействия со стороны познавательной культуры.

В своем опредмеченном, статизированном виде познавательная (научная) культура существует как вполне определенная познавательная, культурно-познавательная среда, формирующая исследователя, субъекта познания и дающая ему возможность функционировать в ней, участвовать в ее изменении.

В какой бы сфере, в какой бы области познания ни действовал отдельный исследователь, везде он находит наличный познавательнокультурный комплекс. Такой комплекс задает исследователю определенный способ профессионального поведения.

Однако наличные познавательные условия не означают всегда строго однозначной реакции исследователей на них, скорее, наоборот.

Исторически сложившаяся вариативность реакций исследователей на соответствующие условия познания также проявляется в наличных знаниях, инструментах исследования и т. д. Последние при этом выступают своеобразным культурно-познавательным генетическим кодом, носителем многообразия познавательных культурных феноменов.

Реально существующее культурно-познавательное многообразие складывается на основе общих законов познания. Это многообразие задает внутреннее единство познанию, а также направленность его развития.

Познавательная культура — это специфически коллективный способ деятельности многих исследователей. Как было сказано, многообразие познавательных культур не отменяет единства общих законов познания. Не отменяет оно и того факта, что все виды познавательной культуры суть не что иное, как специально сформировавшиеся способы действий исследователей, субъектов познания.

В истории познания, будь то научного, донаучного, вненаучного, формируются, функционируют, развиваются различные виды познавательной культуры. Поначалу довольно простые, примитивные, причем их развитие тоже имело свои собственные общие закономерности, которые следует подвергнуть специальным исследованиям.

Любой вид, любая область познания, в условиях уже начавшейся дифференциации, складывалась сначала как совокупность эмпирически ориентированных исследовательских практик. Теоретический, или даже квазитеретический, уровень как таковой еще отсутствовал, попросту не просматривался. Функции последнего долгое время выполнялись установками магического, мифологического, а еще позднее установками натурфилософского характера. Это обстоятельство и подчеркивается в терминах «квазиэмпирический» и особенно «квазитеретический».

Печать своеобразия несут на себе и более развитые познавательные культуры. Тем не менее, познавательные культуры областей современного научного познания ни в коей мере не являются абсолютными замкнутыми, изолированными друг от друга.

Познавательные культуры вновь возникающих в современной науке смежных областей представляют собой непосредственное соединение, сращение разделенных ранее познавательных структур. Затем на этой основе возникает и новая познавательная культура данных областей. Так происходило с кибернетикой, бионикой, биофизикой, биохимией, математической логикой, социальной психологией, психолингвистикой и другими науками.

Формирование и развитие познавательных культур всегда сопровождалось сложными процессами их взаимопроникновения, взаимовлияния, сближения. Имели место и разного рода столкновения, борьба, в том числе, с применением выходящих за рамки науки средствами. Примеры подобного рода были особенно характерны для эпохи Средневековья в Европе, а отчасти и для развития наук в бывшем СССР. Происходило это и в советский период, история которого, особенно в годы сталинского диктата, напоминала в ряде отношений историю Средневековья.

Можно утверждать, что во все времена тенденция к сближению познавательных культур была преобладающей.

В науке XIX в., тем более в современном научном познании, тенденция к нарастанию общих элементов в различных познавательных культурах становится особенно характерной. Факты наличия того же редукционизма в современной биологии, а до этого в химии, суть проявления этой тенденции.

Характерным становится также появление многочисленных вопросов междисциплинарного взаимодействия и взаимопроникновения.

Происходит усиление процесса переноса знаний, методов из одних областей в другие. Причем не только близко стоящие. Фиксируются многочисленные факты переходов исследователей из одних областей в другие. Растет число контактов представителей различных областей. Дает о себе знать унификация языка науки, особенно в свете распространения средств математики и т. п.

Эта тенденция к взаимодействию познавательных культур, правда, и ранее, в XIX в., и в настоящее время носит нередко еще

случайный, мало контролируемый характер. Можно видеть иногда попытки своеобразного насилия одних познавательных культур в отношении других. О чем свидетельствует та же проблема редукционизма в биологии.

Проникновение в биологию элементов химии и физики проявляется иногда в виде мнений о том, что биология должна быть полностью сведена к физико-химическим по своему характеру исследованиям, т. е. ее собственная познавательная-культурная традиция должна быть вытеснена традицией, сложившейся в области химии и физики.

Думается, собственная культурно-познавательная традиция в биологии, складывавшаяся до сих пор под влиянием вполне объективных причин, прежде всего в силу особенностей, специфики предмета исследования — живых систем, не должна исчезнуть. Она лишь может в интересах собственного прогресса ассимилировать элементы культуры таких областей, как химия, физика, математика, кибернетика, даже лингвистика. Не случайно та же лингвистическая терминология появляется при описании устройства и функционирования генетического аппарата. Но господствующее положение в биологии должно сохраниться за биологической культурной традицией.

Возможно, в будущем появятся основания для безболезненного и практически неограниченного сближения познавательных культур отдельных областей и формирования единой синтетической культуры научного познания.

Что касается культурной специфики познания в ненаучных сферах, например, в повседневной жизни, то она, пожалуй, сохранится навсегда.

Своеобразие познавательных культур вносит, как уже отмечалось, разнообразие в процесс познания. Этот факт невозможно поэтому ни отрицать, ни абсолютизировать. Ибо и то и другое, в итоге, ведет к отрицанию единства процесса познания.

В истории познания наблюдается большое многообразие познавательных культур, формировавшихся и формировавших различные познавательные условия.

Познавательная культура, как некоторое единое целое, если и можно о таком говорить вообще, представляет собой многообразие.

Но не как простую сумму, а сохраняя и отбирая прежде всего то, что имеет общее познавательное, метапознавательное значение.

То общее, инвариантное, что свойственно познавательной культуре, может стать всеобщим достоянием познания, науки. Независимо от того, в рамках какой конкретной познавательной культуры оно возникло, печать каких своеобразных познавательных условий несет на себе. Решающую роль в этом играет и будет играть во все возрастающей мере сфера метапознания.

В самом предметном познании — естествознании и социально-гуманитарных науках в лице их собственных конкретных областей исследований, можно обнаружить немало элементов, выполняющих очевидные метапознавательные функции.

Следует отметить, что внутри познания особую метапознавательную нагрузку всегда несли и продолжают нести на себе такие области, как логика, математика, позднее — системный подход, кибернетика и многие другие.

Многообразии познавательных культур есть объективная реальность, с которой всем в познании необходимо считаться.

Если связь познавательных культур с определенными типами субъектов познания, исследователей придает ей своеобразие, то ее же связь с определенной специализацией, дифференциацией познания обуславливает метапознавательное содержание и направленность познавательной культуры.

Познание на каждом этапе своего развития вырабатывает некоторую систему норм, мотивов познавательной деятельности. Совокупность своего рода стереотипов познавательной деятельности, соблюдение которых поддерживается с помощью определенных механизмов. В частности способов подготовки новых исследователей через обучение, образование, которое со временем становится важнейшим институтом трансляции сначала религиозных, а затем, и во все более возрастающей мере, светских традиций.

Сфера образования для метапознания вообще имеет огромное значение. Мы убеждены в том, что для того чтобы достаточно полно рассмотреть вопросы соотношения познания и метапознания, необходимо рассматривать сферу образования и сферу науки, а значит

рассматривать и сами институты науки и образования, как единое целостное системное и даже органическое качество.

На различных стадиях познания, в рамках различных исторических типов познания преобладающей всегда является та познавательная культура, которая характеризует наиболее развитую область познания на данный момент. Это хорошо прослеживается на примере развития методологической, метапознавательной культуры, чаще всего в форме философских гносеологических исследований.

Так, долгое время идеалом построения системы знаний считалась евклидова геометрия. Даже философы пытались излагать свои трактаты на языке или по схемам геометрических доказательств, как это делали Спиноза и отчасти Декарт. То же самое можно сказать об опережающем развитии механики, начиная с Ньютона, которое привело к широкому распространению механистической методологии познания и т. д.

Конечно, при этом и в других областях познания вырабатывались свои особые элементы познавательно-культурной традиции. Но объединяли их зачастую на основе требований доминирующей познавательной культуры или культур, если их было несколько.

Даже сегодня многие новые области познания ориентируются в этом либо на физическое познание, либо биологическое, либо лингвистическое.

Следует отметить, что вообще всякой культурно-познавательной традиции присуща отчетливая методологическая и даже метапознавательная направленность. Всякая познавательная культура по самой своей природе всегда содержит в себе метапознавательные моменты. Метапознавательный характер познавательной культуры является ее важнейшим родовым признаком.

Метапознавательный характер познавательной культуры требует, в частности, критического усвоения теми или иными областями познания переносимых в них из других областей средств исследования. При таких переносах, а они и сегодня очень активны и многочисленны, всегда должен учитываться метапознавательный характер переносимых средств.

Перенос тех или иных средств из одних областей познания в другие должен сопровождаться необходимыми изменениями, уточне-

ниями, приспособлением к внутренней познавательной культуре данной области. Некритическое усвоение переносимого материала ведет к тому, что неоправданно снимается проблема критической переработки познавательной культуры пройденных этапов познания. В то время как эта проблема должна ставиться и решаться вполне определенным образом.

Элементы познавательной культуры прошлого должны быть сняты, преодолены. Особенно в тех частях, где они связаны с явными заблуждениями. Это касается, например, проявления механистической, метафизической методологии в современном метапознании, ориентирующемся нередко, правда, недостаточно последовательно, преимущественно на органические, диалектические установки. Оправдавшееся же в истории познания должно сохраняться и использоваться при выработке элементов современной познавательной культуры. Это нужно, прежде всего, для того чтобы не повторять ошибок прошлого в познании.

Нужно быть внимательными к тем компонентам прошлой познавательной культуры, которые в принципе не могли функционировать в прежних условиях, т. е. к тем, которые только сейчас, в условиях современной познавательной культуры, обнаруживают эти компоненты. Так, методология всеиндуктивизма во многом должна быть преодолена и снята. В то же время сохраняется все значение таких разработок, как научные индуктивные методы установления причинных связей, которым уделял много внимания Дж. С. Милль.

Современной наукой отброшены такие подходы, как теория флогистона в химии, классификации Ламарка, в том виде, как он их сформулировал, в биологии, социологические интерпретации дарвинизма и т. п. В то же время сохраняются учения об окислении, об упорядоченности живых систем, о развитии общества как некоего органического единства и многие другие.

Охарактеризованное выше развитие познавательной культуры опирается на объективно-диалектический подход в метапознании. Метапознание, мы убеждены, если оно стремится строиться на научных критериях, последовательно развиваться может только на основе диалектико-материалистической традиции в философии.

Философия, как исследование любых предметов на основе учета всего имеющегося конкретного знания и выработанных ею категориях и принципах, была, есть и всегда будет важнейшей составной частью, обязательным уровнем самосознания познания.

Провозглашенный позитивистами лозунг: «Наука сама себе философия», а также последовавшая затем практика отбрасывания всякой так называемой «метафизики», т. е. фактически всякой философии, культивирование одностороннего голого эмпиризма — все это было в значительной мере результатом непонимания природы философии, с одной стороны, и природы самого познания, конкретных его областей — с другой.

Отрицательный опыт всех трех, если не причислять к нему так называемых постпозитивистов во главе с К. Поппером, разновидностей позитивизма, отчетливо демонстрирует то, что понятие о метапознавательной сущности познавательной культуры следует применять с учетом специфики различных явлений познания, различных его аспектов, уровней. Брать эти явления, эти аспекты и уровни в их конкретном виде и в их развитии.

Механическое отбрасывание прошлой познавательно-культурной традиции, включая метапознавательную и философскую, ведет к общему снижению значения метапознавательной составляющей познания, которую позитивисты, кстати, как раз, судя по всем их работам, концепциям, принципам, т. е. явно вступая в противоречие с самими собой, хотели бы усилить.

Кстати, следует отдать должное позитивизму в том, что по мере попыток реализовать свои механистические, метафизические, откровенно натурфилософские программы обоснования познания они наработали немало интересных частных средств, которые можно более или менее полно и последовательно понять только при условии возврата к прежней, нормальной, но не в смысле Т. Куна, философско-метапознавательной традиции.

С развитием познания общий уровень познавательной культуры повышается. Но и сегодня имеет место немало рецидивов не оправданных разрывов в уровнях развития познавательной культуры у представителей различных областей познания. Это свойственно, как нам не прискорбно отметить, в том числе и нашей отечественной науке.

3.2.4. Революции в познавательной культуре

Развитие области исследований познавательной культуры имеет большое значение не только для обогащения категориального аппарата метапознания, но и для облегчения решения реальных задач, встречающихся в познании, в современной науке в связи с необходимостью сознательного воздействия на их развитие.

Именно теоретический, философско-метапознавательный анализ проблем познания, познавательной культуры позволяет ясно и точно определить задачи, которые с необходимостью возникают в ходе культурно-познавательных революций.

Можно предположить, что основной задачей всякой культурно-познавательной революции, как коренного преобразования всех основных элементов системы познания, а нередко и всей системы в целом, — знаний, технологий исследования, познавательных ценностей является формирование нового качества индивидуальных исследователей. Качество, которое соответствует объективным потребностям познания, науки на том или ином этапе их развития

Первые культурно-познавательные коренные изменения, революционные процессы в познании, которые достаточно хорошо просматриваются сегодня, это те, которые имели место в эпоху Древней Греции. В ходе этих процессов, собственно, и происходило возникновение специфической сферы познания как такового. В отличие от других сфер жизнедеятельности тогдашнего общества. Именно тогда возникает первый тип (типы) в известной мере уже профессиональных исследователей.

Следующая эпоха крупных революционных преобразований в познании, его культуре — это эпоха Возрождения и время формирования науки Нового времени. В ходе этих преобразований сформировался существенно отличный от ученого эпохи античности новый тип исследователя. Это был ученый, деятельность которого ориентировалась на эмпирический подход, на особую базовую роль опытного подхода в познании.

Наконец, третья культурно-познавательная революция, на наш взгляд, берет начало на рубеже XIX–XX вв., когда начался и продолжает развиваться процесс формирования коллективных субъектов

познания, опирающихся в своей глубоко специализированной деятельности на развитые теоретические средства познания. Прежде всего, такие как математика, а также уже достаточно развитые философско-метапознавательные концепции, которые сами ориентировались и ориентировали становящиеся науки на решение конкретных злободневных познавательных проблем.

Третий тип культурно-познавательных революционных изменений продолжается, на наш взгляд, и сегодня.

Следует отметить, что общим существенным признаком всех трех типов культурно-познавательных революций является то, что они происходили, а последняя, современная революция еще продолжает осуществляться, преимущественно стихийно, мало управляемым образом. Под давлением, так сказать, объективных обстоятельств в познании, т. е. при отсутствии даже паритетной, тем более преобладающей, ведущей роли субъективного фактора познания. Это характерно даже для попыток философов, философов науки, методологов, представителей различных областей уже довольно отчетливо сформировавшегося метапознания подсказать ученым пути управляемого развития сферы научного познания.

Впрочем, на отдельных примерах, в отдельных областях современного научного познания управляемый процесс исследования, во всяком случае, с точки зрения его организации и финансирования, имеет место и имеет тенденцию к расширению.

Можно предположить, что приближается следующий этап революционных преобразований в познавательной культуре. Этот этап либо придет на смену продолжающимся изменениям третьего типа, либо произойдет с некоторым интервалом.

Учитывая общую тенденцию ускорения всех процессов в обществе, мы склонны поддержать первый вариант начала коренных преобразований в рамках четвертого типа культурно-познавательных революций.

Учитывая общую тенденцию ускорения всех процессов в обществе, мы склонны поддержать первый вариант начала коренных преобразований в рамках четвертого типа культурно-познавательных революций. Эти преобразования должны привести к формированию некоторого единого, всеобъемлющего коллективного субъекта по-

знания. Поэтому они не могут осуществиться стихийно, хотя и не будут свободны от действия случая в познании. Такие преобразования должны будут носить вполне осознанный и организованный характер.

Основным условием осуществления преобразований в рамках четвертого типа культурно-познавательных революций может быть только единство позиций различных групп, сообществ ученых в их понимании природы познания и его роли в обществе, т. е. некая общезначимая метапознавательная концепция, программа, традиция. Таковой, мы считаем, может быть только программа, которая является следствием естественного, без искажений и искривлений, развития диалектико-материалистической, или, если угодно, объективно-диалектической традиции в метапознании.

Главная задача, которую призвана решать грядущая культурно-познавательная революция, заключается в необходимости резкого повышения познавательной культуры исследователей вообще и метапознавательной, методологической, теоретико-познавательной культуры в первую очередь.

Уже сейчас исследователям-предметникам как воздуха не хватает элементарных знаний о самом познании. Не хватает элементарных навыков, умений, технологий анализа своих исследований, их организации. Но особенно сегодня представителям современной науки, как естественной, так и гуманитарной, не хватает ясных, отчетливых, имеющих объективное обоснование познавательных ценностей, метаценностей познания, которые лежат в основе познавательного творчества вообще и которым должны быть подчинены все другие конкретные познавательные ценности.

Формирование единого коллективного субъекта познания нового типа должно происходить преимущественно на продвинутой ступени будущей познавательно-культурной революции, т. е. подготовка индивидуальных исследователей должна проходить при полном их сознательном и добровольном отношении к этому, чтобы каждый из них был способен эффективно осуществлять избранную им индивидуальную познавательную деятельность в рамках единого субъекта познания.

Только понимание познавательной культуры как явления, характеризующего уровень общепознавательного развития отдельных

исследователей, соответствует реальному ходу развития познания. Поэтому будущий тип познания нуждается в особом характере познавательно-культурной подготовки исследователей.

Будущий тип познания предполагает сознательное, основанное на развитых метапознавательных представлениях регулирование всех видов познавательных отношений, взаимодействий и связей друг с другом, и с объектом познания — объективной и субъективной действительностью, т. е. с реальностью, миром, Вселенной в их полном объеме.

Профессиональное сознание отдельных исследователей, прежде всего в его метапознавательной части, должно соответствовать требованиям, которые предъявит к ним будущий синтетический научный тип познания. Только так может быть обеспечена сознательная регуляция всех познавательных связей и отношений.

Относительным завершением грядущей грандиозной культурно-познавательной революции должен стать чрезвычайно масштабный рост, прежде всего, метапознавательных средств познания и их проникновение во все сферы как научно-познавательной, так и всех других сфер деятельности в будущем обществе.

Особым качественным отличием будущего синтетического научного типа познания станет то, что в нем впервые в истории познания, в истории науки отдельные исследователи будут массово приобщаться к реализации общих познавательных задач. И не через индивидуальный, исключительно или сугубо мелкогрупповой интерес, а именно через единый совместный познавательный интерес. В известной мере непосредственно. Хотя, безусловно, подготовка всех категорий индивидуальных исследователей будет носить не менее, а даже более опосредованный характер, чем сегодня.

Некоторые элементы практики подготовки субъектов исследований для будущего типа познания закладываются уже сейчас. Прежде всего, в связи с развитием тенденции к всесторонним контактам исследователей, как внутри отдельных областей, так и между областями, причем стоящими достаточно далеко друг от друга по своей специфике. Это будет связано еще и с тем, что на первое место выйдут предметы исследования преимущественно комплексной природы,

требующие совместных усилий представителей практически всех основных сфер познания, включая профессиональных представителей метапознания, начиная с историков, социологов, психологов науки и кончая качественно подготовленными специалистами в области философско-метапознавательного уровня.

Будущий тип научного познания, как он видится сегодня, будет связан с принципиально иным характером требований, предъявляемых к отдельным исследователям. В отличие от предшествующих типов познания, в том числе современная наука. Эти типы познания функционировали и функционируют как нечто целое в результате деятельности различных отдельных исследователей, их групп, глубоко специализированных и практически никак не взаимодействовавших друг с другом.

Именно последнее обстоятельство — отсутствие связей между представителями различных сфер познания — так не устраивало Гегеля. Гегель прекрасно отдавал себе отчет в том, что имеет место единство объекта познания, пусть и понимаемого им как некая абсолютная идея, абсолютный дух, абсолютное понятие.

Различные области познания со стихийно сложившимися типами субъектов и отношений между ними предъявляли к исследователям определенные требования как явно выраженного специально-познавательного характера, так и, правда, зачастую менее явно выраженного, общего познавательного характера. Это обстоятельство в первую очередь и имел в виду Гегель, оценивая современное ему познание.

Индивидуальные исследователи в силу неразвитости познания во времена Гегеля были практически пожизненно прикреплены к отдельным, пусть даже очень интересным и важным, видам познавательной деятельности. Поэтому им были присущи односторонность, однобокость, ограниченность их профессиональной деятельности. Можно сказать — известная метафизичность в понимании Гегеля, т. е. отсутствие диалектики, развития.

С тех пор многое изменилось, но немало отмеченных выше черт познания, научного познания еще сохранилось. Более того, в отдельных областях познания они даже своеобразно укрепились. Прежде

всего, в силу продолжающей углубляться внутренней специализации. Это особенно просматривается на примере деления современных ученых на так называемых исследователей-эмпириков, чаще всего исследователей-экспериментаторов, и исследователей-теоретиков. Особо при этом выделяют так называемых исследователей-прикладников.

Познание будущего типа будет представлять собой, как ожидается, высокоорганизованную систему, различные компоненты которой, в том числе исследователи и их группы, функционируют как следствие совместной совокупной деятельности всех или, по крайней мере, очень многих исследователей.

Будущий тип познания предполагает всесторонне подготовленных исследователей, способных участвовать как в создании всех видов нового предметного знания, так и метапознавательного, методологического знания. Он предполагает также их участие в процессах активного регулирования всех сторон познания. Включая, в частности, внеученные отношения и связи познания со всеми остальными подсистемами общества.

Как и всякий другой исторический тип познания, будущий тип познания не только предполагает наличие исследователей нового типа, но и сам будет создавать, производить их.

Кстати, к проблеме культурно-познавательной революции, в результате которой возникнет новый тип познания, можно подойти и с другой стороны.

Процесс постоянного возобновления, воспроизводства познания на прежних исторических этапах породил разделение познавательной деятельности, приведшее к формированию различных специальных областей познания и образованию специфических специализированных субъектов познания, прежде всего научного познания, а внутри отдельных областей — к довольно резкому противопоставлению эмпирического и теоретического уровней.

Будущий тип познания преодолет жесткое разделение познавательной деятельности. Он предполагает формирование исследователей, если и не энциклопедистов в прежнем смысле слова, таких, которые будут способны делать в науке «все», как бы это ни казалось сегодня невероятным, что, конечно, не значит, что в познании исчез-

нет всякая специализация. Тем более не исчезнет специфика различных исследований.

Наоборот, чтобы наиболее эффективно участвовать в познании, исследователи должны быть не только всесторонне обученными, но и подготовленными к конкретному участию в более специализированных видах познавательной деятельности. При этом исследователь должен будет уметь ограничиваться каждый раз определенной познавательной задачей до тех пор, пока она не будет разрешена.

Речь идет не о том, что будут ликвидированы объективные различия многочисленных сторон, аспектов, уровней познания в отношении его предметной специфики, и не о ликвидации всякой специализации исследователей вообще. Вопрос заключается в преодолении неоправданно жестких перегородок между различными видами исследовательской деятельности. О преодолении чрезмерной зависимости отдельных исследователей от конкретных областей познания, от их места на эмпирическом или теоретическом уровне в этих областях.

Чтобы действовать в новых условиях, исследователь, как и во все времена, должен будет приобретать вполне определенные знания, навыки и умения, в том числе специальные.

Переход в новое качество, к новому типу познания нуждается в революционных преобразованиях в познавательной культуре. Цель этих преобразований заключается в создании механизмов формирования исследователей, способных принять участие в качественно новой познавательной деятельности.

Можно выразить надежду на то, что в будущем синтетическом научном типе познания будут устранены существенные различия между творческой и рутинной, чисто репродуктивной сторонами познавательной деятельности. Это, очевидно, во многом будет зависеть от дальнейшего мощного прогресса в сфере информационных технологий и их применения.

Здесь следует учесть то обстоятельство, что там, где существует стихийно сложившееся жесткое разделение субъектов познания, резкое противостояние эмпирического и теоретического уровней познания, с одной стороны, и этих двух и прикладного аспекта — с другой,

не может быть условий для реализации каждым исследователем всех своих познавательных возможностей и способностей.

Одной из задач будущей культурно-познавательной революции является превращение всех исследователей в творчески активных ученых, способных распределечивать, динамизировать любые виды культурно-познавательного наследия прежних этапов. Исследователей, способных превращать это наследие во внутреннюю основу своего собственного участия в дальнейшем прогрессивном развитии познания.

Уже начавшиеся культурно-познавательные революционные преобразования, как и все подобные им в прошлом, приведут к качественным переменам, прежде всего, в средствах познания, т. е. в знаниях и технологиях познания, включая метапознавательные, внутри отдельных наук — метапредметные знания. В технологиях исследований.

Изменения в научном познании, связанные со становлением будущего синтетического научного типа познания, по мере их развертывания, приведут к коренным преобразованиям в сущности деятельности исследователей. Это будут, прежде всего, коренные изменения качества самих исследователей, суть которого в том, чтобы ученый, представитель науки превратился во всесторонне развитого исследователя, способного превращать новые условия познания в основу своего саморазвития.

3.3. ЕДИНСТВО И МНОГООБРАЗИЕ ПРОЦЕССА ПОЗНАНИЯ

Осмысление познания как единого процесса означает, что за внешним метапознавательным разнообразием познавательных событий, фактов, процессов, поддающихся достаточно простой фиксации, теоретическое метапознание должно обнаружить некую единую сущностную основу познания.

Идея единства познания возникает не сама по себе, не изолированно, а лишь в конкретной связи с целой системой других представ-

лений, понятий, таких как «прогресс познания», «познавательная закономерность» и др. То есть формируется определенная концепция познания.

Нацеленность на создание определенной концепции познания просматривается по линии взглядов на познание практически у каждого мало-мальски известного мыслителя, философа, начиная с древних греков и даже ранее. Уже в античности подобные концепции получали существенное развитие. Достаточно вспомнить взгляды на познание Демокрита, Платона, Аристотеля.

Как только метапознавательная рефлексия подходит в той или иной форме к пониманию внутреннего единства познания, перед нею сразу же встает проблема соотношения познания с его видимым многообразием и объяснения этого многообразия. Иначе говоря, встает проблема постижения диалектики единства и многообразия процессов познания.

Современное метапознание, опирающееся на последовательный объективный диалектический подход, воспринимает и развивает дальше все те достижения, которые были получены в метапознании до него. Учитывает оно и все ценное, плодотворное, что появляется параллельно с ним, в рамках иных метапознавательных традиций. Учитываются при этом и результаты частной познавательной, присущей отдельным конкретным наукам рефлексии над метапознавательными вопросами.

Метапознание, как особая область познания, как особый третий род познания наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, выявляет и представляет на обозрение внутреннюю логику и единство познания уже не случайно, не по ходу какой-то иной, основной познавательной деятельности, а в форме, адекватной самой реальности познания.

Метапознание действительно выступает как процессы изучения самого познания, как познание познания. Или, как говорили Аристотель и Гегель, как мышление о мышлении.

Всестороннее и последовательное развитие метапознания является единственным полноценным способом изучения и объяснения познания, его прошлого и настоящего, а также предвидения его будущего.

3.3.1. Единство процесса познания

Метапознание, которое опирается на объективно-диалектический принцип, исходит не только из признания объективности самого познания, но и дает ему также объективно-диалектическое объяснение. Подобно единству своего объекта — действительности, единство познания состоит также в его объективности, через которую должна быть объяснена и его субъективная составляющая.

Удовлетворение познавательных потребностей человека связано с необходимостью создания нового знания, новых средств познания. Это происходит при опоре на уже существующие знания и познавательные технологии. А также при опоре на сопутствующие им познавательные ценности. Причем это также касается познания самой субъективной стороны человека, его познавательной деятельности.

Имеющиеся наличные средства познания, например, данные первобытному человеку от природы его чувства, обуславливают характер и качество познавательных структур, свойственных соответствующему уровню развития познания.

Эффективность познания имеет свою внутреннюю специфику и объясняется соответствующим качеством уже сложившихся познавательных структур.

Для познания в целом характерно внутреннее единство, проявляющееся в общих законах его развития. Этим же единством познания определяется необходимость формирования все новых и новых знаний, средств познания вообще.

Вместе с тем единство познания на различных этапах, стадиях познания, в условиях различных типов познания выражается по-разному. Так, наиболее продолжительный по времени первый этап, магический тип познания, характеризуется отсутствием особой сферы познания, включенностью познавательных актов в единую, нерасчлененную деятельность изолированных друг от друга первобытных общностей людей.

Но и на этом этапе, как показывают различные исследования первобытной культуры, в том числе ее познавательных компонентов, имеет место общность черт и закономерностей познания. Черты, характерных, например, еще существующим первобытным племенам всех континентов при всем различии их конкретной истории. Эти данные свидетельствуют также о подчинении развития познавательных навыков и умений людей на этой ступени механизмам чувственно-практического, предметно-чувственного познания.

Поражает здесь то, что в истории различных первобытных общностей имеются общие признаки их познавательных актов. Притом, что между ними отсутствуют и отсутствовали какие-либо реальные связи.

Дело в том, что локальные линии развития познания, это касается и более развитых типов познания, включая современный, суть линии развития единого по своей природе, по своей сущности процесса познания человека. В этой подчиненности общим закономерностям исторически и проявляется в первую очередь единство познания.

Это означает также то, что в метапознании, в метапознавательной теории познание должно выступить не только и не столько в своей исторически-конкретной форме, сколько как теоретически воспроизводимая реальность. Единство познания проявляется именно во внутренней логике исторически всегда конкретных, ограниченных в пространстве и во времени субъектов познавательной деятельности.

Не следует забывать и о том, что на ранних ступенях история познания еще не была историей собственно познания.

Становление познания как особой сферы общества означает переход к иным способам выражения единства познания. В отчетливом виде эти способы мы обнаруживаем, как уже отмечалось, только у древних греков в VII–VI вв. до н. э. Хотя определенные тенденции выделения познания в особую сферу деятельности можно обнаружить и в Древнем Египте, Древнем Китае и Индии.

Другое дело, что в названных регионах познание еще не окончательно отделяется от других видов деятельности. Прежде всего, от духовнопрактической деятельности. Например, от деятельности жрецов — своего рода институтов советников при правителях, самих правителей и так называемых мудрецов. Не случайно первые

древнегреческие мыслители (уже практически ученые — философы, не мудрецы) так много заимствовали из тех познавательных средств, которые накопили еще до них.

Динамика развития познания характеризуется тем, что достижения древних греков, с известными историческими перерывами, смягченные ролью Арабского Востока, стали использоваться в Европе начиная с эпохи Возрождения, и особенно с наступлением эпохи Нового времени.

Внешним стимулом для развития познания как особой сферы деятельности послужили потребности зарождающегося нового типа общественной жизни. Этот тип общества мы традиционно именуем раннекапиталистическим обществом. Он характеризуется особым способом материального производства, нуждавшимся, в частности, в различных эмпирических знаниях, которые могли быть получены только опытным путем. Тем самым, который в науке Древней Греции, античности так и не стал достаточно распространенным.

Новый тип познания, возникший в Западной Европе, а это уже была наука, пусть и в лице так называемой ранней науки, затем стал распространяться во всем мире. Хотя сравнительно долгое историческое время он развивался только в пределах Европы.

С этим новоевропейским периодом развития познания и становления науки уже в современном смысле слова связаны еще две тенденции:

1. С одной стороны, происходило образование отдельных областей в рамках уже выделившегося познания, с довольно жесткими границами между ними и своими специфическими требованиями научности (рациональности).
2. С другой стороны — началось постепенное становление действительных, субстанциональных, скажем так, связей между различными областями уже научного познания. Тем более, что в то время нередко один и тот же человек — исследователь — пробовал себя во многих из этих областей. Достаточно вспомнить институт так называемых ученых-энциклопедистов.

Отметим, что сначала преобладающей была первая из этих тенденций. Затем вперед выходит вторая, особенно в XIX в., и в современном познании.

Появление этапа научных типов познания следует рассматривать как формирование уже явно внешне выраженного единства процесса познания. Причем познания, развивающегося на развитой собственной теоретической, а главное — на совершенно новой эмпирической основе в виде современного эксперимента.

Именно становление экспериментального качества эмпирического уровня познания приводит к изменению квазитеоретического уровня познания. К превращению квазитеоретического компонента познания в донаучных типах познания в теоретический уровень познания. Следствием этого и является появление научных типов познания.

Появляется теоретический уровень, качественно отличный от так называемой теории древних греков. Во времена Платона о теории говорили как о познании, отличном от мнения, т. е. о познании, отличном от обыденного сознания и познания.

В научных типах познания, особенно начиная с классического научного типа познания, теория начинает соотноситься не с повседневным опытом людей, тем более просто житейским, а с опытом эмпирического познания. Этот опытный уровень, в дальнейшем превратившийся в современный научный экспериментальный подход, начинает пониматься и действительно становится исходным уровнем научного познания как особой области деятельности, отличной от всех других видов познавательной деятельности людей.

С этого момента, отметим еще раз, единство познания начинает выступать наглядно. Например, как последовательная дифференциация познания, подразумевающая, а затем и явно обнаруживающая тесную объективную и субъективную взаимосвязь различных областей теперь уже научного познания. Информация о событиях, происходящих в одних областях познания, быстро распространяется в других областях.

Дальнейшее развитие познания происходит одновременно и как углубление дифференциации каждой области познания, и как усиление связей в познании.

С конца XIX в., и особенно в XX в., происходит еще более бурный процесс образования новых областей познания — наук. Продолжается также дальнейшее развитие традиционных областей. При этом границы между областями становятся все более гибкими, все более

и более подвижными, по некоторым параметрам — практически неразличимыми. Некоторые области сближаются настолько, что о них начинают говорить как о чем-то едином.

Сегодня мы с полным правом говорим о единстве естествознания, обществознания, гуманитарного познания. Стало совершенно ясно, что все эти области познания тесно связаны между собой, составляют единое целое современного познания.

Цель настоящей работы, напомним, — обосновать тезис о том, что в целостной системе современного научного познания нужно четко выделять границы предметного и метапредметного уровней, или срезов, аспектов. Видеть границы метапознания как такового, т. е. такого рода познания, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием, в которое должны войти все те области современного познания, основным предметом которых выступает познание, как научное, донаучное, так и все виды ненаучного и вне-научного познания. И в частности философское познание, которое является сердцевинной всех трех основных родов познания.

В метапознание должны войти области исследований, которые пока находятся в рамках естествознания (та же история естествознания), в рамках обществознания (например, социология познания), в рамках гуманитарного познания (это, к примеру, психология познания) и т. д.

В связи с общей идеей единства познания важно отметить единство предметного и метапредметного уровней, аспектов внутри традиционного познания.

Становятся более интенсивными общепознавательные связи, увеличивается их число. Они стягиваются во все более тугие узловые позиции в познании.

Если раньше качественные, тем более явно революционные изменения в той или иной области познания, науке касались только их самих, то постепенно, и особенно с конца XIX в., эти изменения (в той же физике или основаниях математики и т. д.) начинают оказывать прямое влияние на состояние других областей. В том числе и за пределами границ, задаваемых делением на естествознание, обществознание, гуманитарные науки.

Если проанализировать ту же проблему детерминизма, причинности в науке, или принципы неопределенности и, особенно, соответствия, сформулированные физиками, то можно констатировать факт, что все они сегодня получили распространение во всем естествознании и даже во всем современном научном познании вообще.

Практика современного научного познания приносит все новые и новые, порой очень сложные и своеобразные свидетельства своего единства и системного характера. Причем свидетельства, связанные как с предметным, так и метапредметным уровнями.

Сегодня возникают проблемы, очевидные представителям всех областей познания, затрагивающие все познание, всех исследователей. Можно говорить о еще одной глобальной проблеме современности именно с точки зрения состояния познания, науки.

Современное познание явно обладает общесистемным характером, в нем сглаживаются неравномерности развития отдельных областей, новые области быстро набирают силу.

Открывается перспектива развития науки в широком смысле как целостной системы. Прогресс очевиден.

Объективной основой этого прогресса познания служит гигантское, по сравнению с прошлым (ибо, что касается будущего, то там изменения познания будут еще более грандиозными), накопление ресурсов познавательной активности человека. Как материальных, так, что более важно, интеллектуальных и ценностных. Хотя в области ценностей, в том числе познавательных, положение дел еще далеко не все пришло к норме.

3.3.2. Многообразие процесса познания

Единство познания есть единство его многообразия.

Общие законы познания, придающие развитию познания характер единого, целостного процесса смены типов познания, существуют не сами по себе. Они существуют в конкретной истории многообразных по своей природе элементов, компонентов познания. Начиная от субъектов познания и кончая всеми видами знаний и познавательных технологий.

Многообразная история познания, его многообразная эмпирия изучаются и используются всеми уровнями метапознания, включая теоретическое метапознание.

В теоретических областях метапознания, и прежде всего в теории познания, на философско-метапознавательном уровне, не ставится задача дать детальное изображение всего эмпирического многообразия познания. Понятие «многообразие познания» в метапознании выступает как абстракция особого рода, с помощью которой фиксируется взаимодействие общего и особенного в познании.

Для метапознания, имеющего своей основой объективно-диалектический подход, очень важен анализ познания в его особенности, на уровне особенного, в отличие от всеобщего в познании.

Единство познания, состоящее в последовательной смене типов познания, во всем многообразии их внутренних стадий, никогда не сможет быть выражено в некоем «чистом» виде. Например, развитие той или иной области познания, той же физики, в частности. Поскольку было время, когда физики как таковой не было, а можно было говорить только об элементах физического знания, причем, в далеко ненаучном их выражении.

Сегодня те же элементы физического знания могут оказаться настолько специфически нагруженными в области химии, биологии, метеорологии и т. д., что сохранять за ними статус только физических знаний становится не всегда оправданным.

Далеко не все области познания демонстрируют действие общих законов познания с одинаковой ясностью и полнотой. В этом отношении физике просто «повезло». К ее опыту прибегают в метапознании гораздо чаще, чем к опыту любой другой области.

История познания в целом есть сфера действия общих законов познания. Но только в истории отдельных областей познания можно видеть классическое проявление той или иной закономерности познания. Не случайно, например, общие закономерности развития познания на его третьем, научном этапе, в Новое время в классической науке и затем в рамках современной науки, изучались и изучаются преимущественно на примере механики, физики в целом, наконец, естествознания в целом. Блок гуманитарных наук во многом все еще остается в тени.

Как и изучение познания второго типа на примере Древней Греции, ее философии и логики (Аристотель), математики (Эвклид), так и изучение познавательных революций на примере физики конца XIX — начала XX в. — это не произвол ученых-методологов, представителей

метапознания. Эти примеры дают нам образцы классического выражения общего через особенное в познании.

Выявляя типичное в единичном и особенном, теоретическое метапознание получает возможность изучать общее в познании в его сущности. Общее и особенное в познании не являются субъективными или натурфилософскими, метафизическими конструкциями. Они не просто некие «идеальные гносеологические модели», наложение которых на эмпирические факты познания превращает их в объекты теоретического анализа.

Особенное и общее в познании являются объективными по своему содержанию, хотя и не существуют вне конкретных познавательных ситуаций.

Можно утверждать, что позиция объективно-диалектического метапознания — это позиция умеренного, привязанного к отдельным вещам, реализма. Если иметь в виду его философские признаки.

Общая цель метапознания — не есть просто конструирование идеальных схем познания. Хотя без таких схем, без создания идеализаций тех или иных сторон познания, познания в целом, как и в любой другой науке, не обходится и здесь. Действительная его цель — выявление типичного в познании применительно к индивидуальному, с одной стороны, и общего применительно к особенному — с другой.

Нужно уметь различать эмпирическое многообразие познания как таковое, т. е. учитывать реальное многообразие фактов познания, существующих всегда актуально и данных метапознавательному сознанию непосредственно. С учетом, конечно, проблемы реконструкции исторически прошлого познания, факты которого не существуют для метапознавательного сознания так же, как, например, факты современного научного познания, которые могут «наблюдаться» непосредственно.

Идеализацией является само понятие «многообразие познания» как метапознавательная категория, отражающая реальное многообразие познания в его существенных признаках.

Категория «многообразие познания» отражает особенности процесса познания в его отдельных пунктах, моментах, состояниях, в реальном историческом времени. Она формируется метапознанием в ходе исследований познания, выявления в нем общего, особенного

и собственно единичного. Последнее — единичное в своей сущности — может оказаться отличным от того, каким оно видится непосредственно в тот или иной момент познания. Не надо забывать о таких сторонах вещей, как их кажимость (видимость).

Многообразии познания — это вся совокупность особенных проявлений общего в познании. Единицами такого многообразия могут быть самые различные познавательные образования. Это может быть и отдельная область, и совокупность близких и взаимосвязанных областей, их субъектов, их понятийных баз. Это может быть и отдельный субъект познания. Такими единицами многообразия познания выступают также различные виды конкретного, как предметного, так и методологического, знания, например, теории, методы, средства наблюдения и эксперимента и т. д.

Наконец, можно конкретно сопоставлять отдельные стадии познания в целом. Попытка чего и предпринимается в настоящей работе. Все зависит от потребностей метапознания в решении тех или иных проблем познания, включая его самого.

На философско-метапознавательном уровне исследуются общие признаки перехода познания с одного уровня на другой, от одного типа к другому. Или на уровне основных этапов внутри каждого из типов познания. Например, изучение признаков качественного перехода от одного этапа развития к другому в физике. Или изучение такого перехода в целом в естествознании на рубеже XIX–XX вв., происшедшего в рамках третьего, современного типа познания. Это стадия так называемого перехода от классической физики и классической науки вообще к стадии неклассической физики и современного научного познания.

Философско-метапознавательное исследование, то, что традиционно относят к теоретико-познавательному изучению познания, стремится показать, как в различных конкретных условиях проявляются общие законы становления и развития новых этапов, стадий, типов познания. Изучение же проблем собственно физики, физического познания как такового берет уже только лишь некоторый срез этой проблематики. А именно особенности развития области физического познания. Хотя и такое исследование, конечно, для объяснения особенностей развития физики с необходимостью вынуждено обращаться к общим метапознавательным средствам.

Общая панорама познания (кстати, вполне оправдано говорить о научной картине познания аналогично научной картине общества, природы и т. д.) — это один из уровней метапознания. В то время как отдельные фрагменты картины познания — это уже иной уровень (и так вплоть до самых начальных эмпирических уровней метапознания).

Отдельные фрагменты картины познания могут быть своеобразными. Они нередко плохо гармонируют с общим планом познания.

Конкретное познание, ставшее предметом специального метапознавательного исследования того или иного вида и уровня, например, психолого-метапознавательного, преподносит много неожиданного. В нем присутствует элемент случайного, причем такого, которое, как и в микрофизике, играет фундаментальную роль.

В то же время определить действительное положение своеобразного предмета метапознавательных исследований в общей системе познания можно, лишь осмыслив его как особенное проявление общего в познании, лишь в сопоставлении с этим общим.

Если особенное в познании, например, преобладание эмпирически-опытного подхода в науке Нового времени, господство механицизма, индуктивизма в ней, взять вне общего, то эти явления приобретают характер чего-то абсолютно самостоятельного. Чего-то не связанного с другими особенностями познания на этом этапе. А также на других его стадиях, предшествующих и последующих.

Как следствие, возникает представление о познании как простой сумме неких самостоятельных и внутренне замкнутых, не связанных друг с другом образований. Начинает доминировать антидиалектический и необъективный подход, явно уводящий в сторону от последовательно развиваемого понимания природы развития познания.

Последнее обстоятельство, однако, не ведет автоматически к тому, что нужно оправдывать недооценку и принижение значимости единичного в познании. Общие, особенные и единичные моменты познания не только придают ему многоплановость, разнообразие внешнего, но и вообще связаны с самой возможностью реального познания. Они, взятые в единстве, делают познание упорядоченным, закономерно организованным. А значит и доступным для метапознавательной рефлексии.

Познание приняло бы некий мистический характер, если бы в нем действовали общие законы сами по себе, вне конкретного содержания. И если бы случайность, нередко надолго определяющая дальнейший ход познания, не играла в нем никакой роли.

Наличие конкретных особенностей в познании, взятом на любом его этапе, расширяет рамки выбора исследователями различных образов действий. Появляется возможность более глубокой адаптации субъектов познания к конкретным условиям деятельности, в том числе зависящим от объекта познания.

Изучение многообразия познания важно не только для того, чтобы вскрыть его единство. Это важно и для понимания того, что на определенном этапе дифференциация познания, например, была и сегодня остается необходимым условием реализации общих законов познания.

Итак, рассматривая познание как объективный, но связанный с деятельностью человека процесс, мы сталкиваемся с фактом его многообразия. Это многообразие во многом задается дискретностью и неравномерностью познавательного процесса, неодинаковыми путями и темпами развития средств познания на различных его этапах. Как результат, совсем не похожим образом формируются виды познавательных структур в различных областях познания.

Далее, можно говорить о сосуществовании в познании, взятом на определенное время, различных познавательных качеств, которые объективно относятся к различным историческим типам познания. Это происходит, опять же, в силу неравномерности и специфики отдельных областей познания.

Одни области познания могут как бы «обгонять» другие в плане своего становления и оформления. Эта неравномерность познания, влияющая на его структурированность и, как следствие, ведущая к сосуществованию различных познавательных качеств, к смешанным формам, также выступает одним из основных факторов многообразия познания.

Иначе говоря, синхронное многообразие познания есть следствие его неравномерного развития во времени, диахронного среза.

Процесс познания есть результат взаимодействия различных неравноправных по своей интенсивности познавательных тенденций. Среди этих тенденций объективная тенденция, идущая со стороны объекта познания, лишь в конечном счете пробивает себе путь, как тенденция определяющая.

Категорией, отражающей сплетение всех взаимодействий в познании, является понятие «познавательная ситуация» (не смешивать с понятием «проблемная ситуация»). Это достаточно сложное и в то же время конкретное понятие, метапознавательное значение которого, в отличие от «проблемной ситуации», часто недооценивается или вообще никак не фиксируется.

В каждой отдельной области познания реальная практика исследований дана как конкретная познавательная ситуация, в которой, в свою очередь, нужно различать внутреннюю познавательную ситуацию и внешнюю познавательную ситуацию. Соотношение внутренней познавательной ситуации и внешней познавательной ситуации, их взаимодействие и составляют для конкретного исследователя, субъекта познания его конкретно-познавательные условия.

Все события в познании происходят при определенных условиях, в определенной познавательной ситуации, разнообразие которых есть одновременно и выражение, и причина многообразия познания.

Для отдельных областей познания, для действующих в них исследователей характер познавательных ситуаций имеет во многом определяющее значение. Познавательные ситуации, несмотря на всю их конкретность, являются тем качеством, которое напрямую определяет направленность развития познания в конкретный момент. Они — тот дифференциал, который определяет судьбу всей познавательной функции на том или ином этапе познания.

Анализ познавательных ситуаций выступает предпосылкой перехода на новый уровень метапознания. Анализ поведения исследователей, субъектов познания в различных познавательных ситуациях выявляет еще одну группу факторов многообразия познания, которые зависят не только, а порой и не столько от объективных условий познания, сколько от собственной познавательной активности исследователей.

Нельзя, однако, согласиться с подходом, который все сводит к деятельности исследователей, абсолютизирует ее. Доходит даже до полного отрицания объективных условий.

Взять, к примеру, факт наличия в познании всегда некоторого числа исследователей, индивидуальных субъектов познания. Познание всегда осуществляется всеми одновременно действующими исследователями. Хотя, конечно же, роль отдельных выдающихся

ученых, индивидуальных субъектов познания, очевидно, велика. Но это происходит именно потому, что в их деятельности в наиболее полном, интенсивном виде находит свое выражение специфика данной познавательной ситуации и даже данного этапа, исторического типа познания в целом.

Вообще-то, точка зрения своеобразной элитарности в познании имеет право на существование. В свое время мы говорили даже о так называемой «рабочей аристократии». И совсем не в отрицательном смысле, а имея в виду цвет рабочего класса. «Цвет» имеет место и в познании. Всегда имеются индивидуальные исследователи, явно превосходящие подавляющее большинство своих коллег по исследовательскому цеху. И это еще один объективный метапознавательный факт.

Но и сводить все только к деятельности отдельных выдающихся исследователей тоже нельзя. Такие ученые лишь флагманы, ведущие среди многих и многих других. Это особенно ярко стало видно на примере современного, коллективистски ориентированного познания. Сегодня крупный ученый — это руководитель коллективного субъекта познания, лидер исследовательского сообщества. Если это не так, то значит, мы имеем дело с чем-то сомнительным, возможно даже конъюнктурным.

Выдающаяся личность в познании, как и в любой другой области человеческой деятельности, способна внести существенные коррективы в реальный ход исследований, и достаточно серьезные. Существенно повлиять на ту или иную форму реализации законов познания. Но носителем этой формы всегда остается вся совокупность исследователей, все научное сообщество.

Личность крупного и даже великого ученого выступает лишь одной из причин своеобразия развития познания. Прежде всего, на уровне отдельных областей и намного реже сразу для многих областей или познания в целом.

Фигуры типа Аристотеля, Платона, Ньютона или Ломоносова для России — величайшая редкость в истории познания. В то же время появление выдающихся ученых, исследователей является своего рода закономерностью развития познания.

Идеи, подходы выдающихся ученых выражают существенные моменты познания. Появившись, они, рано или поздно, многократно усиливаются, будучи принятыми научным сообществом. Именно поэтому роль таких исследователей становится сравнимой по силе своего воздействия с фундаментальными объективными причинами, тенденциями многообразия познания.

Влияние на познание отдельного ученого, следовательно, неотделимо от действий многих других исследователей, с которыми данный ученый профессионально связан. И связь эта многопланова.

Как правило, чем активнее деятельность многих исследователей, тем более способен выдающийся ученый — лидер данного сообщества — произвести известные перемены в познании. И именно такой тип влияния на познание отдельного исследователя особенно характерен для периодов познавательных революций. Выдающиеся ученые как раз и появляются в такие периоды — периоды значительных качественных преобразований в отдельной области познания или познании в целом.

В завершение этого раздела можно отметить то, что перечисленные выше факторы многообразия познания позволяют уточнить и развить целый ряд принципиальных положений объективно-диалектического подхода в метапознании. И тем самым существенно упрочить его позиции.

3.3.3. Значение диалектики единства и многообразия для развития метапознания

Анализ познания как единства многообразия дает возможность выработать принципы применения средств метапознания к различным конкретным условиям.

Умение связать общие метапознавательные средства с особенностями развития его областей, его компонентов — будь то теория или класс теорий, метод или система методов, та или иная форма познания — описание, объяснение, предсказание и т. д. — есть непременное условие их творческого использования. А следовательно, и их значимости и результативности.

Диалектика единства и многообразия познания служит основанием установления связи метапознания, его результатов с реальным ходом познания.

Кстати, учет единства и многообразия познания, различных аспектов его анализа, таких как естественно-исторический, познавательно-деятельностный, субъектный, а также в плане вырабатываемых и применяемых в познании средств, позволяет выявить и сформулировать принципы развития самого метапознания — мета-метапознавательные принципы. Для нас, такие принципы должны носить объективно-диалектический и даже, скажем откровенно, — диалектико-материалистический характер.

Объективно-диалектический подход к познанию позволяет понять его развитие как закономерный процесс деятельности субъектов познания, исследователей. При этом познание рассматривается как целостное образование, в котором все его аспекты **внутренне** взаимосвязаны.

Картина познания будет неполной, если его исследовать, ограничиваясь каким-то единственным аспектом, изолированным от других. Только взятые в их единстве и взаимной связи все стороны, все срезы, все уровни познания обеспечивают требуемый предметом комплексный, многосторонний и многоуровневый подход.

Различение и согласование выделенных в данной работе аспектов познания и его изучения позволяют последовательно и систематически провести принципы объективного подхода в познании. И не только при анализе его как объективно развивающегося системного образования. Но и при изучении сознательной деятельности исследователей, включая моменты их развития и саморазвития в ходе познания и т. д.

Позиция, которая присутствует в настоящей работе, задает концептуальную основу, позволяющую рассматривать категориальный аппарат метапознания как схватывающий познание в различных его срезах, в которых оно встает перед исследователем-методологом. Учет всех этих срезов открывает возможность всестороннего изучения познания. При этом, конечно, недопустима абсолютизация какого-либо одного или нескольких из этих аспектов, срезов, ибо все они характеризуют с различных сторон одно и то же, единое познание, его историю.

Подчеркивая единство и взаимосвязь различных аспектов, срезов познания и, соответственно, метапознания, нельзя не видеть из-

вестного их соподчинения, координации, их иерархичности. Поскольку познание в каждом из аспектов рассматривается как некоторая целостность, то можно подумать, будто последовательность рассмотрения этих срезов не имеет значения. Выявление объективной иерархии уровней, аспектов, срезов познания, начиная с самых простых элементов, и кончая высшими теоретическими абстрактными подходами, позволяет ясно обосновать ту мысль, что только на основе выявления естественного исторического характера развития познания по объективным законам могут затем быть развернуты в качестве специфических проявлений все другие стороны познания.

Сначала объективные законы познания, а затем на этой основе — специфика деятельности исследователей, субъектов познания.

Единство и определенная упорядоченность основных аспектов познания объективно обусловлены самим познанием. Их вычленение не есть искусственная конструкция. Это базовый принцип метапознания, при котором его объект — познание — рассматривается как развертывающийся в своем собственном содержании. Но для этого должен проявить известную активность сам субъект метапознания.

В эпоху современной информатизации общества в целом, и науки в частности, резко возрастает потребность в механизмах упорядочения и систематизации информации. В систематизации, прежде всего, информации, заключенной в научных знаниях.

Резко возрастает роль таких средств обработки информации, как философия, логика, системный подход.

Особенно быстро усиливается роль сферы метапознания, метапознавательной надстройки современного научного типа познания.

Современная наука буквально на наших глазах начинает превращаться в будущий синтетический научный тип познания.

ПРИМЕРНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ПО ПОДНЯТОМУ КРУГУ ВОПРОСОВ

1. Абдильдин, Ж. М. Диалектика активности субъекта в научном познании / Ж. М. Абдильдин, А. С. Балгимбаев. — Алма-Ата, 1977.
2. Аверинцев, С. С. Плутарх и античная библиография / С. С. Аверинцев. — М., 1973.
3. Автономова, Н. С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках / Н. С. Автономова. — М., 1977.
4. Алексеев, А. П. Теория аргументации. Классические идеалы и технологические перспективы: монография / А. П. Алексеев. — М., 2010.
5. Алексеев, Н. Н. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук / Н. Н. Алексеев. — М., 1912.
6. Алексеева, И. Ю. Что такое общество знаний? / И. Ю. Алексеева. — М., 2013.
7. Анализ закономерностей и прогнозирование развития науки и техники (Тезисы докладов симпозиума). — Киев, 1967.
8. Анализ тенденций и прогнозирование научно-технического развития (Тезисы докладов симпозиума). — Киев, 1967.
9. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. — М., 1977.
10. Андреев, И. Д. Проблемы логики и методологии познания / И. Д. Андреев. — М., 1972.
11. Андреев, И. Д. Теория как форма организации научного знания / И. Д. Андреев. — М., 1979.
12. Андриюшенко, М. Т. Преобразование и вера (О преобразовательном статусе веры): монография / М. Т. Андриюшенко. — Владимир: Калейдоскоп, 2012.

13. Андрюшенко, М. Т. Человек и вера / М. Т. Андрюшенко. — Владимир: Калейдоскоп, 2013.
14. Анохин, П. К. Философские аспекты теории функциональных систем / П. К. Анохин. — М., 1978.
15. Антонов, Г. В. От формальной логики к диалектике / Г. В. Антонов — М., 1971.
16. Антонов, Е. А. Философский метод познания в контексте современной культуры (Опыт рефлексивного осмысления): монография / Е. А. Антонов. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.
17. Антонова, О. А. Теория и практика виртуальной реальности: Логико-философский анализ / О. А. Антонова, С. В. Соловьев. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
18. Аристотель. Аналитика первая и вторая / Аристотель. — М., 1952.
19. Арнтц, У. Кроличья нора, или Что мы знаем о себе и Вселенной / У. Арнтц, Б. Чейс, М. Винсенте; пер. с англ. — М.: Эксмо, 2012.
20. Арсенов, О. О. Григорий Перельман и гипотеза Пуанкаре / О. О. Арсенов. — М.: Эксмо, 2011.
21. Арсеньев, А. С., Библер, В. С., Кедров, Б. М. Анализ развивающегося понятия / А. С. Арсеньев, В. С. Библер, Б. М. Кедров. — М., 1967.
22. Арсланов, В. Г. Теория и история искусствознания. Просвещение. Ф. Шеллинг и Г. Гегель: учеб. пособие для студ. вузов / В. Г. Арсланов. — М.: Акад. проект, 2015.
23. Аскольдов, С. Основные проблемы теории познания и онтологии / С. Аскольдов. — СПб., 1900.
24. Асмус, В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике / В. Ф. Асмус. — М., 1965.
25. Ахутин, А. В. История принципов физического эксперимента от античности до 17 в. / А. В. Ахутин. — М., 1976.
26. Бабушкин, В. У. О природе философского знания / В. У. Бабушкин. — М., 1978.
27. Багаутдинов, А. А. Язык как метатеоретический концепт и конструктор социокультурной реальности: монография / под общ. ред. О. И. Кирикова / А. А. Багаутдинов. — Воронеж: ВГПУ, 2010.
28. Бадью А. Загадочное отношение философии и политики / А. Бадью. — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014.
29. Баженов, Л. Б. Основные вопросы гипотезы / Л. Б. Баженов. — М., 1968.
30. Баженов, Л. Б. Строение и функции естественнонаучной теории / Л. Б. Баженов. — М., 1978.

31. Баксанский, О. Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. Ч. 2 / О. Е. Баксанский. — М.: URSS, 2009.
32. Баксанский, О. Е. Физика и математика: анализ оснований взаимоотношения. Методология современного естествознания / О. Е. Баксанский. — М.: URSS, 2009.
33. Барг, А. А. Категории и методы исторической науки / А. А. Барг. — М., 1984.
34. Барлыбаев, Х. А. Истина и справедливость как системообразующие ценности / Х. А. Барлыбаев. — М.: Науч. библиотека, 2014.
35. Баррат, Д. Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens / Д. Баррат; пер. с англ.— М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
36. Барс, Б. Мозг. Познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. / Б. Барс, Н. Гейдж; пер. с англ. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2014. — (Лучший зарубежный учебник).
37. Бартнев, С. А. История и философия экономической науки / С. А. Бартнев. — М.: Магистр, 2018.
38. Басу, К. По ту сторону невидимой руки: Основания новой экономической науки / К. Басу; пер. с англ. — М.: Ин-т Гайдара, 2014.
39. Бахтин, М. М. Автор и герой. К философским основаниям гуманитарных наук / М. М. Бахтин. — СПб., 2000.
40. Бахтин, М. В. Эпистемология социально-исторического знания (модели истории и философско-антропологические репрезентации) / М. В. Бахтин. — М.: ВНИИгеосистем, 2013.
41. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — М., 1979.
42. Белов, А. И. Запрещенная палеонтология. Теория биологической инволюции / А. И. Белов. — М.: Амрита, 2015.
43. Белый, Ю. А. Иоганн Кеплер / Ю. А. Белый. — М., 1971.
44. Беляев, В. А. Интеркультура и философия / В. А. Беляев. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
45. Беляев, Е. А. Роль аналогии в познании: дисс. ... канд. филос. наук / Е. А. Беляев. — М., 1967.
46. Беляев, Е. А. Некоторые особенности развития математического знания / Е. А. Беляев, Н. А. Киселева, В. Я. Перминов. — М., 1975.
47. Бергон, А. Творческая эволюция / А. Бергон. — М.; СПб., 1914.
48. Берков, В. Ф. Философия и методология науки / В. Ф. Берков. — М., 2004.
49. Бернал, Дж. Наука в истории общества / Дж. Бернал. — М., 1956.
50. Бернгейм, М. Введение в историческую науку / М. Бернгейм. — М., 1908.
51. Бехтерев, В. Психика и жизнь / В. Бехтерев. — М.: Книговек, 2012.

52. Биbihин, В. В. История современной философии. Единство философской мысли / В. В. Биbihин. — СПб.: Владимир Даль, 2014.
53. Билалов, М. И. Постижимость истины / М. И. Билалов. — Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 2017.
54. Бирюков, Б. В. Кибернетика и методология науки / Б. В. Бирюков. — М., 1974.
55. Блажевич, Н. В. Математика как язык науки / Н. В. Блажевич. — Екатеринбург, 1993.
56. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. — М., 1973.
57. Богаевский, Б. Л. Техника первобытно-коммунистического общества / Б. Л. Богаевский. — М., 1936.
58. Богатая, Л. Н. На пути к многомерному мышлению: монография / Л. Н. Богатая. — Одесса: Печатный дом, 2010.
59. Богданов, А. А. Эмпириомонизм. Статьи по философии / А. А. Богданов. — М.: Книговек, 2014.
60. Богданов, А. Вера и наука / А. Богданов. — М., 1910.
61. Богданов, А. Очерки всеобщей организации науки / А. Богданов. — Самара, 1921.
62. Богомолов, А. С. Диалектический логос. Становление античной диалектики / А. С. Богомолов. — М., 1982.
63. Бойченко, И. В. Методологическая роль исторического материализма в анализе форм социального знания / И. В. Бойченко. — Киев, 1982.
64. Большое, малое и человеческий разум. Спор о физическом мире и мире идей / С. Хокинг, Р. Пенроуз, А. Шимони и др.; пер. с англ. — СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2013.
65. Бонди, Г. Гипотезы и мифы в физической теории / Г. Бонди. — М., 1972.
66. Бор, Н. Атомная физика и человеческое познание / Н. Бор. — М., 1961.
67. Борисов, В. Н. Уровни логического процесса и основные направления их исследования / В. Н. Борисов. — Новосибирск, 1967.
68. Борн, М. Физика в жизни моего поколения / М. Борн. — М., 1963.
69. Бояринцев, В. И. Великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев / В. И. Бояринцев. — М., 2014.
70. Бриллиен, Л. Наука и теория информации / Л. Бриллиен. — М., 1960.
71. Бройль, Л. де. По тропам науки / Л. де Бройль. — М., 1962.
72. Брунер, Дж. Психология познания: За пределами непосредственной информации / Дж. Брунер. — М., 1977.
73. Бруно, Дж. Диалоги / Дж. Бруно. — М., 1949.
74. Буданов, В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В. Г. Буданов. — 3-е изд., доп. — М.: Либроком, 2009.

75. Будущее науки. — М., 1970.
76. Будущее науки в XXI веке: Следующие пятьдесят лет / под. ред. Дж. Брокмана; пер. с англ. — М.: АСТ, Астрель; Владимир: ВКТ, 2011.
77. Букановский, В. М. Принципы и основные черты классификации современного естествознания / В. М. Букановский. — Пермь, 1969.
78. Булычёв, И. И. Философские вопросы гендеристики (гендерологии): монография / И. И. Булычёв. — Иваново: ИГАСУ, 2011.
79. Бунге, М. Интуиция и наука / М. Бунге. — М., 1967.
80. Бунге, М. Причинность. Место причинности в современной науке / М. Бунге. — М., 1962.
81. Бурбаки, Н. Элементы математики: Очерки по истории математики / Н. Бурбаки. — М., 1963.
82. Бурмистров, К. Ю. «Ибо Он как огонь плавильщика»: каббала и алхимия / К. Ю. Бурмистров. — М.: ИФ РАН, 2009.
83. Буров, В. А. Постнеклассическая парадигма и новые контексты образования / В. А. Буров, Н. П. Пищулин. — М.: ООО НИЦ «Инженер», 2009.
84. Бучило, Н. Ф. Искусство и методология социально-гуманитарного познания: монография / Н. Ф. Бучило. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2017.
85. Быков, В. В. Методы науки / В. В. Быков. — М., 1974.
86. Бычков, В. В. Триалог: Разговор Второй о философии искусства в разных измерениях / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская, В. В. Иванов. — М.: ИФ РАН, 2009.
87. Бэкон, Ф. Великое Восстановление наук / Ф. Бэкон // Соч.: в 2 т. — Т. 1. — М., 1977.
88. Вайман, А. А. Шумеро-Вавилонская математика / А. А. Вайман. — М., 1961.
89. Ван дер Варден, Б. Л. Пробуждающаяся наука / Б. Л. Ван дер Варден. — М., 1959.
90. Васильева, М. Ю. Идеализм Иммануила Канта / М. Ю. Васильева. — М.: Димитрейд График Групп, 2011.
91. Вахтомин, Н. К. Генезис научного знания / Н. К. Вахтомин. — М., 1973.
92. Введенский, А. И. Логика как часть теории познания / А. И. Введенский. — М.; Пг., 1923.
93. Вдовина, Г. В. Язык неочевидного. Учения о знаках в схоластике XVII в. / Г. В. Вдовина. — М.: Изд-во ИФТИ св. Фомы, 2009.
94. Вебер, М. История хозяйства / М. Вебер. — Пг., 1923.
95. Величковский, Б. М. Современная когнитивная психология / Б. М. Величковский. — М., 1982.
96. Вербицкий, А. А., Калашников В. Г. Категория «Контекст» в психологии и педагогике: монография / А. А. Вербицкий, В. Г. Калашников — М.: Логос, 2010.

97. Вернадский, В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. — М.: Айрис-пресс, 2013.
98. Вернадский, В. И. Мысли о современном значении истории знаний / В. И. Вернадский. — Л., 1927.
99. Вернадский, В. И. Философские мысли натуралиста / В. И. Вернадский. — 2-е изд.— М.: Акад. проект, 2014.
100. Взаимодействие культур в условиях глобализации / под общ. ред. Н. М. Мамедова, А. Н. Чумакова; отв. ред. А. А. Гезалов, И. Р. Мамед-заде. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010.
101. Взаимодействие наук. — М., 1984.
102. Виктор Александрович Штофф и современная философия науки / сост. Ю. М. Шилкова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.
103. Винер, Н. Творец и робот / Н. Винер. — М., 1966.
104. Винер, Н. Я — математик / Н. Винер. — М., 1958.
105. Виноградов, В. Г. Научное предвидение / В. Г. Виноградов. — М., 1973.
106. Винограй, Э. Г. Системно-диалектический подход: теория и методология: монография / Э. Г. Винограй. — Кемерово: КемТИПП, 2014.
107. Виппер, Р. Ю. Очерки теории исторического познания / Р. Ю. Виппер. — М., 1911.
108. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн. — М., 1958.
109. Власова, О. Рональд Лэйнг. Между философией и психиатрией / О. Власова. — М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2012.
110. Возможна ли нравственность, независимая от религии? / отв. ред. А. А. Гусейнов. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
111. Войтов, А. Г. Генезис теоретической философии / А. Г. Войтов. — М.: Эндемик, 2009.
112. Войтов, А. Г. История и философия науки / А. Г. Войтов. — М., 2005.
113. Войтов, А. Г. Математика и философия. Очерки: проблемы математической компетентности общества / А. Г. Войтов. — 2-е изд. доп. — М.: Раритет, 2014.
114. Войтов, А. Г. Математика и философия. Проблемы математической компетентности общества / А. Г. Войтов. — М.: Раритет, 2013.
115. Войтов, А. Г. Наука о науке: философия, метанаука, эпистемология / А. Г. Войтов. — 3-е изд. — М.: Эндемик, 2010.
116. Войцех, В. Культура и историческая истина / В. Войцех; пер. с пол. — М.: Кругъ, 2012.
117. Войшвилло, Е. К. Понятие / Е. К. Войшвилло. — М., 1967.
118. Волков, Г. Н. Социология науки / Г. Н. Волков. — М., 1968.
119. Волков, Г. У колыбели науки / Г. Волков. — М., 1971.

120. Волков, Д. Б. Бостонский зомби: Д. Деннет и его теория сознания / Д. Б. Волков. — М.: Либроком, 2012.
121. Вопросы экономики и планирования научных исследований / под ред. Л. С. Бляхмана. — Л., 1968.
122. Воронин, А. А. Миф техники / Ин-т филос. РАН. / А. А. Воронин. — М.: Наука, 2006.
123. Выгодский, Л. Мышление и речь: сб. / Л. Выгодский. — М.: АСТ, Астрель, 2011.
124. Выготский, Л. С. Развитие высших психических функций / Л. С. Выготский. — М., 1960.
125. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Г.-Г. Гадамер. — М., 1988.
126. Гаджев, Г. А. Онтология права: Критические исследования юридического концепта действительности: монография / Г. А. Гаджев. — М.: Норма, 2012; ИНФРА-М, 2013.
127. Газарова, Е. Философия душевного здоровья и психотерапии / Е. Газарова. — М.: Орфография, 2012.
128. Гайденко, П. П. История новоевропейской философии и ее связи с наукой / П. П. Гайденко. — 3-е изд. — М.: Либроком, 2011.
129. Гайденко, П. П. Эволюция понятия науки / П. П. Гайденко. — М., 1980.
130. Галилей, Г. Диалог о двух главнейших системах мира / Г. Галилей. — М.; Л., 1948.
131. Гаспаров, М. Л. Филология как нравственность / М. Л. Гаспаров. — М.: Фортуна Эл, 2012.
132. Гегель, Г. В. Ф. Лекции по истории философии / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993.
133. Гегель, Г. В. Ф. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа. Соч., т. 4 / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1959.
134. Гегель, Г. В. Ф. Философия истории / Г. В. Ф. Гегель. — СПб., 1993.
135. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1974.
136. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 2: Философия природы / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1975.
137. Гейзенберг, В. Физика и философия / В. Гейзенберг. — М., 1963.
138. Гейтинг, А. Интуиционизм / А. Гейтинг. — М., 1965.
139. Геккель, Э. Мировые загадки: Общедоступные очерки монистической философии / Э. Геккель; пер. с нем. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2012.
140. Гельвеций, К. О. О человеке, его умственных способностях и воспитании / К. О. Гельвеций // Соч.: в 2 т. — Т. 2 — М., 1974.

141. Генезис и пути развития русской и украинской философской мысли: монография / Г. Е. Аляев и др.; под общ. ред. Г. Е. Аляева, Н. А. Куценко, Т. Д. Суходуб. — Полтава: ООО «АСМИ», 2013.
142. Генон, Р. Очерки о традиции и метафизики / Р. Генон; пер. с фр. — СПб.: Азбука-классика, 2010.
143. Георгиев, Ф. И. Чувственное познание / Ф. И. Георгиев и др. — М., 1965.
144. Гермашиков, М. Д. Общая диалектика природы / М. Д. Гермашиков. — Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010.
145. Геродот. История / Геродот. — М., 1972.
146. Гершель, Дж. Философия естествознания: Об общем характере, пользе и принципах исследования природы / Дж. Гершель; пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2011.
147. Герье, В. И. Философия истории от Августина до Гегеля / В. И. Герье. — М., 1915.
148. Гессен, Б. М. Социально-экономические корни механики Ньютона / Б. М. Гессен. — М.; Л., 1933.
149. Гёте, И. В. Об искусстве / И. В. Гёте. — М., 1975.
150. Гёте, И. В. Учение о свете: Теория познания / И. В. Гёте; пер. с нем. — М.: Либроком, 2011.
151. Гвиашвили, Г. В. Философия гуманизма / Г. В. Гвиашвили. — М.: Поколение, 2009.
152. Гильберт, Д. Основания геометрии / Д. Гильберт. — М., 1949.
153. Гимазетдинова, А. Х. Экологическое сознание и экологический архетип: монография / А. Х. Гимазетдинова, Н. М. Солодухо. — Казань: Изд-во КГТУ, 2008.
154. Глинский, Б. А. Моделирование как метод научного познания / Б. А. Глинский и др. — М., 1965.
155. Глушков, В. М. О гносеологических основах математизации наук / В. М. Глушков. — М., 1965.
156. Гносеология в системе философского мировоззрения. — М., 1983.
157. Гоббс, Т. Избранные произведения: в 2 т. / Т. Гоббс. — М., 1964.
158. Гобзов, И. А. Кому нужна такая философия?! От поиска истины к постмодернистскому трепу / И. А. Гобзов. — М.: Либроком, 2011.
159. Гобзов, И. А. Философские проблемы политики / И. А. Гобзов. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
160. Голофаст, В. Б. Методологический анализ в социальном исследовании / В. Б. Голофаст. — Л., 1981.
161. Гольбах, П. А. Система природы / П. А. Гольбах // Избр. произв. — Т. 1. — М., 1963.

162. Горелик, Г. Андрей Сахаров: Наука и свобода / Г. Горелик. — М.: Мол. гвардия, 2010.
163. Горин-Галкин, В. Ф. Долой материализм! Материалистическая теория познания и введение к критике эмпириокритической политики / В. Ф. Горин-Галкин. — 3-е изд. — М.: Либроком, 2011.
164. Горохов, Г. В. Техника и культура: Возникновение философии техники и теории технического творчества в России и Германии в конце XIX — начале XX столетия (сравнительный анализ) / Г. В. Горохов. — М.: Логос, 2009.
165. Горский, Д. П. Проблемы общей методологии наук и диалектическая логика / Д. П. Горский. — М., 1966.
166. Гортер, Г. Исторический материализм / Г. Гортер; пер. с нем. — 3-е изд.— М.: Либроком, 2011.
167. Горький о науке: Статьи, речи, письма, воспоминания. — М., 1964.
168. Готт, В. С. Категории современной науки (Становление и развитие) / В. С. Готт, Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул. — М., 1984.
169. Готт, В. С. О единстве научного познания / В. С. Готт, А. Д. Урсул, Э. Н. Семенюк. — М., 1977.
170. Готт, В. С. Общенаучные понятия и их роль в познании / В. С. Готт, А. Д. Урсул. — М., 1975.
171. Готфрид, П. Странная смерть марксизма / П. Готфрид; пер. с англ. Б. Пинскера. — М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009.
172. Гоулман, Д. Эмоциональный интеллект / Д. Гоулман; пер. с англ. — М.: Аст, Астрель, 2011.
173. Гранин, Ю. Д. Эволюция науки и ее философские осмысления / Ю. Д. Гранин. — М.: Академия Медиаиндустрии, 2017.
174. Грант, Р. Современный стратегический анализ / Р. Грант. — 7-е изд.— СПб.: Питер, 2012.
175. Грибашёв, В. П. Что такое «Спектральная логика» и «Спектроглобус Грибашева» / В. П. Грибашёв, Н. И. Шелейкова. — М.: Беловодье, 2009.
176. Грин, Б. Скрытая реальность: Параллельные миры и глубинные законы космоса / Б. Грин; пер. с англ. — М.: УРСС; Либроком, 2013.
177. Гриценко, В. П. Социосемиотика / В. П. Гриценко. — Екатеринбург: ИМС, 2006.
178. Гришунин, С. И. Возможна ли современная наука без интуиции / С. И. Гришунин. — М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
179. Гришунин, С. И. Модели творческой интуиции в контексте науки, философии и прогнозирования: монография / С. И. Гришунин. — М.: РФО, 2006.

180. Грот, Н. Я. Основные моменты в развитии новой философии: От Джордано Бруно до Канта / Н. Я. Грот. — М.: Либроком, 2011.
181. Грушин, Б. А. Очерки логики исторического исследования / Б. А. Грушин. — М., 1961.
182. Грязнов, Б. С. Логика, рациональность, творчество / Б. С. Грязнов. — М., 1982.
183. Гулыга, А. В. Искусство в век науки / А. В. Гулыга. — М.: Наука, 1978.
184. Гулыга, А. В. Эстетика истории / А. В. Гулыга. — М., 1974.
185. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. — М., 1972.
186. Гусев, С. С. Проблема понимания в философии. Философско-гносеологический анализ / С. С. Гусев, Г. Л. Тульчинский. — М., 1985.
187. Гуссерль, Э. Логические исследования: Т. 1: Прологомены к чистой логике / Э. Гуссерль; пер. с нем. — М.: Акад. проект, 2011.
188. Да Винчи, Л. Суждения о науке и искусстве / Л. да Винчи; пер. с ит. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015.
189. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. — М., 1986.
190. Давыдова, И. А. Секреты мозга / И. А. Давыдова. — М.: Эксмо, 2010.
191. Данилевский, И. В. Структуры коллективного бессознательного: Квантовоподобная социальная реальность / И. В. Данилевский. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: КомКнига, 2005.
192. Данилевский, Н. Я. Дарвинизм. Критическое исследование / Н. Я. Данилевский. — М.: ФИВ, 2015.
193. Данилова, В. С. Ноосферная репрезентация современного универсализма: монография / В. С. Данилова. — Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012.
194. Даннеман, Ф. История естествознания. Естественные науки в их развитии и взаимодействии. От зачатия науки до эпохи Возрождения / Ф. Даннеман; пер. с нем. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2011.
195. Дарвин, Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). Дневник работы и жизни / Ч. Дарвин. — М., 1957.
196. Дейч, Д. Начало бесконечности: Объяснения, которые меняют мир / Д. Дейч; пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014.
197. Декарт, Р. Рассуждения о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках / Р. Декарт; пер. с фр. — М.: Эксмо, 2015.
198. Делёз, Ж. Логика смысла / Ж. Делёз; пер. с фр. — М.: Акад. проект, 2011.
199. Делия, В. П. Инновационное мышление в XXI в. / В. П. Делия. — Балашиха: Де-По, 2011.

200. Демиденко, Э. С. Формирование метаобщества и постбиосферной земной жизни / Э. С. Демиденко. — М.; Брянск: Всемир. информ. энциклопедия, 2006.
201. Дергачёва, Е. А. Философия техногенного общества: монография / Е. А. Дергачёва. — М.: Ленанд, 2011.
202. Деятельность. Теории, методология, проблемы. — М., 1990.
203. Джадд, Д. Пришествие эволюции: История великого переворота в науке / Д. Джадд; пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2011.
204. Джахая, Л. Классификация наук как философская и науковедческая проблема / Л. Джахая. — Сухуми, 1969.
205. Джемс, В. Прагматизм / В. Джемс. — СПб., 1910.
206. Джемс, У. Многообразие религиозного опыта / У. Джемс. — М., 1910.
207. Дзюра, А. И. Поэтика мифологии и философии (опыт культурософской ретроспекции) / А. И. Дзюра. — Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005.
208. Диалектика в науках о неживой природе. — М., 1964.
209. Диалектика и логика научного познания. — М., 1966.
210. Диалектика научного познания. — М., 1978.
211. Диалектика познания: Компоненты, аспекты, уровни. — Л., 1983.
212. Диалог культур: наука, философия, искусство, политика и образование: сб. науч. трудов к 55-летию со дня рождения проф. В. Д. Жукоцкого / отв. ред. З. Р. Жукоцкая, Е. С. Борзов. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009.
213. Дильс, Г. Античная техника / Г. Дильс. — М.; Л., 1934.
214. Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времени Возрождения и Реформации / В. Дильтей. — 2-е изд. — СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2013.
215. Дильтей, В. Описательная психология / В. Дильтей. — М., 1974.
216. Дмитриева, М. С. Синергетика в науке и наука языком синергетики: сб. статей / М. С. Дмитриева. — Одесса: Астропринт, 2005.
217. Добриянов, В. С. Методологические проблемы теоретического и исторического познания / В. С. Добриянов. — М., 1968.
218. Добров, Г. М. Наука о науке. Введение в общее наукознание / Г. М. Добров. — Киев, 1966.
219. Доказательство: Труды московского семинара по философии математики / Мос. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философский ф-т; под ред. В. А. Бажанова, А. Н. Кричевца, В. А. Шапошникова. — М.: Либроком, 2014.
220. Докинз, Р. Бог как иллюзия / Р. Докинз; пер. с англ. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013.

221. Драгункин, А. Н. Происхождение слов, цифр и букв. Книга для всех / А. Н. Драгункин. — СПб.: Издательский дом «АНДРА-С», 2014.
222. Дробницкий, О. Г. Понятие морали / О. Г. Дробницкий. — М., 1974.
223. Дружинин, Ю. С. Техника художественного транс. Художественная культура и технология формирования художественного мирозерцания / Ю. С. Дружинин. — М.: ГИИ, 2011.
224. Дубинин, Н. П. Проблемы генетики и марксистско-ленинская философия / Н. П. Дубинин. — М., 1970.
225. Дубровский, Д. И. Сознание, мозг, искусственный интеллект: сб. статей / Д. И. Дубровский. — М.: 2007.
226. Дугин, А. Г. В поисках темного Логоса: Философско-богословские очерки / А. Г. Дугин. — М.: Акад. проект, 2013.
227. Дуреева, Н. С. Роль моделей в теории познания: учеб. пособие / Н. С. Дуреева. — М.: Инфра-М, 2018.
228. Дышлевский, П. С. Материалистическая философия и развитие естествознания / П. С. Дышлевский, Ф. М. Канак. — Киев, 1977.
229. Дьяков, В. А. Методология истории в прошлом и настоящем / В. А. Дьяков. — М., 1974.
230. Дэвид Юм и современная философия: сб. статей / под ред. И. Т. Касавина. — М.: Альфа-М, 2012.
231. Дэвич, П. Проект вселенной. Новые открытия творческой способности природы к самоорганизации / П. Дэвич. — М.: Библиейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2009.
232. Дюбуа-Реймон, П. Границы познания в области точных наук: С приложением статей Г. Герцена, Г. Гельмгольца и Л. Пастера / П. Дюбуа-Реймон; пер. с нем. — М.: Либроком, 2012.
233. Дюгем, П. Физическая теория, ее цель и строение / П. Дюгем. — СПб., 1910.
234. Дюркгейм, Э. Социология и теория познания / Э. Дюркгейм // Новые идеи в социологии. — СПб., 1913.
235. Елхова, О. И. Онтология виртуальной реальности: монография / О. И. Елхова. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011.
236. Ерахтин, А. В. Онтология в системе философского знания: монография / А. В. Ерахтин. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.
237. Ерунов, Б. А. Мнение в системе человеческого познания / Б. А. Ерунов. — Л., 1973.
238. Естественный и искусственный интеллект: методологические и социальные проблемы / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.

239. Жалдак, Н. Н. Изобразительная практическая логика естественного языка науки / Н. Н. Жалдак. — М.: РФО, 2006.
240. Жариков, Е. С. Научный поиск / Е. С. Жариков. — Киев, 1967.
241. Жбанкова, И. И. Философские принципы в научном познании / И. И. Жбанкова. — Минск, 1974.
242. Жижек, С. Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии / С. Жижек; пер. с англ. — М.: Дело РАНХиГС, 2014.
243. Жильсон Э. Дух средневековой философии / Э. Жильсон; пер. с фр. — М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2011.
244. Жмудский, А. З. В. И. Ленин о временных кризисах в естествознании / А. З. Жмудский. — Киев, 1960.
245. Жуков, Е. М. Очерки методологии истории / Е. М. Жуков. — М., 1980.
246. Завалько, Г. А. Философские проблемы эстетики / Г. А. Завалько. — М.: Либроком, 2011.
247. Загвязинский, В. И. Методология и методика социально-педагогического исследования / В. И. Загвязинский. — М., 1995.
248. Зворыкин, А. А. История техники / А. А. Зворыкин, Н. И. Осьмова, В. И. Чернышев и др. — М., 1962.
249. Земан, И. Познание и информация. Гносеологические проблемы кибернетики / И. Земан. — М., 1966.
250. Зеньковский, В. Христианская философия / В. Зеньковский. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2010.
251. Зиммель, Г. Проблемы философии истории / Г. Зиммель. — М., 1898.
252. Зиновьев, А. А. Основы логической теории научных знаний / А. А. Зиновьев. — М., 1967.
253. Золотухина-Аболина, Е. В. Сознание, творящее реальность (гносеологические и экзистенциальные аспекты) / Е. В. Золотухина-Аболина. — М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.
254. Золотухина-Аболина, Е. В. Эзотерика для непосвященных или Нерасколдованный мир / Е. В. Золотухина-Аболина. — Пенза: Золотое сечение, 2009.
255. Зоммерфельд, А. Пути познания в физике / А. Зоммерфельд. — М., 1973.
256. Зотов, А. Ф. Современная буржуазная методология науки / А. Ф. Зотов, Ю. В. Воронцова. — М., 1983.
257. Зотов, А. Ф. Структура научного мышления / А. Ф. Зотов. — М., 1973.
258. Зубчанинов, В. В. Научная деятельность в США и технический прогресс в крупнейших капиталистических странах / В. В. Зубчанинов. — М., 1976.
259. Зуев, К. А. Диагностическое познание / К. А. Зуев, Е. А. Кротков. — М.: Вузов. учебник, ИНФРА-М, 2011.

260. Зыкова, И. В. Культура как информационная система. Духовное, ментальное, материально-знаковое: монография / И. В. Зыкова. — М.: Либроком, 2011.
261. Иванов, В. П. Человеческая деятельность — познание — искусство / В. П. Иванов. — Киев, 1977.
262. Ивс, Г. О математической логике и философии математики / Г. Ивс, К. В. Ньюсом. — М., 1968.
263. Идеалы и нормы научного исследования. — Минск, 1981.
264. Идельсон, Н. И. Этюды по истории небесной механики / Н. И. Идельсон. — М., 1975.
265. Илиади, А. Н. Практическая природа человеческого познания / А. Н. Илиади. — М., 1962.
266. Ильенков, Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории / Э. В. Ильенков. — М., 1974.
267. Ильенков, Э. В. Философия и культура / Э. В. Ильенков. — М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та; Воронеж: Модэк, 2009.
268. Ильенков Эвальд Васильевич / под ред. В. И. Толстых. — М.: РОССПЭН, 2008.
269. Ильин, В. В. Природа науки / В. В. Ильин, А. Т. Калинин. — М., 1985.
270. Ильин, В. В. Теории познания. Введение. Общие проблемы / В. В. Ильин. — М., 1993.
271. Ильин, В. В. Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания / В. В. Ильин. — М.: Акад. проект: Гаудеамус, 2014.
272. Ильичев, Л. Ф. Философия и научный прогресс / Л. Ф. Ильичев. — М., 1977.
273. Иноземцева, Т. Н. Алиби для Зевса. Очевидное—невероятное в разгадке тайны древнегреческой мифологии / Т. Н. Иноземцева. — Кострома: Изд-во Костромской ГСХА, 2009.
274. Институт человека. Идея и реальность / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.- сост. М. И. Фролова. — М.: ЛЕНАНД, 2018.
275. Интеллектуальный потенциал ученых России: сборник научных трудов Сибирского института знанияведения / отв. ред. Е. В. Ушакова, Ю. И. Колужов. — Вып. VII. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008.
276. Искусственный интеллект: Междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского и В. А. Лекторского. — М.: ИИнтелЛ, 2006.
277. Историография естествознания на рубеже нового тысячелетия: сб. — СПб.: РХГА, 2008.
278. Исторический источник и историческое познание (Методологические аспекты). — Томск, 1973.
279. Исторический материализм как теория социального познания и деятельности. — М., 1972.

280. История и Математика. Анализ и моделирование социально-исторических процессов / отв. ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малюков, Л. Е. Гринин. — М.: КомКнига, 2007.
281. История и Математика: Проблемы периодизации исторических макро-процессов / отв. ред. А. В. Коротаев, С. Ю. Малюков, Л. Е. Гринин. — М.: КомКнига, 2006.
282. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия. — Т. 1. — М., 1970.
283. Исхаков, Р. Л. Теория человека. Психобиокомпьютер (Развитие психобиокомпьютерных способностей в школе) / Р. Л. Исхаков. — Казань: Отечество, 2005.
284. Итальянские гуманисты о церкви и религии. — М., 1963.
285. Йилмаз, И. Эволюция: наука или идеология? / И. Йилмаз; пер. с тур. — М.: Новый свет, 2008.
286. Йолон, П. Ф. Рациональность в науке и культуре / П. Ф. Йолон, С. Б. Крымский, Б. А. Парахонский. — Киев: Наукова думка, 1989.
287. Каган, В. Ф. Лобачевский и его геометрия / В. Ф. Каган. — М.: Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1955.
288. Каган, В. Ф. Очерки по геометрии / В. Ф. Каган. — М., 1963.
289. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. — М., 1974.
290. Каганова, З. В. Проблемы философских оснований биологии / З. В. Каганова. — М., 1979.
291. Казьмин, А. К. Код Гегеля: системное мышление, социальная кибернетика / А. К. Казьмин. — М.: Москов. учебники-СиДиПресс, 2006.
292. Калининков, Л. А. Кант в русской философской культуре: монография / Л. А. Калининков. — Калининград: РГУ им. И. Канта, 2005.
293. Калмыков, Ю. А. Самопознание шута / Ю. А. Калмыков. — М.: Ретроцентр М, 2007.
294. Канкарт, Т. Аристотель и муравьед едут в Вашингтон: Понимание политики через философию и шутки / Т. Канкарт, Д. Кляйн; пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшен, 2012.
295. Канке, В. А. Основные философские направления и концепции науки / В. А. Канке. — М., 2004.
296. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. — СПб., 1907.
297. Кант, И. Метафизические начала естествознания. Спор факультетов / И. Кант // Соч. — Т. 6. — М., 1966.
298. Капица, П. Л. Эксперимент, теория, практика / П. Л. Капица. — М., 1974.
299. Капица, С. П. Парадоксы роста. Законы глобального развития человечества. / С. П. Капица. — 3-е изд. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013.
300. Кара-Мурза, С. Г. Между идеологией и наукой / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Науч. эксперт, 2013.

301. Кара-Мурза, С. Г. Потерянный разум: Интеллигенция на пепелище России / С. Г. Кара-Мурза. — М.: Алгоритм, 2012.
302. Кареев, Н. И. Теория исторического знания. Из коллекций по общей теории истории / Н. И. Кареев. — Ч. 1. — СПб., 1913.
303. Карнап, Р. Философские основания физики / Р. Карнап. — М., 1971.
304. Карпенко, А. С. Логика Лукасевича и простые числа / А. С. Карпенко. — 3-е изд., испр. — М.: URSS, 2009.
305. Карпов, М. М. Основные закономерности развития естествознания / М. М. Карпов. — Ростов н/Д, 1963.
306. Карри, Х. Основы математической логики / Х. Карри. — М., 1969.
307. Касавин, И. Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания / И. Т. Касавин. — СПб., 1999.
308. Касавин, И. Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы / И. Т. Касавин. — М.: Альфа-М, 2013.
309. Кассирер, Э. Познание и действительность / Э. Кассирер. СПб., 1912.
310. Кассирер, Э. Философия просвещения / Э. Кассирер; пер. с нем. — 2-е изд. — СПб.: Центр гуманитар. инициатив, 2013.
311. Кассирер, Э. Философия символических форм: в 3 т. / Э. Кассирер; пер. с нем. — М.: Акад. проект, 2011. — (Филос. технологии).
312. Категории исторического материализма: их роль в познании и преобразовании социальной действительности. — Киев, 1985.
313. Кацис, Л. Ф. Смена парадигм и смена парадигмы. Очерки русской литературы, искусства и науки XX в. / Л. Ф. Кацис. — М.: РГУ, 2012.
314. Кедров, Б. М. День одного великого открытия / Б. М. Кедров. — М., 1958.
315. Кедров, Б. М. Классификация наук / Б. М. Кедров. — Т. 1. — М., 1961.
316. Кедров, Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук / Б. М. Кедров. — М., 1967.
317. Кедров, Б. М. Три аспекта атомистики. II. Учение Дальтона. Исторический аспект / Б. М. Кедров. — М., 1969.
318. Кедровский, О. И. Взаимосвязь философии и математики в процессе исторического развития / О. И. Кедровский. — Киев, 1974.
319. Кезин, А. В. Наука в зеркале философии / А. В. Кезин. — М., 1990.
320. Келле, В. Ж. Социальное знание и социальное управление / В. Ж. Келле. — М., 1976.
321. Келле, В. Ж. Теория и история. Проблемы теории исторического процесса / В. Ж. Келле, М. Я. Ковальзон. — М., 1981.
322. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу / Ф. Х. Кессиди. — М., 1972.
323. Кистяковский, Б. А. Социальные науки и право / Б. А. Кистяковский. — М., 1916.

324. Киященко, Л. П. Философия трансдисциплинарности / Л. П. Киященко, В. Моисеев. — М.: ИФ РАН, 2009.
325. Клейн, Ф. Лекции о развитии математики в XIX столетии / Ф. Клейн. — Ч. 1. — М.; Л., 1937.
326. Клике, Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта / Ф. Клике. — М., 1983.
327. Клюканов, И. Э. Коммуникативный универсум / И. Э. Клюканов. — М.: Изд-во РОССПЭН, 2010.
328. Ключевский, В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории / В. О. Ключевский. — М., 1968.
329. Ковалев, А. М. Принципы новой философии (идеи, размышления, гипотезы) / А. М. Ковалев. — М.: Совр. тетради, 2006.
330. Ковальзон, М. Я. Общественное сознание и общественные науки / М. Я. Ковальзон, Н. М. Макешин. — М., 1973.
331. Кожевников, Н. Н. Предпосылки формирования постнеклассических философии и науки: монография / Н. Н. Кожевников, В. С. Данилова. — Якутск: Издательский дом СВФУ, 2014.
332. Колеватов, В. А. Социальная память и познание / В. А. Колеватов. — М., 1984.
333. Колчигин, С. Ю. Слово и дух / С. Ю. Колчигин. — Алматы, 2012.
334. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения / Я. А. Коменский. — М., 1955.
335. Коммуникативная рациональность. Эпистемологический подход / отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. — М.: ИФ РАН, 2009.
336. Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации / под ред. И. Т. Касавина, В. Н. Поруса. — М.: Альфа-М, 2012.
337. Кондорсе, Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума / Ж. А. Кондорсе. — М., 1936.
338. Кондратьев, В. М. Социальность образования: введение в методологию исследования: монография / В. М. Кондратьев. — М.: МГПУ, 2011.
339. Кондрашов, П. Н. Онтологические структуры историчности: исследование философии истории Карла Маркса / П. Н. Кондрашов; под ред. К. Н. Любутина. — М.: Либроком, 2014.
340. Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / отв. ред. В. А. Лекторский. — М.: Канон, 2009.
341. Конт-Спонвиль, А. Малый трактат о великих добродетелях, или Как пользоваться философией в повседневной жизни / А. Конт-Спонвиль; пер. с фр. — М.: Этерна, 2012.
342. Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках / под ред. В. Ахамер, Н. Гронской, В. Зусмана и др. — Н. Новгород: Деком, 2011.

343. Концепции науки в буржуазной философии и социологии. — М., 1973.
344. Копнин, П. В. Гносеологические и логические основы науки / П. В. Копнин. — М., 1974.
345. Копнин, П. В. Диалектика, логика, наука / П. В. Копнин. — М., 1973.
346. Корнилов, Ю. К. На пути к психологии практического мышления / Ю. К. Корнилов. — М.: Ин-т психологии РАН, 2014.
347. Коршунов, А. М. Отражение, деятельность, познание / А. М. Коршунов. — М., 1979.
348. Коршунов, А. М. Творчество и отражение в историческом познании / А. М. Коршунов, В. Ф. Шаповалов. — М., 1984.
349. Коршунов, А. М. Теория познания диалектического материализма. Формы и методы научного познания / А. М. Коршунов, Б. И. Востоков. — М., 1971.
350. Косарева, Л. М. Предмет науки / Л. М. Косарева. — М., 1977.
351. Косарева, Л. М. Рождение науки Нового времени из духа культуры / Л. М. Косарева. — М., 1997.
352. Косилова, Е. В. Культурологический анализ научной парадигмы в психиатрии. На примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга: дис. ... канд. филос. наук / Е. В. Косилова. — М., 2002.
353. Косилова, Е. В. Психиатрия. Опыт философского анализа: монография / Е. В. Косилова. — М.: Проспект, 2014.
354. Косиченко, А. Г. Религия: сущность и актуальные проблемы / А. Г. Косиченко; под общ. ред. З. К. Шаукеновой. — Алматы: ИФПК КН МОН РК, 2012.
355. Косолапов, В. В. Методология и логика исторического исследования / В. В. Косолапов. — Киев, 1977.
356. Костычев, С. П. Натурфилософия и точные науки / С. П. Костычев. — Пг., 1922.
357. Коул, М. Культура и мышление / М. Коул, С. Скрибнер. — М., 1977.
358. Кохановский, В. П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук / В. П. Кохановский. — Ростов н/Д, 2005.
359. Критическое мышление, логика, аргументация: сб. статей / под ред. В. Н. Брюшинкина, В. И. Маркина. — Калининград: Изд-во КГУ, 2003.
360. Крымский, С. Б. Научное значение и принципы его трансформации / С. Б. Крымский. — Киев, 1974.
361. Кто сегодня делает философию в России / авт.-сост. А. Нилогов. — Т. 1. — М.: Поколение, 2007.
362. Кувакин, В. А. Неизвестность / В. А. Кувакин, В. П. Ковалева. — М.-Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика»; Ин-т компьют. исслед-й, 2006.

363. Кудинов, О. П. Деловые игры в политическом консультировании: Концепции и методики / О. П. Кудинов. — М., 2004.
364. Кудрин, Б. И. Через тернии к общей и прикладной ценологии. Основы ценологии, технетики, электрики. Антология публикаций и интервью за 1980–2016 гг. Монографическое издание / Б. И. Кудрин. — Вып. 57/30. «Ценологические исследования». — М.: Технетика, 2016.
365. Кузанский Н. Избранные философские произведения. — М., 1937.
366. Кузнецов, Б. Г. История философии для физиков и математиков / Б. Г. Кузнецов. — М., 1974.
367. Кузнецов, Б. Г. Ценность познания / Б. Г. Кузнецов. — М., 1975.
368. Кузнецов, Б. Г. Эволюция картины мира / Б. Г. Кузнецов. — М., 1961.
369. Кузнецов, В. Г. Герменевтика и гуманитарное познание / В. Г. Кузнецов. — М., 1991.
370. Кузнецов, И. В. Избранные труды по методологии физики / И. В. Кузнецов. — М., 1975.
371. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. — М., 1980.
372. Кузьмина, А. В. Категория «интерес» в философии и праве / А. В. Кузьмина. — М.: Юрид. лит., 2009.
373. Кукушкина, Е. И. Познание, язык, культура / Е. И. Кукушкина. — М., 1984.
374. Кулизаде, З. Четко-нечеткое постижение логики бытия / З. Кулизаде. — Баку, 2017.
375. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. — М., 1977.
376. Куприян, А. П. Проблема эксперимента в системе общественной практики / А. П. Куприян. — М., 1981.
377. Купцов, В. И. Роль философии в научном познании / В. И. Купцов. — М., 1976.
378. Купцов, В. И. Философия и методология науки: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. И. Купцов. — 2-е изд. — М.: Юрайт, 2018.
379. Кураге, В. И. Теория познания / В. И. Кураге // Русская философия. Словарь. — М., 1995.
380. Курцвейл, Р. Эволюция разума / Р. Курцвейл; пер. с англ. — М.: Эксмо, 2015.
381. Кутырёв, В. А. Время Mortido / В. А. Кутырёв. — СПб.: Алетейя, 2012.
382. Кутырёв, В. А. Унесенные прогрессом: эсхатология жизни в техногенном мире / В. А. Кутырёв. — СПб.: Алетейя, 2016.
383. Кэмпбелл, Д. Модели эксперимента в социальной психологии и прикладных исследованиях / Д. Кэмпбелл. — М., 1980.

384. Лакатос, И. История науки и ее рациональные реконструкции / И. Лакатос // Структура и развитие науки. — М., 1978.
385. Ланца, Р. Биоцентризм. Как жизнь создает Вселенную / Р. Ланца, Б. Берман. — СПб.: Питер, 2015.
386. Лаплас. Опыт философии теории вероятностей. — М., 1908.
387. Ларионова, Л. И. Культурно-психологические факторы развития интеллектуальной одаренности / Л. И. Ларионова. — М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
388. Лахтин, Г. А. Тактика науки / Г. А. Лахтин. — Новосибирск, 1969.
389. Лауэ, М. История физики / М. Лауэ. — М., 1956.
390. Лаэртский, Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Д. Лаэртский. — М., 1979.
391. Лебедев, С. А. Введение в историю и философию науки / С. А. Лебедев [и др.]. — М., 2005.
392. Лебедев, С. А. Методология науки. Проблема индукции: монография / С. А. Лебедев. — М.: Альфа-М, 2013.
393. Лебедев, С. А. Философия научно-инновационной деятельности: монография / С. А. Лебедев, Ю. А. Ковылин. — М.: Акад. проект, Парадигма, 2012.
394. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / Л. Леви-Брюль; пер. с фр. — М.: Акад. проект, 2015.
395. Леви-Брюль, Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль; пер. с фр. — М.: Акад. проект, 2015.
396. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М., 1983.
397. Лейбниц, Г. В. Новые опыты о человеческом разуме / Г. В. Лейбниц. — М., 1936.
398. Лейбниц, Г. В. Полемика Г. Лейбница и С. Кларка по вопросам философии и естествознания (1715–1716) / Г. В. Лейбниц. — Л., 1960.
399. Лейман, И. И. Наука как социальный институт / И. И. Лейман. — Л., 1971.
400. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. — М., 1980.
401. Лекторский, В. А. Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. — М., 2000.
402. Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 18.
403. Ленин, В. И. Философские тетради / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. — Т. 29.
404. Ленинская теория отражения и современная наука. — Т. 1–3. — София, 1973.

405. Леонтьев, А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка / А. А. Леонтьев. — М., 1963.
406. Лепский, В. Е. Проблема субъекта (междисциплинарный анализ) / В. Е. Лепский. — М.: Гуманитарий, 2009.
407. Липкин, А. И. Основания физики. Взгляд из теоретической физики / А. И. Липкин. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
408. Лисеев, И. К. Науки о жизни сегодня: философские инновации / И. К. Лисеев [и др.]. — М.: ИФ РАН, 2016.
409. Лисеев, И. К. Философия. Биология. Культура (работы разных лет) / И. К. Лисеев. — М.: ИФ РАН, 2011.
410. Литвин, Т. В. Время восприятия, воображение. Феноменологические штудии по проблеме времени у Августина, Канта и Гуссерля / Т. В. Литвин. — СПб.: Гуманитар. академия, 2013.
411. Лобанов, В. И. Русская логика — победитель академиков. Азбука математической логики / В. И. Лобанов. — М.: Рус. правда, 2014.
412. Ловецкий, Г. И. Наука и философия науки: в 3 ч. — Ч. 1. Параллельные миры науки: монография / Г. И. Ловецкий. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2013.
413. Ловецкий, Г. И. Философия и математика. Высшие идеи и числа в Древнем мире и Античности / Г. И. Ловецкий. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009.
414. Логика и методология науки (Тезисы докладов на XV Всемирном конгрессе философов). — М., 1973.
415. Логика и эмпирическое познание. — М., 1972.
416. Логика научного исследования. — М., 1965.
417. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX в.): М. И. Каринский, В. И. Ивановский, Н. А. Васильев / под ред. В. А. Бажанова. — М.: РОССПЭН, 2012.
418. Локк, Дж. Опыт о человеческом разуме / Дж. Локк. — М., 1898.
419. Ломброзо, Ч. Гениальность и помешательство / Ч. Ломброзо; пер. с ит. — М.: Астрель, Полиграфиздат, 2012.
420. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — СПб.: Питер, 2014.
421. Лосев, А. Ф. Диалектические основы математики / А. Ф. Лосев. — М.: Academia, 2013.
422. Лосев, А. Ф. Знак, символ, миф (Труды по языкознанию) / А. Ф. Лосев. — М., 1982.
423. Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев. — М.: Акад. проект, 2009.
424. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Вып. 1. — Тарту, 1976.
425. Лук, А. Н. Психология творчества / А. Н. Лук. — М., 1978.

426. Лукасевич, Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич. — М., 1959.
427. Лурья, А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов / А. Р. Лурья. — М., 1974.
428. Лурье, С. Я. Очерки по истории античной науки. Греция эпохи расцвета / С. Я. Лурье. — М., 1947.
429. Льюис, Г. Н. Анатомия науки / Г. Н. Льюис; пер.с англ. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2011.
430. Любович, Н. Н. Статистический метод в приложении к истории / Н. Н. Любович. — Варшава, 1901.
431. Мавринский, И. И. Проблема достоверности в становлении рациональности / И. И. Мавринский. — СПб.: СПбГУ, 2012.
432. Маилов, А. И. Описание и объяснение (Проблема феноменологизма в свете принципов диалектической логики) / А. И. Маилов, М. Х. Хасанов. — Ташкент, 1969.
433. Майданов, А. С. Общение незрячих с красотой природы (напечатано шрифтом Брайля) / А. С. Майданов. — М.: Логос, 2009.
434. Майзель, И. А. Наука, автоматизация, общество / И. А. Майзель. — Л., 1972.
435. Майзель, И. А. Социология науки. Проблемы и перспективы / И. А. Майзель. — Л., 1974.
436. Майоров, Г. Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница / Г. Г. Майоров. — М., 1973.
437. Макаревичус, К. Место мысленного эксперимента в познании / К. Макаревичус. — М., 1971.
438. Макаров, В. Л. Социальное моделирование — новый компьютерный прорыв (агент-ориентированные модели) / В. Л. Макаров, А. Р. Бахтизин. — М.: Экономика, 2013.
439. Маковельский, А. О. История логики / А. О. Маковельский. — М., 1967.
440. Максимов, В. В. Исследование функционирования абстракций в развивающихся обществах. Познание обществом себя как фактор развития общества / В. В. Максимов. — М.: Концепт, 2009.
441. Малкина, С. М. Деконструкция и интерпретативные стратегии постметафизического мышления / С. М. Малкина; под ред. М. О. Орлова. — Саратов: Изд-во СГУ, 2011.
442. Малютин, А. О. Иррациональный мозг: Почему мы думаем одно, а делаем другое / А. О. Малютин. — М.: Эксмо, 2011.
443. Мамардашвили, М. К. Очерк современной европейской философии / М. К. Мамардашвили. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

444. Мамардашвили, М. К. Стрела познания. набросок естественно-исторической гносеологии / М. К. Мамардашвили. — М., 1996.
445. Мамедов, А. К. Эпистемология социального познания: монография / А. К. Мамедов. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017.
446. Мамчур, Е. А. Отечественная философия науки: предварительные итоги / Е. А. Мамчур, Н. Ф. Овчинников, А. П. Огурцов. — М., 1997.
447. Мамчур, Е. А. Проблема выбора теории / Е. А. Мамчур. — М., 1975.
448. Мангейм, К. Очерки социологии знания. Теория познания — Мирозрение — Историзм / К. Мангейм. — М., 1998.
449. Манзанова, Г. В. Традиции и новации / Г. В. Манзанова. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
450. Манчестер, Л. Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Л. Манчестер; пер. с англ. — М.: Новое лит. обозрение. 2015.
451. Маньковская, Н. Б. Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс / Н. Б. Маньковская. — М.; СПб.: Университетская книга, 2009.
452. Мариничев, Э. А. Категории диалектики и язык науки / Э. А. Мариничев. — Л., 1973.
453. Маркар, Р. Краткая история химии и алхимии от Гермеса до Лавуазье / Р. Маркар; пер. с фр. — М.: Энигма, 2014.
454. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1956.
455. Маркс, К. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1966.
456. Марксистско-ленинская диалектика. Кн. 3: Диалектика процесса познания. — М., 1985.
457. Мартынович, С. Ф. Факт науки и его детерминация / С. Ф. Мартынович. — Саратов, 1983.
458. Мартынович, С. Ф. Философский анализ научного факта / С. Ф. Мартынович. — Саратов, 1973.
459. Маслихин, А. В. Философия в нашей жизни: Размышления и воспоминания / А. В. Маслихин, В. Д. Маслихин. — 2-е изд. — Йошкар-Ола: МарГУ, 2009.
460. Маслов, А. Н. Логика для детей и взрослых / А. Н. Маслов. — М.: Луч, 2015.
461. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. — 3-е изд. — СПб.: Питер, 2011.
462. Математика в современном мире. — М., 1967.
463. Математика, ее содержание, методы и значение. — М., 1956.
464. Математические методы в исторических исследованиях. — М., 1972.

465. Мах, Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому / Э. Мах. — М., 1908.
466. Махлуп, Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. — М., 1966.
467. Медянцева, М. П. Ответственность ученого как социально-этическая проблема / М. П. Медянцева. — Казань, 1973.
468. Межуев, В. М. История, цивилизация, культура: Опыт философского истолкования / В. М. Межуев. — СПб.: СПбГУП, 2011. — (Классика гумманит. мысли; вып. 2).
469. Мейлах, Б. С. На рубеже науки и искусства. Спор о двух сферах познания и творчества / Б. С. Мейлах. — Л., 1971.
470. Мейнеке, Ф. Возникновение историзма / Ф. Мейнеке; пер. с нем. — 2-е изд. — СПб.: Центр гуманит. инициатив, 2013.
471. Мельникова, Е. Н. Интеллект. В лабораториях смыслов / Е. Н. Мельникова. — М., 2013.
472. Мелюхин, С. Т. Марксизм-ленинизм и современная естественнонаучная картина мира / С. Т. Мелюхин. — М., 1968.
473. Мендиус, Р. Мозг и счастье: загадки современной нейропсихологии / Р. Мендиус, Р. Хансон; пер. с англ. — М.: Эксмо, 2011.
474. Мерзон, Л. С. Проблемы научного факта / Л. С. Мерзон. — Л., 1972.
475. Меркулов, И. П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания / И. П. Меркулов. — М., 1980.
476. Метод в науках. — СПб., 1911.
477. Методологические аспекты исследования биосферы. — М., 1975.
478. Методологические вопросы теоретического естествознания. — Киев, 1978.
479. Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук. — М., 1981.
480. Методологические проблемы изучения культуры. — Л., 1978.
481. Методологические проблемы общественных наук. — М., 1979.
482. Методологические проблемы современной науки. — М., 1970.
483. Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975.
484. Методологические семинары и проблемы развития современной науки. — М., 1982.
485. Мизес, Л. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции / Л. Мизес; пер. с англ. — М.-Челябинск: Социум, 2013.
486. Микешина, Л. А. Детерминация естественнонаучного познания (Методологические аспекты): дис. ... д-ра филос. наук / Л. А. Микешина. — Л., 1978.
487. Микешина, Л. А. Философия познания. Полемиические главы / Л. А. Микешина. — М., 2002.

488. Милль, Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной / Дж. С. Милль. — М., 1914.
489. Минделл, А. Квантовый ум. Грань между физикой и психологией / А. Минделл; пер. с англ. — М.: Беловодье, 2011.
490. Миронов, А. Н. Сущностное восприятие слова / А. Н. Миронов. — Кн. 2. — СПб.: Алетейя, 2004.
491. Миронов, В. В. Философия. Гносеология и аксиология: учебник для студ. вузов / В. В. Миронов, А. В. Иванов. — М.: Инфра-М, 2014.
492. Мирская, Е. З. Ученый и современная наука / Е. З. Мирская. — Ростов, 1971.
493. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. — М., 1980.
494. Мисюров, Д. А. Моделирование развития с помощью диалектических формул на основе двоичного счисления: монография / Д. А. Мисюров. — М.: МАКС Пресс, 2013.
495. Михайлова, И. Б. Методы и формы научного познания / И. Б. Михайлова. — М., 1968.
496. Многомерность и целостность человека в философии, науке и религии: материалы Международной научно-образовательной конференции / под ред. Э. А. Тайсиной. — Казань: КГУ, 2012.
497. Могильницкий, Б. Г. О природе исторического познания / Б. Г. Могильницкий. — Томск, 1978.
498. Москвичев, Л. Н. Современная буржуазная социология знания. Критический очерк / Л. Н. Москвичев. — М., 1977.
499. Мостепаненко, А. М. Пространство — время и физическое познание / А. М. Мостепаненко. — М., 1975.
500. Мостепаненко, М. В. Философия и методы научного познания / А. М. Мостепаненко. — Л., 1972.
501. Мосунов, Д. Ф. Вечен свет зари познания: лит. сб. / Д. Ф. Мосунов; под ред. проф. А. В. Маслихина. — Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2009.
502. Мосунов, Д. Ф. К вопросу о защите тружеников науки в свете философской мысли / Д. Ф. Мосунов. — Йошкар-Ола: Сельские вести, 2012.
503. Мотрошилова, Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма / Н. В. Мотрошилова. — М., 1976.
504. Мотрошилова, Н. В. Отечественная философия 50–80-х гг. XX в. и западная мысль / Н. В. Мотрошилова. — М.: Акад. проект, 2012.
505. Мотрошилова, Н. В. Познание и общество / Н. В. Мотрошилова. — М., 1969.
506. Мулуд, Н. Современный структурализм / Н. Мулуд. — М., 1973.
507. Мур, Ф. История химии / Ф. Мур. — М.-Л., 1930.

508. Мухин, Ю. И. Тирания глупости / Ю. И. Мухин. — СПб.: Питер, 2011.
509. Мышление ученого вчера и сегодня / под ред. Л. А. Марковой. — М.: Альфа-М, 2012.
510. На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. — М.: ИФ РАН, 2009.
511. Навиль, Э. Логика гипотезы / Э. Навиль; пер. с фр. — 2-е изд., испр. — М.: Либроком, 2011.
512. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования / А. П. Назаретян. — М.: Изд-во МБА, 2013.
513. Назаретян, А. П. Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании: монография / А. П. Назаретян. — М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014.
514. Налимов, В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. — 3-е изд. — М.: Аккад. проект, Парадигма, 2011.
515. Налимов, В. В. Теория эксперимента / В. В. Налимов. — М., 1971.
516. Налчаджян, А. А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания / А. А. Налчаджян. — М., 1972.
517. Нарский, И. С. Диалектическое противоречие и логика познания / И. С. Нарский. — М., 1969.
518. Насынбаев, А. Развитие познания и математика / А. Насынбаев, Г. Шляхин. — Алма-Ата, 1971.
519. Насыров, И. Р. Основания исламского мистицизма: генезис и эволюция / И. Р. Насыров. — М.: Языки славянской культуры, 2009.
520. Наука: от методологии к онтологии / отв. ред. А. П. Огурцов, В. М. Розин. — М.: ИФ РАН, 2009.
521. Наука и культура. — М., 1984.
522. Наука и нравственность. — М., 1971.
523. Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В. С. Стёпина / под ред. В. И. Аршинова, И. Т. Касавина. — М.: Альфа-М, 2014.
524. Наука и социум (теории и концепции, анализ реальности и перспективы): монография / К. А. Алпатов и др.; под общ. ред. О. И. Кирикова. — Воронеж: ВГПУ, 2011.
525. Наука и эпоха: монография / под общ. ред. О. И. Кирикова. — Кн. 7. — Воронеж: ВГПУ, 2011.
526. Наука о науке. — М., 1966.
527. Наука. Философия. Общество: мат-лы V Российского философского конгресса. — Новосибирск: Параллель, 2009.

528. Науки о жизни в формировании современной картины мира: сб. статей / отв. ред. И. К. Лисеев. — Вып. 54 «Ценологические исследования». Науч. издание. — М.: ИФ РАН-Технетика, 2015.
529. Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР. — М., 1973.
530. Научные и богословские парадигмы / отв. ред. В. Н. Порус. — М.: ББИ, 2009.
531. Научные исследования: информация, анализ, прогноз: монография / Н. Б. Андренов и др.; под общ. ред. О. И. Кирикова. — Кн. 43. — Хмельницкий: ХИСТ ОМУРЧ «Украина»; М.: Наука информ; Воронеж: ВГПУ, 2014.
532. Научные основы развития в XXI в.: 105 выступлений членов Российской академии образования СПБГУП / сост., ред. А. С. Запесоцкий, О. Е. Лебедев. — СПб.: СПБГУП, 2011.
533. Научные революции в динамике культуры. — Минск, 1987.
534. Нейсбит, Р. География мысли / пер. с англ. — М.: Астрель, 2012.
535. Нижников, С. А. Древнегреческая метафизика. Генезис и классика: монография. — М.: Инфра-М, 2013.
536. Никитин, Е. П. Исторические судьбы гносеологии / Е. П. Никитин // Философские исследования. — 1993. — № 1.
537. Никитин, Е. П. Объяснение — функция науки / Е. П. Никитин. — М., 1970.
538. Никитина, А. Г. Предвидение как человеческая способность / А. Г. Никитина. — М., 1975.
539. Никифоров, А. Л. Философия науки: история и методология / А. Л. Никифоров. — М., 1998.
540. Николаев, Е. А. Философско-методологические основания критической дискуссии в науке: монография / Е. А. Николаев; под общ. ред. О. И. Кирикова. — Воронеж: ВГПУ, 2011.
541. Николай Коперник: сб. статей к 400-летию со дня смерти / отв. ред. А. А. Михайлов. — М.-Л., 1947.
542. Нильсон, Н. Искусственный интеллект. Методы поиска решений. — М., 1973.
543. Новая технократическая волна на Западе. — М., 1986.
544. Новая философская энциклопедия. Т. I–IV. — М., 2001.
545. Новик, И. Б. Вопросы стиля научного мышления в естествознании / И. Б. Новик. — М., 1975.
546. Новик, И. Б. Системный стиль мышления. Особенности познания и управления в сложных системах / И. Б. Новик. — М., 1986.
547. Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. — М.: ЛЕНАНД, 2015.

548. Нормативные системы и другие работы по философии права и логике норм / К. Альчуррон и др. — СПб.: СПбГУ, 2013.
549. Нуаре, Л. Орудие труда и его назначение в истории развития человечества / Л. Нуаре. — Киев, 1925.
550. Ньютон, И. Математические начала натуральной философии / И. Ньютон. — Л., 1931.
551. О вере и нравственности по учению православной церкви. — М., 1991.
552. О гуманизме в науке и культуре. — М., 1982.
553. Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий / под ред. И. Т. Касавина. — М.: Альфа-М, 2012.
554. Объяснение и понимание в научном познании. — М., 1983.
555. Ойзерман, Т. И. Метафилософия: теория историко-философского процесса / Т. И. Ойзерман. — М.: Канон, 2009.
556. Ойзерман, Т. И. Проблемы историко-философской науки / Т. И. Ойзерман. — М., 1982.
557. Окладной, В. А. Критика и борьба идей в становлении новых научных теорий: монография / В. А. Окладной. — М.: НУ ОАОУ, 2011.
558. Омельчук, Р. К. Онтология веры: монография / Р. К. Омельчук. — М.: РОССПЭН, 2011.
559. Омеляновский, М. Э. Диалектика в современной физике / М. Э. Омеляновский. — М., 1973.
560. Онтология артефактов. Взаимодействие «естественных» и «искусственных» компонентов жизненного мира / под ред. О. Е. Столяровой. — М.: Дело РАНХиГС, 2012.
561. Организация и эффективность научных исследований. — Новосибирск, 1967.
562. Осипов, В. С. Наука и общество / В. С. Осипов; сост. В. И. Васильев. — М.: Наука, 2006.
563. Осипов, Г. С. Методы искусственного интеллекта / Г. С. Осипов. — М.: Физматлит, 2011.
564. Основные принципы и общие проблемы управления наукой. — М., 1973.
565. Оствальд, В. Великие люди / В. Оствальд. — СПб., 1910.
566. Оствальд, В. Путеводные нити химии / В. Оствальд. — М., 1908.
567. Отражение, познание, логика. — София, 1973.
568. Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. — М., 1982.
569. Очерки истории и теории развития науки. — М., 1969.
570. Павленко, А. Н. Пределы интерсубъективности (критика коммуникативной способности обоснования знания) / А. Н. Павленко. — СПб.: Алетейя, 2012.

571. Павлинов, И. Я. Биологическая систематика. Эволюция идей / И. Я. Павлинов, Г. Ю. Любарский. — М.: Товарищество науч. изд. КМК, 2011.
572. Палогин, С. Н. Социальная роль: ноосферный Когнитотехнолог. Или к вопросу субъективности в конце эпохи осознаваемой рефлексии / С. Н. Палогин. — Саратов: Научная книга, 2013.
573. Память в искусстве и науке: сб. материалов конференции. — М.: Изд-во МосГУ, 2016.
574. Панин, А. В. Диалектический материализм и постпозитивизм / А. В. Панин. — М., 1981.
575. Панов, В. Г. Чувственное, рациональное, опыт / В. Г. Панов. — М., 1976.
576. Панов, Е. Н. Эволюция диалога. Коммуникация в развитии. От микроорганизмов до человека / Е. Н. Панов. — М.: Язык славянской культуры, 2014.
577. Пантин, В. И. Историческое прогнозирование в XXI веке. Циклы Кондратьева, эволюционные циклы и перспективы мирового развития / В. И. Пантин, В. В. Лапкин. — Дубна: Феникс+, 2014.
578. Панчин, А. Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о 113 генетической модификации растений, животных и людей / А. Панчин. — М.: АСТ: CORPUS, 2017.
579. Парадигмы в психологии. Научоведческий анализ / отв. ред. А. Л. Журавлёв, Т. В. Корнилов, А. В. Юрьевич. — М.: Ин-т психологии РАН, 2012.
580. Параметрическая общая теория систем и ее применения: сб. трудов, посвященный 80-летию проф. А. И. Уёмова / под ред. А. Ю. Цофнаса. — Одесса: Астропринт, 2008.
581. Паскаль, Б. Мысли. Малые сочинения. Письма / Б. Паскаль; пер. с фр. Ю. Гинзбург. — М.: АСТ, Астрель, 2011.
582. Пастушный, С. А. Теоретические основания творчества И. Т. Фролова. Философия биологии и научный гуманизм: к 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / отв. ред. Г. Л. Белкина. — М.: ЛЕНАНД, 2015.
583. Пенроуз, Р. Циклы времени. Новый взгляд на эволюцию Вселенной / Р. Пенроуз; пер. с англ. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2013.
584. Первообытный человек и природная среда. — М., 1974.
585. Перуанский, С. С. О проклятых вопросах философии / С. С. Перуанский. — М.: РГО, 2013.
586. Перуанский, С. С. Философия Гегеля: новое материалистическое прочтение. Понимание истории Марксом (В защиту великих) / С. С. Перуанский. — Кн. 2. — М.: РГО, 2009.
587. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосоматическая парадигма / В. Ф. Петренко. — 2-е изд., доп. — М.: Эксмо, 2013.

588. Петров, Ю. В. Практика и историческая наука: проблема субъекта и объекта в исторической науке / Ю. В. Петров. — Томск, 1981.
589. Петров, Ю. В. Философия жизни и жизнь в философии. Книга воспоминаний / Ю. В. Петров. — СПб.: СПбГУ, 2012.
590. Петрова, Е. В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект / Е. В. Петрова. — М.: ИФ РАН, 2014.
591. Петрушевский, Д. М. К вопросу о логическом стиле исторической науки / Д. М. Петрушевский. — Пг., 1915.
592. Планк, М. Единство физической картины мира / М. Планк. — М., 1966.
593. Платон. Тимей / Платон // Сочинения: в 3 т. — Т. 3, ч. 1. — М., 1971.
594. Плетнёв, К. И. Научно-техническая сфера России. Проблемы и перспективы / К. И. Плетнёв. — М.: Наука, 2011.
595. Плотников, А. М. Генезис основных логических форм / А. М. Плотников. — Л., 1967.
596. Позитивизм и наука. — М., 1975.
597. Познер, А. Р. Истина и парадоксы (Очерк логико-философских проблем физики микромира) / А. Р. Познер. — М., 1977.
598. Пойя, Д. Как решать задачу / Д. Пойя. — М., 1959.
599. Поляков, Ю. А. Историческая наука. Люди и проблемы / Ю. А. Поляков. — Кн. 3. — М.: РОССПЭН, 2009.
600. Попов, Н. А. Отражение, идеальное, информация в свете осознания атрибутивной способности мозга / Н. А. Попов. — Рига: 2011.
601. Попов, П. С. История логики Нового времени / П. С. Попов. — М., 1960.
602. Попов, П. С. Развитие логических идей от античности до эпохи Возрождения / П. С. Попов, Н. И. Стяжкин. — М., 1974.
603. Попова, Н. Л. Экстраполяция как средство научного познания и интегративный фактор в науке / Н. Л. Попова. — Киев, 1985.
604. Попович, М. В. О философском анализе языка науки / М. В. Попович. — Киев, 1966.
605. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. — М., 1983.
606. Порк, А. А. Историческое объяснение / А. А. Порк. — Таллин, 1981.
607. Поройков, С. Ю. Общие основания религий: монография / С. Ю. Поройков. — М.: ИН- ФРА-М, 2015.
608. Поспелов, Г. С. Искусственный интеллект — основа новой информационной технологии / Г. С. Поспелов. — М., 1988.
609. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Стёпин. — СПб.: Мирь, 2009.
610. Потемкина, М. Н. Теория и методология истории: учеб. пособие для студентов вузов / М. Н. Потемкина. — 2-е изд. — М.: Риор, Инфра-М, 2014.

611. Прайс, Д. Малая наука, большая наука / Д. Прайс // Наука о науке. — М., 1966.
612. Практика и познание. — М., 1973.
613. Применение электронно-вычислительных устройств в исследованиях по истории науки и техники. — М., 1966.
614. Принцип историзма в познании социальных явлений. — М., 1972.
615. Природа научного познания. — Минск, 1979.
616. Проблема научного творчества в современной психологии. — М., 1971.
617. Проблема сознания в философии и науке / отв. ред. Д. И. Дубровский. — М.: Канон+, 2009.
618. Проблема уровней и систем в научном познании. — Минск, 1970.
619. Проблема «Я»: философские традиции и современность / под ред. В. Н. Поруса. — М.: Альфа-М, 2012.
620. Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века. Современный взгляд / под ред. В. А. Лекторского. — М.: РОССПЭН, 2014.
621. Проблемы истории и методологии научного познания. — М., 1974.
622. Проблемы логики научного познания. — М., 1964.
623. Проблемы методологии социального познания. — Л., 1985.
624. Проблемы научного метода. — М., 1964.
625. Проблемы современного антропосоциального познания: сб. статей / под общ. ред. В. Н. Попковой. — Вып. 7. — Брянск: БГТУ, 2009.
626. Проблемы современного естественнонаучного и социогуманитарного знания в системе высшего образования: сб. науч. статей / под ред. С. А. Ан, В. Н. Филиппова. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
627. Программа специализации 020108 «Философия и методология науки»: уч.-метод. издание / сост. Е. В. Ушакова и др. — Барнаул: НИЛ ЗВ АлтГУ, 2009.
628. Прокопенко, И. С. Штурм сознания. Правда о манипулировании сознанием человека / И. С. Прокопенко. — М.: Эксмо, 2012.
629. Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. — М., 1969.
630. Пуанкаре, А. Математическое творчество / А. Пуанкаре. — Юрьев, 1909.
631. Пуанкаре, А. Наука и гипотеза / А. Пуанкаре. — М., 1904.
632. Пуанкаре, А. О науке / А. Пуанкаре. — М., 1983.
633. Пуликовский, В. Роль ценностей в естественных науках: автореф. дис. ... канд. филос. наук / В. Пуликовский. — М., 1977.
634. Пути России. Новые языки социального описания: сб. статей / под ред. М. Г. Пугачёвой, В. П. Жаркова. — Т. 19. — М.: Новое лит. обозрение, 2014.
635. Пятницын, Б. Н. Философские проблемы вероятностных и статистических методов / Б. Н. Пятницын. — М., 1976.

636. Рабле, Ф. Мысли о воспитании и обучении / Ф. Рабле, М. Монтень. — М., 1896.
637. Раджабов, У. А. Динамика естественнонаучного знания / У. А. Раджабов. — М., 1982.
638. Ракитов, А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. — М., 1982.
639. Ракитов, А. И. Принципы научного мышления / А. И. Ракитов. — М., 1973.
640. Ракитов, А. И. Философские проблемы науки (Системный подход) / А. И. Ракитов. — М., 1977.
641. Ранние формы искусства. — М., 1972.
642. Рассева, Е. Математика и математики / Е. Рассева, Р. Сикорский. — М., 1972.
643. Рассел, Б. Человеческое познание. Его сфера и границы / Б. Рассел. — Киев, 1997.
644. Резников, Л. О. Гносеологические вопросы семиотики / Л. О. Резников. — Л., 1964.
645. Рейтман, У. Р. Познание и мышление. Моделирование на уровне информационных процессов / У. Р. Рейтман. — М., 1968.
646. Рефлексивный подход: от методологии к практике / отв. ред. В. Е. Лепский. — М.: Когито-Центр, 2009.
647. Риккерт, Г. Границы естественнонаучного образования понятий / Г. Риккерт. — СПб., 1903.
648. Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. — М., 1998.
649. Рогинский, Я. Я. Проблемы антропогенеза / Я. Я. Рогинский. — М., 1977.
650. Родзинский, Д. Л. Природа ума человека в философских мировоззрениях / Д. Л. Родзинский. — М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2011.
651. Рожанский, И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности / И. Д. Рожанский. — М., 1980.
652. Рожицын, В. С. Джордано Бруно и инквизиция / В. С. Рожицын. — М., 1955.
653. Рожицын, В. С. Марксистское введение в науку. Метод, содержание и классификация наук / В. С. Рожицын. — М.-Л., 1929.
654. Розин, В. Мышление и творчество / В. Розин. — М.: ПЕРСЭ, 2006.
655. Розов, М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний / М. А. Розов. — Новосибирск, 1977.
656. Рубашкин, В. Ш. Онтологическая семантика. Знания, онтология. Онтологически ориентированные методы информационного анализа текста / В. Ш. Рубашкин. — М.: Физматлит, 2012.
657. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн. — СПб.: Питер, 2012. — (Мастера психологии).
658. Руднев, В. П. Реальность как ошибка / В. П. Руднев. — М.: Гнозос, 2011.

659. Рузавин, Г. И. Математизация научного знания / Г. И. Рузавин. — М., 1977.
660. Рузавин, Г. И. Методы научного исследования / Г. И. Рузавин. — М., 1974.
661. Рузавин, Г. И. Научная теория: Логико-методологический анализ / Г. И. Рузавин. — М., 1978.
662. Рузавин, Г. И. О природе математического знания / Г. И. Рузавин. — М., 1968.
663. Румянцева, Э. А. Инженерно-математический стиль мышления в современной науке / Э. А. Румянцева. — Минск, 1978.
664. Рута, В. Д. В мире идеального: проблема обоснования и доказательства в философии Гегеля / В. Д. Рута. — М.: Республика, 2015.
665. Рыбников, К. А. История математики / К. А. Рыбников. — М., 1974.
666. Рывкина, Р. В. Социальный эксперимент / Р. В. Рывкина, А. В. Винокур. — Новосибирск, 1968.
667. Рьюз, М. Философия биологии / М. Рьюз. — М., 1977.
668. Рэнд, А. Введение в объективную эпистемологию / А. Рэнд; пер. с англ. — М.: Астрель, 2012.
669. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем / В. Н. Садовский. — М., 1974.
670. Сафрошкин, Ю. Ф. Ноосферное развитие и земная ноосфера (материалы о двух путях в будущее) / Ю. Ф. Сафрошкин. — Ульяновск: УлГТУ, 2004.
671. Свидерский, В. И. О диалектике элементов и структуры в объективном мире и в познании / В. И. Свидерский. — М., 1962.
672. Свобода совести: Проблемы теории и практики: монография / под ред. С. А. Бурьянова, Ф. М. Рудинского. — М.: ЗАО ТФ «МИР», 2012.
673. Севальников, А. Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии / А. Ю. Севальников. — М.: Либроком, 2009.
674. Секст Эмпирик. Соч.: в 2 т. / Секст Эмпирик. — Т. 1. — М., 1975.
675. Секундант, С. Г. Критика та метод. Ідея критичного методу в німецькій філософії XVII–XVIII ст. (збірка наукових статей) / С. Г. Секундант. — Київ: Дух і літера, 2012.
676. Селиванов, Ф. А. Истина и заблуждение / Ф. А. Селиванов. — М., 1972.
677. Семёнов, В. Е. Доминирующие парадигмы трансцендентализма в Западно-европейской философии / В. Е. Семёнов. — М.: РОССПЭН, 2012.
678. Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга / И. М. Сеченов. — М., 1962.
679. Сеченов, И. М. Элементы мысли / И. М. Сеченов. — СПб.: Лениздат, 2014.
680. Сивоконь, П. Е. Методологические проблемы естественнонаучного эксперимента / П. Е. Сивоконь. — М., 1968.
681. Сивоконь, П. Е. Роль естествознания в развитии общественных наук / П. Е. Сивоконь, В. М. Леонтьев. — М., 1976.

682. Симуш, П. И. Поэтическая индивидуальность — ключ к познанию России / П. И. Симуш. — М.: Макс-Пресс, 2009.
683. Синергетическая парадигма. Синергетика инновационной сложности. — М.: Прогресс-Традиция, 2011.
684. Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / под ред. В. И. Аршинова и др. — М.: Прогресс-Традиция, 2009.
685. Синтез современного научного знания. — М., 1973.
686. Ситкарёв, Г. Т. Манифест разума. Глобальные работы о происхождении и целях развития землян как развивающейся космической цивилизации / Г. Т. Ситкарёв. — М., 2012.
687. Сичивица, О. М. Методы и формы научного познания / О. М. Сичивица. — М., 1972.
688. Скнарин, Г. Е. Образование XXI века. Математика, физика, психология, философия: учеб. пособие / Г. Е. Скнарин. — Сочи: Кривлякин С. П., 2015.
689. Славин, А. В. Проблема возникновения нового знания / А. В. Славин. — М., 1976.
690. Славко, Т. И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях / Т. И. Славко. — М., 1981.
691. Слинин, Я. А. Аристотель и онтологические основания логики / Я. А. Слинин. — СПб.: Наука, 2013.
692. Слэйгл, Дж. Искусственный интеллект / Дж. Слэйгл. — М., 1973.
693. Смирнов, А. В. О подходе к сравнительному изучению культур / А. В. Смирнов. — СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009.
694. Смирнова, Н. М. Смысл и творчество / Н. М. Смирнова. — М.: Канон-РООИ «Реабилитация», 2017.
695. Соборин, А. В. Проблемы управления научно-техническим прогрессом / А. В. Соборин. — М., 1981.
696. Современная когнитология и когнитивная аналитика в контексте философской инноватики: монография / научн. ред. А. М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2014.
697. Современная научно-техническая революция. Историческое исследование. — М., 1970.
698. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / под ред. В. Г. Горохова. — М., 2005.
699. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / под ред. В. В. Миронова. — М., 2006.
700. Сознание и подсознание в искусстве и науке: сб. материалов конференции. — М.: Изд-во МосГУ, 2015.

701. Соколов, А. Н. Проблемы научной дискуссии / А. Н. Соколов. — М., 1980.
702. Соколов, В. Г. Культура и космическая эволюция человека / В. Г. Соколов. — М.: Междунар. центр Рерихов, 2012.
703. Соловьев, Э. Ю. Экзистенциализм и научное познание / Э. Ю. Соловьев. — М., 1966.
704. Солопов, Е. Ф. Сущность философии. Наука о всеобщем в его отношении к обществу и мышлению / Е. Ф. Солопов. — М.: Либроком, 2013.
705. Сомов, Н. М. Карта знаний (новая классификация наук) / Н. М. Сомов. — М., 1927.
706. Сорина, Г. В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект / Г. В. Сорина // Электрон. науч. изд-е «Альманах Пространство и Время». — 2013. — Т. 3. — Вып. 2. — URL: <http://e-alvanac/space-time.ru/index/tom-3-vyipusk-2/>
707. Сорина, Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность: монография / Г. В. Сорина. — 2-е изд. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2009.
708. Социализм и наука. — М., 1981.
709. Социально-психологические проблемы науки. — М., 1973.
710. Социологические проблемы науки. — М., 1974.
711. Спенсер, Г. Основные начала / Г. Спенсер. — СПб., 1886.
712. Спиноза Б. Трактат об усовершенствовании разума / Б. Спиноза. — М., 1934.
713. Ставская, Н. Р. Интеграция науки и ее роль в развитии научно-технической революции / Н. Р. Ставская. — Волгоград, 1970.
714. Становление и структура сознания и познания. — Иваново, 1983.
715. Старостин, А. М. Философские инновации. Когнитивная и аксиологическая репрезентации: монография / А. М. Старостин. — Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2011.
716. Старостин, Г. С. К истокам языкового разнообразия. Десять бесед о сравнительно-историческом языкознании с Е. Я. Сатановским / Г. С. Старостин и др. — М.: Дело РАНХиГС, 2015.
717. Стасинопулос, П. Проектирование систем как единого целого. Интегральный подход к инжинирингу для устойчивого развития / П. Стасинопулос, М. Х. Смит. — М.: Эксмо, 2012.
718. Стеблин-Каменский, М. И. Миф / М. И. Стеблин-Каменский. — Л., 1976.
719. Степин, В. С. Становление научной теории / В. С. Степин. — Минск, 1976.
720. Степин, В. С. Философия науки. Общие проблемы / В. С. Степин. — М., 2006.

721. Степин В. С. Философия науки и техники: учеб. пособие для высших учебных заведений / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. — М., 1996.
722. Степин, В. С. Цивилизация и культура / В. С. Степин. — СПб.: СПбГУП, 2011.
723. Степун, Ф. А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / Ф. А. Степун; пер. с нем. — СПб.: Владимир Даль, 2012.
724. Структура и развитие науки. Из Бостонских исследований по философии науки. — М., 1978.
725. Студент как субъект саморазвития и отношения к учебно-профессиональной деятельности / В. Г. Маралов, О. А. Воронина, Е. П. Киселёва и др.; под ред. В. Г. Моралова. — М.: Акад. проект, Мир, 2011.
726. Стяжкин, Н. И. Краткий очерк истории общей и математической логики в России / Н. И. Стяжкин, В. Д. Силаков. — М., 1962.
727. Субъективный мир в контексте вызовов современных когнитивных наук / общ. ред. и сост. В. А. Лекторского (отв. ред.), Е. О. Труфановой, А. Ф. Яковлевой. — М.: Аквилон, 2017.
728. Сулашкина, С. С. Количественная теория цивилизационногенеза и локальных цивилизаций / С. С. Сулашкина. — М.: Научный эксперт, 2013.
729. Суриков, И. Е. Сократ / И. Е. Суриков. — М.: Молодая гвардия, 2011.
730. Сухарев, О. С. Методология и возможности экономической науки: монография / О. С. Сухарев. — М.: Курс; ИНФРА-М, 2013.
731. Сухов, А. Д. Философия религии в марксизме и русском материализме XIX века / А. Д. Сухов. — М.: ИФРАН, 2014.
732. Сухотин, А. К. Гносеологический анализ емкости знания / А. К. Сухотин. — Томск, 1968.
733. Тайсина, Э. А. Очерки новой гносеологии: в 4 ч. Очерк I. Основная синтагма: наложение принципов систематизации философского знания / Э. А. Тайсина. — Казань: КГЭУ, 2009.
734. Тайсина, Э. А. Очерки новой гносеологии: в 4 ч. Очерк II. Онтология экзистенциального материализма / Э. А. Тайсина. — Казань: КГЭУ, 2010.
735. Тайсина, Э. А. Очерки новой гносеологии: в 4 ч. Очерк III. Гносеология экзистенциального материализма / Э. А. Тайсина. — Казань: КГЭУ, 2011.
736. Таннери, П. Первые шаги древнегреческой науки / П. Таннери. — СПб., 1902.
737. Тарасов, Б. Н. Мыслящий тростник. Жизнь и творчество Паскаля в восприятии русских философов и писателей / Б. Н. Тарасов. — 2-е изд. — М.: Языки славян. культур, 2009.
738. Тарский, А. Истина и доказательство / А. Тарский // Вопросы философии. — 1972. — № 8.

739. Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам / под ред. Д. В. Ушакова. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2011.
740. Телесность как эпистемологический феномен / отв. ред. И. А. Бескова. — М.: ИФРАН, 2009.
741. Теоретическое и эмпирическое в современном научном познании. — М., 1984.
742. Теория отражения и естествознание. — София, 1973.
743. Теория отражения и обществознание. — София, 1973.
744. Теория познания: в 4 т. — М., 1991–1992.
745. Тернер, В. Символ и ритуал / В. Тернер. — М., 1983.
746. Тимирязев, К. А. Чарльз Дарвин и его учение / К. А. Тимирязев. — М., 1935.
747. Тимофеев, И. С. Проблемы историографии науки на рубеже XXI века: учеб. пособие / И. С. Тимофеев. — М.: Изд-во МосГУ, 2010.
748. Типы в культуре: методологические проблемы классификации и типологии в социально-исторических и антропологических науках. — Л., 1979.
749. Толстой, Л. Н. Об истине, жизни и поведении / Л. Н. Толстой. — М.: Эксмо, 2014.
750. Томсон, Дж. Первые философы / Дж. Томсон. — М., 1959.
751. Тренделенбург, А. Элементы логики Аристотеля / А. Тренделенбург. — М.: Канон+, 2017.
752. Тростников, В. Вера в разум. Европейская философия и ее вклад в познание истины / В. Тростников. — М.: Грифон, 2010.
753. Тюняев, А. А. Организмика — фундаментальная основа всех наук / А. А. Тюняев. — Т. I. — М.: Ин, 2004.
754. Тюняев, А. А. Периодическая система элементарных частиц // Организмика — фундаментальная основа всех наук. Т. III. Физика / А. А. Тюняев; под ред. О. А. Хачатуряна. — М.: Спутник+, 2009.
755. Тюрин, Е. Л. Новая парадигма релятивистской и квантовой механики / Е. Л. Тюрин. — М.: Кафедра; Русская панорама, 2012.
756. Тюрин, Е. Л. Философия физики. Конструктивное исследование фундаментальных концепций / Е. Л. Тюрин. — М.: Акад. проект, 2014.
757. Уваров, А. И. Гносеологический анализ теории в исторической науке / А. И. Уваров. — Калинин, 1973.
758. Узилевский, Г. Я. Введение в антропологическую семиотику: монография / Г. Я. Узилевский. — Орел, 2002.
759. Уинстон, П. Искусственный интеллект / П. Уинстон. — М., 1980.
760. Уледов, А. К. Духовная жизнь общества. Проблема методологии исследования / А. К. Уледов. — М., 1980.

761. Уотсон, Дж. Д. Двойная спираль. Воспоминания об открытии структуры ДНК / Дж. Д. Уотсон. — М., 1969.
762. Урсул, А. Д. Проблемы информации в современной науке / А. Д. Урсул. — М., 1975.
763. Уткин, Н. Ф. Позитивизм, антропологический материализм и наука в России / Н. Ф. Уткин. — М., 1975.
764. Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — СПб.: Питер, 2002.
765. Ученые снова шутят / авторы-сост. Б. С. Горобец и др. — М.: ЛЕНАНД, 2014.
766. Ушаков, Д. В. Психология интеллекта и одаренности / Д. В. Ушаков. — М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2011.
767. Уэйд, Н. На заре человечества: Неизвестная история наших предков / Н. Уэйд; пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2017.
768. Фармаковский, В. В. Концептогенез. Философия транспарадигмального стандарта / В. В. Фармаковский. — Нижний Новгород, 2015.
769. Федоров, В. М. Синтетические тенденции в современном естествознании / В. М. Федоров. — М., 1979.
770. Федосеев, П. Н. Философия и научное познание / П. Н. Федосеев. — М., 1983.
771. Федотова, В. Г. Соотношение академической и постакадемической науки как социальная проблема / В. Г. Федотова. — М.: ИФ РАН, 2015.
772. Фейгин, О. О. Наука будущего / О. О. Фейгин. — М.: Бинوم. Лаборатория знаний, 2013.
773. Фейерабенд, П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. — М., 1986.
774. Фейербах, Л. Основы философии будущего / Л. Фейербах. — М., 1937.
775. Фейнман, Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. — М., 1968.
776. Ферри, Л. Краткая история мысли. Трактат по философии для подрастающих поколений / Л. Ферри. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
777. Фестюжьер, А. Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону / А. Ж. Фестюжьер; пер. с фр. — СПб.: Наука, 2009.
778. Философия, вера, духовность: истоки, позиция и тенденции развития: монография / Н. Л. Алоян и др. — Кн. 13. — Воронеж: ВГПУ, 2007.
779. Философия в современном мире. Философия и наука. — М., 1972.
780. Философия естествознания. — М., 1966.
781. Философия и искусство Серебряного века в судьбе России: монография / под ред. М. И. Панфиловой, Е. А. Трофимовой. — СПб.: СПбГИЭУ, 2012.
782. Философия и методология истории. — М., 1977.
783. Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. — М., 1996.

784. Философия как инструмент познания современной эпохи: науч. издание. — Ростов н/Д: Южно-Российский гуманитарный ин-т, 2009.
785. Философия. Методология. Наука. — М., 1972.
786. Философия мышления: сб. статей / ред. кол. Л. Н. Богатая и др.; отв. ред. Л. Н. Богатая. — Одесса: Печатный дом, 2013.
787. Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики / под ред. В. В. Миронова, Ю. Н. Солонина. — М.: Летний сад, 2010.
788. Философия природы сегодня / отв. ред. И. К. Лисеев, В. Луговский; пер. с польск. — М.: Канон, 2009.
789. Философия религии. Альманах 2008–2009 / под ред. В. К. Шохина. — М.: Языки славянской культуры, 2010.
790. Философия религии: хрестоматия / сост. В. Е. Данилова. — М.: Флинта, Наука, 2009.
791. Философия сознания: Классика и современность. Вторые Грязновские чтения / под ред. В. В. Миронова и др. — М.: Савин С. А., 2007.
792. Философия элитологии: сб. трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса... / науч. ред. А. М. Старостин. — Т. 3. — Ростов н/Д: Донское книжн. изд-во, 2013.
793. Философия языка и формальная семантика: сб. статей / под ред. П. С. Куслия. — М.: Альфа-М, 2013.
794. Философские вопросы общественных наук: программа. — М., 1985.
795. Философские основания экологического образования в эпоху нанотехнологий / отв. ред. И. К. Лисеев. — М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2014.
796. Философские проблемы естествознания. — М., 1967.
797. Философские проблемы исторической науки. — М., 1969.
798. Философские проблемы современной психологии / отв. ред. А. Д. Королёв. — М.: РФО, 2009.
799. Философский дискурс в традиции духовных культур Запада и Востока: монография / под ред. Н. С. Кирабаева, А. В. Сёмушкина, С. А. Нижникова. — М.: РУДН, 2009.
800. Философско-методологические основания системных исследований. — М., 1983.
801. Фихте, И. Г. О назначении ученого / И. Г. Фихте. — М., 1935.
802. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки / Г. Фоллмер. — М., 1998.
803. Фолькман, П. Теория познания естественных наук / П. Фолькман. — СПб., 1911.

804. Форммаковский, В. В. Концептогенез. Новые основания натуральной философии / В. В. Форммаковский. — Н. Новгород, 2005.
805. Франк, С. Предмет знания. Душа человека / С. Франк. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.
806. Франк, Ф. Философия науки / Ф. Франк. — М., 1960.
807. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд; пер. с нем. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.
808. Фролов, И. Т. Прогресс науки и будущее человека / И. Т. Фролов. — М., 1975.
809. Фролов, И. Т. Этика науки / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. — М.: Наука-УРСС, 2009.
810. Фролов, И. Т. Этика науки. Проблемы и дискуссии / И. Т. Фролов, Б. Г. Юдин. — М., 1986.
811. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм; пер. с нем. — М.: Астрель, 2012.
812. Фромм, Э. Душа человека. Революция надежды / Э. Фромм; пер. с англ. — М.: АСТ, 2014.
813. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер; пер. с англ. — М.: АСТ, 1998.
814. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. — 2-е изд., испр. — СПб.: Гуманитар. академия, Университет. книга, 2012.
815. Фуко, М. Мужество истины. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в колледже де Франс в 1983–1984 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. — СПб.: Наука, 2014.
816. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — М., 1977.
817. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. — М.: АСТ, 2015.
818. Фурман, А. Е. Диалектическая концепция развития современной биологии / А. Е. Фурман. — М., 1974.
819. Хайдеггер, М. Что зовется мышлением? / М. Хайдеггер; пер. Э. Сагетдинова. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005.
820. Хайек, Ф. Капитализм и историки / Ф. Хайек; пер. с англ. — Челябинск: Социум, 2012.
821. Халилов, С. С. Любовь и интеллект / С. С. Халилов. — М.: Маска, 2009.
822. Халин, С. М. Метапознание. Некоторые фундаментальные проблемы / С. М. Халин. — Тюмень: Мандр и Ка, 2005.
823. Халин, С. М. Наука и культура. Метапознавательный подход / С. М. Халин. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2015.
824. Халин, С. М. Описание. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003.

825. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. М.: АСТ, Астрель, 2011.
826. Харвей, Д. Научное объяснение в географии / Д. Харвей. — М., 1974.
827. Харитонов, В. А. Философия как наука, формирующая мировоззрение человека / В. А. Харитонов. — М.: Красанд, 2010.
828. Хартманн, У. Очарование нанотехнологии / У. Хартманн; пер. с нем. — М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010.
829. Хейзинга, Й. Homo Ludens. Человек играющий. Опыт определения игрового элемента культуры / Й. Хейзинга; сост., предисл., пер. с нидерланд. Д. В. Сильвестрова. — 4-е изд., испр. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011.
830. Хикс, Ч. Основные принципы планирования эксперимента / Ч. Хикс. — М., 1967.
831. Хилл, Т. Современные теории познания / Т. Хилл. — М., 1965.
832. Хильми, Г. Ф. Поэзия науки / Г. Ф. Хильми. М., 1970.
833. Хинтиikka, Я. Логико-эпистемологические исследования / Я. Хинтиikka. — М., 1980.
834. Ходж, П. Революция в астрономии / П. Ходж. — М., 1972.
835. Хокинг, С. Три книги о пространстве и времени / С. Хокинг; пер. с англ. И. И. Иванова, М. В. Коновалова. — СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2013.
836. Холтон, Дж. Тематический анализ науки / Дж. Холтон. — М., 1981.
837. Хофмайстер, Х. Что значит мыслить философски / Х. Хофмайстер; пер. с нем. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
838. Христианство и наука: сб. докладов конф. «Международные Рождественские образовательные чтения» / под ред. Ю. С. Владимирова. — М.: РУДН, 2011.
839. Христианство и наука: сб. докладов конф. «Международные Рождественские образовательные чтения» / под ред. Ю. С. Владимирова. — М.: РУДН, 2012.
840. Хруцкий, К. С. БиоКосмология — универсальная наука индивидуального здоровья человека / К. С. Хруцкий. — Вел. Новгород, 2006.
841. Ценностный дискурс в науках и теологии / отв. ред. И. Т. Касавин, В. П. Филатов, М. О. Шахов. — М.: ИФ РАН, 2009.
842. Цертелев, Д. Н. Философия Шопенгауэра. Теория познания и метафизика / Д. Н. Цертелев. — 2-е изд. — М.: Либроком, 2012.
843. Циолковский, К. Э. Воля Вселенной. Космическая философия / К. Э. Циолковский. — М.: Эксмо, 2015.
844. Чанышев, А. Н. Эгейская предфилософия / А. Н. Чанышев. — М., 1970.
845. Человек — наука — гуманизм: сб. / ред.-сост. Г. Л. Белкина. — М.: Наука, 2009.
846. Человек в современных философских концепциях: мат-лы IV межд. конф. — Волгоград, 2007.

847. Черемисов, А. К. Красота сознания или введение в метафизическую науку о человеке / А. К. Черемисов. — М.: Библио-Глобус, 2017.
848. Чернов, А. П. Мысленный эксперимент / А. П. Чернов. — М., 1979.
849. Чернышев, Б. Софисты / Б. Чернышев. — М., 1929.
850. Чеснов, Я. В. Телесность человека. Философско-антропологическое понимание / Я. В. Чеснов. — М.: ИФ РАН, 2007.
851. Чесноков, Г. Д. Историко-философские этюды: монография / Г. Д. Чесноков. — М.: АНОРЖ «Социально-гуманитарные знания», 2011.
852. Что такое постнеклассическое знание / В. И. Аршинов и др.; под ред. В. А. Бутова, В. П. Прохорова. — Москва-Александров: АФ РосНОУ, 2007.
853. Чубаров, И. М. Коллективная чувственность. Теория и практика левого авангарда / И. М. Чубаров. — М.: Высш. школа экономики, 2014.
854. Чудинов, Э. М. Природа научной истины / Э. М. Чудинов. — М., 1977.
855. Шаколюкова, В. Д. Философия и военная история: монография / В. Д. Шаколюкова. — М., 2008.
856. Шапиро, И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / И. Шапиро; пер. с англ. — М.: Высш. школа экономики, 2011.
857. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. — М., 1973.
858. Швырев, В. С. Непозитивизм и проблема эмпирического обоснования науки / В. С. Швырев. — М., 1986.
859. Швырев, В. С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании / В. С. Швырев. — М., 1978.
860. Шеллинг, Ф. В. И. Система трансцендентального идеализма / Ф. В. И. Шеллинг. — М.-Л., 1936.
861. Шемакин, Ю. И. Системантика: монография / Ю. И. Шемакин. — М.: Изд-во РАГС, 2006.
862. Шенкао, Г. Х. Миф как феномен социальной жизни и культуры / Г. Х. Шенкао, М. А. Малеева, М. А. Шенкао. — Черкесск: КЧГА, 2006.
863. Шереги, Ф. Э. Наука в России: социологический анализ / Ф. Э. Шереги, М. Н. Стриханов. — М.: ЦСП, 2006.
864. Шилов, С. Е. Риторическая теория числа / С. Е. Шилов. — М.: ЛЕНАНД, 2013.
865. Шопенгауэр, А. Искусство побеждать в спорах / А. Шопенгауэр; пер. с нем. — М.: Эксмо, 2015.
866. Шопенгауэр, А. О. О гении / А. О. Шопенгауэр. — СПб., 1899.
867. Шмальгаузен, И. И. Проблемы дарвинизма / И. И. Шмальгаузен. — М., 1946.
868. Шпаков, А. А. Информотроника (теории и технологии поиска объектов и знаний) / А. А. Шпаков. — М.: Информот, 2013.

869. Шпет, Г. Философская критика. Отзывы, рецензии, обзоры / Г. Шпет. — М.: РОССПЭН, 2010.
870. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. — М.-Л., 1966.
871. Штофф, В. А. Проблемы методологии научного познания / В. А. Штофф. — М., 1978.
872. Шуваев, Г. В. Проект. Путь к ноосфере / Г. В. Шуваев. — Ярославль: Аверс Плюс, 2014.
873. Эбзеев, Б. С. Конституция, власть и свобода в России. Опыт синтетического исследования / Б. С. Эбзеев. — М.: Проспект, 2014.
874. Эволюционная эпистемология. Антология / науч. ред. и сост. Е. Н. Князева. — М.: Центр гуманитар. инициатив, 2012. — (Humanitas).
875. Эволюционная эпистемология и логика социальных наук. Карл Поппер и его критики / отв. ред. В. Н. Садовский. — М., 2000.
876. Эвристическая и прогностическая функции философии в формировании научной теории. — Л., 1976.
877. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. — М., 1965.
878. Эйнштейн, А. Эволюция физики / А. Эйнштейн, Л. Инфельд. — М., 1965.
879. Эйнштейн, А. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до теории относительности и квантов / А. Эйнштейн, Л. Инфельд; пер. с англ. С. Суворова. — СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2013.
880. Эйнштейн, А. Эйнштейн о религии / А. Эйнштейн; пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
881. Экхарт. Проповеди и рассуждения / Экхарт. — М., 1912.
882. Элиаде, М. Трактат по истории религий / М. Элиаде; пер. с фр. — М.: Акад. проект, 2015.
883. Эльстер, Ю. Объяснение социального поведения: еще раз об основах социальных наук / Ю. Эльстер; пер. с англ. — М.: Высшая школа экономики, 2011.
884. Энгельгардт, В. А. Химия исследует живое / В. А. Энгельгардт. — М., 1966.
885. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
886. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 20. Сочинения. — 2-е изд. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
887. Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. — М.: Новое лит. обозрение, 2017.
888. Эпштейн, М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии / М. Н. Эпштейн. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013.
889. Эстетическая антропология: фигуративный аспект: коллективная монография / под ред. М. Н. Щербинина. — Тюмень: Мандр и Ка, 2014.

890. Юдин, Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки / Э. Г. Юдин. — М., 1978.
891. Юнг, К. Г. Очерки по психологии бессознательного / К. Г. Юнг; пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Когито-Центр, 2013.
892. Юрьев, В. М. Политэкономическое познание современного мира. Очерки / В. М. Юрьев, В. Г. Бабаян. — Тамбов: ТГУ, 2015.
893. Язык и сознание. Аналитические и социально-эпистемологические контексты / И. Т. Касавин и др. — М.: Альфа-М, 2013. — (Б-ка журн. «Эпистемология и философия науки»).
894. Яковенко, И. Г. Познание России. Цивилизационный анализ / И. Г. Яковенко. — 2-е изд., перераб., доп. — М.: РОССПЭН, 2012.
895. Ярошевский, М. Г. История психологии / М. Г. Ярошевский. — М., 1985.
896. 150 лет «Рефлексам головного мозга»: сб. науч. трудов, посвященных изданию статьи И. М. Сеченова (23 ноября 1863 г.) / отв. ред. А. Ю. Алексеев и др. — М.: ИИНтелл, 2014.
897. Achermann, R. The Philosophy of Karl Popper / R. Achermann. — Amherst: University of Massachusetts Press, 1976.
898. Achinstein, P. The Nature of Explanation / P. Achinstein. — Oxford: OUP, 1983.
899. Achinstein, P., Hannway, O., eds. Observation, Experiment and Hypothesis in Modern Physical Science / P. Achinstein, O. Hannway, eds. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. [esp. papers by Laymon and Galison].
900. A Companion to Epistemology / Ed. Dancy J., Sosa E. — Blackwell, 1993.
901. Adams, F. D. The Birth and Development of Geological Sciences / F. D. Adams. — N. Y., 1938.
902. Agassi, J. Towards a Historiography of Science. In: Science and Its History. Boston Studies in the Philosophy and History of Science. — Vol. 253. — Springer, Dordrecht, 2008.
903. Aleksander, P. Sensationalism and Scientific Explanation / P. Aleksander. — L.: Routledge and Paul, 1963.
904. Anthropology in Theory: Issues in Epistemology / Ed. by H. L. Moore, T. Sanders. — Oxford: Blackwell Publishing Professional, 2006.
905. Art and Ideas in Eighteen-Century Italy. — Rome, 1960.
906. Aspects of Scientific Explanation. — N. Y., 1965.
907. Atkionson, R. F. Knowledge and Explanation in History. An Introduction to the Philosophy of History / R. F. Atkionson. — N. Y., 1980.
908. Ayer, A. I. The Foundation of Empirical Knowledge / A. I. Ayer. — L. Macmillan, 1940.
909. Barber, B. Science and the Social order / B. Barber. — N. Y., 1952.
910. Barber, B. Sociology of Science / B. Barber. — Paris: UNESCO, 1950.
911. Barnes, B. Scientific Knowledge and Sociological Theory / B. Barnes. — L.: Routledge, 1974.

912. Beilby, J. *Epistemology As Theology: An Evaluation of Alvin Plantinga's Religious Epistemology (Ashgate New Critical Thinking in Religion, Theology, and Biblical Studies)* / J. Beilby. — Aldershot: Ashgate Publishing, 2006.
913. Bell, E. T. *The Development of Mathematics* / E. T. Bell. — N. Y.-L., 1945.
914. Bensen, I. *New Technology and Industrial Change. The Impact of the Scientific Revolution on Labor and Industry* / I. Bensen, J. Lloyd. — N. Y., 1983.
915. Benson, O. *Why Truth Matters* / O. Benson, J. Stangroom. — Continuum International Publishing Group, 2006.
916. Bergmann, M. *Justification without Awareness: A Defense of Epistemic Externalism* / M. Bergmann. — N. Y.: Oxford University Press, 2006.
917. Bernal, I. D. *The Social Function of Science* / I. D. Bernal. — L., 1939.
918. Block, N. *Readings in the Philosophy of Psychology* / N. Block. — Vols. 1 and 2. — Cambridge, Mass.: HUP, 1980.
919. Bloor, D. *Knowledge and Social Imagery* / D. Bloor. — L.: Routledge, 1976.
920. Boas, M. *Nature and Nature's Laws. Documents of the Scientific Revolution* / M. Boas. — L.: MacMillan, 1970.
921. Boas, M. *Robert Boyle and Seventeenth-Century Chemistry* / M. Boas. — Cambridge: Cambridge University Press, 1958.
922. Boghossian, P. A. *Fear of Knowledge: Against Relativism and Constructivism* / P. A. Boghossian. — N. Y.: Oxford University Press, 2006.
923. Bohman, J. *New Philosophy of Social Science. Problems of Indeterminacy* / J. Bohman. — Oxford, 1994.
924. Braithwaite, R. B. *Scientific Explanation* / R. B. Braithwaite. — Cambridge, 1953.
925. Brodbeck, M., ed. *Readings in the Philosophy of the Social Sciences*. — N. Y., 1968.
926. Brown, J. R. *The Rational and the Social* / J. R. Brown. — Ch. 4. — L.: Routledge, 1989.
927. Bunge, M. *Scientific Research. Vol. 2. The Search for Truth* / M. Bunge. — Berlin: Springer – Verl., 1967.
928. Burt, E. A. *The Metaphysical Foundations of Modern Physical Science*, rev. ed. / E. A. Burt. — N. Y., 1932.
929. Butryn, St. *Materializm dialektyczny a naukowy obraz wszechswiata* / St. Butryn. — Warszawa, 1980.
930. Butterfield, H. *The origins of Modern Science, 1300–1800* / H. Butterfield. — L., 1949.
931. Campbell, N. R. *Foundations of Science: The Philosophy of Theory and Experiment* / N. R. Campbell. — N. Y.: Dover, 1957.
932. Carnap, R. *The Unity of Science* / R. Carnap. — L., 1935.
933. Churchland, P. M. *Matter and Consciousness: A Contemporary Introduction*

- to the Philosophy of Mind [revised ed.] / P. M. Churchland. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1988.
934. Clagett, M. Giovanni Marliani and Late Medieval Physics / M. Clagett. — N. Y., 1941.
935. Clagett, M. The Science of mechanics in the Middle Ages / M. Clagett. Parts II–III.— Madison, W.s., 1959.
936. Cognitive Science. An Introduction. — Cambridge, Mass., L., 1987.
937. Cohen, I. B. Franklin and Newton: An Inquiry into Speculative Newtonian Experimental Science and Franklin's Work in Electricity as an Example Thereof / I. B. Cohen. — Philadelphia, 1956.
938. Cohen, R. S. Essays in Memory' of Imre Lakatos, Dordrecht: Reidel / R. S. Cohen, P. K. Feyerabend, M. Wartofsky, eds. — Boston, 1976.
939. Collingwood, R. Y. The Principles of art / R. Y. Collingwood. — Oxford, 1938.
940. Conant, I. B. Scientific Principles and Moral Conduct / I. B. Conant. — Cambridge. Engl., 1967.
941. Coombs, Ph. The World Crisis in Education. The View from the Eighties / Ph. Coombs. — N. Y., 1985.
942. Cornford, F. M. From Religion to Philosophy / F. M. Cornford. — N. Y., 1957.
943. Cornford, F. M. Plato's Theory of Knowledge / F. M. Cornford. — L.: Routledge and Kegan, Paul, 1935.
944. Criticism and Growth of Knowledge. — Cambridge, 1970.
945. Dancy, J. An Introduction to Contemporary Epistemology / J. Dancy. — Oxford and Cambridge (USA), 1996.
946. Davidson, D. Inquiries into Truth and Interpretation / D. Davidson. — Oxford, 1984.
947. Devitt, M. Realism and Truth / M. Devitt. — Oxford: Blackwell, 1991.
948. Dewey, J. Logic: The Theory of Inquiry / J. Dewey. — N. Y., 1938.
949. Doig, P. A. Concise History of Astronomy / P. A. Doig. — L., 1950.
950. Dray, W. Laws and Explanation in History / W. Dray. — L., 1957.
951. Dreyer, J. L. History of Astronomy from Thales to Kepler / J. L. Dreyer; 2d ed. — N. Y., 1953.
952. Duhem, P. The Aim and Structure of Physical Theory / P. Duhem. — Princeton: PUP, 1954.
953. Eco, U. The Limits of Interpretation / U. Eco. — Bloomington and Indianapolis, 1990.
954. Eddington, A. Mathematical Theory of Relativity / A. Eddington. — Cambridge, 1930.
955. Epistemology futures / Ed. by S. Hetherington. — N. Y.: Oxford University Press, 2006.
956. Epistemology, Logic, and Grammar in Indian Philosophical Analysis / Ed. by B. K. Matilal, J. Ganeri. — N. Y.: Oxford University Press, 2006.

957. Fetzer, J. *Philosophy of Science* / J. Fetzer. — N. Y.: Paragon House, 1993.
958. Feyerabend, P. K. *Against method: outline of an anarchistic theory of knowledge* / P. K. Feyerabend. — L.: NLB, 1975.
959. Feyerabend, P. *Science in a Free Society* / P. Feyerabend. — NLB-London, 1978.
960. Fraassen, B. van. *The Scientific Image* / B. van Fraassen. — Oxford: OUP, 1980.
961. Frank, P. *Einstein, His Life and Times* / P. Frank, . — N. Y., 1947.
962. Frankfurt H. G. *On Truth* / H. G. Frankfurt. — Knopf, 2006.
963. Frege, G. *The Foundations of Arithmetic* / G. Frege. — Breslau, 1984.
964. Fridrichs, R. W. *A sociology of sociology* / R. W. Fridrichs. — N. Y.: Free press. — Collier-Macmillan, 1970.
965. *Functional Models of Cognition. Self-Organizing Dynamics and Semantic Structures in Cognitive Systems* / Ed. by A. Carsetti. — Norwell: Kluwer Academic Publishers, 2006.
966. Gadamer, H.-G. *Wahrheit und Methode* / H.-G. Gadamer. — Tübingen, 1960.
967. Gardner, H. *The Mind's New Science: A history of the cognitive revolution* / H. Gardner. — N. Y.: Basic Books, 1985.
968. Gardner, H., Manduchi G. *Design Patterns for e-Science* / Springer-Verlag, Berlin, Heidelberg, 2007.
969. Garfitld, E. *The Use of Citation Data in Writing the History of Science* / E. Garfitld. — Philadelphia: Institute of Scientific Information, 1964.
970. Geertz, C. *The Interpretation of Cultures* / C. Geertz. — N. Y., 1973.
971. Giddens, A. *New Rules of Sociological Method* / A. Giddens. — L.: Hutchinson, 1976.
972. Gillispie, C. C. *The Edge of Objectivity: An Essay in the History of Scientific Ideas* / C. C. Gillispie. — Priceton, 1960.
973. Goldstein, L. J. *Historical Knowledge* / L. J. Goldstein. — L., 1976.
974. Goodfield, G. Y. *The Growth of Scientific Physiology* / G. Y. Goodfield. — L., 1960.
975. Goodman, N. *Fact, Fiction and Forecast* / N. Goodman. — 4th ed. — Harvard: HUP, 1983.
976. Guerlac, H. *Lavoisier — the Crucial Year: The Background and Origin of His First Experiments on Combustion in 1772* / H. Guerlac. — Ithaca, N. Y., 1961.
977. Gutting, G., ed. *Paradigms and Revolutions* / G. Gutting. — Notre Dame: University of Nôtre Dame Press, 1980
978. Habermas, J. *Knowledge and Human Interests* / J. Habermas. — Boston: Beacon Press, 1971.
979. Hacking, I. *Representing and Intervening* / I. Hacking. — Cambridge: CUP, 1983.
980. Hacking, I., ed. *Scientific Revolutions* / I. Hacking. — Oxford: OUP, 1982.
981. Hadamard, J. *The Psychology of Invention in the Mathematical Field* / J. Hadamard. — Princeton, 1949.

982. Hagstrom, W. O. *The Scientific Community* / W. O. Hagstrom. — N. Y., 1965.
983. Hall, A. R. *The Scientific Revolution, 1500–1800* / A. R. Hall. — L., 1954.
984. Hanson, N. R. *Patterns of Discovery* / N. R. Hanson. — Cambridge, 1958.
985. Harre, R. *An Introduction to the Logic of Science* / R. Harre. — L: St. Martin's press, 1960.
986. Harre, R. *Great Scientific Experiments* / R. Harre. — Oxford: Phaidon, 1981.
987. Harre, R., ed. *Problems of Scientific Revolutions* / R. Harre. — Oxford: OUP (esp. paper by Popper), 1975.
988. Harre, R. *The Philosophies of Science* / R. Harre. — Oxford: OUP (2nd enlarged ed.), 1985.
989. Harre, R. *The Principles of Scientific Thinking* / R. Harre. — Ch. 4— L.: Macmillan, 1970.
990. Harre, R. *Varieties of Realism* / R. Harre. — Oxford: Blackwell, 1986.
991. Heath, T. L. *Aristarchus of Samos: The Ancient Copernicus* / T. L. Heath. — Oxford, 1913.
992. Hempel, G. *Aspects of Scientific Explanation and Other Esseys in the Philosophy of Science* / G. Hempel. — N. Y., 1965.
993. Hempel, G. *Philosophy of Natural Science* / G. Hempel. — N. Y.: Prentice Hall Inc., Englewood Cliffs, 1966.
994. Hesse, M. *Models and Analogies in Science* / M. Hesse. — Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1966.
995. Hesse, M. "Simplicity" in the *Encyclopedia of Philosophy* / M. Hesse, P. Edwards (ed.). — N. Y.: MacMillan, 1967.
996. Hesse, M. *The Structure of Scientific Inference* / M. Hesse. — Ch. IX, XI. — Basingstoke: Macmillan, 1974.
997. Hintikka, J. *Knowledge and Beleif. Ithaca* / J. Hintikka. — N. Y.: Cornell University Press, 1962.
998. Hirsch, E. D. *The Aims of Interpretation* / E. D. Hirsch. — Chicago; L., 1971.
999. Hollis, M. *The Philosophy of Social Science: An Introduction* / M. Hollis. — Cambridge: CUP, 1994.
1000. Hughes, J. *The Philosophy of Social Research* / J. Hughes. — L.: Longman, 1990.
1001. Husserl, E. *The crisis of european sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy* / E. Husserl. — Evanston: Northwestern Univ. Press, 1970.
1002. Jammer, M. *Concepts of Space: The History of Theories of Space in Phisics* / M. Jammer. — Cambridge, Mass., 1954.
1003. Jouravsky, D. *Soviet Marxism and Natural Science. 1917–1932* / D. Jouravsky. — N. Y., 1961.
1004. Kuczinska, A. *Filozofia: teoria piekna Marsilia Ficina* / A. Kuczinska. — Warszawa, 1970.

1005. Kuhn, T. "Objectivity, Value Judgement, and Theory Choice" in *The Essential Tension* / T. Kuhn. — Chicago: UCP, 1977.
1006. Kuhn, T. S. *The Copernican Revolution* / T. S. Kuhn. — Cambridge, Mass., 1957.
1007. Kyburg, H. E. *Philosophy of Science: A formal Approach* / H. E. Kyburg. — Ch. 3. — N. Y.: Macmillan, 1968.
1008. Kyburg, H. E. *Theory and Measurement* / H. E. Kyburg. — Cambridge: CUP, 1984.
1009. Lakatos, I. *Criticism and the Growth of Knowledge* / I. Lakatos, A. Musgrave. — Cambridge: Camb. University Press, 1970.
1010. Lakatos, I. "Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes", in Lakatos, I. & Musgrave, A. (eds.), *Criticism and the Growth of Knowledge* / I. Lakatos. — Cambridge: CUP, 1970.
1011. Lakatos, I. *Problems in the Philosophy of Science* / I. Lakatos, A. Musgrave. — Amsterdam, 1968.
1012. Landesman, Ch. *An Introduction to Epistemology* / Ch. Landesman. — Blackwell, 1997.
1013. Laudan, L. *Progress and its Problems* / L. Laudan. — Berkeley: University of California Press, 1977.
1014. Laudan, L. *Science and Values: The Aims of Science and Their Role in Scientific Debate* / L. Laudan. — Berkeley: University of California Press, 1984.
1015. Laudan, L. *Truth, Error, and Criminal Law: An Essay in Legal Epistemology* / L. Laudan. — N. Y.: Cambridge University Press, 2006.
1016. Lehman, H. C. *Age and achievement* / H. C. Lehman. — Princeton, 1953.
1017. *Living, Doubt: Essays Concerning the Epistemology of Charles Sanders Peirce* / Edited by G. Debrock and M. Hulswit. — Norwell: Kluwer Academic Publishers, 2006.
1018. Lorenzen, P. *Methodological Thinking* / P. Lorenzen // "Ratio". — 1965. — Vol. 7.
1019. Lycan, W. G. ed. *Mind and Cognition: a Reader* / W. G. Lycan. — Oxford: Basil Blackwell, 1990.
1020. MacDonald, C. *The Philosophy of Psychology: Debates on psychological explanation* / C. MacDonald, G. MacDonald, eds. — Oxford: Basil Blackwell, 1995.
1021. Malcolm N. *Knowledge and Certainty. Essays and Lectures* / N. Malcolm. — N. Y., 1963.
1022. Mandelbaum, M. *The Anatomy of Historical Knowledge* / M. Mandelbaum. — Baltimore, 1977.
1023. Mandelbaum, M. *The Problem of Historical Knowledge* / M. Mandelbaum. — N. Y., 1938.
1024. Manicas, P. T. *A History and Philosophy of the Social Sciences* / P. T. Manicas. — Oxford; N. Y.: 1987.

1025. Mannheim, K. *Essay on the sociology of knowledge* / K. Mannheim. — L.: Routledge and Paul, 1952.
1026. Martin, G. *Kant's Metaphysics and Theory of Science* / G. Martin. — Manchester, 1955.
1027. McGrew T. *Internalism and Epistemology (Routledge Studies in contemporary Philosophy)* / T. McGrew, L. McGrew. — Routledge, 2006.
1028. McMullin, E. *Values in Science [in] PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association.* — Vol. 2. — 1982. — P. 3–28.
1029. Meldrum, A. N. *The Eighteenth-Century Revolution in Science — the First Phase* / A. N. Meldrum. — Calcutta, 1930.
1030. Merton, R. K. *The Sociology of science* / R. K. Merton. — Chicago, 1973.
1031. Miller, R. W. *Fact and Method* / R. W. Miller. — Princeton: PUP, 1987.
1032. *Mind, Science and History.* — N. Y., 1970.
1033. Mullins, N. S. *Social Networks among Biological Scientists*, Ph. D. diss / N. S. Mullins. — Harvard University, 1966.
1034. Murdal, G. *Value in social theory: a selection of essays on methodology* / G. Murdal. — N. Y., 1958.
1035. Nagel, E. *The structure of science Problems in the Logic of Scientific Explanation* / E. Nagel. — N. Y.: Brace and World, 1961.
1036. Nagel, E., Bromberger, S., Grunbaum, A. (eds.). *Observation and Theory in Science* / E. Nagel, S. Bromberger, A. Grunbaum, (eds.). — Baltimore & L.: John Hopkins Press, 1971.
1037. Needdham, J. *Science and Civilization in China, III* / J. Needdham. — Cambridge, 1959.
1038. Neugebauer, O. *The Exact Sciences in Antiquity* / O. Neugebauer. — Princeton, 1959.
1039. Newton-Smith, W. H. *The Rationality of Science* / W. H. Newton-Smith. — L.: Routledge, 1981.
1040. Nordmann, C. *Einstein and the Universe* / C. Nordmann. — N. Y., 1922.
1041. *Objective Knowledge.* — Oxford: Clarendon, 1972.
1042. Olby, R. C. *Companion to the History of Modern Science* / R. C. Olby, et al, eds. — L., 1990.
1043. *Oxford Studies in Epistemology: Vol. 1* / Ed. by T. S. Gendler and J. Hawthorne. — N. Y.: Oxford University Press, 2006.
1044. Pap, A. *An Introduction to the Philosophy of Science* / A. Pap. — L.: Eyre & Spottiswoode, 1963.
1045. Papineau, D. *Reality and Representation* / D. Papineau. — Oxford: Blackwell, 1987.
1046. Parsons, T. *The American University* / T. Parsons, G. Platt. — Cambridge, Mass., 1973.
1047. Partington, J. R. *A Short History of Chemistry* / J. R. Partington. — L., 1951.

1048. Philosophy: Theory and Practice / Ed. by V. Sharova, E. Trufanova, A. Yakovleva. — Moscow, 2013.
1049. Piaget, J. Biology and Knowledge / J. Piaget. — Chicago: Univ. of Chicago Press, 1971.
1050. Poincare, H. Science and Hypothesis / H. Poincare. — Ch. 3–5. — N. Y.: Dover Publications, esp., 1952.
1051. Poincare, H. The Value of Science / H. Poincare. — N. Y.: Dover Publications, Pt. 3, 1958.
1052. Polanyi, M. Personal Knowledge / M. Polanyi. — Chicago, 1958.
1053. Popper, K. R. Conjectures and refutations. The growth of Scientific Knowledge / K. R. Popper. — L.: Routledge and Pauli, 1972.
1054. Popper, K. R. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach / K. R. Popper. — Oxford, 1972.
1055. Popper, K. R. The logic of scientific discovery / K. R. Popper. — L.: Hutchinson, 1959.
1056. Price, D. K. Government and Science / D. K. Price. — N. Y., 1954.
1057. Price, D. Science since Babylon / D. Price. — New Haven, 1962.
1058. Putnam, H. Meaning and the Moral Science / H. Putnam. — L.: Routledge (lecture III), 1978.
1059. Putnam, H. Reason, Truth and History / H. Putnam. — Cambridge, 1981.
1060. Quine, W. Epistemology Naturalized / W. Quine // Ontological Relativity and Essays. — N. Y., 1969.
1061. Quine, W. V. Methods of Logic / W. V. Quine. — N. Y., 1950.
1062. Quine, W. V. O. Pursuit of Truth / W. V. O. Quine. — Ch. I. — Harvard: HUP, 1990.
1063. Quine, W. The Ways of Paradox and other Essays / W. Quine. — N. Y.: Random House, 1966.
1064. Quine, W. G. Word and Object / W. G. Quine. — Cambridge, Mass: MIT Press, 1960.
1065. Quine, W. V. O. "Two Dogmas of Empiricism", reprinted in From a Logical Point of View / W. V. O. Quine. — Harvard: HUP, 1953.
1066. Radnitzky, G. Anglo-Saxon Schools of Metascience / G. Radnitzky. — Goteborg, 1968.
1067. Ravetz, J. R. Scientific Knowledge and its Social Problems / J. R. Ravetz. — Oxford: Clarendon Press, 1971.
1068. Reiche, F. The Quantum Theory / F. Reiche. — L., 1922.
1069. Reichenbach, H. Modern philosophy of science / H. Reichenbach. — L., 1959.
1070. Reichenbach, H. The rise of scientific Philosophy / H. Reichenbach. — Berkeley–L. A., 1954.
1071. Rooney, Ph. Feminism and Epistemology (Understanding Feminist Philosophy) / Ph. Rooney. — Routledge, 2006.

1072. Ruse, M. (ed.). *The Philosophy of Biology*. — N. Y.: Macmillan, 1989.
1073. Russel, B. *Our knowledge of the External World* / B. Russel. — L.: George Allen and Unwin, 1914.
1074. Salmon, M., ed. *Introduction to Philosophy of Science* / M. Salmon (ed.). — Englewood Cliffs N. J., Prentice-Hall, 1992.
1075. Scheffler, I. *Science and Subjectivity* / I. Scheffler. — N. Y., 1967.
1076. Scheffler, I. *The Anatomy of Inquiry* / I. Scheffler. — N. Y.: Knopf, 1963.
1077. Schlick, M. *A New Philosophy of Experience*. "Gesammelte Aufsätze 1926–1936" / M. Schlick. — Wien, 1938.
1078. Schlick, M. *General Theory of Knowledge* / M. Schlick. — Vienna & N. Y.: Springer Verlag, 1974.
1079. Schrödinger, E. *My View of the World* / E. Schrödinger. — Cambridge, Engl., 1964.
1080. Schutz, A. "Concept and Theory Formation in the Social Sciences" in D. Emmet & A. MacIntyre (eds.) *Sociological Theory and Philosophical Analysis*. — N. Y., 1953.
1081. Schutz, A. *The Phenomenology of Social World* / A. Schutz. — Chicago, 1967.
1082. *Scientific change* / Ed. by A. C. Crombie. — L., 1963.
1083. Sellars, W. *Science, Perception and Reality* / W. Sellars. — Ch. 1, 4. — L.: Routledge, 1963.
1084. Silk, L. S. *The research revolution* / L. S. Silk. — N. Y., 1960.
1085. Smith, J. M. *Theory of Evolution* / J. M. Smith. — L., 1958.
1086. Sober, E. *Philosophy of Biology* / E. Sober. — Oxford: OUR, 1993.
1087. Sorokin, P. *Contemporary Sociological Theories* / P. Sorokin. — N. Y., 1928.
1088. Speidell T. H. *On Hearing the Truth: An Epistemology of the Ear in a Postmodern World* / T. H. Speidell. — Eugene: Wipf & Stock Publishers, 2006.
1089. Stanley J. *Knowledge and Practical Interests* / J. Stanley. — N. Y.: Oxford University Press, 2005.
1090. Stegmüller, W. *The structure and dynamics of theories* / W. Stegmüller. — N. Y.: Harper and Row, 1976.
1091. Storer, M. W. *The Social System of Science* / M. W. Storer. — N. Y., 1966.
1092. Suppes, P. *Representation and Invariance of Scientific Structures* / P. Suppes. — Stanford: Center for the Study of Language and Information, 2001.
1093. Suppes, P. *Studies in the Methodology and Foundations of Science* / P. Suppes. — Dordrecht: Kluwer, 1969.
1094. Tarsky, A. *Logic, Semantics and Metamathematics* / A. Tarsky. — Oxford, 1956.
1095. *The critical approach to science and Philosophy*. — N. Y., 1964.
1096. *The Epistemology of Testimony* / Ed. by J. Lackey and E. Sosa. — N. Y.: Oxford University Press, 2006.
1097. *The Structure of Scientific Theories* / Ed. by F. Suppe. — Urbana, 1974.

1098. Thomson, S. P. The Life of William Thomson Baron Kelvin of Largs / S. P. Thomson. — L., 1910.
1099. Topolsky, J. Metodologia historii / J. Topolsky. — Warszawa, 1973.
1100. Toulmin, S. Knowledge and Acting. An Invitation to Philosophy / S. Toulmin. — N. Y.-L., 1976.
1101. Toulmin, S. Philosophy of Science / S. Toulmin. — L., 1953.
1102. Toulmin, S. The Philosophy of Science / S. Toulmin. — L.: Hutchinson, 1967.
1103. Toynbee, A. A study of History / A. Toynbee. — N. Y.-L., 1965.
1104. Von Wright, G. H. Explanation and Understanding / G. H. Von Wright. — Ithaca: Cornell University Press, 1971
1105. Wartofsky, M. W. Models: Representation and the Scientific Understanding / M. W. Wartofsky. — Dordrecht: Reidel, 1974.
1106. Watkins, J. W. N. Hobbes's System of Ideas: A Study in the Political Significance of Philosophical Theories / J. W. N. Watkins. — L., 1965.
1107. Watkins, J. W. N. Science and Scepticism / J. W. N. Watkins. — Pt. I.— L.: Hutchinson, 1984.
1108. Watson, W. H. On Understanding Physics / W. H. Watson. — Cambridge, Engl., 1938.
1109. Weber, M. On the Methodology of Social Sciences / M. Weber. — Glencoe: Free Press, 1949.
1110. Winch, P. The Idea of a Social Science / P. Winch (2nd ed.). — L.: RKP, 1958.
1111. Winograd, T. Understanding Computers and Cognition: A New Foundation for Design / T. Winograd, F. Flores. — Norwood, New Jersey, 1987
1112. Wittgenstein, L. Philosophical Investigations / L. Wittgenstein. — N. Y., 1953.
1113. Whewell, W. History of the Inductive Sciences / W. Whewell. — L., 1847.
1114. Whittaker, E. T. A History of the Theories of Aether and Electricity / E. T. Whittaker. — L., 1951.
1115. Woolf, H. The Transit of Venus: a study of Eighteenth-Century Science / H. Woolf. — Princeton, 1959.
1116. Ziman, J. Public knowledge / J. Ziman. — Cambridge: Univ. press, 1968.

**СПИСОК АВТОРСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ
С. М. ХАЛИНА (САП) ПО ВОПРОСАМ ПОЗНАНИЯ,
МЕТАПОЗНАНИЯ, ФИЛОСОФИИ,
МЕТАФИЛОСОФИИ, ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ
(НАУЧНОЙ) КУЛЬТУРЫ**

1. Абдильдин, Ж. М. Диалектика активности субъекта в научном познании / Ж. М. Абдильдин, А. С. Балгимбаев. — Алма-Ата, 1978 // Реф. кн.: РЖ ИНИОН АН СССР. Обществ. науки в СССР. Серия 3. Филос. науки. — 1978. — № 4.

2. Вера, ее виды и роль в жизни человека // Духовно-нравственные основы отечественного образования: мат. Всеросс. научно-практич. конф. (2–3 февраля 2010 г.). — Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. — С. 349–352.
3. Взаимовлияния философской и научной культур // Взаимодействия в культуре. — Тюмень: Вектор Бук, 2004. — С. 72–79.
4. Взаимоотношение познания и культуры как метапознавательная проблема // Мозаика смысла: сб. науч. трудов. — Вып. 2. — Тюмень: ТОГИРРО, 1999. — С. 134–143.
5. Гоголь — наш современник: об одном ярком отечественном примере формирования индивидуальной философской культуры // Философия и культура: сб. науч. статей и тезисов. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. — С. 113–132.
6. Гоголь — наш современник: об одном ярком отечественном примере формирования индивидуальной философской культуры // Ценности и смыслы. — 2009. — № 2.
7. Диалектический материализм как феномен отечественной и мировой философской культуры // Философия и культура: сб. науч. статей и тезисов. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2000. — С. 97–112.
8. Диалектический материализм как феномен отечественной и мировой философской культуры // Вестник РФО. — 2010. — № 1. — С. 101–105.
9. Диалектический материализм как часть мировой философской культуры // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: мат. Третьего Российского филос. конгресса (16–20 сентября 2002 г.): в 3 т. — Т. 2: История древней и средневековой философии, история философии Нового и Новейшего времени, русская философия... — Ростов н/Д, 2002. — С. 299–300.
10. Донаучные типы познания: магический, мифологический, натурфилософский, схоластический // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2003. — № 3. — С. 225–235.
11. И знания, и технологии, и ценности // Актуальные проблемы юриспруденции. — Вып. 1. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1996.
12. Идеальное как особая форма движения материи (Онтологическая гипотеза) // Философия в совр. мире: диалог мировоззрений: мат. VI Всеросс. филос. конгресса (Н. Новгород, 27–30 июня 2012 г.): в 3 т. — Т. II. — Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2012. — С. 73.
13. Идеальное как особая форма движения материи // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2012. — № 2. — История. — С. 190–193.
14. К вопросу о взаимоотношении эстетического, ценностного, гносеологического и других измерений антропосферы // Человек в фокусе самотворения: эстетическое измерение: материалы научно-практической конференции (г. Тюмень, 27 ноября 2007 г.). — Тюмень: Изд-во ТюмГУ. — С. 59–69.

15. Каждому по философии? // Актуальные проблемы юриспруденции. — Вып. 2. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. — С. 57–62.
16. Кант как родоначальник метафилософии как науки // Историко-философский альманах. — Вып. 1: Кант и современность. — М.: Современные тетради, 2005. — С. 170–171.
17. Кантовская критика чистого разума как пример революционных изменений в мировой философской культуре // Культура как вид человеческого бытия и познания: сб. материалов Всеросс. науч. конф. с международным участием в филиале ТюмГУ в г. Ишиме, посвящ. 70-летию докт. филос. наук, проф. Полищука В. И. — Ишим: Изд-во филиала ТюмГУ в г. Ишиме, 2015. — С. 74–82.
18. Краевский, В. Основные методологические направления в эмпирических науках (с польск.) / В. Краевский // Реф. ст.: РЖ ИНИОН АН СССР. Обществ. науки за рубежом. Серия 3. Философия и социология. — 1979. — № 3.
19. Культура, цивилизация, антикультура, философская культура // Культура и антикультура: определения и ценности: коллективная монография / науч. ред. Л. Н. Захарова, Л. Н. Шабатура. — Тюмень: ТИУ, 2016. — С. 138–144.
20. Культура: знания, технологии, ценности (знания, воления, умения — гуманистический подход) // Человек-Философия-Гуманизм: тез. докл. и выступл. Первого Российского философского конгресса (4–7 июня 1997 г.): в 7 т. — Т. 6. Философия культуры. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. — С. 194–197.
21. М. Горький о русских людях на переломе 1917–1918 гг., или «Программа Горького»: «Несвоевременные мысли» // Духовные основы славянской культуры в народном сознании поколений. — Тюмень: Вектор Бук, 2009. — С. 76–79.
22. Место и роль описания в научном познании. — М., 1980. Деп. в ИНИОН АН СССР. № 5631.
23. Метазнание — важнейший род познания, наряду с естествознанием и социально-гуманитарным познанием Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад — диалог мировоззрений: тез. докл. VII Российск. филос. конгресса (г. Уфа, 6–10 октября 2015г.): в 3 т. — Т. 1. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. — С. 100–101.
24. Метазнание. Некоторые фундаментальные проблемы: монография. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2012.
25. Метазнание. Некоторые фундаментальные проблемы: монография. — Тюмень: Мандр и Ка, 2005.
26. Метафилософия — это очень серьезно. «Круглый стол» // Вестник РФО. — 2016. — № 1. — С. 32–36.
27. Метафилософия как часть философии, и философии науки в частности // Философия и будущее цивилизации: тез. докл. и выступлений IV Рос-

- сийского философского Конгресса (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. — Т. 1. — М.: Современные тетради, 2005. — С. 415–416.
28. Метафилософия науки — пора понять и принять // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. — Т. 1. — Новосибирск: Параллель, 2009. — С. 298–299.
29. Метаэстетическая антропология как часть эстетической антропологии / Эстетическая антропология: фигуративный аспект: коллектив. монография / под ред. М. Н. Щербинина. — Тюмень: Мандр и Ка, 2014. — С. 67–78.
30. Мир сказки и мир идеальной предметности // Антология современной русской философии. — Т. 2. — 2-е изд., исправл. и доп. / сост., вступ. ст. М. В. Бахтин, Ю. В. Колесниченко. — М.: Энциклопедист, 2018. — С. 173–185.
31. Мир сказки и мир идеальной предметности // XXIII Ершовские чтения: межвузовский сб. научн. статей. — Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013. — Ч. 2. — С. 79–84.
32. Морозов, В. Д. Диалектика: системы и развитие / В. Д. Морозов, В. В. Морозов. — Минск, 1978 // Реф. кн.: РЖ ИНИОН АН СССР. Обществ. науки в СССР. Серия 3. Филос. науки. — 1979. — № 4.
33. Народная мудрость о логических законах противоречия и исключенного третьего: На примере русских пословиц и поговорок / Культура и антикультура: логика, аксиология, диалектика: коллективная монография / науч. ред. Л. Н. Захарова, Л. Н. Шабатура. — Тюмень: ТИУ, 2017. — С. 18–26.
34. Народная мудрость о познавательном значении сна, юмора и языка: (на примере русских пословиц и поговорок // «Актуальные проблемы совр. образования. и науки»: материалы междунар. науч.-практич. конф. (г. Заводоуковск, 18 апреля 2014 г.). — Заводоуковск: Тюменский издательский дом, 2014. — С. 15–21.
35. Народная мудрость о правильном мышлении (на примере русских пословиц и поговорок) // Социально-гуманитарные знания. — № 10. — 2017. — С. 35–44.
36. Наука и культура. Метапознавательный подход: монография. — Сарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2015.
37. Научное исследование — основная структурная единица познания как деятельности: на примере места и роли описания и объяснения в научном познании // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2014. — № 10. — Философия. — С. 150–157.
38. Научное исследование — элементарное, составное, составное сложное — как функциональная система // 100-летие советского науч. наследия:

- культурные традиции и современная практика: сб. научных статей. — Вып. 2. — Тюмень: Международный институт, 2017. — С. 193–204.
39. Научное познание и ценности // Этика, мораль, нравственность: Россия и современный мир: материалы симпозиума (г. Тюмень, 26–27 октября 2006 г.). — Ч. 1. — Тюмень: РИЦ ТГИИК, 2006. — С. 161–170.
40. Научные типы познания: ранненаучный, классический научный, современный научный, будущий синтетический научный // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2003. — № 3. — С. 235–244.
41. Не организовать ли нам институт метапознания? // Вестник РФО. — 2016. — № 2. — С. 133–134.
42. Некоторые соображения по поводу предисловия ко второму изданию «Критики чистого разума» И. Канта: (или попытка критики «Критики чистого разума» И. Канта) // Антология современной русской философии / сост., вступ. ст. М. В. Бахтин, Ю. В. Колесниченко. — Т. 1. — 2-е изд., испр. и доп. — М: Энциклопедист-Максимум, 2018. — С. 365–376.
43. О культуре образования и его предметном, метапредметном и метапознавательном уровнях // Вестник Тюм. гос. ун-та. — Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2017. — Т. 3. — № 4.
44. О метапредметном и метапознавательном характере образования / Наука, религия, образование (тематический сборник). — Уфа: Уфимский гос. ин-т сервиса, 2005. — С. 39–49.
45. О предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» И. Канта // Меняющиеся ценности в современном мире: сб. науч. трудов / под ред. А. Н. Чумакова, Т. М. Махаматова. — М.: Вузовский учебник; ИНФРА-М, 2016. — С. 189–197.
46. О предметном, метапредметном и метапознавательном аспектах философии и ее преподавания // Философия и образование в процессе трансформации культуры: мат. междунар. юбилейной науч. конф. (Москва, МГУ, 14–15 декабря 2011 г.). — М.: МГУ, 2011.
47. О структуре процесса изучения ТПК // Методологические вопросы хозяйственного освоения территорий. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1982. — С. 13–20.
48. Об особенностях творческих стилей мышления в науке и практике. / Творческое мышление и деятельность инженера: тез. докл. научно-практич. конф. 14–15 ноября 1989 г. — Тюмень, 1989. — С. 57–59.
49. Описание и его связь с объяснением и предсказанием // Философско-методологические и социальные проблемы науки в условиях НТР. — М.: Изд-во МГУ, 1982.
50. Описание как общий метод научного познания // Философско-методологические вопросы естественнонаучного и социального познания. — М.: МГУ, 1980. — С. 8–15.

51. Описание. Монография. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003.
52. Особенности объяснительного исследования как одной из ключевых структурных единиц познания как человеческой деятельности // Академическая среда российских университетов: сб. науч. статей. — Тюмень, 2018. — С. 13–30.
53. Познавательная культура как категория метапознания // Культура как вид человеческого бытия и познания: сб. материалов Всероссийской науч. конф. с международ. участием в ИГПИ им. П. П. Ершова (г. Ишим, 22–23 ноября 2013 г.) / науч. ред. В. И. Полищук; отв. ред. Г. В. Сильченко. — Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2013. — С. 57–64.
54. Познавательно-типологические характеристики научности философии // Новые идеи в философии: межвуз. сб. науч. трудов. Перм. ун-т. — Вып. 10. — Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2001. — С. 69–72.
55. Познание и метапознание (внутри-конкретнонаучный аспект) // Проблемы философии права и государства: сб. статей. — Вып. 1. — Тюмень: Тюм. гос. юридич. ин-т МВД РФ, 2000. — С. 31–32.
56. Познание и метапознание (Проблема типологического единства): монография. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998.
57. Познание и ценности // Вдосконалення методології соціального пізнання, змісту та методики викладання філософських дисциплін на гуманітарних факультетах ВНЗ»: мат. Міжнарод. наук.-теоретич. конф. 21–22 квітня 2011 року. — Київ-Запоріжжя: КСК-Альянс, 2011. — С. 32–35.
58. Предпринимательство. Труд. Общение: монография. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2015.
59. Природа метапознания и его принципы // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2003. — № 2. — С. 258–266.
60. Проблема типологического единства познания и метапознания: гносеологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999.
61. Пространство, ментальное пространство, информация, структура. Предисловие к монографии / Н. И. Губанов, Н. Н. Губанов // Ментальное и физическое пространство. — М.: Этносоциум, 2016. — С. 5–9.
62. Рациональность и познание // XXI век: Будущее России в философском измерении: тез. докл. и выст. Второго Всероссийского философского Конгресса (7–11 июня 1999 г.). — Т. 1, ч. 1. Онтология, гносеология и онтология науки. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. — С. 15–16.
63. Рациональность как метапознавательная проблема // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2000. — № 1. — С. 27–33.
64. Революции в познавательной культуре // Взаимопонимание культур: сб. науч. трудов. — Вып. 1. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1998. — С. 71–78.

65. Россия и разумно-преобразовательная природа человека // Russia and rational transformative human nature // Herald Tyumen state university. — 2012. — № 10. — Philosophy. — P. 32–38.
66. Россия и разумно-преобразовательная природа человека // Вестник РФО. — 2012. — № 4. — С. 91–96.
67. Россия и разумно-преобразовательная природа человека // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2012. — № 10. — Философия. — С. 38–44.
68. Россия и разумно-преобразовательная природа человека // Соціальне прогнозування та проектування: модернізація політичної системи України. Матеріали Міжнародної наукової конференції 28 березня 2014 року. — Запоріжжя: ЗНУ, 2014. — С. 13–18.
69. Сад философии: О культуре философского возделывания жизни и самой философии // Теория и экология разума: сб. науч. статей. — Вып. 10. — Тюмень: Вектор Бук, 2003. С. 9–17.
70. Сад философии: О культуре философского возделывания жизни и самой философии // Вестник РФО. — 2009. — № 1. — С. 121–128.
71. Саппес, П. К. Является ли зрительное пространство евклидовым? (с англ.) / П. К. Саппес // Реф. ст.: РЖ ИНИОН АН СССР. Обществ. науки за рубежом. Серия 3. Философия и социология. — 1979. — № 4.
72. Системный анализ и научное знание. — М.: Наука, 1978 // Реф. сб.: РЖ ИНИОН АН СССР. Обществ. науки в СССР. Серия 3. Филос. науки. — 1979. — № 6.
73. Системный подход и эффективность философского творчества // Творческое мышление и деятельность инженера: тез. докл. научно-практич. конф. 14–15 ноября 1989 г. — Тюмень, 1989. — С. 91–93.
74. Составное исследование — базовая структурная единица научного познания как человеческой деятельности // 100-летие советского науч. наследия: культурные традиции и современная практика: сб. науч. статей. — Вып. 2. — Тюмень: Международный институт, 2017. — С. 26–42.
75. Так знал или не знал Сократ, что он «ничего не знает»? // Вестник РФО. — 2014. — № 3. — С. 48–49.
76. Теория метапознания. Краткое введение. Метапознание и философия (ст. 2-я) // Вестник Ишимского гос. пед. ин-та. — 2013. — № 3. — С. 118–123.
77. Теория метапознания. Краткое введение. Метапознание как особый род познания (ст. 1-я) // Вестник Ишим. гос. ун-та. — 2012. — № 1. — С. 123–132.
78. Тип познания: генезис и трактовка, содержание и структура // Вестник Тюм. гос. ун-та. — 2003. — № 2. — С. 267–274.

79. Требования к научному исследованию как базовой структурной единице познания как человеческой деятельности // Академическая среда российских университетов: сб. науч. статей. — Тюмень, 2018. — С. 3–13.
80. Философия и метафилософия: еще один гимн, или Хвалебная философии // Истина и благо (Селивановские чтения): материалы всероссийской научной конференции. 23 мая 2008 г. — Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008. — С. 135–138.
81. Философия познания: очерки концептуальной истории. — Часть вторая. Книга для чтения. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2012.
82. Философия познания: очерки концептуальной истории. — Часть вторая. Книга для чтения. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004.
83. Философия познания: очерки концептуальной истории. — Часть первая. Книга для чтения. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2012.
84. Философия познания: очерки концептуальной истории. — Часть первая. Книга для чтения. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2004.
85. Философия: учеб. пособие для дистанционного образования. — Раздел 3. Теория познания. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2003. — С. 232–346.
86. Философия: учеб. пособие для дистанционного образования. — Раздел 3. Теория познания. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. — С. 155–208.
87. Философы, ученые о познании и вере, науке и религии: учеб. пособие. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005.
88. Философы, ученые о познании и вере, науке и религии: учеб. пособие. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2015.
89. Хендрикс, В. О. Семиолингвистика и вербальное искусство (с англ.) / В. О. Хендрикс // Реф. кн.: РЖ ИНИОН АН СССР. Обществ. науки за рубежом. Серия 6. Лингвистика. — 1975. — № 2.
90. Хрестоматия по логике: учеб. пособие. — Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing, 2015.
91. Эстетическое — классическое выражение идеального как особой формы движения материи // Эстетическая антропология в системе экологического воспитания: сб. статей по мат. Всеросс. науч.-практ. конф. «Эстетич. антропология: Красота как «экосистема», 23 декабря 2010 г. — Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2011. — С. 5–11.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 ОБЗОР ПРИМЕРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ ПО ПОДНЯТОМУ КРУГУ ВОПРОСОВ

Настоящий обзор, несмотря на свое метаэмпирическое происхождение, дает достаточно целостное представление о состоянии сферы изучения самого познания и может служить дополнением к рассмотрению этой сферы в качестве особого рода познания, наряду с естествознанием, социально-гуманитарным и даже предметно-философским познанием.

Здесь уместно сделать лишь одно предварительное замечание, заключающееся в том, что многие работы неизбежно будут упомянуты сразу в нескольких разделах обзора. Это происходит потому, что в них рассматриваются вопросы, с одной стороны, относящиеся к различным аспектам, уровням, срезам, отношениям и элементам познания как объекта изучения, а с другой — к различным аспектам, срезам, уровням, элементам и отношениям самого изучения познания, т. е. метапознания, начиная с философско-метапознавательного и кончая эмпирическим уровнем метапознания, что легко будет увидеть на примере названий соответствующих разделов данного обзора, не говоря уже о названиях выделенных в них подразделов.

1. История познания, знания, науки и т. п.

Как и в предметном познании, в метапознании область исторических исследований познания занимает особо важное базовое поло-

жение по отношению к другим его областям. Это область метапознания, которая, судя по ее объему, является одной из наиболее активно развиваемых.

В данном разделе можно выделить ряд подразделов, в рамках которых и будут уже непосредственно указаны соответствующие работы.

1.1. Общие работы по истории познания.

Это, прежде всего:

Работы крупнейших ученых различных времен (71, 87, 130, 146, 195, 397, 398, и ряд других: 98, 337, 802).

Работы известных исследователей истории познания (2, 185, 375, 384, 426, 427, 565).

Коллективные работы, сборники (569, 621).

1.2. Работы о познании как части истории общества, развития человека.

Это достаточно разнообразные работы:

Посвященные истокам человеческого интеллекта (326).

Познанию в отдельных странах (763, 1037, 1038).

Социальным корням науки (148).

Взаимоотношениям науки и общества, его институтов (652).

Ряд других (49, 88, 119, 321, 322, 351, 651, 1042).

Ряд разделов может быть выделен в связи с работами по истории естествознания и техники, математики, социального познания, их отдельных областей.

1.3. История естествознания, техники, отдельных естественных наук и т. п.

Это работы, ориентированные, например:

На физику, на эксперимент в физике (25).

Небесную механику (264).

Теории пространства в истории физики (1002).

Многие другие (43, 130, 148, 194, 277, 365, 389, 453, 550, 568, 569, 934, 935, 937, 951, 953, 991, 1006, 1115).

Работы по истории химии (314, 317, 507, 921, 976, 1047).

Биологии (761).

Геологии (901) и др.

Немало работ посвящено технике, близкой естествознанию, например:

Технике первобытного общества (57).

Технике античности (213).

Истории орудий труда (549).

Другие (248).

1.4. История математики. Это работы:

Крупнейших математиков (386, 550).

Посвященные истории математики как таковой (81, 88, 282, 287, 325, 413, 665, 913).

Об исторической связи математики и философии (318, 413).

1.5. История социально-гуманитарного познания и общественных наук.

Этих работ, в отличие от раздела по истории естествознания, значительно меньше (2, 5, 145, 817, 892, 1106).

Сюда можно отнести многочисленные работы по истории философии.

Общие работы по истории философии (132, 142, 230, 555, 556, 677, 752, 776 777, 778, 781, 943, 974, 1070, САП-81, САП-82, САП-83, САП-84).

Античной философии (62, 290, 356, 390, 535, 674, 691, 729, 777, 844, 943).

Средневековой философии (243, 365, 541).

Философии Возрождения (1006).

Философии Нового времени (90, 436, 664, 675, 774, 842, 1017, 1026, САП-16, САП-17, САП-45).

Современной философии (52, 128, 443, 897, 938, 1042).

Отечественной философии (102, 141, 292, 417, 504, 620).

Философии отдельных сфер, например, философии техники (164, 409).

По истории логики, в том числе математической, (15, 411, 426, 439, 460, 488, 595, 601, 602, 726, 847, 948).

1.6. Работы, посвященные представителям отдельных наук, крупным ученым.

Представителям физического познания, включая астрономов (541, 921, 934, 961, 1040), химии (69), других наук (268, 746, 976, 991, 1098).

1.7. История научных революций, революций в познании.

Таких работ не так много, но мы их все же выделяем в силу их особого значения для всей сферы метапознания. Это, прежде всего,

работы Т. Куна (375, 1006), а также две работы, посвященные научным революциям эпохи Возрождения и Нового времени (983, 1029).

Сюда можно добавить работы по истории формирования, эволюции научной картины мира (368) и по проблемам историографии науки (277, 747).

1.8. Методы истории познания, истории науки.

Таких работ встретилось до крайности мало, тем важнее их называть. Это работы, например, по историографии естествознания (277, 278), по использованию цитирования в истории науки (969), по использованию ЭВМ в исследованиях по истории (613).

Незначительность объема данного раздела, непропорциональность других разделов, встретившихся выше, и тех, которые еще будут впереди — все это позволяет сделать вывод о том, что исторический блок метапознания, в силу его общей недостаточной развитости, внутренней синкретичности, также оставляет желать лучшего. Пока нельзя сказать, что он развивается систематически.

2. Теория, логика, методология познания, науки и т. п.

Этот общий (всеобщий) раздел метапознания является также весьма объемным, почти как исторический раздел. А по степени разнообразия он даже существенно превосходит исторический раздел.

2.1. Общие проблемы онтологии, теории познания (гносеологии), методологии и логики.

Работы крупнейших философов всех эпох: Аристотеля (18), Бэкона (87), Гуссерля (187), Канта (297), Лейбница (397), Локка (418), Платона (593), Спинозы (713), др.

По онтологии (235, 236, 520, 656, 657, 658, 886, 1064, 1079, 1081, САП-12, САП-13).

По теории познания (32, 120, 156, 270, 307, 308, 344, 379, 402, 404, 444, 448, 536, 644, 696, 727, 732, 733, 734, 735, 831, 842, 943, 955, 956, 965, 1026, 1027, 1080, САП-10, САП-40, САП-78, САП-85).

По онтологии и теории познания (23, 58, 309, 402, 645, 886, 933, 1075, САП-12, САП-13).

По методологии и логике (344, 345, 520, 956).

2.2. Специальные проблемы онтологии и теории познания.

По онтологии, в частности, виртуальной реальности (17, 235, 560, 619, 656, 657, 673, 755, 1060, САП-13).

По теории познания (271, 623, 648, 768, 800, 802, 803, 968).

По онтологии и теории познания (39, 253).

2.3. Логика и познание. Это работы:

О логике и онтологии (691).

О логике, теории познания и эпистемологии (92, 108, 187, 209, 252, 344, 345, 415, 417, 516, 567, 605, 622, 833, 948, 956, 985, 1035).

По формальной логике (4, 15, 359, 460, 691, 738, 751, 1094, САП-33, САП-35, САП-90).

По диалектической логике (165, 266, 345, 517, 664).

О различных системах логики (175, 239, 548).

2.4. Методология, методологические проблемы познания. Это работы:

Общие работы (48, 54, 165, 197, 217, 256, 378, 392, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 520, 621, 624, 773, 783, 871, 958, 994, 1018, 1035, 1093).

По методологии естествознания (477, 478, 647).

По методологии социально-гуманитарного познания (5, 63, 160, 217, 479, 481, 623, 625).

2.5. Объект, предмет, субъект познания.

Об объекте и предмете познания (316, 350, 1064).

О субъекте познания (1, 406, САП-1).

О взаимодействии субъекта и объекта (400, 588).

2.6. Диалектика познания, науки (208, 209, 210, 211, 345, 349, 402, 403, 452, 456, 517, 1003, САП-32).

2.7. Познание и отражение (347, 348, 404, 567, 600, 742, 743, САП-91).

2.8. Детерминация познания.

В этом подразделе в библиографии может с полным правом быть поставлена только одна работа из найденных нами — Микешиной (486), где речь идет о детерминации познания на примере естествознания.

2.9. Чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое познание.

Чувственное и рациональное (58, 740, 778, 1083, САП-71).

Эмпирическое (415, 741, 858, 859, 908).

Теоретическое (478, 741, 858, 859), в том числе в единстве с эмпирическим (741).

2.10. Практика и познание (265, 376, 612, 1048, 1089).

2.11. Научное исследование, деятельность и познание (347, 393, 531, 824, 890, 1000, 1010, 1076, САП-37, САП-38, САП-52, САП-74, САП-79).

2.12. Познание, научное познание и мышление, научное мышление (617, 639, 654, 786, 819, 933, 1019).

2.13. Знание и природа (научной) истины. Это работы:

Об истине, ошибках и заблуждении (6, 34, 53, 116, 125, 197, 431, 658, 676, 738, 749, 815, 854, 915, 946, 947, 962, 1010, 1015, 1053, 1059, 1067, 1088).

О знании, незнании, глупости (508, 656, 814, 852, 911, 919, 1021, 1022, 1025, 1062, 1089).

2.14. Знание и вера (12, 13, 59, 752, 912, 919, 997, САП-28, САП-87).

2.15. Научные революции, революции в познании.

Это работы (не смешивать с разделом **1.7** об истории научных революций) (375, 713, 914, 977, 980, 983, 987, 1084, САП-17, САП-64).

2.16. Философские направления и познание (61, 158, 163, 166, 171, 250, 295, 312, 369, 441, 448, 596, 650, 703, 706, 855, 858, 860, 1066, 1069, 1071, 1077, 1107, САП-7, САП-18, САП-81, САП-83).

2.17. Эпистемология и философия науки.

Этот подраздел интересен тем, что он фиксирует появление особого направления в западной, а затем и в отечественной методологии научного познания как одного из островков, а ныне многих островов единого архипелага метапознания. Это работы:

По философии науки (115, 391, 412, 446, 539, 627, 720, 721, 783, 923, 925, 931, 957, 988, 992, 999, 1003, 1007, 1024, 1044, 1069, 1070, 1072, 1074, 1077, 1095, 1101, 1102).

По эпистемологии науки (39, 340, 401, 445, 510, 668, 740, 874, 875, 893, 900, 912, 945, 955, 956, 1012, 1017, 1043, 1060, 1071, 1088, 1096).

2.18. Метанаука и анализ знаний. Метапознание.

Особо интересно нам выделить чисто метапознавательные работы во всех разделах и в данном разделе в частности. Эти работы являются теми особыми метапознавательными фактами, позволяющими предположить наличие особого рода познания — познания познания, или метапознания в нашей транскрипции.

Это работы о метанауке (114, 822, 1066, 1094).

О метапознании (822, 823 САП-4, САП-10, САП-23, САП-24, САП-25, САП-29, САП-40, САП-41, САП-43, САП-53, САП-55, САП-56, САП-59, САП-60, САП-63, САП-76, САП-77 САП-78).

По когнитологии (696, 727, 936).

По метафилософии (555, 1094, САП-26, САП-27, САП-28, САП-80).

Об эмпирическом анализе научных знаний (655).

О методике исследования (247).

3. Системный подход к познанию.

В будущей единой системе метапознания особую роль будут играть средства системного подхода. Уже играют. Вот почему выделение соответствующего раздела данного обзора имеет веские основания.

3.1. Работы о системном характере познания (291, 371, 375, 376, 618, 671, 714, 717, 724, 861, 890, САП-32, САП-72, САП-73).

3.2. Работы, делающие акцент на структурном аспекте (257, 375, 396, 506, 618, САП-47).

3.3. Работы, объединяющие подходы 3.1 и 3.2 в едином системно-структурном анализе познания (3, 371, 638).

3.4. Посвященные самому системному подходу, т. е. работы своеобразного метасистемного характера (14, 56, 106, 506, 546, 580, 640, 669, 800).

3.5. Посвященные синергетике и синергетическому подходу (74, 216, 342, 362, 512, 513, 683, 684).

4. Закономерности познания, науки, техники (88, 169, 176, 211, 305, 360, 375, 475, 532), включая работы по прогнозированию развития науки (7, 8, 75, 387).

5. Науковедение.

Этот раздел должен занимать совершенно особое место, как и само науковедение, в системе метапознания. Фактически, эти исследования так и не получили до сих пор серьезного признания. И прежде всего потому, что нет отчетливого понимания метапознания как особого вида познания, которое и было бы тем познаниеведением, в котором науковедение было бы основным разделом сегодня.

В реальном науковедении можно выделить несколько подразделов, согласно источникам.

5.1. Общее науковедение (218, 387, 388, 526, 579, 611, 613, 1066).

5.2. Науковедение и классификация наук (77, 87, 203, 315, 429, 653, 705, 748, 836).

5.3. Научный поиск и научная деятельность (240, 261, 263, 279, 289, 347, 416, 890).

5.4. Научные кадры (529).

5.5. Организация науки, научных исследований (121, 258, 325, 327, 466, 493, 529, 531, 561, 570, 771, 863, 982, 1046).

5.6. Взаимодействие наук (101, 493, 713, 769).

5.7. Производство и распределение знаний. Две важные работы из практики науки и образования в США (466, 1046).

5.8. Идеалы и нормы исследования (263).

5.9. Наука как социальный институт (399, 524, 525, 527, 863).

5.10. Управление наукой (484, 564, 594, 695, 814, 863, 1033, 1056, 1091).

6. Влияние на познание отдельных наук:

6.1. Философии (126, 295, 319, 366, 770, 855, 1020, 1106).

6.2. Логики (304, 605).

6.3. Математики (31, 155, 280, 281, 517, 659).

6.4. Физики (31, 66, 489 и др.).

6.5. Кибернетики, информатики, теории искусственного интеллекта (17, 54, 70, 249, 563, 608).

С кибернетикой и информатикой связана и более широкая проблематика, близкая метапознанию, это:

Роль кибернетики в методологии науки (54, 249, 283, 291, 438, 968, 1111).

Роль теории информации в науке (70, 249, 260, 590, 600, 645, 656, 762, 868).

Роль автоматизации в познании (434).

Наконец, быстро растущий раздел, связанный с проблематикой **искусственного интеллекта** (35, 225, 238, 276, 542, 692, 759).

7. Философские проблемы познания, науки и т. п.

Этот раздел как бы возвращает нас к разделу **2**. Но только отчасти. На самом деле область исследований, так называемых философских проблем познания, в отличие от теории познания, стоит в ином отношении к метапознанию, образуя его, скажем так, квазитеоретический уровень на сегодняшний день, в то время как теория познания, гносеология, методологические проблемы познания составляют общетеоретический уровень метапознания.

Исследования по философским проблемам познания, очевидно, близки к отдельным частным наукам, в том числе к их реальной практике, к тому, что составляет собственно основной эмпирический предмет современного метапознания.

7.1. Проблемы познания и категории философии, диалектики (16, 452, 559, 698, 699, 818).

7.2. О понятии науки (129, 173, 204, 269, 331, 343, 562, 929, 930, 932).

7.3. Проблемы прогресса познания, науки.

Один из достаточно насыщенных подразделов здесь (272, 382, 643, 727, 769, 808, 1001, 1013, 1067).

7.4. Философские проблемы естествознания.

Это крупнейший подраздел, поскольку естествознание представляет собой явно более развитую часть предметного познания и на сегодняшний день.

Работы общего характера (136, 208, 228, 297, 356, 402, 472, 626, 780, 796, 993).

Посвященные физике (64, 137, 303, 370, 462, 499, 597, 928, 1068).

Биологии (224, 290, 477, 582, 667, 818, 1072, 1086).

Математизации наук (152, 155, 262, 464, 635, 1094).

7.5. Философские проблемы социально-гуманитарного познания. Это работы по проблемам:

Социально-гуманитарного познания в целом (40, 63, 308, 312, 625, 626, 794, 923, 925, 926, 999, 1000, 1109, 1110).

Политических наук, политологии (159).

Экономической науки (37, 38).

Наук о праве (787).

Истории и исторического познания (39, 134, 251, 321, 782, 797, 1022).

Психологии (798, 918).

Других наук (78, 1058).

7.6. Философия и язык науки (27, 123, 221, 239, 311, 333, 453, 490, 758, 793, 816, 887).

7.7. Познание, гуманизм, культура.

О познании и культуре (44, 100, 116, 357, 424, 480, 521, 582, 682, 693, 809, 857, САП-4, САП-20, САП-64).

О познании и гуманизме (552).

7.8. Стиль мышления и наука (545, 591, 663).

8. Формы и методы научного познания.

Этот раздел носит смешанный характер, поскольку в нем отдельные формы и методы познания, например, факт или объяснение, рассматриваются без ясного учета уровня поставленной проблемы, при явном смешении теоретико-познавательного (философско-метапознавательного), теоретико-метапознавательного и эмпирического метапознавательного уровней, в то время как все эти срезы характеризуют формы и методы познания существенно по-разному.

Выделение же данных исследований и соответственно раздела обзора библиографии вполне оправданно и именно в данном месте, а не раньше, как это могло бы показаться.

8.1. Обобщающие работы о формах и методах познания (16, 63, 85, 125, 174, 197, 333, 349, 476, 495, 500, 598, 624, 646, 660, 675, 687, 958, 966, 984, 1031).

8.2. О чувственном и рациональном, эмпирическом и теоретическом познании. Вопросы рациональности познания.

О чувственном и рациональном (143, 410, 509, 575, 819, 821, 960).

О теоретическом и эмпирическом (415, 741, САП-18).

О рациональности познания, науки (286, 335, 336, 431, 926, 1039, САП-62, САП-63, САП-71).

8.3. Наблюдение, измерение, эксперимент.

Эксперимент может рассматриваться с разных сторон, например, в физике, в социальных и гуманитарных науках, мыслительный эксперимент, планирование эксперимента и т. д. То же можно сказать и о наблюдении (298, 376, 383, 437, 515, 666, 680, 830, 848, 899, 931, 986, 1008, 1036).

8.4. Факт (457, 458, 474, 975, 1031).

8.5. Понятия и категории науки (20, 33, 117, 168, 170, 804, 835).

8.6. Принципы познания (79, 241, 614, 639, 1005, 1092).

8.7. Гипотеза (29, 475, 511, 631, 899, 1050).

8.8. Аналогия и моделирование (45, 154, 227, 280, 438, 494, 870, 965, 994).

8.9. Теория.

Это здесь, пожалуй, наиболее объемный подраздел. Теория рассматривается в самых различных аспектах:

Проблема выбора теории (447).

Структура теории (1097).

Теория — организатор научного знания (11).

И многие другие (30, 233, 298, 514, 515, 553, 557, 719, 757, 876, 931, 948, 952, 1034, 1036, 1048).

О парадигмах и парадигмальном подходе (375, 977, 1005, 1006).

Об исследовательских программах (1010).

8.10. Статистический метод (430).

8.11. Описание, объяснение, репрезентация, интерпретация.

Один из наиболее богатых подразделов, особенно в западной методологии (432, 537, 554, 606, 824, 826, 883, 898, 903, 906, 907, 924, 992, 998, 1045, 1092, 1104, 1105, САП-22, САП-49, САП-50, САП-51).

8.12. Предвидение и прогнозирование, в том числе в отношении самой науки (75, 105, 179, 259, 512, 513, 538, 577, 772, 975).

Экстраполяция (603).

8.13. Открытие (314, 984).

8.14. Научная революция (533, 834) (см. также разделы **1.7** и **2.15**).

Двойственность разделов 8.13 и 8.14, с одной стороны, и разделов 1.7 и 2.15 — с другой, хотя они и не совпадают по названным в них работам, как раз и объясняется прежде всего многоуровневостью и многообразием самого метапознания как особого целостного вида познания (познания познания).

8.15. Картина мира (368, 472, 523, 528, 592, 929).

8.16. Интерпретация, мнение и познание (237, 946, 953, 970, 998).

8.17. Интуиция и познание (79, 178, 179, 516).

8.18. Научная дискуссия (4, 540, 701, 865).

8.19. Игра, деловые игры (363, 829).

Очевидно разнообразие раздела 8, ибо каждая форма, каждый метод познания из числа общих, так называемых основных, заслуживает целой области метаисследований: метаэмпирических, мета-теоретических, философско-метапознавательных, да еще взятых в их единстве. Например, область метапознавательных исследований проблемы теории (от истории возникновения и развития этой формы

до психологии и социологии функционирования теории в современной науке).

Следующие далее разделы 9, 10 и 11 посвящены источникам изучения естественно-научного, математического и социально-гуманитарного познания соответственно. К этим разделам вполне применимы все оговорки о состоянии метапознания, сделанные выше.

9. Естественно-научное познание.

Всякое познание следует за своим предметом, метапознание в том числе. Именно поэтому данный раздел более обширен, чем многие другие, что естествознание, и прежде всего физическое познание, в своем развитии обгоняет гуманитарное и социальное познание и соседствует разве что с математическим познанием как близкородственным.

9.1. Общие работы (77, 144, 147, 150, 161, 228, 232, 244, 297, 316, 398, 545, 647, 648, 651, 681, 742, 780, 788, 796, 803, 886, 920, 993).

9.2. Физическое познание.

Общие работы (255, 673, 754, 755, 756, 834, 835, 877, 878, 879, 1108).

Основания физики (303, 370, 407, 559, 597, 928).

Эксперимент в физике (297, 899 и др.).

Законы и категории физики (499, 775).

Физическая теория (65, 233, 298, 952, 1068).

Физическая картина мира (592).

9.3. Химия (566, 884).

9.4. Биология (192, 206, 224, 290, 385, 408, 409, 477, 571, 578, 667, 1072).

9.5. География и геология (826, 901).

9.6. Естествознание и ценности (633).

9.7. Естествознание, техника и технологии (364, 382, 553, 721, 722, 828).

10. Математическое познание.

10.1. Общие работы (20, 46, 219, 462, 463, 662, 861).

10.2. Математика и философия (112, 113, 318).

10.3. Основания математики (138, 152, 421, 642, 963, 1094).

10.4. Геометрия (288).

10.5. Теория вероятностей (386, 635).

10.6. Математическая логика (262, 306, 411).

10.7. Творчество в математике (413, 630, 981).

10.8. Математизация наук (55, 155, 280, 281, 462, 463, 464, 550, 688, 690, 954).

11. Социально-гуманитарное познание.

Этот раздел еще недавно существенно уступал по объему разделу о естествознании и даже о математике. В нем преобладают работы общего характера, что говорит о сохраняющейся неразвитости как самой этой сферы предметного познания, так и соответствующих областей метапознания, за исключением исторического и философского познания, о которых в основном и пойдет речь ниже.

11.1. Общие работы по разделу.

Эти работы (6, 151, 271, 274, 279, 330, 339, 438, 444, 445, 468, 481, 547, 562, 625, 626, 743, 794, 812, 814, 816, 817, 845, 846, 847, 850, 853, 856, 883, 917, 923, 925, 999, 1000, 1022, 1023, 1024, 1109, 1110).

11.2. Принципы гуманитарного познания (340, 445, 614, 623, 672).

11.3. Методы гуманитарного и социального познания (3, 5, 63, 160, 286, 289, 312, 438, 552, 623, 625, 628, 634, 684, 693, 716, 748, 883, 1081).

11.4. Эксперимент в социальном познании (376, 666, 681).

11.5. Теория в общественном познании (485, 1080, 1087).

11.6. Философские проблемы отдельных социально-гуманитарных наук (153, 177, 352, 353, 372, 482, 730, 781, 792, 891, 892, 1015).

Другие (9, 872).

12. Историческое познание.

12.1. Общие работы об историческом познании (50, 348, 444, 468, 470, 497, 599, 610, 782, 851, 855, 1022, 1023, 1032, 1059, 1099, 1103).

12.2. Объект и субъект исторической науки (588).

12.3. Логико-методологические проблемы исторического познания, исследования (181, 217, 229, 245, 355, 591, 638, 782, 797, 1099).

12.4. Теория исторического познания (не смешивать с теорией в историческом познании, раздел **12.6**): (107, 302, 321, 485).

12.5. Знания, категории, методы в исторической науке (33, 278, 430, 463, 577, 606, 613, 690, 907, 950, 973, 1022).

12.6. Теория в истории (не смешивать с разделом **1.4**) (485, 757).

12.7. Философия истории.

Этот раздел — своего рода анахронизм. Уже давно нет ничего подобного в отношении, скажем, физики или биологии. По нашему мнению, данный метапознавательный факт говорит о недостаточной развитости теоретического уровня социального познания вообще и исторического познания в частности (134, 146, 251).

12.8. Историки об истории (328).

12.9. Эстетический аспект истории (184).

Работа, выделенная в данный подраздел, отличается от подавляющего большинства приведенных выше в данном разделе. Это не случайно, ибо она предполагает явно системно-метапознавательный подход, в котором бы она не выглядела так одиноко и оторгнуто от других, ибо эстетический аспект историко-познавательной деятельности человека — это такая же обычная вещь, как, например, и методологический.

13. Философское познание.

Нельзя особо не выделить раздел о философском познании, которое так много всегда говорит о самом себе. И не случайно. Это следствие особой природы философского познания как живого противоречия предметного и метапредметного своих аспектов, как одинаково существенных для развития философии, в отличие от всех других видов познания, наук, в которых все-таки предметный или метапредметный аспект так или иначе преобладает над своей противоположностью. В философии оба эти аспекта одинаково важны, абсолютно симметричны, сами по себе, и только дополнительный толчок со стороны метафилософии, т. е. мета-метапознания, что-то может здесь прояснить.

13.1. Общие работы по философскому познанию.

Это практически все основные работы крупнейших философов, мыслителей, в частности в нашем перечне (135, 139, 296, 324, 402, 403, 452, 455, 456, 574, 585, 586, 593, 774, 799, 869, 885, 974, 1001, 1070, 1073, 1077, САП-15, САП-69, САП-70, САП-85, САП-86).

13.2. Природа философии, философского знания (26, 111, 135, 180, 186, 329, 331, 361, 487, 585, 586, 589, 609, 677, 704, 827, 837, 1079, 1106, САП-42, САП-46, САП-54).

13.3. Роль философии в познании и в обществе (28, 62, 341, 527, 547, 548, 776, 779, 784, 785, 789, 999, САП-3).

14. Социология познания и знания.

Интересная, сравнительно новая область в сфере метапознания, появление которой придает дополнительный вес идее о метапознании как особом роде познания.

14.1. Социология и теория познания (234, 343, 457, 971, 1081, САП-58).

14.2. Социология науки.

Это самый большой подраздел данного раздела, который стал активно разрабатываться сравнительно недавно (119, 300, 301, 343, 399, 435, 492, 493, 502, 503, 504, 709, 710, 909, 910, 911, 960, 978, 982, 1030, 1056, 1091).

14.3. Социология знания.

Еще сравнительно недавно развивалась преимущественно в рамках западной традиции в метапознании (271, 448, 457, 498, 503, 1025, 1116).

14.4. Ученый и наука, познание (275, 301, 492, 502, 503, 765, 815, 1033).

14.5. Научное сообщество (330, 361, 982, 1033).

Разрабатывается исключительно западными социологами науки, как и два последующих направления.

14.6. Наука и правительство (1056).

14.7. Социология социологии (964).

Последняя работа — (964) — еще один эффектный по словесному выражению пример исследования, подчеркивающего специфику метапознания. Только в метапознании можно спокойно говорить о *фактах* о фактах, *теориях* теории, *гипотезах* о гипотезе, *предсказаниях* о предсказаниях, *объяснениях* объяснений и т. д. И все при этом совершенно ясно.

15. Психология познания, науки, знания и т. п.

Еще один раздел метапознания, получивший особенно ускоренное развитие с момента выделения психологии из философии, ее теоретико-познавательной части, и говорящий в пользу идеи метапознания, как особого рода познания.

Здесь можно выделить работы по таким направлениям.

15.1. Психология и познание (72, 95, 124, 512, 513, 516, 579, 587, 657, 679, 700, 766, 891, 933, 1019, 1020).

15.2. Интеллект (172, 326, 387, 427, 441, 442, 471, 712, 766, 819, САП-61).

15.3. Высшие психические функции (36, 51, 109, 123, 124, 127, 190, 199, 291, 346, 353, 357, 394, 573, 654, 657, 893, САП-91).

15.4. Познание и понимание (198, 554, 943, 1104, 1105, 1108, 1111).

15.5. Познание и субъективность (433, 514, 805, 807, 812, 1075).

15.6. Возраст и познание (1016).

15.7. Познание и гениальность (387, 419, 766, 866).

15.8. Творчество, психология творчества и познание (231, 425, 616, 654, 694, 739, САП-48, САП-73).

15.9. Психология открытия (96, 981, 984).

15.10. Знание и убежденность (1021).

15.11. О самой психологии как науке (215, 346, 352, 473, 489, 798, 918).

15.12. Социальная психология и познание (191, 330, 332, 698, 699).

16. Творчество и познание.

Сравнительно небольшой, но показательный раздел (103, 104, 164, 179, 231, 616, 630, 739, САП-48, САП-73).

17. Познание и религиозный, моральный и эстетический принципы.

Чтобы говорить более завершено о познании, следует учитывать все, по крайней мере основные, источники человеческого опыта, помимо собственно научного познания, к числу которых как раз относятся эстетическая, морально-нравственная и отчасти религиозная деятельность.

17.1. Познание, эстетическое начало и искусство (22, 84, 86, 149, 183, 188, 207, 223, 246, 261, 311, 313, 433, 451, 569, 629, 641, 682, 700, 723, 781, 832, 847, 853, 889, 905, САП-14, САП-29, САП-89, САП-91).

17.2. Познание, религия, миф. Это работы по темам:

Общие (220, 226, 231, 254, 354, 450, 530, 607, 731, 789, 880, 888, 912).

Познание и религия, знание и вера, церковь (12, 13, 82, 110, 205, 220, 284, 519, 558, 745, 778, 789, 882, 997, САП-2, САП-87, САП-88).

Познание, магия, миф, мифология, новый миф, сказка (122, 394, 395, 578, 718, 745, 813, 862, САП-30, САП-31).

Религия и философия (942).

Религия и наука (838, 839, 841).

17.3. Познание, мораль, ценности.

Познание и мораль, нравственность (110, 131, 222, 467, 1058).

Познание и ценности, идеалы (34, 263, 367, 491, 633, 715, 841, 1005, 1014, 1028, 1034, 1051, САП-14, САП-39, САП-57).

18. Наука и общество.

18.1. Познание и человек (162, 873).

18.2. Положение науки, ученых в обществе (502, 503, 801, 1091).

18.3. Социальные механизмы и наука (320, 332, 434, 695, 697, 713, 909, 917, 1056).

18.4. Познание, наука и отдельные сферы общества (122, 201, 330, 760, 914).

18.5. Познание, наука и обучение, образование, воспитание.

Воспитание (636).

Развивающее обучение (189, 460).

Образование (83, 338, 532, 725, 941, САП-43, САП-44).

Общая педагогика (334).

19. Работы, важные для понимания природы познания.

При изучении познания не обойтись без учета ряда общепсихологических, общеисторических, общепсихологических, общекультурологических и иных близких проблем и подходов. Отсюда необходимость учета ряда дополнительных источников, которые в Примерной библиографии представлены минимумом позиций.

19.1. Общепсихологические и общенаучные, например:

Общепсихологические (47, 99, 200, 204, 214, 293, 294, 337, 381, 394, 454, 496, 501, 560, 572, 573, 576, 804, 808, 811, 814, 815, 823, 864, 881, САП-65, САП-66, САП-67, САП-68).

Общенаучные (19, 42, 97, 193, 196, 299, 380, 381, 532, 583, 670, 686, 840, 868).

19.2. Исторические работы (94, 584, 649, 763, 823).

19.3. Психологические работы (124, 326, 677, 1013).

19.4. Работы о языке (27, 41, 93, 221, 239, 405, 433, 634, 716, 758, 793, 893, САП-34).

19.5. Работы о культуре, цивилизации. Это работы:

О культуре (44, 100, 116, 164, 212, 260, 267, 286, 292, 351, 352, 357, 409, 424, 468, 609, 641, 648, 702, 706, 722, 799, 823, 857, 862, 970, САП-3, САП-4, САП-19, САП-20, САП-21, САП-30, САП-31, САП-36, САП-43, САП-53, САП-64).

О цивилизации (468, 722, 728, 823).

19.6. Работы об обучении, воспитании и образовании (140, 188, 223, 310, 334, 626, 688, 776, 795, 965, САП-44).

19.7. Работы о деятельности и деятельностном подходе (202, 289).

19.8. Работы крупных ученых, затрагивающие вопросы познания, науки.

Значение науки, знаний (57, 98, 103, 298, 404, 632, 917).

Физики, включая астрофизиков и астрономов (66, 68, 70, 255, 298, 550, 592, 775, 843, 877, 878, 879, 889, 1079).

Как видим, мнений физиков много, и это опять же не случайно, хотя в XX и тем более в XXI в. эта монополия стала понемногу смягчаться.

Математики (104, 550, 630).

Философы (157, 749 и мн. др.).

Историки (328).

Социологи (1087).

Друг о друге (746) и многие другие.

В завершение обзора хотелось бы еще раз отметить, что рассмотренный перечень источников, в основном монографий и сборников, безусловно, является не полным, можно сказать, — метаэмпирическим.

В то же время обзор, в который мы включили работы из нашего списка авторских публикаций, дает, как мы считаем, достаточно показательную картину метапознавательных подходов, исследований, областей, что позволяет считать его вполне эвристически и концептуально значимым.

Цель и задача обзора состоят в том, чтобы, используя результаты основного изложения идеи о необходимости выделения особого рода познания — метапознания, проиллюстрировать на примере разнообразных источников его основные области.

По мнению автора, решить эту задачу в значительной мере удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ПЛАН-СХЕМА ОБЗОРА ПРИМЕРНОЙ БИБЛИОГРАФИИ

1. История познания, знания, науки и т. п.
  - 1.1. Общие работы по истории познания.
  - 1.2. Работы о познании как части истории общества, развития человека.
  - 1.3. История естествознания, техники, отдельных естественных наук и т. п.
  - 1.4. История математики.
  - 1.5. История социально-гуманитарного познания и общественных наук.
  - 1.6. Работы, посвященные представителям отдельных наук, крупным ученым.
  - 1.7. История научных революций, революций в познании.
  - 1.8. Методы истории познания, истории науки.

2. Теория, логика, методология познания, науки и т. п.
  - 2.1. Общие проблемы онтологии, теории познания (гносеологии), методологии и логики.
  - 2.2. Специальные проблемы онтологии и теории познания.
  - 2.3. Логика и познание.
  - 2.4. Методология, методологические проблемы познания.
  - 2.5. Объект, предмет, субъект познания.
  - 2.6. Диалектика познания, науки.
  - 2.7. Познание и отражение.
  - 2.8. Детерминация познания.
  - 2.9. Чувственное и рациональное, эмпирическое и теоретическое познание.
  - 2.10. Практика и познание.
  - 2.11. Научное исследование, деятельность и познание.
  - 2.12. Познание, научное познание и мышление, научное мышление.
  - 2.13. Знание и природа (научной) истины.

- 2.14. Знание и вера.
- 2.15. Научные революции, революции в познании.
- 2.16. Философские направления и познание.
- 2.17. Эпистемология и философия науки.
- 2.18. Метанаука и анализ знаний. Метазнание.

3. Системный подход к познанию.

- 3.1. Работы о системном характере познания.
- 3.2. Работы, делающие акцент на структурном аспекте.
- 3.3. Работы, объединяющие оба названных аспекта.
- 3.4. Посвященные самому системному подходу.
- 3.5. Посвященные синергетике и синергетическому подходу.

4. Закономерности познания, науки и техники.

5. Науковедение.

- 5.1. Общее науковедение.
- 5.2. Науковедение и классификация наук.
- 5.3. Научный поиск и научная деятельность.
- 5.4. Научные кадры.
- 5.5. Организация науки, научных исследований.
- 5.6. Взаимодействие наук.
- 5.7. Производство и распределение знаний.
- 5.8. Идеалы и нормы исследования.
- 5.9. Наука как социальный институт.
- 5.10. Управление наукой.

6. Влияние на познание отдельных наук.

- 6.1. Философии.
- 6.2. Логики.
- 6.3. Математики.
- 6.4. Физики.
- 6.5. Кибернетики и информатики, теории искусственного интеллекта.

7. Философские проблемы познания, науки и т. п.

- 7.1. Проблемы познания и категории философии, диалектики.

- 7.2. О понятии науки.
  - 7.3. Проблемы прогресса познания, науки.
  - 7.4. Философские проблемы естествознания.
  - 7.5. Философские проблемы социально-гуманитарного познания.
  - 7.6. Философия и язык науки.
  - 7.7. Познание, гуманизм, культура.
  - 7.8. Стиль мышления и наука.
-
- 8. Формы и методы научного познания.
  - 8.1. Обобщающие работы о формах и методах познания.
  - 8.2. О чувственном и рациональном, эмпирическом и теоретическом познании. Вопросы рациональности познания.
  - 8.3. Наблюдение, измерение, эксперимент.
  - 8.4. Факт.
  - 8.5. Понятия и категории науки.
  - 8.6. Принципы познания.
  - 8.7. Гипотеза.
  - 8.8. Аналогия и моделирование.
  - 8.9. Теория.
  - 8.10. Статистический метод.
  - 8.11. Описание, объяснение, репрезентация, интерпретация.
  - 8.12. Предвидение и прогнозирование, в том числе в отношении самой науки. Экстраполяция.
  - 8.13. Открытие.
  - 8.14. Научная революция.
  - 8.15. Картина мира.
  - 8.16. Интерпретация, мнение и познание.
  - 8.17. Интуиция и познание.
  - 8.18. Научная дискуссия.
  - 8.19. Игра, деловые игры.
-
- 9. Естественно-научное познание.
  - 9.1. Общие работы.
  - 9.2. Физическое познание.
  - 9.3. Химия.
  - 9.4. Биология.
  - 9.5. География и геология.

9.6. Естествознание и ценности.

9.7. Естествознание, техника и технологии.

10. Математическое познание.

10.1. Общие работы.

10.2. Математика и философия.

10.3. Основания математики.

10.4. Геометрия.

10.5. Теория вероятностей.

10.6. Математическая логика.

10.7. Творчество в математике.

10.8. Математизация наук.

11. Социально-гуманитарное познание.

11.1. Общие работы по разделу.

11.2. Принципы гуманитарного познания.

11.3. Методы гуманитарного и социального познания.

11.4. Эксперимент в социальном познании.

11.5. Теория в общественном познании.

11.6. Философские проблемы отдельных социально-гуманитарных наук.

12. Историческое познание.

12.1. Общие работы об историческом познании.

12.2. Объект и субъект исторической науки.

12.3. Логико-методологические проблемы исторического познания, исследования.

12.4. Теория исторического познания.

12.5. Знания, категории, методы в исторической науке.

12.6. Теория в истории.

12.7. Философия истории.

12.8. Историки об истории.

12.9. Эстетический аспект истории.

13. Философское познание.

13.1. Общие работы по философскому познанию.

- 13.2. Природа философии, философского знания.
- 13.3. Роль философии в познании и в обществе.

- 14. Социология познания и знания.
  - 14.1. Социология и теория познания.
  - 14.2. Социология науки.
  - 14.3. Социология знания.
  - 14.4. Ученый и наука, познание.
  - 14.5. Научное сообщество.
  - 14.6. Наука и правительство.
  - 14.7. Социология социологии.

- 15. Психология познания, науки, знания и т. п.
  - 15.1. Психология познания.
  - 15.2. Интеллект.
  - 15.3. Высшие психические функции.
  - 15.4. Познание и понимание.
  - 15.5. Познание и субъективность.
  - 15.6. Возраст и познание.
  - 15.7. Познание и гениальность.
  - 15.8. Творчество, психология творчества и познание.
  - 15.9. Психология открытия.
  - 15.10. Знание и убежденность.
  - 15.11. О самой психологии как науке.
  - 15.12. Социальная психология и познание.

- 16. Творчество и познание.

- 17. Познание и религиозный, моральный и эстетический принципы.
  - 17.1. Познание, эстетическое начало и искусство.
  - 17.2. Познание, религия, миф.
  - 17.3. Познание, мораль, ценности.

- 18. Наука и общество.
  - 18.1. Познание и человек.

- 18.2. Положение науки, ученых в обществе.
- 18.3. Социальные механизмы и наука.
- 18.4. Познание, наука и отдельные сферы общества.
- 18.5. Познание, наука и обучение, образование, воспитание.

19. Работы, важные для понимания природы познания.

- 19.1. Общефилософские и общенаучные.
- 19.2. Общеисторические работы.
- 19.3. Общепсихологические работы.
- 19.4. Работы о языке.
- 19.5. Работы о культуре и цивилизации.
- 19.6. Работы об обучении, воспитании и образовании.
- 19.7. Работы о деятельности и деятельностном подходе.
- 19.8. Работы крупных ученых, затрагивающие вопросы познания, науки.

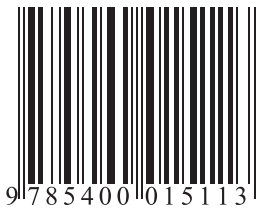
Научное издание

ХАЛИН Сергей Михайлович

ПОЗНАНИЕ И МЕТАПОЗНАНИЕ:
ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЕДИНСТВА

Монография

Редактор	<i>Н. В. Рождественская</i>
Компьютерная верстка	<i>Н. С. Власова</i>
Компьютерный дизайн обложки	<i>Е. Г. Шмакова</i>
Печать цифровая	<i>А. В. Башкиров</i>
Печать офсетная	<i>В. В. Торпов, С. Г. Наумов</i>

Подписано в печать 14.12.2018. Тираж 500 экз.
Объем 20,46 усл. печ. л. Формат 60×84/16. Заказ 1006.

Издательство Тюменского государственного университета
625003, г. Тюмень, ул. Семакова, 10
Тел./факс: (3452) 59-74-68, 59-74-81
E-mail: izdatelstvo@utmn.ru